

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт истории и международных отношений
Кафедра археологии, этнографии и музеологии

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
Барнальская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

**АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Сборник статей,
посвященный 75-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина*

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

УДК 902(5)(08)
ББК 63.48(5)я43
А874

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *А.А. Тишкин*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, академик РАН *В.И. Молодин*,
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН *А.И. Кривошапкин*,
доктор исторических наук *В.В. Горбунов*,
кандидат исторических наук *А.Л. Кунгуров*,
кандидат исторических наук *Д.В. Папин*,
кандидат исторических наук *Т.В. Тишкина*,
кандидат исторических наук *Я.В. Фролов*

А874 **Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований** [Текст] : сборник статей, посвященный 75-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – 298 с.
ISBN 978-5-7904-2526-4

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов Международной научной конференции «Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований», посвященной 75-летию Юрия Федоровича Кирюшина, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля Республики Алтай, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации. Публикации сгруппированы в следующие тематические разделы: «Из жизни и деятельности юбиляра», «Теоретико-методологические и методические разработки современной археологии», «Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях», «Освоение Центральной и Северной Азии в каменном веке», «Процесс формирования культур и общностей Сибири в эпоху бронзы», «Кочевники степей поздней древности и средневековья», «Искусство древних и средневековых народов Северной и Центральной Азии».

УДК 902(5)(08)
ББК 63.48(5)я43

ISBN 978-5-7904-2526-4

© Авторы статей, 2021
© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮБИЛЯРА

<i>Боброва А.И., Монова А.П.</i> Тух-Сигат-IV – многослойное поселение с реки Васюган (из фондов Томского областного краеведческого музея)	5
<i>Васильев Е.А.</i> Юрий Федорович Кирюшин: томские страницы биографии	10
<i>Лихачева О.С.</i> Вклад Ю.Ф. Кирюшина в изучение оружия энеолита и бронзового века из Лесостепного Алтая	24

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

<i>Мартынов А.И., Мещерский Р.Д.</i> Методологические проблемы российской исторической науки и образования (к 75-летию Юрия Федоровича Кирюшина)	29
<i>Казаков А.А.</i> О времени проникновения кулайского населения на территорию лесостепного Алтая	32
<i>Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф.</i> Исследование многослойных разнокультурных комплексов Верхнего Причумышья: памятники в урочищах Коврижка и Курноска	37
<i>Мандрыка П.В.</i> Культурно-историческая область раннего железного века в таежной зоне средней Сибири (постановка проблемы)	43
<i>Серезин Н.Н., Радовский С.С., Идэрхангай Т.-О.</i> База данных археологических комплексов раннесредневековых тюрок Монголии	48
<i>Татаурова Л.В.</i> Археология русских в Омском Прииртышье: этапы становления и развития	52
<i>Тишкин А.А., Фролов Я.В.</i> Формирование базы данных о крупных курганах в южной части Обь-Иртышского междуречья	57

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Дашковский П.К.</i> Результаты радиоуглеродного датирования кургана №15 из могильника Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай)	61
<i>Казаков А.А., Степанова Н.Ф.</i> Керамика городища Курлак предгорной зоны Алтая (результаты технико-технологического анализа)	66
<i>Марченко Ж.В., Райнхольд С., Гришин А.Е., Поздняков Д.В., Бабина К.А., Батанина О.В.</i> Первые результаты изотопного анализа антропологического материала позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1: реконструкция диеты и мобильности населения	72
<i>Мунхбаяр Б.Ч.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ металлических изделий из скального погребения Узуур-Гялана (Монгольский Алтай)	79
<i>Тишкин А.А.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ металлического ножа из разрушенного поселения Новосклоиха-II (собрание МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска)	85
<i>Тишкин А.А., Филимонова Т.Г.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ одного древнего металлического изделия, обнаруженного на памятнике Шохидон в Таджикистане	90

ОСВОЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

<i>Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф.</i> Продукты первичного расщепления и орудия на пластинах поселения Пестряково Озеро (юг Западной Сибири)	95
<i>Мерц В.К.</i> К вопросу о культурно-исторических процессах в неолите Северо-Восточного Казахстана и сопредельных регионов	102
<i>Тетькин А.В.</i> К истории исследования позднего палеолита и мезолита Северного Прибайкалья	112
<i>Шмидт А.В.</i> Неолитические материалы с памятника «Няксимвольская стоянка»: предварительные итоги изучения	118

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР И ОБЩНОСТЕЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

<i>Бобров В.В.</i> Могильник Танай-12 среди идентичных памятников Южной Сибири	125
<i>Вальков И.А., Грушин С.П.</i> Костяные орудия и изделия елунинской культуры с поселения Кольванское-1 (Рудный Алтай)	131
<i>Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Райнхольд С.</i> Смолокуренные комплексы эпохи бронзы на памятнике Тартас-1 (лесостепное Обь-Иртышье)	138
<i>Грушин С.П., Фрибус А.В.</i> Ирменские погребения на могильнике Чумыш-Пережат	146
<i>Ковалевский С.А.</i> Об ирменских кельтах-тёслах с лобным ушком	152
<i>Ковтун И.В.</i> Вислообушный топор с гребнем в Нижнетомском очаге наскального искусства	157
<i>Новиков А.Г., Горюнова О.И.</i> Керамика из погребений охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья	164
<i>Поляков А.В.</i> К вопросу о выделении разливского этапа окуневской культуры	170
<i>Сотникова С.В.</i> К вопросу о синташтинской традиции парных захоронений лошадей	175
<i>Усачук А.Н.</i> Набор астрагалов как жертва оставления жилища на поселении позднего бронзового века в Приазовье	180
<i>Фролов Я.В., Тишкин А.А.</i> Гребенчатый вислообушный топор из Барнаульского округа	188
<i>Чемякин Ю.П.</i> О кульёганском типе памятников	194

КОЧЕВНИКИ СТЕПЕЙ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Головченко Н.Н.</i> Украшения-реплики в реконструкции костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа	201
<i>Иванов Г.Л.</i> Керамические материалы погребальных и стояночных комплексов железного века Кудинской долины (Западная часть Байкальской Сибири)	204
<i>Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.</i> Средневековые луки из могил средневековых кочевников Кузнецкой котловины	210
<i>Конигов Б.А.</i> Кыпчаки и южно-таежное Прииртышье (конец X – XIV в.)	215
<i>Сенотрсова П.О.</i> Находки монетовидных амулетов в Сибири	221
<i>Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.</i> Новые данные для изучения цурок в культуре населения Алтая жужанского времени (по материалам археологического комплекса Чобурак-1)	224
<i>Татауров С.Ф., Тихонов С.С.</i> Тюркизация южной тайги и северной лесостепи Среднего Прииртышья в конце I – начале II тыс. н.э.	228
<i>Тишин В.В.</i> К изучению погребальной обрядности кочевников Монголии древнетюркского времени	233
<i>Харинский А.В.</i> Захоронения саянтуйского типа в западной части Улуса Джучи	238
<i>Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.</i> Модель бронзового кинжала и костяные наконечники стрел из кургана скифского времени на могильнике Усть-Эдиган в Горном Алтае	246

ИСКУССТВО ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Варенов А.В.</i> К интерпретации сцен охоты на «стилизированных оленей» в петроглифах Сибири, Центральной Азии и Северо-Западного Китая	251
<i>Варенов А.В.</i> Петроглифы памятника Уцзячуань в Китае и их сибирские и центральноазиатские аналогии тюркского времени	258
<i>Марсадолов Л.С.</i> «Зодиакальная» татуировка вождя-жреца из Пазырыка-2	265
<i>Молодин В.И.</i> Эпохальные черты в антропоморфной пластике культур доандроновской бронзы Западной Сибири	273
<i>Ожередов Ю.И.</i> «Оленный» камень с циркульным орнаментом» из Западной Монголии	281
<i>Цыбиктаров А.Д.</i> Средневековая «лакуна» в наскальном искусстве Западного Забайкалья	287
Список сокращений	293
Сведения об авторах	294

ИЗ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮБИЛЯРА

УДК 903.4(571.16)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.1

А.И. Боброва, А.П. Монова

Томский областной краеведческий музей, Томск, Россия

ТУХ-СИГАТ-IV – МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ С РЕКИ ВАСЮГАН

(из фондов Томского областного краеведческого музея)

Что подарить юбиляру в 75? Мы решили напомнить ему о его молодости – о начале его научных поисков и дерзаний. Север Томской области, труднодоступное Васюганье, стало той территорией, на которой деятельной натуре Юрия Федоровича было где развернуться. Там, сначала в составе разведочных отрядов Томского университета под руководством Л.А. Чиндиной, а затем и самостоятельно он занимался поиском археологических памятников. Комплекс на оз. Тух-Эмтор и рч. Тух-Сигат стал базовым при написании кандидатской и докторской диссертаций, монографий. Можно сказать, что многое достигнуто, сделано, но скрупулезное изучение отдельных коллекций, сформированных им, еще ждет своих исследователей. К такой значимой коллекции относится и собрание находок с поселения Тух-Сигат-IV, накоплению которого Юрием Федоровичем было отдано шесть полевых сезонов.

Ключевые слова: Васюганье, Тух Сигат-IV, поселение, культурный слой, хронология

В фондах Томского областного краеведческого музея хранится представительная коллекция, отражающая один из самых древних этапов в истории западносибирского населения, его северных регионов. Она поступила в музей в 1985 г. из Алтайского государственного университета, была перевезена из Барнаула сотрудником Томского областного краеведческого музея (далее используется сокращение ТОКМ) Ф.И. Мецем. Коллекция была сформирована в результате археологических раскопок 1979–1981 гг., проведенных Алтайским государственным университетом под руководством Юрия Федоровича Кирюшина в верховьях реки Васюган, на правом берегу рч. Тух-Сигат, вытекающей из озера Тух-Эмтор, в Каргасокском районе Томской области [Кирюшин, 1980, с. 209; 1983, с. 200–201]. По книге поступлений ТОКМ №23 ей присвоен коллекционный номер 11050. Технически материалы обработаны сотрудником музея, археологом Г.И. Гребневой, ею же в начале 1990-х гг. была составлена коллекционная опись (К.О. №537), в которой учтено 28 135 единиц хранения. На сегодняшний день это самая крупная коллекция в фондах музея. Информация о составе коллекции представлена в Каталоге археологического собрания ТОКМ [Гребнева, 2017, с. 437].

В 1970 г. Юрий Федорович перешел работать в Проблемную научно-исследовательскую лабораторию истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета. В 1972 г. им была организована экспедиция в бассейн р. Васюган на оз. Тух-Эмтор и р. Тух-Сигат, где открыт комплекс памятников, в том числе поселение Тух-Сигат-IV [Кирюшин, 2005, с. 24–26]. В том же году в юго-западной части памятника был заложен шурф (1×1 м) и по полученным материалам сделан вывод, о том, что культурный слой отражает наличие трех хронологических эпох – неолита, бронзы и раннего железа (рис. 1.-1–6) [Кирюшин, 1972, д. 531; 1973, с. 217; Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 55].

С того времени начался отсчет целенаправленных исследований Ю.Ф. Кирюшина на памятниках неолита и бронзы северных районов Нарымского Приобья. Им разведаны и раскопаны памятники разных эпох [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990, с. 171–

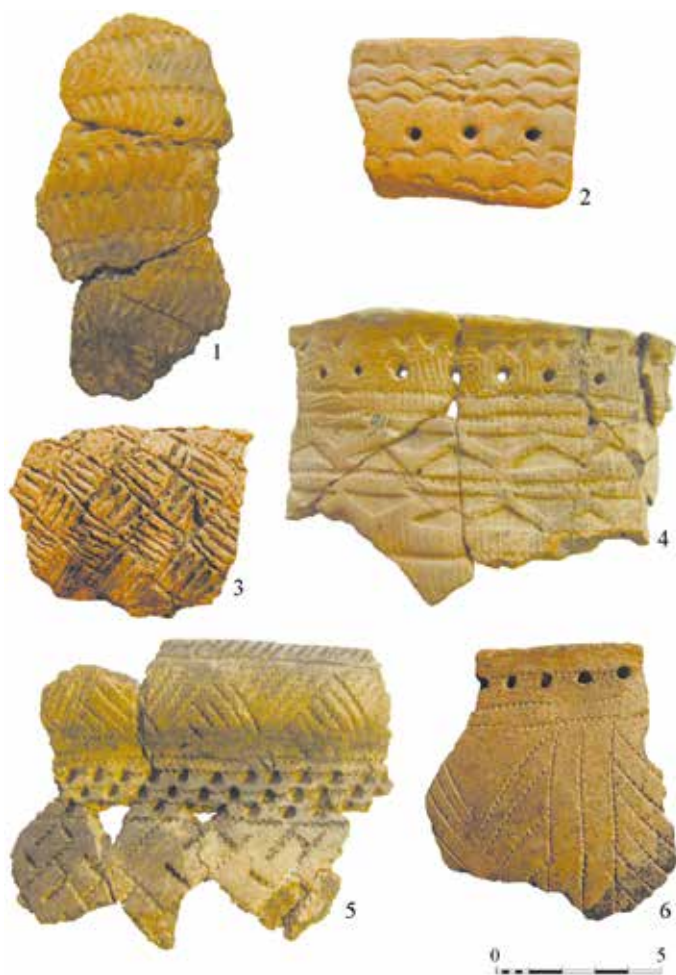

Рис. 1. Поселение Тух-Сигат-IV. ТОКМ №11050.
Фрагменты разновременной керамики

ситетом. Они были сосредоточены на площади двух жилищ (№1 и 2). В том полевом сезоне вскрыта большая часть жилища №1, располагавшегося в северной части поселения, две хозяйственных ямы в нем и очаг. Оно имело длинный и довольно широкий выход (4×1,4 м), ориентированный на север–северо-восток, т.е. в сторону рч. Тух-Сигат. Установлено, что жилище представляло собой сооружение полужемляночного типа подпрямоугольной формы с вертикальными стенами и крытым выходом к воде [Кирюшин, 1977, л. 12]. Характер жилища №2 и заполнение культурного слоя оказались менее выразительными, хотя вывод об их единокультурности и однотипности построек был сделан [Кирюшин, 1977, л. 13]. Кроме того, на поселении выявлены контуры трех пятен: два из них имели отношение к неолитическому горизонту, третье – кострище. Судя по близости находок к молчановской посуде (фрагменты керамики с крестовой и волнистой орнаментацией), поселение могло возникнуть в переходное время от бронзового века к железному.

184], но научные интересы Юрия Федоровича были сосредоточены на древней истории региона, и одним из базовых памятников стал комплекс на рч. Тух-Сигат. Стационарные раскопки поселения Тух-Сигат-IV проводились под его руководством с 1976 по 1981 г. [Кирюшин, 1976, д. 707; 1977, с. 203–204; 1977, д. 747; 1978, с. 235; 1980, с. 209; 1983, с. 200–201; 2005, с. 22–26]. Общая вскрытая площадь памятника составила 686 кв. м [Кирюшин, 2004, с. 45]. Коллекции, полученные во время полевых сезонов 1972, 1976, 1977 гг., хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (колл. №7110).

В 1977 г., после отъезда в г. Барнаул, раскопки были продолжены Юрием Федоровичем, но финансировались уже Алтайским государственным университетом.

В целом, как отмечает Ю.Ф. Кирюшин, материалы поселения Тух-Сигат-IV отражают культурно-хронологические этапы развития таежного населения от позднего неолита (раннего энеолита) до раннего железного века. Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволили выделить в культурном слое поселения несколько хронологически различающихся слоев. Так, в верхней части культурного слоя залежали фрагменты сосудов эпохи раннего железа, скопления и отдельные фрагменты молчановской керамики. Ниже по всей площади залегания располагалась керамика еловской культуры и периода развитой бронзы. В нижней части культурного слоя была сосредоточена в основном керамика позднего неолита и эпохи раннего металла, украшенная отпечатками «отступающей лопаточки», палочки, крупнозубой «гребенки», гладкой и зубчатой качалки [Кирюшин, 1972; 1983, с. 201].

Рис. 2. Поселение Тух-Сигат-IV. ТОКМ №11050. Керамический инвентарь энеолита–эпохи бронзы

При обработке коллекции в материалах поселения Г.И. Гребневой было выделено несколько культурно-хронологических комплексов. Их обоснование и описание приведены ею в Исторической справке, предваряющей подробный реестр коллекции [ТОКМ, Коллекционная опись №537]. Какие же это комплексы? Приведем их краткую характеристику.

1. Керамический комплекс позднего неолита. Характеризуется орнаментацией, выполненной концом палочки в отступающей технике, образующей волнистые линии и ряды ямок на стенках сосудов. Фрагменты сосудов позднего неолита равномерно распределялись по всей площади поселения Тух-Сигат-IV, подстилая энеолитический слой.

2. Энеолит представлен новокусковским этапом и датируется 2-й половиной III – началом II тыс. до н.э. Основную массу находок составляют фрагменты сосудов (пло-

скодонные банки и горшки, остродонные, круглодонные емкости), орнаментированных оттисками гладкой/гребенчатой качалки (рис. 1.-1), последняя иногда переходит в шагающую, отступающей гребенки и лопаточки, текстильным орнаментом. Есть и сосуды, украшенные гребенчато-ямочным и резным орнаментом. Оттиски печатной гребенки покрывают всю поверхность от венчика до дна (рис. 2.-1). Из глины делали не только посуду, но и грузила, точильные бруски, ложила. Население изготавливало из камня наконечники стрел, ножи, скребки, нуклеусы, точильные бруски. Керамика этого времени имеет аналогии с материалами Самусьского могильника, Новокусковской стоянки, поселения Малгет-2.

3. Бронзовый век (ранний, развитый и поздний периоды). Переход от энеолита к бронзовому веку ознаменовался важными событиями в археологическом отношении: расцветом бронзолитейного производства и процессом дальнейшего развития культур с гребенчато-ямочной орнаментацией. В Нарымском Приобье отступающая техника орнаментации постепенно сменялась печатно-гребенчатой. Одновременно распространялось гребенчато-ямочное направление. В XV–XIII вв. до н.э. древняя отступающая техника исчезла, ее заменила гребенчато-ямочная. В коллекции представлены небольшие сосуды (рис. 2.-2), фрагменты керамики с оригинальным декором (рис. 2.-3–5, 7–8), орнаментированные керамические изделия (рис. 2.-3, 6, 9), предметы бронзолитейного производства (обломки литейных форм, шишек, кельтов) и камня. Однако выделение каменного инвентаря в рамках эпохи бронзы значительно затруднено, так как большинство поселений многослойные, и инвентарь охватывает время бытования предшествующих и последующих культур.

4. Переходный период от бронзового к железному веку представлен в том числе молчановской культурой. Он характеризуется широким распространением по всей лесной полосе Западной Сибири крестово-струйчатой орнаментации керамики (рис. 1.-5; 2.-9), вызванным возрастанием влияния северных культур и продвижением их носителей на юг.

5. Эпоха раннего железа на поселении Тух-Сигат-IV отражает процесс становления раннего (васюганского) этапа кулайской культуры. Керамика васюганского типа объединяла круглодонные и остродонные горшки, чаши, банки, украшенные ямочно-жемчужным орнаментом в сочетании с гребенчатым и фигурно-штамповым (рис. 1.-4).

Всего на памятнике было вскрыто девять жилищных западин, материалы пяти из них (№1–3, 8–9) датированы автором раскопок энеолитом [Кирюшин, 2004, с. 45]. Предметы из жилищ №4, 6 и 7 относятся к периоду развитой бронзы [Кирюшин, 1983, с. 201]. Жилище №4 отличается от остальных своими размерами и набором инвентаря, часть которого, по мнению Юрия Федоровича, имела культовое назначение. В его заполнении найдены фрагменты керамики развитой бронзы, обломки глиняных форм для литья кельтов, рыболовные керамические грузила, каменные тѣсла, а также бронзовые предметы – нож, обломки кельта и копья, серьги. Среди оригинальных находок можно отметить фрагменты сосудов на поддонах, сплошь украшенные оттисками крупнозубого штампа, в том числе с ручками и сквозными отверстиями из сосуда в поддон, сосудов с многоугольными днищами, с изображениями птиц. Инвентарь остальных жилищ обычен для поселения и представлен фрагментами сосудов, каменными наконечниками стрел, тѣслами,

скребками, точильными брусками, рыболовными грузилами, каменными и керамическими «рыбками» [Кирюшин, 1983, с. 200].

Материалы исследования поселения Тух-Сигат-IV были опубликованы Ю.Ф. Кирюшиным в монографии «Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири», вышедшей в 2004 г.

Но источниковая база поселения Тух-Сигат-IV неиссякаема, коллекция постоянно востребована. Достаточно полно посуда и предметный ряд представлены в одном из залов Томского областного краеведческого музея, тематика которого и экспозиционное пространство посвящены жизнедеятельности населения Томско-Нарымского Приобья в неолитическую/энеолитическую эпоху. Коллекционные материалы широко используются сотрудниками музея в их экскурсионной и лекционной работе. С ними работают молодые исследователи. В настоящее время коллекцией, для представления ее в Госкаталог, активно занимается один из авторов – Александра Павловна Монова.

Наличие столь значительной по объему коллекции и таящиеся возможности выделения культурно-хронологических комплексов на ее материалах делают работу исследователей необычайно перспективной. Она могла бы быть и более результативной, если бы подкреплялась научной документацией, отражающей процесс полевых исследований. Но в свое время коллекция поступила без такого сопровождения, поэтому администрация музея и авторы были бы признательны Юрию Федоровичу Кирюшину за предоставление копийной или электронной версий его научных полевых отчетов за 1979–1981 гг.

Библиографический список

Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск, 2017.

Кирюшин Ю.Ф. Археологические работы в Васюганье // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.

Кирюшин Ю.Ф. Отчет об археологических работах Васюганской археологической экспедиции Томского государственного ордена Трудового Красного Знамени университета им. В.В. Куйбышева летом 1976 года // Архив МАЭС ТГУ. Д. №707.

Кирюшин Ю.Ф. Отчет об археологических работах Васюганской археологической экспедиции Алтайского государственного университета летом 1977 года // Архив МАЭС ТГУ. Д. №747.

Кирюшин Ю.Ф. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева летом 1972 года // Архив МАЭС ТГУ. Д. №531.

Кирюшин Ю.Ф. Работы в Васюганье // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

Кирюшин Ю.Ф. Работы в Васюганье // Археологические открытия 1979 года. М., 1980.

Кирюшин Ю.Ф. Работы в Среднем Приобье // Археологические открытия 1976 года. М., 1977.

Кирюшин Ю.Ф. Раскопки поселения Тух-Сигат-IV // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

Кирюшин Ю.Ф. Роль музея археологии и этнографии Сибири ТГУ в изучении северных районов Западной Сибири // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Вып. 1. Томск, 2005.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.

ТОКМ. Коллекционная опись №537. Поселение Тух-Сигат-IV. Раскопки 1979, 1980, 1981 гг. ТОКМ 11050.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск, 1990.

Е.А. Васильев

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия*

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ КИРЮШИН: ТОМСКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

По мнению специалистов, современная российская археология переживает своеобразный «историографический бум». При этом одним из наиболее широко представленных жанров историко-научных исследований является биография. На ее долю приходится более половины книг и статей, имеющих отношение к истории археологии [Тихонов, 2011, с. 45]. Этим объективным тенденциям созвучны и мои персональные рефлексии: с возрастом приходит понимание того, что археология – это не только про артефакты, но и про людей, благодаря которым ископаемые древности становятся частью мирового культурного наследия.

Ю.Ф. Кирюшину 75 лет. И по возрасту, и по статусу, и по достижениям – патриарх, основатель, первооткрыватель. Юбилей – хороший повод воздать по заслугам, но в этих биографических заметках хотелось бы избежать искушения традициями апологетической историографии и представить реальный образ сначала студента, а затем молодого ученого в историческом интерьере университетского Томска 1965–1977 гг. Тем более что сохранилась еще живая память об этом времени, а у юбиляра есть возможность автобиографического ответа, если вдруг он обнаружит фактическую неточность или не согласится с трактовкой событий.

Мы все родом из детства, но учеными нас делают университеты. В Новосибирске, рядом с домом, учиться не пришлось, для зачисления на гуманитарный факультет местного университета вчерашнему школьнику не хватило одного балла. Судьба распорядилась так, что alma mater для Ю.Ф. Кирюшина стал Томский государственный университет, куда он поступил в 1965 г., став студентом историко-филологического факультета. В середине 60-х гг. прошлого века факультет переживал эпоху своего расцвета и пользовался заслуженной славой главного центра гуманитарного образования к востоку от Урала [Могильницкий, 2008, с. 148]. В старейший сибирский вуз съезжались абитуриенты со всего Советского Союза. Конкурс был по нынешним временам невиданный: на одно место претендовало более 10 человек. Сквозь сито жесткого отбора проходили самые подготовленные, талантливые и мотивированные. Они попадали в хорошие руки. В созвездии тогдашнего профессорско-преподавательского состава самыми крупными светилами были профессора Б.Г. Могильницкий, И.М. Разгон, З.Я. Бояршинова, С.С. Григорцевич, В.С. Флеров, доцент А.П. Бородавкин. Это были не просто заслуженные, отмеченные регалиями авторитетные личности, за каждым из них стояли кафедры и научные школы. Специализация начиналась на 2-м курсе, и каждый студент получал право и реальную возможность реализовать себя в самых разных областях гуманитарного знания. Показательна в этом отношении судьба кирюшинских однокурсников, деливших с ним кров и стол в одной из комнат общежития.

В.П. Андреев и М.Я. Пелипась стали известными историками, профессорами, заведующими кафедрами на родном факультете. В шаге от докторской диссертации по философии остановился рано ушедший из жизни В.Г. Алексенко. В.С. Шутов за-

щищался как американец, но позднее нашел себя в политологии. В.А. Котликов специализировался по политэкономии, защитил степень кандидата экономических наук, преподавал, пробовал себя на административном поприще. В новосибирских вузах преподавали кандидат исторических наук В.И. Варющенко и Б.А. Кощев, который диссертации предпочел дополнительный диплом юриста. И лишь М. Кальяк, получивший вместе с другими выпускниками военной кафедры одновременно диплом историка и повестку в военкомат, после обязательных двух лет лейтенантства остался в армии и дослужился до подполковника.

При всем богатстве выбора Юра Кирюшин видел и позиционировал себя только археологом. Как оказалось, единственным на весь курс. В обыденном сознании тех лет деятельность археолога, с одной стороны, была овеяна романтикой, а с другой – воспринималась как безобидное, но и бесполезное чудачество. Такому имиджу поспособствовал и набиравший популярность В. Высоцкий. Именно в 1965 г. он написал свою «Песню студентов-археологов». Надо ли говорить, что кирюшинские друзья и знакомые исполняли ее с антропонимической поправкой в знаковом куплете:

Студентом Юра очень был настроен
Поднять археологию на щит –
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.

По воспоминаниям однокурсников даже вполне дружелюбное подтрунивание над будущей профессией заводило юного археолога с пол-оборота. В спорах был горяч, эмоционален, иногда в полемике сильно утрировал ситуацию. Именно ему приписывалась фраза, пережившая поколение, о том, что высшая удача археолога – порыться в первобытной помойке.

Студенческий быт был абсолютно спартанским. В небольших комнатах воспетого доморощенными бардами общежития на Ленина, 49, официально проживало по восемь человек, но были еще и нелегалы. Спали на двухъярусных кроватях, а если их не хватало, то на столе или под столом. Жили в тесноте, но не в обиде и даже весело. Бывало, пили, но больше пели. Кто-то почти профессионально, Кирюшин – громко и с чувством. Это было первое поколение относительно сытых студентов. Стипендия (обычная 35, повышенная – 45 рублей) всех потребностей не покрывала, но на питание в студенческой столовой почти хватало. Выручали помощь родителей и продуктовые посылки. В периоды финансовых кризисов, а они с завидной регулярностью случались перед стипендией, бюджетный дефицит закрывали за счет погрузо-разгрузочных работ. Некоторые подрабатывали ночными сторожами, летом «калымили» на стройках. Для Ю.Ф. Кирюшина последний вариант по понятным причинам исключался.

В 1964 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР приняло решение о сокращении сроков подготовки специалистов с высшим образованием. Жертвами эксперимента, к счастью, непродолжительного, стали два выпуска историков в том числе и кирюшинский. Им пришлось учиться всего 4 года по сокращенным программам. Несмотря на это студенческая генерация тех лет в профессиональном плане оказалась едва ли не самой успешной за всю историю факультета. Многие звезды сошли над этим поколением: отбор, возможность сосредоточиться на учебе, а не думать о хлебе насущном, блестящие учителя, великолепная научная библиотека. Но в науке одних условий, даже самых благоприятных, недостаточно. Тривиально, но факт: ученый, в какой бы ипостаси он ни выступал: исследователя, педагога, организатора – это прежде

всего личность. Прежде чем садиться за статью, я побеседовал с теми, кто хорошо знал студента Юру Кирюшина. Пытался выяснить, чем он выделялся среди сверстников, как сокурсники оценивали его потенциал и перспективы. Практически никто не сомневался, что он станет археологом, а среди положительных качеств отмечали желание учиться, трудоспособность и целеустремленность. Вставал раньше всех и, если не было занятий спешил в музей или «научку». Выбрав археологию, не пренебрегал другими предметами. Как о хорошем студенте о нем отзывались столь разные люди, как З.Я. Бояршинова, Б.Г. Могильницкий, Г.И. Пелих, А.П. Бородавкин.

Но любовь была одна – археология. К археологии на факультете сложилось особое отношение, не комплиментарное, но не столько пренебрежительное, сколько снисходительное. В семье исторических дисциплин ей отводилась роль Золушки. В переводе на академический археологию рассматривали как вспомогательный или источниковедческий предмет, «служанку истории», отказывая ей в статусе самостоятельной науки, равноценной истории. На какие-либо преференции в виде спецкурсов или семинаров рассчитывать не приходилось. Все официальное археологическое образование ограничивалось курсом «Основы археологии» в первом семестре и летней полевой практикой.

Лекции читал доцент В.И. Матющенко. Он не был ни блестящим оратором, ни выдающимся методистом, но обладал чем-то большим и редким – харизмой. Природное обаяние, благородная манера держаться, особый магнетизм привлекали всех студентов, а для специализирующихся по археологии он во всех временах и обстоятельствах оставался настоящим ментором. Владимира Ивановича отличала редкая широта интересов, от палеолита до Томского кремля, но главной темой его научных исследований в те годы были культуры неолита и бронзового века Верхнего и Среднего Приобья, в этих хронологических и территориальных рамках волею учителя предстояло найти свое место в археологии первокурснику Юре Кирюшину. Индивидуальную образовательную траекторию своих учеников В.И. Матющенко вычерчивал по принципу от общего к частному, в терминологии сегодняшнего дня – от общекультурных компетенций к профессиональным. Поэтому первая курсовая работа была посвящена каменному веку европейской части СССР, а дипломное сочинение защищалось по теме «ЕКМ-I и его место среди памятников бронзового века Среднего Приобья».

За отсутствием спецкурсов в учебной программе реальной профессиональной школой студентов-археологов был археологический кружок. Это не клуб по интересам, а неформальная, но творчески работавшая студенческая лаборатория. Благодаря В.И. Матющенко дело было поставлено так, что при подготовке докладов на кружке все остальные учебные задания откладывались в сторону. Может быть, поэтому студентов-археологов не очень жаловали на факультете. Ю.Ф. Кирюшину везло на однокашников (как, впрочем, и им с Кирюшиным), на заседаниях кружка он сблизился с В.А. Посредниковым, А.Ф. Косаревым, М.В. Аниковичем. Каждый из них оказал на судьбу нашего героя заметное влияние. Более старший В.А. Посредников, сдержанный, немногословный и кропотливый, позднее стал коллегой по лаборатории, единомышленником по важнейшим вопросам западносибирской археологии бронзового века. Да и первый маршрут от Нового Васюгана до Озерного, на годы определивший научные интересы Ю.Ф. Кирюшина, они прошли вместе. Будущий кандидат философских наук А.Ф. Косарев, уже тогда тяготевший к теории и методологии, способствовал вовлечению юного археолога в эту проблематику,

а кроме того, подготовил почву для его сближения с Косаревым-старшим. Наиболее тесные дружеские отношения сложились с М.В. Аниковичем. Оба были талантливы и амбициозны, обоим ждала блестящая карьера. Юрий Федорович был повзрослее и поопытней и в ранние годы не раз оказывал будущему светиле палеолитоведения помощь и поддержку [Аникович, 2007, с. 39].

Как бы ни были важны формальные и неформальные академические занятия, окончательный вердикт о профпригодности археолога выносит поле, в Сибири особенно. Учебную практику после 1-го курса Ю.Ф. Кирюшин проходил в 1966 г. в экспедиции Л.А. Чиндиной. Для посвящения раскопки курганного могильника Рёлка подходили идеально. Памятнику еще предстояло стать классикой средневековой культуры Нарымского Приобья, но экзотика и разнообразие погребального обряда, потрясающая металлопластика, роскошная керамика, оружие, многочисленные бытовые предметы открыли неوفиту сибирскую археологию с самой эффектной и привлекательной ее стороны. Раскопки в Молчаново положили начало забавной и почти мистической традиции: участие Ю.Ф. Кирюшина в исследованиях памятников железного века почти всегда сопровождалось открытием на них ярких ранних объектов. Эта история началась в Рёлке с двух погребений молчановской культуры позднего бронзового века, а затем продолжилась на Малгете и Степановском-I поселении (фото 1, 2).

Малгет. Ю.Ф. Кирюшин отдаст этому памятнику несколько полевых сезонов, станет одним из духовных лидеров малгетского братства, малгетские материалы лягут в основу его кандидатской диссертации. Но все это будет впереди. А в 1966 г. на берегах озера Шапочного он впервые почувствовал, что такое обской Север. Поселок Молчаново, на окраине которого располагалась Рёлка, тоже не юг, но там, хоть и жили в палатках, все же оставались в пределах «цивилизации». Здесь же тайга на сотни километров, реки, озера, болота. Север обладает одной особенностью: он очень быстро оценивает человека по принципу «свой – чужой». Ю.Ф. Кирюшин был квалифицирован как «свой». Обнаружились его промысловые таланты. Как записано в малгетской летописи, «Калмаков и Кирюшин рыскали по озерам и болотам, таскали утей, карасей и щук». Малгет – памятник особый, в его слоях представлена вся археология Среднего Приобья. В 1966 г. планировалось уточнить, насколько репрезентативны разновременные комплексы. Выяснилось, что к бронзовому веку относятся не только отдельные фрагменты керамики, но и жилищные западины, локализованные в определенных частях поселения. К их раскопкам Ю.Ф. Кирюшин приступит позднее, в начале 1970-х гг., в начале своей профессиональной карьеры (фото 3).

Из первой экспедиции начинающий археолог вернулся воодушевленным, мотивированным, окончательно утвердившимся в своем выборе. Последующие «полевые университеты» проходили под руководством В.И. Матющенко в Ростовке, Еловке и Самуськах. Практика получилась уникальной: если бы удалось формализовать негласный рейтинг научной значимости археологических памятников Западной Сибири, то Ростовкинский могильник, Еловские курганные могильники, поселение Самусь-IV заняли бы верхние его строчки. Участие в исследовании таких объектов дорогого стоит и многое дает. В археологии важны нюансы, часть которых доступна только непосредственным участникам раскопочного процесса. В экспедициях В.И. Матющенко испытанный «боец» был сразу же зачислен в «офицерский корпус». Это давало некоторые привилегии в виде знаменитого грога, который по вечерам подавался в палатке «шефа», но накладывало и дополнительные обязанности: вести дневник,

Фото 1. Первая экспедиция. Рёлка, 1966 г.

Фото 2. На память о Молчаново. 1966 г.

чертить планы, отвечать за работу бригады. Так, исподволь, без специальных тренингов и занятий накапливался необходимый опыт, нарабатывались профессиональные навыки и умения.

Впрочем, ремеслу археолога Ю.Ф. Кирюшин учился не только у В.И. Матющенко, но и у Л.А. Чиндиной. В 1968 г. судьба во второй раз забросила его на Север, на этот раз в самое сердце Васюганья. Разведочный отряд (Л.А. Чиндина, Ю.Ф. Кирюшин, Б.А. Тренин) обследовали ближние и дальние окрестности поселка Средний Васюган и на берегах небольшой Степановской протоки обнаружили компактную группу

памятников. Как оказалось, это был хороший задел на будущее, на тот момент еще непредсказуемое. Тогда же состоялся первый самостоятельный маршрут и открыт первый археологический памятник – поселение Лисий Мыс. Правда, в официальной документации это событие отражения не нашло, так как работы проводились по Открытому листу Л.А. Чиндиной (фото 5).

Вплоть до выпуска из университета все складывалось как нельзя лучше, а впереди рисовалось блестящее будущее. Для этого были все основания: добротная академическая школа, разносторонняя полевая подготовка, успешные выступления на конференциях и даже опыт лаборантской работы в кабинете антропологии. Предстояло только определиться с местом работы, должностью и темой кандидатской диссертации. Тем более что дипломное сочинение Ю.Ф. Кирюшина вызвало неподдельный интерес. По воспоминаниям Л.А. Чиндиной (она была рецензентом) защита проходила бурно, как будто обсуждалась не выпускная квалификационная работа, а серьезный профессиональный труд.

Все карты спутал В.И. Матющенко. Трещина в отношениях учителя и ученика, наметившаяся на заключительном курсе, стала стремительно превращаться в пропасть. Для Владимира Ивановича была характерна одна особенность, он по-отечески заботливо относился к студентам, щедро делился с ними знаниями, советами, материалами. Но как только его воспитанники выходили из ученического статуса и превышали отведенный им лимит самостоятельности, неизбежно наступало похолодание. Мэтр достаточно толерантно относился к критике своих историко-культурных построений со стороны, но внутреннюю оппозицию терпеть не собирался. В первую очередь это нетерпение распространялось на тех его учеников, кто работал с ним, в сфере его научных интересов и использовал его материалы. Кроме того, он был противником «скоропелых» диссертаций. Сам долго работал над своими квалификационными трудами и полагал, что наука суетности не терпит. Энергичный, амбициозный Ю.Ф. Кирюшин плохо вписывался в эту парадигму.

Распределили его в университетский Музей археологии и этнографии Сибири, заведующим. И тогда, и сейчас должность расстрельная: работы сверх всякой меры, рутина, лаборантов минимум, оборудования тоже. Не думаю, что эта работа соответствовала его планам, полагаю даже, что и он по складу характера и темпераменту к ней не подходил. Расстрел состоялся через год с формулировкой «не предотвратил вылет моли». Увольнению поспособствовала жесткая позиция В.И. Матющенко.

На это же время приходится длительная стажировка Ю.Ф. Кирюшина в лаборатории археологических технологий Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Она была следствием плана по созданию в Томске мощного исследовательского центра археологических исследований. В структуре этого центра предусматривалась мини-лаборатория спектрального анализа, возглавить которую и должен был молодой специалист. В первую очередь предстояло заняться древними бронзами, благо после раскопок в Еловке и особенно в Ростовке сформировалась репрезентативная по количеству и уникальная по составу коллекция металлических изделий. Определилась тема научной работы, а в перспективе и диссертации – комплексный анализ западносибирских бронз эпохи раннего металла.

Ленинград встретил молодого томского коллегу по-питерски благожелательно. Особое покровительство оказал добрый гений томичей – М.П. Грязнов, всегда помнивший о городе, где он вырос, учился, начинал карьеру. В рамках индивидуальной программы стажировки, разработанной тогдашним руководителем лаборатории

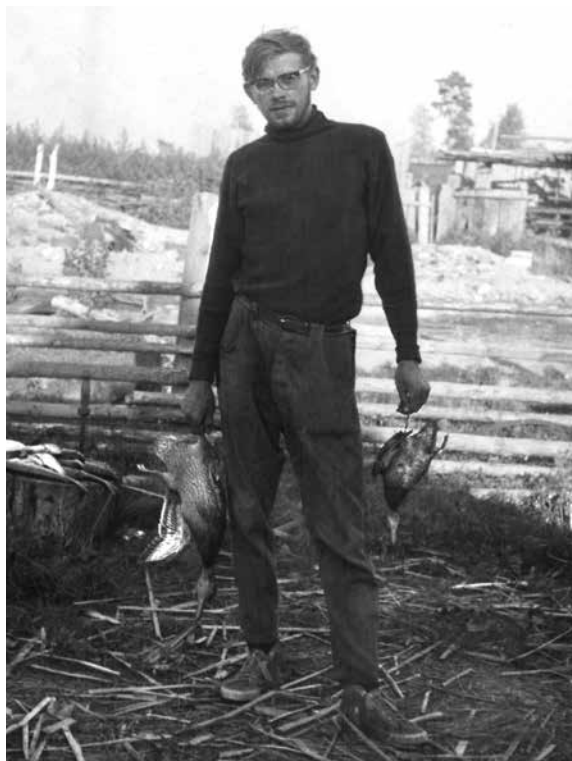

Фото 3. Охотник. Малгет, 1966 г.

Я.А. Шером, Ю.Ф. Кирюшин не только освоил теорию и практику спектрального анализа, но и исследовал привезенные из Томска образцы.

Помимо официальной, у начинающего исследователя была сугубо персональная, неформальная программа повышения профессиональной квалификации. Представляя в Северной Пальмире Сибирские Афины, он вряд ли испытывал комплекс неполноценности, но разницу в базовой археологической подготовке не мог не заметить и, как натура деятельная, приложил все усилия для ее ликвидации. Вместе со студентами-вечерниками посещал лекции ведущих преподавателей, много времени проводил в библиотеках.

Итоговые результаты стажировки не только внушали персональный оптимизм, но открывали новые перспективы для развития археологиче-

Фото 4. На обласке по Васюгану. 1968 г.

ских исследований в университете. В середине 1960-х гг. на весь Советский Союз насчитывалось всего шесть учреждений, занимавшихся спектральным анализом ископаемых бронз [Колчин, 1965, с. 14]. Томск мог бы стать региональным центром инновационных исследований, особенно с учетом потенциала междисциплинарных изысканий. Проект рухнул, когда В.И. Матющенко забрал из подготовленной базы данных результаты анализа бронзовых предметов из коллекций раскопанных им памятников. Без них дальнейшая работа теряла всякий смысл. Это был удар. Удар по проделанной работе, по планам, по перспективам быстрой защиты диссертации. К счастью, Ю.Ф. Кирюшин относится к той довольно редкой категории людей, для которых конфликт, препятствие, временные неудачи не повод для уныния, а источник дополнительной энергии и стимул для дальнейшей работы.

К научным и околонучным проблемам добавились семейные заботы. Как и герой цитированного произведения В. Высоцкого, свой идеал Юрий Федорович откопал в экспедиции, в Еловке, где юная Таня Селезнева проходила археологическую практику. В отличие от незадачливого Феди закапывать обретенный идеал назад не стал. Получилось не совсем как в песне, но как песня. Она звучит более 50 лет, не теряя ни красоты, ни благозвучия, радуя всех, кому довелось прикоснуться к этой удивительно гармоничной мелодии.

В конце 1970 г. Ю.Ф. Кирюшин стал сотрудником проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Лаборатория открылась в 1968 г., но была и предыстория, о которой официальные летописцы [Черняк, 1998, с. 3–7] умалчивают, а я пересказываю со слов В.И. Матющенко [2001, с. 114–118], позднее им опубликованных. Планы по созданию в университете специализированного центра археологических исследований вынашивались им с середины 1960-х гг. Лаборатория задумывалась как уменьшенная копия академических институтов: исследования от палеолита до Средневековья, музеев, естественно-научные методы. И стажировка Ю.Ф. Кирюшина, и обучение М.В. Аниковича палеолиту в Ленинграде являлись частью этого проекта. Были записки в ректорат, письма поддержки из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Идея понравилась, ее подхватили историки и после «творческой переработки» реализовали. В переформатированном варианте лаборатория включала четыре «исторических» сектора и сектор археологии и этнографии (de facto и антропологии) Сибири [Черняк, 1998, с. 4–5].

Коллектив сектора, руководить которым было поручено В.И. Матющенко, подобрался звездный: Л.А. Чиндина, Л.М. Плетнева, В.А. Посредников, В.А. Дремов, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, Н.А. Томилов. Степени и регалии ждали их впереди, но уже тогда каждый был заметной величиной в своем деле. Будущие классики ютились в небольших закутках на втором этаже Музея археологии и этнографии, воплощая собой принципы и возможности междисциплинарного синтеза. Для того чтобы получить квалифицированную консультацию по этнографии или физической антропологии, Ю.Ф. Кирюшину достаточно было сделать несколько шагов.

С открытием лаборатории перед томской археологией открылись невиданные ранее перспективы. Началось реально планомерное обследование Среднего Приобья. Каждый ученый разрабатывал тему, которая должна была завершаться монографией или диссертацией. Сказочный по нынешним временам бюджет и перспективное планирование создавали благоприятные возможности для реализации долговременных проек-

тов, как индивидуальных, так и коллективных. Начинающему сотруднику предстояло определиться по двум важным пунктам: с темой и научным руководителем. На В.И. Матющенко, его связи и материалы рассчитывать не приходилось. Куратором согласилась быть Л.А. Чиндина. К тому времени она заканчивала работу над диссертацией и в неформальной табели о рангах университетских археологов уступала только «шефу». Учитель по первой профессии и призванию, она столь же нуждалась в новом опыте, как Ю.Ф. Кирюшин – в помощи и поддержке. Исходя из сложившейся ситуации за молодым исследователем была закреплена тема, связанная с изучением памятников ранних эпох в северных районах Томской области. Северная проблематика органично вписывалась в общую стратегию по системному изучению западносибирских древностей. В решении I археологического совещания, состоявшегося в Томске в мае 1970 г., отмечалось, что территория таежной зоны Западной Сибири является наиболее слабо изученной областью страны. Подчеркивалось, что это мешает правильному пониманию исторического прошлого больших соседних районов [Решение совещания..., 1970, с. 294].

Первая половина 1970-х гг. – важнейший период в биографии нашего героя, который в значительной степени определил всю его дальнейшую судьбу. Это было время тяжелой экспедиционной работы, интенсивных кабинетных исследований, поисков новых подходов к анализу ископаемых древностей. Первоочередная задача – создание достаточного корпуса источников – решалась в поле. Четыре сезона на Малгете (фото 5–7) позволили понять алгоритм местного культурогенеза и наметить контуры историко-культурной концепции. Повезло в 1971 г. Во время раскопок поселения раннего железного века Степановка-I наткнулись на четыре архаичных могилы. Материалы погребений структурировали находки, которые на Малгете и в других местах по всем раскладам были самыми ранними для постнеолитического времени. Степановские находки позволили окончательно определить территориально-хронологические рамки и темы, и диссертации. Круг научных интересов замкнулся на левобережной части Нарымского Приобья в пределах обширной Васюганской равнины, а если коротко – Васюганья. По мере того как разрозненные пазлы отдельных археологических комплексов начали складываться в единую картину, становилось очевидным, что материалов для ее завершения недостаточно. Требовался второй Малгет, и желательно не с окраинных территорий (Малгет расположен в юго-восточной части Васюганья), а в центре региона.

Об Озерном как старинном, священном для хантов месте рассказывал побывавший там В.М. Кулемзин. Опыт подсказывал: в таких местах археология почти гарантирована. Физико-географические характеристики тоже выглядели многообещающими: хорошее рыбное озеро Тух-Эмтор с довольно высокими берегами, множеством впадающих ручьев и речек и единственным истоком, связывающим водоем с системой Васюгана. Помочь с разведкой вызвался опытный в северных делах В.А. Посредников, а в качестве проводника пригласили С.Г. Бардина. Он работал в музее художником, а родом был как раз из Озерного. События этой экспедиции могли бы стать основой сценария как документального фильма на тему «Феномен археологического открытия», так и приключенческой ленты в стиле историй об Индиане Джонсе. Там было все: рабочая гипотеза, предварительная организационная подготовка, аборигены, тяжелейший маршрут, неожиданные препятствия, счастливая развязка и радость научного открытия.

В самом начале лета 1972 г. группа высадилась в аэропорту Нового Васюгана. В поселке к ним присоединился спутник из местных хантов. От Нового Васюгана до

Фото 5. Рыбак. На оз. Малгет, июль 1974 г.

Фото 6. Малгетская эпопея. МАП-72, р. 3

Озерного около 30 километров по прямой, по таежной тропе значительно больше. Да и цена этих километров особенная: значительная часть маршрута проходила через болота, а они в это время года наполняются талыми водами и становятся труднопро-

Фото 7. Карточный турнир. Малгет, 1975 г.

ходимыми. Шли два дня с ночевкой в охотничьей избушке. К счастью, было тепло и гнус еще не поднялся. На подходе к конечной цели путешествия столкнулись с редким в этих местах оптическим явлением, чем-то вроде миража. Это настолько смутило проводников, что они перепутали ориентиры. С двумя хантами заблудиться в лесу невозможно, но поплутать пришлось, что окончательно измотало и без того уставших путников. Через 3 года экспедиционная судьба провела меня по этому маршруту, и это было одним из тяжелейших испытаний в моей жизни.

Местные ханты встретили гостей с Большой Земли благожелательно. Посчитали что Сергей Бардин кого попало к себе на родину не приведет, да и запас «огненной воды» оказался достаточным. Что делать, без этого продукта на Севере в те времена не решался ни один вопрос. После застолья поделились сокровенным: где спит зарывшийся в землю мамонт и где стояли построенные предками-богатырями городки. Договариваться Ю.Ф. Кирюшин умел. Похоже, что и с местными духами он нашел общий язык, отмолил у них удачу. Надеюсь, что читатель оценит шутку, хотя археологи-северяне народ суеверный и истории про духов у них в ходу.

В Озерном Ю.Ф. Кирюшин нашел то, что хотел. На берегах озера Тух-Эмтор и вытекающей из него речки Тух-Сигат было открыто 14 разновременных памятников, шесть из которых содержали материалы бронзового века. Культурный слой залегал *in situ*, на поверхности просматривались западины древних жилищ. В последующие годы на пяти поселениях были проведены раскопки с вскрытием значительных площадей, а поселение Тух-Эмтор-IV очень быстро получило широкую известность как эталонный памятник бронзового века Васюганья. По репрезентативности и эвристическому потенциалу новый мегакомплекс не уступал малгетскому, а в чем-то превосходил его. Все периоды бронзового века представлены не отдельными жилищами, а поселениями с выраженными границами, определенной структурой жилых и хозяйственных построек. В целом новые материалы органично вписались в авторскую концепцию

культурогенеза, придав ей большую фундаментальность и широту. Весьма символично, что в четырехчленной периодизации бронзового века Васюганья второй и третий этапы были названы тухэмторским и тухсигатским.

Стационарные исследования северных памятников продолжались несколько полевых сезонов (1973–1977 гг.). Это было трудное и счастливое время. Головная боль тех лет – формирование состава экспедиции и логистика. Найти десяток людей, согласных за просто так, без зарплаты «отпахать» три недели в васюганских болотах, было нелегко. В первые годы выручали романтики и друзья-однокурсники В.П. Андреев и В.А. Демешкин, позднее студенты-практиканты и сотрудники лаборатории. Каким-то чудом удалось решить транспортную проблему. Помог Открытый лист, предписывающий всем органам власти оказывать предьявителю всемерную помощь, и легендарная коммуникабельность начальника экспедиции. Как очевидец могу засвидетельствовать, что к 1975 г. почти все нововасюганское начальство было у него в друзьях. Надо отдать должное и отечественному кинематографу. После выхода на экран «Джентльменов удачи» (1972 г.) фраза «Мы археологи из Томска» открывала все двери (фото 8).

Экспедиционный быт в Озерном заслуживает отдельного повествования. Забрасывались только вертолетом, для людей, груженых оборудованием и продуктами, окрестные болота были непроходимы. После того как винтокрылая машина исчезала за горизонтом, связь с Большой Землей полностью прерывалась. Большую помощь оказывал глава хантыйской общины П.М. Милимов. Пек хлеб, ловил рыбу, баловал лосятиной (лицензию выкупал Ю.Ф. Кирюшин). В конце июля – августе появлялись дикоросы: грибы, черника, голубика, кедровые шишки. И все это в пяти метрах от раскопа. За пределы поселка выходить запрещалось. Помню, как среди бела дня в пойме появился медведь и стал скрадывать проверяющего сеть ханта. С раскопа на высоком мысу все было видно как на ладони. Наш мощный крик испугал и медведя, и рыбака. На Тух-Эмторе Юрий Федорович преобразался. Он обретал какую-то внутреннюю

Фото 8. Тух-Эмтор, 1974 г.

гармонию и распространял ее на всех остальных. Работы было много, но никто не жаловался, глядя на то, как начальник наравне со всеми машет лопатой, а потом занимается находками и полевой документацией.

К привезенным из экспедиции материалам относился трепетно. Сам клеил, реставрировал, показывал, рассказывал. В музей приходил первым и засиживался допоздна. В обед в столовую принято было ходить вместе. Пока за разговорами все заканчивали с супом, Ю.Ф. Кирюшин допивал компот и бежал доклеивать, дописывать, дочерчивать. За невиданно короткий срок был обработан значительный массив источников и проведена серьезная аналитическая работа. Первый вариант диссертации был представлен для обсуждения в секторе уже в конце 1975 г. По старой доброй томской традиции работу тормознули, но ненадолго. В последующих событиях велика роль научного руководителя – Л.А. Чиндиной. Она сглаживала конфликты, помогала устранять замечания, решала организационные вопросы, готовила оппонентов, договаривалась с московскими коллегами.

Защита состоялась в Москве, в Институте археологии в феврале 1977 г. Все томики были уверены в успехе, но, как положено, волновались и ждали известий. Помню звонок в музей и взволнованный голос Юрия Федоровича: «Все прошло блестяще, ни одного черного шара, говорили, что работа выполнена на самом высоком международном уровне!». В 1979 г. материалы диссертации были изданы в Томске [Кирюшин, Малолетко, 1979]. Юрий Федорович считал для себя необходимым привлечь в качестве соавтора А.М. Малолетко, отдавая должное вкладу профессора в естественно-научную составляющую этого труда. За свою творческую карьеру Ю.Ф. Кирюшин опубликовал два десятка монографий и сотни статей. Как *magnus opus* оцениваю два тома: «Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири» [Барнаул, 2002] и «Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири» [Барнаул, 2004], но лучшим из написанного считаю «Бронзовый век Васюганья».

У меня неплохая библиотека. В ней собрано почти все, что имеет отношение к археологии и этнографии Северной Азии. К книгам приучен относится бережно, но три издания пришлось отдать в переплет. Не потому, что был с ними неаккуратен, а потому что износились. Это пять томиков В.И. Матющенко («Древняя история поселения лесного и лесостепного Приобья»), монография М.Ф. Косарева «Бронзовый век Западной Сибири» и книга Ю.Ф. Кирюшина, А.М. Малолетко «Бронзовый век Васюганья». Вряд ли такой способ оценки актуальности найдет официальное признание в наукометрии, но как неформальный критерий по степени объективности может поспорить с любым индексом цитирования.

Чем замечательна эта книга? Достоинств у нее немало, есть и недостатки. В объективность критики давно уже не верю, а мои персональные оценки здесь не совсем уместны, поэтому отмечу только бесспорное:

1. Эта книга – открытие. Открытие практически неведомого ранее мира древних культур обширной территории, по размерам намного превышающей среднюю европейскую страну. Благодаря этому труду на археологической карте отечества одним белым пятном стало меньше.

2. Изложенная в монографии историко-культурная концепция позиционирует таежное Обь-Иртышье не как резерват архаичных культур, а как органичную часть мегаструктуры южной части Западной Сибири эпохи бронзы с развитой металлообработкой и элементами производящей экономики (коневодства).

Фото 9. В с. Инкино с семьей Медведевых. 2001 г.

Фото 10. Третье археолого-этнографическое совещание. Томск, 1975 г.

3. Книга является пионерским образцом успешного применения естественно-научных методов при изучении археологических памятников. При реконструкции окружающей среды были использованы разнообразные практики и принципы геоархеологии задолго до того, как эта дисциплина утвердилась в отечественной науке.

Монография стала достойным завершением томского периода жизни и научного творчества Ю.Ф. Кирюшина. Сразу после защиты диссертации он перебрался в Барнаул. Переезду поспособствовал недавний томич, а в 1977 г. профессор Алтайского университета А.П. Бородавкин. Первый заведующий проблемной лаборатории никогда не скрывал своих симпатий к молодому ученому и не единожды поддерживал его в сложных ситуациях. Озвученная причина перемен – отсутствие реальных перспектив получения квартиры в Томске. Причина более чем существенная: в семье подрастали двое сыновей, и трудно было смириться с мыслью, что еще на несколько лет их домом будет комната в общежитии. Но было и другое: возможности карьеры перестали соответствовать его амбициям.

Алтайский выбор его не разочаровал, о чем говорилось публично и неоднократно. Но и к alma mater Ю.Ф. Кирюшин всегда и везде подчеркнута комплиментарен, с удовольствием возвращается к родным пенатам (фото 9), словом и делом поддерживает старых друзей и коллег. Да иначе и быть не может. Томск подарил ему знания, учителей, друзей, профессию, семью. В истории нашей науки он навсегда останется и воспитанником Томской археологической школы, и самым ярким ее апостолом (фото 9, 10).

Юрий Федорович любит вспоминать о том, что через несколько лет после отъезда незабываемый М.П. Кортусов, бывший тогда проректором по науке, уговаривал его вернуться, но получил вежливый отказ. Вот уж действительно, что имеем не храним, потерявши плачем.

Библиографический список

Аникович М.В. О моем первом учителе // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. Томск, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.

Колчин Б.А. Археология и естественные науки // Археология и естественные науки. М., 1965.

Матющенко В.И. Как это было // Вестник Омского университета. 2001. №3 (21).

Могильницкий Б.Г. Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008.

Решение совещания по вопросам хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири, принятое 31 мая 1970 года // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Тихонов И.Л. «Историография» или «история науки» (о современных исследованиях по истории археологии) // История археологии: личности и школы. СПб., 2011.

Черняк Э.И. Проблемной лаборатории – 30 лет // Из истории Сибири. 30-летию лаборатории. Томск, 1998.

УДК 001:902

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.3

О.С. Лихачева

ООО «Алтайстройсервис», Барнаул, Россия

ВКЛАД Ю.Ф. КИРЮШИНА В ИЗУЧЕНИЕ ОРУЖИЯ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Представленная статья посвящена анализу работ Ю.Ф. Кирюшина, в которых имеются сведения об оружии энеолита и бронзового века с территории Лесостепного Алтая. Рассматриваемая подборка условно подразделяется на три блока, сгруппированные по содержанию. В первый включены работы, где опубликованы материалы из археологических памятников указанного периода, со-

державшие предметы вооружения. Значимость этой информации сложно переоценить, поскольку большая часть оружия найдена вне контекста, что значительно усложняет датировку и выявление культурной принадлежности изделий. Далее рассматриваются публикации, вводящие в научный оборот случайные находки различных средств нападения. Последние составляют основу источниковой базы по вооружению того времени. Отдельное внимание уделяется монографии автора, дающей первую систематизацию оружия энеолита и ранней бронзы. В целом благодаря исследовательской деятельности Ю.Ф. Кирюшина было введено в научный оборот и проанализировано 40 единиц оружия, датированных от энеолита до поздней бронзы, уточнены их культурно-хронологические позиции и подняты вопросы их формирования и развития.

Ключевые слова: историография, энеолит, эпоха бронзы, оружие, Лесостепной Алтай

Энеолит и бронзовый век явились отправной точкой в выделении военного дела в самостоятельную сферу жизни общества. Этому способствовал целый ряд факторов: развитие металлообработки, изменение типа хозяйства, активные миграции человеческих коллективов, приводившие к столкновению автохтонного и пришлого населения различных регионов. Все эти процессы характерны и для территории Лесостепного Алтая. Именно тогда вооружение становится отдельной специализированной категорией инвентаря. Изучение средств нападения самой древней эпохи – актуальная задача, без решения которой невозможно воссоздание общей ретроспективы развития военного дела у племен, населявших рассматриваемый регион. В то же время любому аналитическому труду предшествует формирование источниковой базы. Значимый вклад в ее развитие внес Ю.Ф. Кирюшин. Кроме того, многие положения, связанные с определением культурно-хронологических позиций предметов вооружения и их эволюцией, являются до сих пор актуальными и заслуживают пристального внимания. В рамках данной статьи приводится обзор наиболее значимых в плане оружейно-эволюционного исследования работ указанного автора.

Первоначально обратимся к работам, связанным с изучением закрытых комплексов, из которых происходят предметы вооружения, и публикациям полученных материалов. В 1980–1982 гг. и в 1986 г. Ю.Ф. Кирюшиным осуществлялись раскопки могильника Староалейка-2, из погребения №6 которого происходит костяной наконечник стрелы [Кирюшин, 1987, рис. 3.-12]. В 1985 г. им на левобережье р. Оби открыт могильник Цыганкова Сопка-2. В 1986 г. он был частично исследован. Оружие обнаружено в трех погребениях этого памятника и представлено средствами нападения. В могилах-1, 2, 4, 5 были найдены три бронзовых боевых ножа (целые и во фрагментах), два костяных и один бронзовый наконечники стрел [Кирюшин, 1987, с. 113–114, рис. 1.-1–3; 2.-5, 7]. Еще один боевой бронзовый нож с навершием в виде головы лошади, стилистически близкий изделиям из Цыганковой Сопки-2, зафиксирован в могиле-1 Елунинского грунтового могильника-1 [Кирюшин, 1987, с. 100–101, рис. 2.-4]. В статье, посвященной публикации этих памятников, приводятся радиоуглеродные даты, что более точно определяет хронологию самих объектов и, как следствие, происходящего из них инвентаря. Особое внимание в работе было уделено автором анализу бронзовых ножей: рассматривается широкий круг аналогий, позволяющий аргументированно отнести их к сейминско-турбинской металлургической традиции, подробно рассматривается стилистика их художественного оформления [Кирюшин, 1987, с. 117–121]. Что касается культурной принадлежности, то изначально памятник Цыганкова Сопка-2 был отнесен Ю.Ф. Кирюшиным [1987, с. 121] к кротовской культуре, впоследствии он пересматривает данную точку зрения и относит его, как и Елунинский грунтовой могильник-1, к елунинской культуре [Кирюшин, 2002, с. 47].

В целом важность полученных данных сложно переоценить, поскольку они дают контекст находок предметов вооружения, что является редкостью для эпохи бронзы. В непотревоженных погребениях фиксируется положение изделий относительно костяка, указывающее на место их ношения. По помещенным вместе видам оружия возможно выделение воинских комплектов. Немаловажно и то, что установлен половозрастной состав погребенных, дающий представление о том, кто мог входить в новую формирующуюся прослойку общества.

С начала 1990-х до начала 2000-х гг. исследуется еще два памятника, давших материалы по оружию носителей елунинской археологической культуры: Телеутский Взвоз-I и Березовая Лука [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005].

Могильник Телеутский Взвоз-I расположен на левом берегу р. Оби. С данного памятника происходит два костяных наконечника стрел. Они встречены в могилах №18 и 34. Особо стоит отметить могилу-29, в которой присутствовали наконечник из рога и бронзовый наконечник с орнаментом и сохранившейся частью древка. В публикации материалов памятника дается подробное его описание и приводятся аналогии [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 98–92, 98–99, рис. 27.-2; 36.-3; 38.-3; 44.-1]. Находки предметов вооружения связаны не только с могильниками елунинской культуры, но и с поселенческими комплексами. Так, оружие для ведения боя на дальней и ближней дистанции было обнаружено при раскопках поселения Березовая Лука, расположенного на правом берегу р. Алей. К первому относится пять костяных наконечников стрел [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, рис. 146.-5–9]. Второе представлено фрагментами клинкового оружия, определяемого как «клинки ножей» и «нож-кинжал» [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 126, рис. 69.-1–3].

К концу 1990-х – началу 2000-х относится ряд статей, посвященных изучению поселений периода поздней бронзы. Памятник Рублево-VI расположен в бору, в 30 км от пос. Малиновое Озеро. В слое этого поселения в зольнике *in situ* было найдено шесть бронзовых единиц клинкового оружия: три ножа и три кинжала. Как отмечается в работе, изделия были помещены целыми, но дошли до нас уже сильно корродированными. Особый интерес представляет кинжал, у которого сохранилась костяная рукоять, что поставило точку в дискуссии о том были ли такие изделия наконечниками копий или относились к клинковому оружию. Поселение датировано XII–VIII вв. до н.э. и соотносится с саргаринско-алексеевской археологической культурой [Кирюшин, Папин, Шамшин, 1999, с. 383, рис. 2–3; Кирюшин и др., 2002, с. 331, рис. 1.-3]. Еще двумя поселениями поздней бронзы, давшим материалы по вооружению, стали Курейка-3 и Калиновка-2. При раскопках первого было зафиксировано оружие для ведения боя на дальней (двухлопастной наконечник стрелы), средней (наконечник дротика) и ближней (кинжал) дистанции. Все изделия изготовлены из бронзы [Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 120–121, рис. 7.-1, 9]. Со второго поселения происходит массивный бронзовый кинжал с клинком килевидного абриса [Кирюшин и др., 2004, с. 269, рис. 1.-6].

Таким образом, благодаря полевым исследованиям Ю.Ф. Кирюшина и при его активном участии в публикации материалов был получен целый блок предметов вооружения по периодам ранней и поздней бронзы, происходящих из закрытых комплексов.

Ряд работ рассматриваемого автора связан с введением в научный оборот случайных находок оружия. В публикациях такого рода для каждого изделия приводится

подробное описание, даются его метрологические показатели, текст обязательно сопровождается прорисовкой предмета в масштабе. Все это дает возможность для использования этих материалов при создании базы данных.

В 1996 г. Ю.Ф. Кирюшиным и Г.Е. Ивановым публикуется серия бронзовых топоров. Три из них, обнаруженные недалеко от ст. Шипуново, являлись кладом. Исходя из приводимых аналогий они были датированы концом III – началом II тыс. до н.э., являясь наиболее древними образцами бронзового оружия в рассматриваемом регионе. Третье изделие происходит из окрестностей с. Урлапово и относится к так называемым «вислообушным» топорам, связываемым с комплексом вооружения андроновской культуры [Кирюшин, Иванов, 1996, с. 82–84, 88, рис. 1–2]. В двух работах представлены материалы по короткоклинковому оружию. Это случайная находка ножа из с. Урюпино и кинжала из с. Чарышское. Первое изделие датируется в рамках XII–IX вв. до н.э., характеризуя комплекс вооружения эпохи поздней бронзы [Кирюшин, Казаков, 1997, с. 176, 178, рис. 1]. Изделие из с. Чарышское отличают не только значительные размеры (46,8 см), но и богатое художественное оформление, включающее в том числе навершие в виде фигурки лошади. Весьма важным является то, что в данной работе приводятся некоторые выводы о возможном использовании в бою рассматриваемого кинжала. Так, указывается очень малый вес всего изделия в целом и клинка в частности, что, по мнению авторов, снижало его эффективность для нанесения рубящего удара. Следовательно, несмотря на большую длину он использовался, как и экземпляры меньшего размера, только для колющего удара [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, с. 45–47, рис. 1.-2].

Особое место занимает комплекс, обнаруженный у ст. Развилка. Вероятно, рассматриваемые материалы происходили из разрушенного погребения, но никакой дополнительной информации, подтверждающей это, не сохранилось. Всего с данного местонахождения происходит четыре бронзовых предмета вооружения: два кинжала с клинками подтреугольного абриса и уступом при переходе клинка в черен и два втульчатых наконечника копий, один из которых сохранился фрагментарно. Целое изделие имеет перо листовидного абриса. Исходя из аналогий, указанное оружие было датировано достаточно широко: 2-й половиной II – началом I тыс. до н.э. Стоит также отметить, что морфология изделий и сочетание входивших в комплекс видов оружия позволили отнести материалы со ст. Развилка к кругу древностей, близких происходящим из могильника Осинки [Кирюшин, Грушин, Дашковский, 2004, с. 57, 59, 61, рис. 1.-1–3; 2.-1].

Особое место занимает монография Ю.Ф. Кирюшина [2002] «Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири». В ней максимально собрано известное на тот момент оружие указанного периода, что позволило автору частично систематизировать его. Оно представлено следующими видами: бронзовые топоры, наконечники стрел (костяные и бронзовые), наконечники копий, бронзовые ножи. Топоры, как указывалось выше, связаны, по мнению автора, с материалами большемысской культуры [Кирюшин, 2002, с. 25, рис. 47], остальные изделия относятся к комплексу елунинской культуры. Для костяных наконечников стрел предлагается классификация, включающая восемь типов, в основу которых положен вид и форма насада, а также абрис и поперечное сечение пера. Важным является ремарка о конструкции лука, основанная на размерах наконечников стрел. По мнению Юрия Федоровича, он был сложным либо имел «крупные размеры» [Кирюшин, 2002, с. 60–61]. С первым утверждением сложно согласиться, поскольку пока не известно накладок, датируемых этим временем, по-

этому более вероятен второй вариант. Особое внимание было уделено такому яркому для данной эпохи виду оружия, как ножи. Приводится их подробное описание, рассматриваются близкие изделия с сопредельных территорий. На основе последних автором делается вывод о «восточноказахстанско-верхнеобском происхождении такого типа изделий» [Кирюшин, 2002, с. 62–65], что позволяет говорить и о местной основе военных традиций в раннем бронзовом веке. Анализ остальных изделий ввиду их малочисленности включает стандартные процедуры: описание и поиск аналогий, позволяющих уточнить их датировку [Кирюшин, 2002, с. 65–66].

Благодаря активной деятельности Ю.Ф. Кирюшина было введено в научный оборот и проанализировано 40 предметов наступательного вооружения (11 костяных наконечников стрел и три бронзовых, один наконечник дротика, два наконечника копья, четыре топора, девять ножей и 10 кинжалов), что является весомым вкладом в формирование источниковой базы для дальнейшего изучения военного дела энеолита и бронзового века. Выводы автора об их датировке и культурной принадлежности позволяют выстроить на имеющемся материале предварительную схему развития вооружения у населения Лесостепного Алтая в обозначенный период. Значимы поднятые вопросы о типе лука в то время и способах применения некоторых форм кинжалов. В целом деятельность Ю.Ф. Кирюшина во многом послужила толчком для разработки оружейведческой тематики периодов ранней и развитой древности.

Библиографический список

- Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Дашковский П.К. Бронзовые предметы со станции Развилка (Верхнее Приобье) // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения Калиновка 2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Бронзовый нож из Алейского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII.
- Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследование Рублевского археологического микрорайона на юге Кулундинской степи в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VII.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. 1.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Рублево-VI – новое поселение эпохи поздней бронзы в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

УДК 001

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.4

А.И. Мартынов, Р.Д. Мещерский

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ (к 75-летию Юрия Федоровича Кирюшина)

В статье акцентируется внимание на процессах кризиса науки и образования в настоящее время. Влияние формационной теории и европоцентризма в объяснении исторического процесса. Преимущественное изложение отечественными учебниками истории формационного подхода: первобытное общество, рабовладельческое, феодально-капиталистическое. Изучение истории начинается с Древнего Востока, Греции и Рима. Учащиеся не получают никаких знаний о древней истории своей страны, уникальных памятниках археологии. Формируется поколение, имеющее недостаточное представление об историческом и археологическом прошлом собственной страны.

Ставится вопрос об оценке отечественной археологии как фундаментальной исторической науки. Отмечается непонимание особой миссии археологии в нашей стране. Россия – евразийская страна, обладающая самой большой в мире территорией с огромным количеством памятников всех археологических периодов. Задача отечественной археологии несколько другая, чем в любой европейской стране, а наша приверженность объяснения некоторых фактов с помощью старых концепций приводит к непониманию некоторых особенностей цивилизационного развития на евразийском пространстве.

Ключевые слова: археология, история, наука, образование, формации, европоцентризм

Юбилей Юрия Федоровича Кирюшина – значительное событие в отечественной археологии и развитии высшего образования. Он значимая фигура в науке, много сделал в изучении неолита, бронзового периода Южной Сибири, один из первых в истории высшего образования в стране ректор-археолог, многие годы возглавлял Алтайский государственный университет. Мы с любовью и гордостью поздравляем Юрия Федоровича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, благополучия, счастья и новых успехов в науке.

Нельзя не отметить, что Ю.Ф. Кирюшин как деятель, ученый, руководитель сформировался в период активного развития в Сибири академической и вузовской науки, вузовского образования, создания сети университетов на востоке страны.

Юбилей ученого – это, кроме всего положенного в этих случаях, еще и подведение итогов сделанного, оценка настоящего и планы на будущее. Сейчас, с позиций времени ясно, что 2-я половина XX в. была временем бурного развития науки и высшего образования в Сибири: создание СО РАН и его подразделений в регионах; открытие университетов в Новосибирске, Омске, Барнауле, Красноярске, Кемерове, Тюмени; открытие в 1975 г. первой в Сибири кафедры археологии в КемГУ и возникновение групп археологов в научных центрах университетов и пединститутов Сибири; открытие аспирантуры и первого в Сибири совета по защитах диссертаций по гуманитарным наукам в Новосибирске, Кемерове, Барнауле. Отмечается успех и в полевых исследованиях по всем направлениям археологии от палеолита до исследования Средневековья. Молодые сибирские университеты формируются как центры археологической науки: своими кадрами, научными публикациями, связями. Среди них значительное место занимает

созданный Юрием Федоровичем известный в стране, достаточно укомплектованный ведущими учеными археологический научный центр, успешно работающий в Алтайском государственном университете. Созданный усилиями талантливого ученого – Юрия Федоровича Кирюшина, научный центр своими полевыми работами на территории Южной и Западной Сибири, публикациями внес значительный вклад в развитие археологии неолита, палеометаллической эпохи, теоретической археологии, археологии раннего железного века и гуннского периода. Несомненно, 2-я половина XX в. была взлетом сибирской археологии после вынужденного зстоя предвоенных и послевоенных лет прошлого века. Пожалуй, самым основным результатом того периода надо признать формирование местных сибирских научных кадров археологов, сибирской школы ученых, научных центров и археологов в городах Сибири и Дальнего Востока. Во всем этом прослеживается роль нашего общего учителя и организатора академика Алексея Павловича Окладникова. Мы все в той или иной мере его ученики. Об этом нельзя забывать. Невольно вспоминается конец 1950-х – начало 1960-х гг. Мы начинали с того, что в Сибири в 1950-е гг. не было ни одного профессионального археолога – доктора наук и всего один кандидат в Магадане – Н.Н. Диков. Первые шаги в науке делали молодые в то время специалисты: В.И. Матюшенко в Томске, А.И. Мартынов в Кемерове, А.П. Уманский в Барнауле. В 1960 г. возвратился в Сибирь А.П. Окладников, с ним приехал В.Е. Ларичев. Вскоре появилась в Новосибирске Т.Н. Троицкая, археолог, кандидат наук. Началась защита первых диссертаций: В.И. Матюшенко защитился в Москве, В.Е. Ларичев – в Ленинграде и А.И. Мартынов – в Новосибирске. Это была первая в Сибири защита по археологии в только что открытом совете по гуманитарным наукам. Такими были первые шаги возрождения сибирской археологии, которые состоялись во 2-й половине XX в.

К сожалению, последние годы перестройки и реформы высшего, среднего и общего исторического образования и науки привели к очевидной стагнации и разрушению того, что было достигнуто в области археологии и высшего исторического образования в стране и Сибирском федеральном округе в частности. Мы многое безвозвратно потеряли в ходе затянувшейся перестройки образования и науки. Вопрос об исторической науке, ее направлениях, историческом массовом и профессиональном образовании давно назрел. Нужен серьезный, профессиональный разговор и принятие конкретных мер, иначе будет поздно.

Несмотря на явные успехи исторической науки в конкретных исследованиях, установлении исторической правды, новых ярких открытиях в археологии за последние десятилетия, на наш взгляд, историческая наука входит в состояние кризиса. В этой связи хочется обратить внимание на основные недостатки.

Формационная теория и европоцентризм в объяснении исторического процесса. Первой причиной мы видим устойчивую традиционность всей отечественной исторической науки, ее концептуальные методологические основы. Они не меняются, по крайней мере, 150 лет, начиная с работ Л.Г. Моргана [1935], Ф. Энгельса [1986, с. 28–178], концепции формационного развития истории. Она была как одна из основ марксистско-ленинской философии и оказала концептуальное влияние на советскую историческую науку. Формационная теория объяснения истории остается основой объяснения исторического процесса в наши дни, в XXI в. особенно ярко проявляя себя в учебной литературе, школьных и вузовских учебниках по истории. В связи с этим большую тревогу вызывает состояние современного общего среднего исторического образования. Именно оно должно сформировать исторические знания современного человека.

Современное общее историческое образование нельзя считать удовлетворительным. Несмотря на достаточно острые общественные дискуссии по поводу учебников, которые проводились несколько лет назад, – принципиально новых учебников так и не появилось. Не изменилась и устаревшая концепция исторического образования.

Изучение истории начинается в 5-м классе в 11–12 лет. Отечественные учебники, как и раньше, излагают историю исключительно как процесс формационного развития: первобытное общество, рабовладельческое, феодально-капиталистическое. История демонстрируется в основном как процесс социально-классового развития. Учебники переполнены фактами, зачастую второстепенными, по истории Древней Греции и Древнего Рима. В большинстве стран мира общее историческое образование начинается с изучения истории своей страны. У нас – наоборот, изучение истории начинается с зарубежной. Школьники, начинающие изучать историю, не получают никаких знаний о древней истории своей страны, уникальных памятниках археологического наследия евразийского пространства России. Далее идет изучение рабовладельческой формации на примере цивилизаций Древнего Востока, Древней Греции, Древнего Рима со всеми подробностями реформ Гракхов, Пунических войн, делами императоров Древнего Рима. А что было на евразийском пространстве России в то же время в III–I тыс. до н.э. остается неизвестным. Таким образом, к 15 годам формируется представление о том, что в истории все ценное происходило за рубежом, а у нас, на территории России, грубо говоря, было еще первобытное общество. Так наше историческое образование формирует безразличие к историческому прошлому страны [Мартынов, 2019, с. 913–915].

Надстроенная история. Второй особенностью отечественной исторической науки является преувеличение роли социально-классовых общественных отношений: классы, классовая борьба как «движущая сила истории. Само возникновение государства согласно марксистско-ленинской философии рассматривается в учебниках как результат возникновения антагонистических классов и классовой борьбы [Энгельс, 1986, с. 28–178]. Наукой давно доказано, что это не так, государственные структуры возникают задолго до классов, как потребность организации хозяйственной деятельности, общественных работ, управления общественной собственностью и потребностью охраны территории. Дело в том, что вся наша историческая наука – наука об обществах, а человек выступает как творец своей истории. Да, человек выступает как активный участник истории, но есть и другое – история как процесс развития, в котором прослеживаются действия объективных, естественных законов, а люди и популяции действуют в рамках этих законов.

Отечественная историческая наука ушла от фундаментальных ценностей «движущих сил истории», источников прогресса. Не случайно академик Ж. Алферов сказал: «...каменный век закончился не потому, что камня стало меньше, а потому, что появились новые технологии». Не общественные и классовые отношения, а новые технологии, изобретения, прогресс материальной культуры являются источником исторического развития фундаментальной основы истории. Пожалуй, единственной в стране исторической наукой, занимающейся изучением базовых процессов развития истории, является археология, которой много предстоит сделать в XXI в.

Российская археология сегодня. Современная отечественная археология не оценена как фундаментальная историческая наука, уровень использования ее достижений в историческом образовании и культуре низок. И это при том, что в стране практически нет никакой другой науки о древней истории, кроме археологии. А археологи, накапливая ежегодно археологические источники, фиксируя факты находок исторически

ценных предметов недостаточно полно, на наш взгляд, не занимаются интерпретацией накопленных археологических источников. Отмечается непонимание особой миссии отечественной археологии, которая диктуется рядом естественно сложившихся факторов: Россия – евразийская страна, обладающая самой большой в мире территорией с огромным количеством памятников всех археологических периодов. Поэтому, задачи отечественной археологии другие, чем в любой европейской стране, а наша приверженность объяснения своей истории приводит к непониманию некоторых фактов цивилизационного развития на евразийском пространстве [Мартынов, 2013, с. 43–47].

В археологии большую роль играет фактор личного исследовательского интереса. Нет ясной концепции, что же мы хотим получить от археологии – науку, которая занимается только раскопками и изучением новых артефактов, или фундаментальную историческую науку, способную раскрыть исторические процессы, которые проходили в восточной Евразии в эпоху палеометалла и раннего железа [Мартынов, 2014, с. 460–470].

Остается не раскрытой роль появления курганных захоронений в евразийском пространстве в энеолите, процессы перехода к производящему хозяйству. Ждут не констатации факта открытия, а их исторической оценки. Для этого нужны новые методологические подходы.

Библиографический список

Мартынов А.И. Археологические факты и исторический процесс в степной Евразии // Вестник ТГУ. История. 2013. №3.

Мартынов А.И. Археологические культуры и цивилизационное развитие в степной Евразии (к 100-летию открытия В. Городцовым археологических культур палеометаллической эпохи) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014.

Мартынов А.И. Археология: вузовский учебник и наука (к 45-летию публикации учебника А.И. Мартынова «Археология СССР, М. 1973») // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2019. Т. 21, №4.

Морган Льюис Г. Древнее общество. Л., 1935.

Энгельс Ф. Происхождения семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., 1986.

УДК 902:39

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.5

А.А. Казаков

*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

О ВРЕМЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

В работе дан краткий историографический обзор проблемы первоначального проникновения кулайского населения на территорию Лесостепного Алтая. На основе керамического комплекса поселения Бочанцево-1 выделены признаки, которые позволяют достаточно точно отделить его от керамических комплексов культур раннего железного века Лесостепного Алтая (каменской, староалейской, быстрианской). Это формы венчиков с прямыми срезами и карнизиками и орнаментальная композиция, основу которой составляют горизонтальные отпечатки уголка лопаточки и ямки. Такие формы венчиков и орнаментальные композиции не встречаются на керамике культур РЖВ Лесостепного Алтая. Они выделены в новый, бочанцевский этап кулайской культуры и определяют наиболее ранние проникновения кулайских традиций в Лесостепной Алтай. Датируется бочанцевский этап IV–III – II в. до н.э. Кратко охарактеризованы троицкий и фоминский этапы развития кулайской культуры Лесостепного Алтая, предложены незначительные корректировки миграционной теории его заселения.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, кулайская культура, миграция, керамический комплекс, этап, хронология

Материалы, полученные М.П. Грязновым в 1946, 1947 и 1949 гг. при исследовании комплекса памятников Ближние Елбаны [Грязнов, 1956, с. 6], позволили ему выдвинуть гипотезу о полной смене культурного облика населения Лесостепного Алтая во II в. н.э. Основанием для этого послужила «...резкая смена облика археологических памятников на Верхней Оби», причиной которого, по мнению ученого, является «... новая культура, привнесенная сюда извне» [Грязнов, 1956, с. 99].

Спорность многих положений выдающегося археолога, касающихся этого периода древней истории Лесостепного Алтая, вызвала бурную дискуссию уже на стадии первичной публикации материалов, полученных с Ближних Елбанов [Грязнов, 1947; 1949; 1950; 1951; 1952; Чернецов, Мошинская, 1951; Чернецов, 1953; и др.]. Положение о миграции населения из «...северных лесов» [Грязнов, 1956, с. 116], которая и привела к смене культурного облика Лесостепного Алтая, остается неизменным и не вызывающим сомнения у всех ученых, занимающихся этой проблематикой.

Несмотря на то, что точка зрения М.П. Грязнова [1956], последовательно отстаиваемая им в развернувшейся дискуссии и опубликованная в монографии по итогам работ на Ближних Елбанах, в последующем подверглась корректировке и в научном сообществе сложились определенные представления о культурогенетических процессах, проходивших в I тыс. н.э. на территории Западной Сибири, в том числе в Лесостепном Алтае, изложенные в монографиях Т.Н. Троицкой [Троицкая, 1979; Троицкая, Новиков, 1998] и Л.А. Чиндиной [1984; 1991], интерес к изучению кулайской культуры и ее роли в культурогенетических процессах сопредельных территорий не ослабевает до настоящего времени. Это связано с высокой пассионарностью кулайского населения, которое на протяжении более двух тысячелетий продолжало свою эволюционную линию развития, не прерывавшуюся до настоящего времени. Эта же пассионарность, удивительная жизнеспособность, послужила тем фактором, который обеспечил очень сильное влияние кулайских традиций на культурогенетические процессы практически всех западносибирских регионов, расположенных в непосредственной близости от основного ареала распространения кулайской культуры.

Среди огромного количества обсуждаемых вопросов кулайской проблематики особую роль для Лесостепного Алтая имеет проблема проникновения кулайского населения, а вместе с ним и культурных традиций в этот регион, так как последующая история территории связана именно с этим населением. Как уже было отмечено, изначально этим рубежом М.П. Грязновым был определен II в. н.э.

Признание миграционной теории обусловило ее дальнейшее развитие в работах Т.Н. Троицкой, которая считала, что заселение Лесостепного Алтая связано с второй миграционной волной кулайского населения, которая привела к появлению памятников с фоминской керамикой в Лесостепном Алтае [Троицкая, 1979, с. 47] в I в. н.э. [Троицкая, 1979, с. 49]. По мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 162], кулайские племена достигли Верхнего Приобья также в результате второй миграционной волны, но в I–II вв. до н.э. Уже в этих работах мы наблюдаем омоложение сроков заселения Лесостепного Алтая кулайскими племенами.

Серьезной вехой в изучении кулайской культурно-исторической общности было исследование в 1988–1990 гг. Ю.В. Шириным Усть-Абинского могильника. На основании анализа всего комплекса фоминских материалов, включающего и комплексы Лесостепного Алтая, им была определена их нижняя хронологическая граница – рубеж II–III вв. [Ширин, 2003, с. 101–114]. Здесь мы наблюдаем уже противоположную тен-

денцию – завышение нижней даты миграционного потока «кулайцев» в Лесостепной Алтай, предложенной М.П. Грязновым.

Основной причиной подобного положения является подмена понятий, которыми оперируют ученые. Если М.П. Грязнов, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина и их последователи говорят о кулайской культуре в целом, в том числе о более ранних этапах ее развития, то Ю.В. Ширин определяет нижнюю хронологическую границу самостоятельной археологической культуры – фоминской, в которую он включает все кулайские памятники Лесостепного Алтая.

Попробуем разобраться в сложившейся ситуации. Для начала следует пересмотреть основную парадигму заселения Лесостепного Алтая кулайскими племенами, а именно непоколебимый постулат миграционной теории.

Культурогенетические процессы являются крайне сложными и не могут протекать однолинейно. В них тесно взаимодействуют как эволюционные механизмы, так и диффузионные схемы. И если эволюционные процессы являются достаточно длительными, то диффузия приводит к смене культуры достаточно быстро [Казаков, Казакова, 2016, с. 239]. Как раз подобную быструю смену культурного облика Лесостепного Алтая в результате диффузии (миграции) мы и наблюдаем. Подходя так однолинейно к сложному процессу, мы не учитываем диалектической составляющей, согласно которой любое качественное изменение подготавливается количественно. Говоря об одномоментной миграции, мы отрицаем наличие более ранних контактов между населением Лесостепного Алтая раннего железного века, представленном каменной, староалейской и быстрианской археологическими культурами, с населением кулайской культуры. А ведь любое массовое переселение должно быть подготовлено и обеспечено определенными знаниями о регионе будущего проживания. Кроме того, нельзя отрицать и неизбежность культурных контактов между представителями соседствующих культур, проживающих рядом друг с другом. И эти контакты, с учетом условности границ в древности, должны быть гораздо более плотными, чем в настоящее время между территориями, разделенными административными и межгосударственными границами.

Одним из первых обратил внимание на наличие подобных контактов уже в IV–III вв. до н.э. В.Б. Бородаев [1987, с. 111] в связи с публикацией материалов Новообинцевского клада. Г.Е. Иванов, исследовав поселение Бочанцево-1, расположенное в зоне ленточных боров Мамонтовского района Алтайского края, указал на нестандартную керамику, выбивающуюся из достаточно монолитного комплекса каменной культуры. Им отмечена близость керамики поселения керамическим комплексам второго этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, датируемым I в. до н.э. – I в. н.э. [Иванов, 1991, с. 120]. Затем М.Т. Абдулганеев с А.А. Казаковым [1994, с. 114], обработав материалы поселения Чудацкая Гора, также указали на наличие ранних кулайских материалов IV–III вв. до н.э. на территории Лесостепного Алтая, что свидетельствует о наличии достаточно плотных контактов местного населения с кулайским. На ранние контакты с кулайским населением тезисно указывалось и в других публикациях барнаульских археологов [Шамшин, Казаков, 1992; Казаков, Демин, 1992; Бородаев, Горбунов, 1993].

Эта тема в то время не нашла своего исследователя. Однако она способствовала появлению работы Ю.В. Ширина, в которой он проанализировал ранние кулайские комплексы Лесостепного Алтая. К сожалению, подвергнув критике ранее опубликованные концепции, он не сформулировал своего отношения к возможности контактов местного населения с кулайским на более ранних этапах развития этой культуры, объ-

ясняя отмеченные особенности результатом взаимодействия каменной культуры с фоминской, указав на то, что фоминская культура формируется не ранее рубежа II–III вв. н.э. [Ширин, 2004, с. 59].

Постоянно пополняющаяся источниковая база, более пристальный анализ имеющихся материалов и их обобщение, развитие теоретических методик исследований позволили А.Б. Шамшину и А.Т. Сингаевскому [2007] выделить группу поселений III–II вв. до н.э., сочетающих черты каменной, саргатской и кулайской традиций. Не останавливаясь на критических замечаниях по поводу этой работы, следует отметить, что она также указывает на взаимодействие с кулайским населением. И это уже не одиночные находки, случайные единичные фрагменты, а достаточно крупные комплексы.

Особо следует остановиться на работе В.В. Горбунова 2017 г., в которой им был выделен троицкий этап, связанный с миграцией самодийских племен из Новосибирского Приобья в I в. до н.э. – II в. н.э. [Горбунов, 2017; Горбунов, Кунгуров, 2018, с. 157], знаменующий начало миграционной волны и заселение Лесостепного Алтая кулайским населением. Отмечая, что для решения поставленной задачи нам важна прежде всего хронологическая составляющая, не касаясь некоторых частных, считаем, что подобная периодизация отражает объективную картину.

Расширение источниковой базы, связанное с исследованием новых однослойных памятников на территории Лесостепного Алтая, введение в научный оборот ранее малоизвестных материалов позволили выделить характерные признаки керамических комплексов фоминского этапа кулайской культуры, что, в свою очередь, послужило основой для выделения саровских комплексов из считавшихся ранее культурно однородными материалов [Казаков, 2020]. Нижней датой саровской керамики принято считать I в. до н.э. [Чиндина, 1984, с. 106]. Вторая миграционная волна датируется рубежом II–I вв. до н.э. [Чиндина, 1984, с. 162], что и дает нам дату появления саровских комплексов на территории Лесостепного Алтая.

Таким образом, мы можем говорить о проникновении кулайского влияния на территорию Лесостепного Алтая гораздо раньше, чем произошла смена населения, отмеченная М.П. Грязновым во II в. н.э., обусловленная массовой миграционной волной. Подобная миграция была подготовлена длительными и достаточно мирными контактами, протекавшими на протяжении продолжительного хронологического периода, что уже отмечалось исследователями [Иванов, 2000, с. 135; 2016, с. 33].

В настоящее время мы можем говорить о наличии на территории Лесостепного Алтая кулайских материалов, относящихся не только к троицкому и фоминскому этапам кулайской культуры. Выделенные Т.Н. Троицкой на сопредельной с Алтаем территории Новосибирской области более ранние этапы развития кулайской культуры мы также можем проследить на материалах Лесостепного Алтая.

Первый этап, который Т.Н. Троицкая датировала временем могильника Каменный Мыс (IV–III вв. до н.э.) находит аналогии в керамических комплексах типа Бочанцево-1. Культурно-хронологически показательными в этом керамическом комплексе являются формы венчиков с карнизиками и плоскими срезами и орнаментальные композиции с отпечатками уголка лопаточки в несколько горизонтальных рядов, отсутствие «жемчужника», каких не встречается в культурах РЖВ Лесостепного и Предгорного Алтая. Эти комплексы встречены на 11 поселенческих комплексах (Бочанцево-1, Хмелевка, Аллак-1, Новоалтайское, Раздумье-1а, Усть-Чумышская Пристань-1 (Мостовой), Чудацкая гора, Курейка-6, Урлапово-1а, Урлапово-2). Вероятнее всего, к этому времени относятся

и погребально-поминальные, ритуальные комплексы Кармацкий, Обские плесы-2, Малый Гоньбинский Кордон-1 могильник 5. Южная граница широкого распространения этих материалов ограничивается районом Новоалтайского поселения. Как раз они и являются свидетельством наиболее ранних проникновений «кулайцев».

Второй этап связан с второй миграционной волной кулайского населения уже с территории Томского Приобья [Казаков, 2020, с. 19], основу которой составляли саровские племена. В настоящее время в этом регионе выделяется порядка 10 памятников с саровской керамикой (Ближние Елбаны-4, Круглое Озеро, Усть-Чумыш-1, Ближние Елбаны-7, Поселение 2 комплекса памятников Малый Гоньбинский Кордон-1, Усть-Чумышская Пристань-1 (Мостовой), Чудацкая Гора, Шипуново, Чесноково-4).

Третий этап представлен комплексами фоминского этапа кулайской культуры, которые как раз и знаменуют смену культурного облика региона. В настоящий момент на территории Лесостепного Алтая их известно порядка 58.

Таким образом можно говорить, что миграция кулайского населения на территорию Лесостепного Алтая не была одномоментным явлением, связанным с многочисленным миграционным потоком, который вытеснил аборигенное население раннего железного века Лесостепного Алтая с его земель обитания. Эта миграция проходила в мирных рамках, и местное население достаточно долго сосуществовало с пришельцами. Миграция была подготовлена более ранними контактами, которые фиксируются на археологическом материале с IV–III вв. до н.э. Учитывая определенное своеобразие этого материала, обусловленное контактами с населением каменной и староалейской археологических культур, которое его отличает от комплексов первого этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, предлагаем назвать этот этап по наименованию памятника, давшего наиболее показательный материал, – поселения Бочанцево-1 – бочанцевским. Его хронологические рамки предварительно можно определить IV–III – II в. до н.э.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.
- Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.
- Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 2. Барнаул, 1993.
- Горбунов В.В. Культурно-исторические процессы на территории Лесостепного Алтая в 1 тыс. н.э. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]. Барнаул, 2017.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л. Памятники первой половины 1 тыс. н.э. археологического комплекса МГК-1 в Барнаульском Приобье // Изв. Алт. гос. ун-та. 2018. №2 (100).
- Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1947.
- Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1949.
- Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950.
- Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка // Краткие сообщения института исследования материальной культуры. М., 1951.
- Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1952.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956.
- Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево-1 – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.
- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000.

Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул, 2016.

Казаков А.А. Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // Теория и практика археологических исследований. 2020. №2 (30).

Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Изв. Алт. гос. ун-та. 2016. №4 (92).

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1951.

Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991.

Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные археологические раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т. Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце 3 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск, 2007.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. №2.

УДК 902.2(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.6

А.Л. Кунгуров¹, О.Ф. Кунгурова²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Барнаульский филиал, Барнаул, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНЫХ РАЗНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПРИЧУМЫШЬЯ: ПАМЯТНИКИ В УРОЧИЩАХ КОВРИЖКА И КУРНОСКА

Верхнее Причумышье – это регион, объединяющий две разных орографических зоны: Бийско-Чумышскую возвышенность и Салаирский кряж. В настоящее время он является одним из наиболее исследованных археологических районов. Особенности формирования долины Чумыша привели к образованию долинно-балочного рельефа с большим количеством выразительных микродолин, мысов и малых притоков. В различные периоды истории участки долины, наиболее удобные для проживания и реализации присваивающего и производящего хозяйства, заселялись неоднократно. На ряде памятников зафиксированы сочетания разновременных поселений и грунтовых некрополей. Часть подобных комплексов – Усть-Васиха-2, Степь-Чумыш Маслозавод, Усть-Шамониха-1 опубликованы. В статье представлены результаты изучения материалов многослойных памятников Коврижки-1, 2 и Курноски-1–3, расположенных на юго-западных отрогах Салаира в левобережье долины Чумыша. Кроме культурных слоев корначакской (неолит) и быстринской (ранний железный век) культур, на памятнике Коврижка-2 обнаружено погребение андроновской культуры. Настоящей работой авторы продолжают цикл исследований, посвященных публикации многослойных памятников региона. Также планируется публикация комплексов урочищ Улус, Куюк, Манжиха и др.

Ключевые слова: поселение, погребение, керамика, пест, сосуд, нуклеус, пластина, скребок, ранний железный век, быстринская культура, андроновская культура, датировка, периодизация

Верхнее Причумышь объединяет две разных орографических зоны: Бийско-Чумышскую возвышенность и Салаирский кряж. Отрезок долины Чумыша в месте расположения устьевой зоны р. Шамоники (Чуманики, длина водотока около 3 км) разделяет отроги Салаира (правый борт) и северо-восточные склоны Бийско-Чумышской возвышенности. По физико-географическому районированию это Уруно-Ненинский район Салаирской провинции Кузнецко-Салаирской области страны Горы Южной Сибири. Скальные подстилающие отложения – песчаники, сланцы и конгломераты среднего-верхнего отделов кембрийской системы. Ландшафт региона – возвышенный дренированный (элювиальный) лесо-лугово-степной. Распространены холмисто-увалистые эрозионно-денудационные цокольные предгорные равнины, перекрытые плащом лессовидных суглинков и лессов с разнотравно-злаковыми остепненными лугами на выщелоченных черноземах в сочетании с редкими березовыми байрачными лесами на темно-серых почвах [Алтайский край..., 1978].

В настоящее время он является одним из наиболее исследованных археологических районов. Особенности формирования долины Чумыша привели к образованию долинно-балочного рельефа с большим количеством выразительных микродолин, мысов и малых притоков. В различные периоды истории участки долины, наиболее удобные для проживания и реализации присваивающего и производящего хозяйства, заселялись неоднократно. На ряде памятников зафиксированы сочетания разновременных поселений и грунтовых некрополей. Часть подобных комплексов – Усть-Васиха-2, Степь-Чумыш Маслозавод, Коврижки-1 и 2 полностью или частично опубликованы [Кунгуров, 1997; 1998; 2005]. Настоящая работа продолжает цикл публикаций, посвященных памятникам региона – комплексам Усть-Шамоника, Коврижка, Куюк, Улус и др.

Урочища с забавным наименованиями Курноска и Коврижка расположены на северо-западной окраине с. Степь-Чумыш. В этом месте терраса левого борта долины р. Чумыш образует обширную выемку, имеющую сложный микрорельеф – череда коротких крутых достаточно высоких мысов. Именно они и определили наименование данного места – Курноска. Окончания некоторых пологих мысов отрезаны водотоками от основного массива. Эти округлые невысокие останцы именуются местным населением «коврижками». С севера урочище ограничено достаточно длинным цокольным мысом (рис. 1.-1). Ранее там располагался крупный животноводческий комплекс, приуроченный к северному берегу пойменного озера Гориного. Для функционирования хозяйства на подходящих склонах выкапывались силосные траншеи, ориентированные, как правило, параллельно кромке берега.

Курноска-1. Крайнее южное образование одноименного урочища. Мыс ориентирован с юго-запада на северо-восток. Длина около 60 м, ширина до 15 м (от кромки до кромки резко падающих боковых склонов). Высота от 16 до 11 м над уровнем заболоченной поймы Чумыша (224–218 м над у.м.). В месте основания мыса, где его поверхность переходит в водораздельное Чумыш-Шалапское слабосхолмленное пространство, проходит накатанная дорога в поля. Посередине мыса выкопана силосная траншея шириной до 7 м, перерезающая мыс от края до края. При ее сооружении и позже в осыпях кромки жителями села найдена керамика раннего железного века (рис. 3.-6–10) и костяной шлифованный «керамический» нож (рис. 3.-11). Все находки были переданы в музей с. Победа, где хранились под обозначением «найдено в окрестностях Степь-Чумыша».

Курноска-2. Памятник расположен северо-западнее предыдущего на схожем выступе борта долины. Отделен от Курноски-1 неглубоким (до 5–7 м) нешироким (до

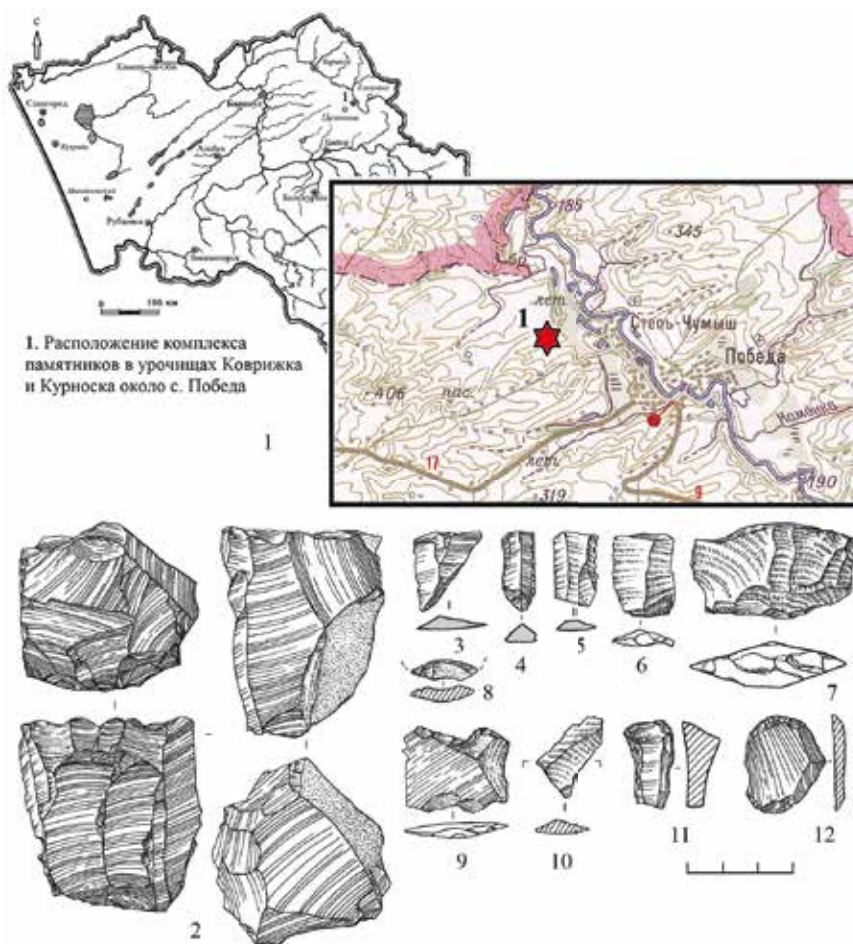

Рис. 1. Расположение комплекса памятников Курноска и Коврижка (1).
Неолитические материалы с поселений Коврижка-1 (2, 10) и 2 (3–9, 11, 12)

20 м) логом. Мыс имеет длину 80 м, ширину около 60 м, высоту до 18 м над уровнем поймы (221 м над у.м.). Разрушений поверхности нет. В шурфе площадью 4 кв. м зафиксирован культурный слой, а также обнаружена керамика без орнамента, схожая по составу теста, цвету и прочностным характеристикам с материалами раннего железного века, и осколки костей животных (МРС).

Курноска-3. Цокольный мыс длиной 300 м, ограничивающий урочище с севера. Расположен в 400 м к северо-северо-востоку от Курноска-2. Высота от 46 до 16 м (240–220 м над у.м.), ширина от 100 м в основании до 30 м на окончании мыса, которое имеет естественную осыпь. В этой осыпи в 1970-х гг. местный житель подобрал обломок песта (рис. 3.-12), переданный им в музей с. Победа.

В 1990 г. в ходе планового обследования долины Чумыша в данном районе все материалы, хранившиеся в фондах музея с. Победа, были по мере возможности идентифицированы, а совместно с руководителем музея П.Ф. Рыженко на местности определены точки находок предметов. На поселениях Курноска-1–3 для уточнения наличия культур-

ного слоя заложены шурфы площадью 4 кв. м и во всех зафиксировано его наличие на глубине 0,3–0,35 м в средней части толщи темно-серого гумусового горизонта. В слоях встречались каменная крошка, древесные и костные угольки, мелкие фрагменты керамики, в том числе с орнаментом. Все материалы достаточно уверенно можно было отнести к быстринской культуре раннего железного века. Керамика – закрытые баночные сосуды. Орнамент представлен ямками (рис. 3.-3, 4), чистым «жемчужником» (рис. 3.-7, 10), «жемчужником» с разделителем (рис. 3.-1, 2, 8). Также встречен орнамент в две строки – чистый «жемчужник» и два ряда наклонных насечек выше (рис. 3.-9). В сборах на Курноске-1 оказался обломок стенки баночного сосуда с наlepным валиком, рассеченным наклонными оттисками гладкого штампа (рис. 3.-6). Костяное изделие с этого поселения представляет собой скол диафизной трубки кости КРС (примерно треть диаметра по пропорциям) с заостренным шлифовкой внутренней поверхности овальным дистальным окончанием (рис. 3.-11). Проксимальная часть орудия оббита «под скос», видимо, для крепления в рукояти или обмотки ремнем. Традиционно такие орудия исследователи интерпретируют как ножи-шпатели для обработки поверхности керамических сосудов в процессе их изготовления. Обломок каменного песта с поселения Курноска-3 также является типичным изделием для быстринской культуры. Сохранилась только верхняя рукояточная часть. Судя по ней, пест был изготовлен из слабоокатанной отдельности твердой серой метаморфизированной породы путем пикетажа и микрооббивки граней. Изделия подобных параметров использовались прежде всего для керамического производства – дробления шамота и дресвы (рис. 3.-12).

Памятники с наименованием **Коврижки-1–2** расположены в 290 м юго-восточнее описанного комплекса и отделены от Курноски-1 глубоким сырым логом с небольшим водотоком. Оба памятника связаны с окончанием пологосклонного мыса, высотой в месте слияния с водораздельным пространством левобережья Чумыша 210 м над у.м. Пониженная оконечность мыса разделена в процессе формирования береговой кромки на два округлых образования, именуемых местными жителями «Коврижки».

Коврижка-2 является непосредственной конечной стрелкой мыса, высотой 2–3 м над уровнем поймы левобережья долины Чумыша (196 м над у.м.), а Коврижка-1, по сути дела, является останцом, отрезанным от мыса небольшим родником и долиной его водотока шириной 17 м. Высота округлого останца 2 м над поймой (197 м над у.м.).

Поскольку разрушений на Коврижках не было, на поверхности образований были заложены шурфы площадью по 4 кв. м каждый. Оба шурфа показали наличие достаточно насыщенных культурных слоев эпох неолита (корначакская культура) и раннего железного века (быстринская культура). Кроме этого, на Коврижке-2 зафиксированы материалы андроновской культуры, в том числе парное детское погребение (рис. 2.-1).

Материалы раннего комплекса немногочисленны, но сходны на обоих памятниках. Техника расщепления представлена крупным многоплощадочным многофронтальным нуклеусом (рис. 1.-2), пятью пластинами средних размеров и проксимальными фрагментами двух пластинчатых отщепов различных размеров (рис. 1.-7, 8). Пластины обработаны по одному или по обоим краям с дорсала (рис. 1.-4–6), одна усечена по диагонали (рис. 1.-3). На дистальном окончании пятой пластины с дорсальной стороны оформлен концевой скребок высокой формы (рис. 1.-11). Рабочая кромка орудия изношена до образования завальцованности. На отщепах сформированы выемчатое орудие (рис. 1.-9) и двойной скребок с противолежащими оваль-

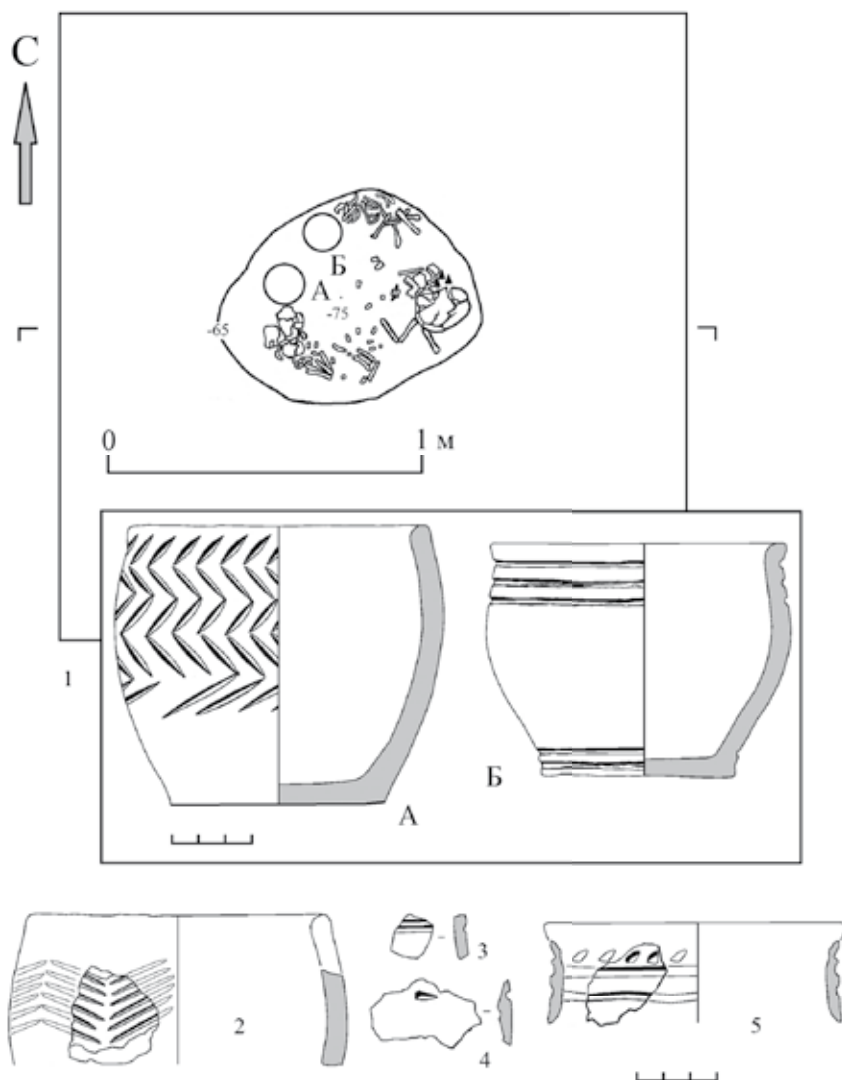

Рис. 2. Андроновское захоронение (1) и керамика с поселения Коврижка-2

ными рабочими кромками (рис. 1.-12). В целом, несмотря на незначительное количество, материал аналогичен неолитическим комплексам поселений Корначак-2, расположенного в 2,1 км северо-северо-западнее, и Усть-Васиха-2, находящегося в 5 км северо-восточнее [Кунгуров, 1998; 2005].

Погребение на поселении Коврижка-2 получило номер 1, поскольку предполагается нахождение других могил выше по склону мыса [Кирюшин, Кунгуров, 1996]. Неровно-овальная яма глубиной 0,55 м от уровня современной поверхности (от уровня материка ее глубина 0,25 м, от уровня первого проявления в сером почвенном горизонте – 0,35 м). Размеры 0,75×0,5–0,6 м. Ориентация по оси северо-восток (более широкая часть) – юго-запад. Заполнение представляет собой темно-серый гумусовый суглинок с крошками материка и мелкими древесными угольками.

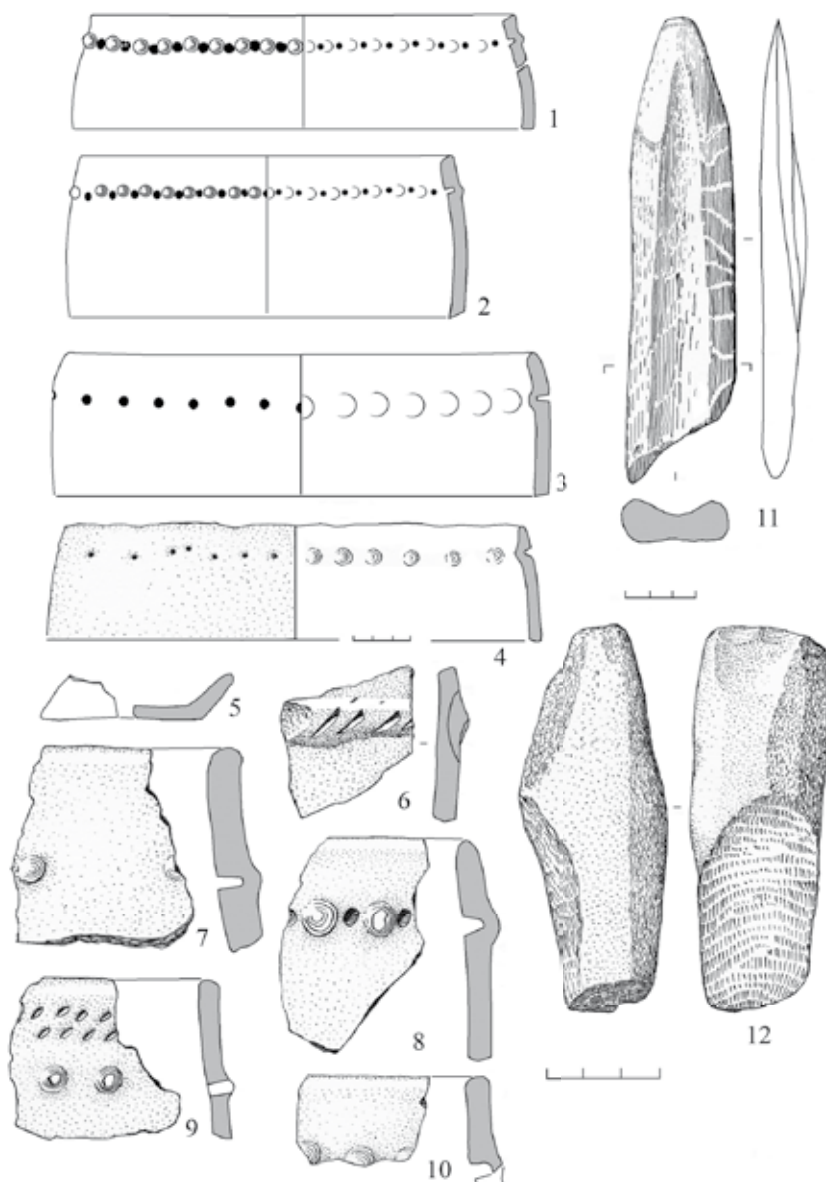

Рис. 3. Материалы раннего железного века (быстрынская культура) с поселений в урочищах Курноска и Коврижка

На дне ямы находились скелеты двух детей (рис. 2.-1). Первоначальное положение костей нарушено грызунами, но их особенности восстанавливаются достаточно точно. *Северо-западный умерший* был уложен на правый бок в скорченном состоянии головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кисти находились перед лицом. Возраст ребенка около трех-четырёх лет. Около ног (предположительно между коленями и стопами) стоял небольшой керамический сосуд горшковидной формы (рис. 2.-1, сосуд Б) с прочерченным линейным орнаментом. Три параллельные полосы под венчи-

ком и две в нижней части перед днищем. Юго-западный умерший имел возраст около двух лет. Скелет лежал также скорченно, но на левом боку головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Перед головой (на уровне верхней части лба) стоял керамический сосуд баночной формы с орнаментом «вертикальный зигзаг» в пять строк (рис. 2.-1, сосуд А). Наклонные отгиски с заостренными окончаниями длиной от 1,5 (верхние ряды) до 3 см (нижний ряд) нанесены гладким штампом. Высота орнаментальной строки одинакова – 1,5 см. Нижние строки мастером-керамистом сделаны более наклонными, по сравнению с более вертикальными и короткими верхними. В целом орнаментальная зона занимает верхние две трети поверхности сосуда. Интересно то, что сосуд-банка по высоте и диаметру больше горшка.

Положение умерших детей нельзя считать обычным. Известные андроновские погребения Причумышья ориентированы головой на запад-юго-запад [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007]. Положение в одной могиле умерших на правом и левом боках и в различном направлении также нельзя считать распространенной сакральной практикой населения андроновской культуры. Видимо, подобное положение детей и их ориентация в могиле-1 может быть связано с их разным полом или особенностью смерти. Следует также обратить внимание на тот факт, что керамический сосуд старшего ребенка представлен горшком, хотя и с упрощенным орнаментом, а у младшего стояла банка.

Представленные в публикации материалы документируют высокое освоение бортов долины р. Чумыш в ее верхнем течении в различные исторические периоды и высокую перспективность исследования памятников, зафиксированных в 80–90-х гг. прошлого века. Осмотр данных объектов в сентябре 2020 г. показал их хорошую сохранность.

Библиографический список

- Алтайский край: атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978.
Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на Верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996.
Кунгуров А.Л. Памятники железного века верхнего Причумышья // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997.
Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха-2 на Чумыше // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
Кунгуров А.Л. Археологические памятники и находки в Целинном районе // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Вып. 1. Барнаул, 2005.
Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007.

УДК 902«638»(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.7

П.В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ТАЕЖНОЙ ЗОНЕ СРЕДНЕЙ СИБИРИ (постановка проблемы)

Предлагается рассматривать ареал памятников цэпаньской культуры, занимающей подзону южной тайги Средней Сибири от Енисея до Лены, как культурно-историческую область. Она будет объединять варианты культуры в «енисейской», «нижнеангарской», «североангарской» и «верхнеленской» группе памятников. Вместе с объединяющими признаками («вторичность», перезахоронение костяка в погребальном обряде, облик керамики, набор оружия) для каждого варианта выделены свои особен-

ности, состоящие из способов хозяйствования, устройства поселений, металлургии, набора каменных, бронзовых и костяных орудий, разных типов керамики (каменско-маковского, карабульского, взвозовского), форм сосудов-дымокуров, облика культовых предметов и антропоморфных изображений. Сложение вариантов обусловлено как истоками формирования культуры из шепилевских, самоделкинских, глазковских и усть-мильских комплексов, так и культурными контактами с сопредельными территориями – скотоводами Среднего Енисея и охотниками Якутской тайги скифского времени.

Ключевые слова: скифское время, цэпаньская культура, поселения, погребения, керамика, орудия, искусство

Введение

В отечественной археологии понятия культурно-исторической области/общности, несмотря на более чем полувековую историю их изучения, не имеют пока четкого и однозначного толкования (историография проблемы см.: [Ковалевский, 2013, с. 26–29]). В контексте настоящей статьи автор придерживается точки зрения, согласно которой «культурно-историческая общность» и «культурно-историческая область» – разные понятия. Если первое означает общность культур, родственных по своему происхождению, то второе правомерно применять к объединениям культур, не связанных «общностью происхождения» [Пряхин, 1982, с. 23–26]. В этом контексте культурно-историческая область сопоставляется с «культурной зоной», в терминологическое определение которой А.А. Формозов [1972, с. 13] включал «объединение нескольких культур на основе сходств, не имеющих этнического характера, а свидетельствующих лишь об одинаковости занятий населения».

В археологии раннего железного века южнотаежной подзоны Средней Сибири к настоящему времени сложилось несколько концепций культурной интерпретации материалов скифского времени. Одна точка зрения принадлежит В.И. Привалихину – автору выделения цэпаньской культуры (VIII–II/I вв. до н.э.). По его мнению, в ареал единой археологической культуры кроме Северного Приангарья включается ряд памятников на Лене, Подкаменной Тунгуске и Среднем Енисее [Привалихин, 2011, с. 169]. Другая точка зрения принадлежит автору [Мандрыка, 2016, с. 238], который считает, что в западном крыле ареала цэпаньской культуры, в долине Среднего Енисея и низовьях Ангары, западнее Енисейского кряжа, выделяется особый вариант.

Представленные концепции не противоречат друг другу, а лишь указывают на различия материалов внутри единой культурно-исторической области, т.е. в разных районах ареала. Развивая эту тему, продолжим сравнение комплексов цэпаньской культуры различных территорий.

Материалы

Для сравнения рассмотрим ряд районов распространения памятников с материалами цэпаньского облика, а именно: слияние Енисея и Ангары (Енисейская группа), два участка долины Нижней Ангары в районе с. Богучаны («нижнеангарская» группа) и между Усть-Илимском и Кодинском («североангарская» группа), долина верховьев р. Лена («верхнеленская» группа). Сразу обращает внимание «широтный» охват ареала: по подзоне южной тайги Средней Сибири [Попов, 1982], протяженность которой с востока на запад составляет около 1100 км, а с севера на юг – около 800 км.

Для каждого из рассматриваемых районов перечень объектов обширен, он включает как «закрытые» комплексы, так и отдельные случайные находки, набор артефактов из компрессионных слоев сезонных стоянок, где цэпаньские предметы залегают вместе с вещами иного хронологического диапазона и культурной принадлежности. Для сравнения логично брать материалы условно закрытых (жилищ, погребений, кладов), однослойных или стратифицированных объектов, предположив, что они остав-

лены в короткий промежуток времени. При этом источниковая база для рассматриваемых районов различна как по количеству, так и по степени ее информативности.

Из «енисейской» группы для сравнения взяты материалы из селищ Дом Отдыха-3 и Стрелковское-2, где изучены углубленные жилища [Мандрыка, Комарова, 2020; Мандрыка, Фокин, 2005]. В «нижнеангарской» группе подобные объекты пока не изучены, раскопки проведены лишь на многослойном поселении в устье р. Карабула, где керамика третьего типа или группы, отнесенная к цэпаньской культуре, залегала во втором и третьем слоях памятника. В первом случае вместе с вещами хуннуско-сяньбийского времени и Средневековья, во втором – с находками бронзового века и неолита [Макаров, 2013, с. 138, 140]. Для «североангарской» группы памятников, ныне затопленных Богучанским водохранилищем, источниковая база более обширна. Там задокументировано около 50 погребений [Мандрыка, 2008], более 70 местонахождений находок цэпаньской культуры [Богучанская..., 2015] и одна металлургическая площадка [Герман, Леонтьев, Савельева, 2015]. Изученных жилищ и однослойных памятников здесь не известно. В «верхнеленской» группе к цэпаньской культуре относят ряд погребений и ритуальную яму на стоянке Часовня-1 [Привалихин, 2011, с. 169; Степанов, Кузьмин, Джалл, 2014]. Работа по выделению там поселенческих комплексов только начата.

Обсуждение

Главным индикатором, объединяющим памятники цэпаньского облика по всему ареалу, выступает керамика – это сосуды горшковидной формы с выраженной шейкой, утолщенной широким налепом или своеобразным «воротничком», с зональным орнаментом в верхней части емкостей. Различия в культууроопределяющих признаках керамики из разных территориальных групп заключаются в стиле и приемах орнаментации посуды, деталях формы и их формообразовании [Мандрыка, 2016]. Правомерность разделения керамики по районам ареала отражена в выделении того или иного типа: каменско-маковского для «енисейской» группы, карабульского для «нижнеангарской» группы и взвозовского для «североангарской» группы. Указанные типы условны, но содержат эталонный набор признаков. Вариативность керамики на поселениях в промежуточных зонах достаточно высока и она, несомненно, будет расширяться с анализом керамических коллекций из других районов ареала, в том числе для «верхнеленской» группы.

Единство культурного облика «цэпаньцев» прослеживается и по погребальному обряду [Привалихин, 2011], хотя он тоже вариативен в деталях [Мандрыка, 2014] и требует специального изучения. Общим элементом похоронной практики выступает «вторичность» погребения костей человека как для ингумаций, так и для кремаций. В могилы клали разнообразный заупокойный инвентарь, характеризующий культуру охотников, рыболовов и собирателей. Самыми массовыми из оружия являлись стрелы с длинными наконечниками из рога, бронзы или камня, а для поздних памятников – из железа. Они распространены по всему ареалу, но с продвижением на восток наконечников-вкладышей из бронзы становится меньше, там преобладают проникатели из камня. Последние были съемными, они вставлялись в роговой посредник, который крепился на древке. Такая утяжеленная стрела с удлиненным составным проникателем служила охотнику для стрельбы через густую лесную растительность. Обращает внимание присутствие значительного числа изделий из рога – как ручек для орудий труда и оружия, так и украшений. Из украшений часты бронзовые нашивные бляхи с изображениями грифонов, образ которого был перенят из культур скифского мира и получил новое смысловое наполнение в мировоззрении лесного населения. Иногда в могилы помещали фрагменты керамического сосуда и антропоморфные изображения.

Большинство изученных поселений находятся на берегах крупных рек, как правило, это сезонные стоянки, возможно, с наземными жилищами. Мощностъ культурного слоя на них в основном незначительная. Селища с углубленными жилищами встречены только в «енисейской» группе, на берегах Ангары и Лены они не известны.

Культурное единство и различие отмечается и по другим категориям предметного набора. Например, в способах использования керамической посуды, в том числе специальной, переносной. Имеются в виду сосуды с налепными «ушками» для подвешивания, т.н. сосуды-дымокуры. Но в разных районах ареала они отличаются вариантами. В «североангарской» группе отмечаются сосуды с языковидными «ушками» вместе с трубчатыми, а в «енисейской» группе к ним добавляются формы с прямоугольными налепными «ушками». Разные пристройки к горшку подразумевают разные способы их подвешивания.

Оригинальны культовые предметы в виде своеобразных керамических трубчатых изделий, украшенных приемами и орнаментами, схожими с узорами на посуде. В «енисейской» группе они напоминают зооморфное изображение [Фокин, 2009] или протом лошади [Бородовский, Труфанов, 2019], на Ангаре – в виде трубок.

В металлургии «цэпаньцев» не установлено получение меди из руд, но известны находки плавильных чаш (керамических тиглей) во всех районах. В «североангарской» группе кроме толстостенных тиглей использовали небольшие сосудики [Герман, Леонтьев, Савельева, 2015, с. 107, ил. 1, 2] открытой формы. В енисейских памятниках тигли толстостенные и с литником по краю. По своей массивности и объему они не одноразовые и позволяли расплавлять несколько больший объем металлического лома, чем тигли из «североангарской» группы на стоянке Взвоз. С берегов Ангары известны находки бронзовых литейных форм кельтов.

Общим для всего ареала памятников цэпаньского облика являются использование речных галек в качестве каменных орудий: молотков для обработки твердых материалов (металлов), наковален, терочников, дисковидных скребков с двумя выемками-перехватами, грузил и др. Близки морфологически точила (абразивы) из песчаника, выпрямители древков стрел. Форма таких орудий определялась формой исходного подручного сырья – желвака, плитки или гальки. Но в «енисейской» группе больше орудий, изготовленных пикетажем, т.е. у них специально оформлялись рабочая плоскость и рукоятка. Достаточно большая серия нагревательных камней.

В «енисейской» (на стоянках Язаевка, Лесосибирская-4, Стрелковское-2) и в «североангарской» группе (на стоянках Капонир, Взвоз пункт 2 и др.) [Привалихин, 1992; Леонтьев, Герман, 2015, с. 90, рис. 3, 13, 14] на керамике встречены схематические «антропоморфные изображения» в виде контуров линейной фигуры «ромб» с торчащими вверх отрезками («рожками» или «ушками»?) и тремя точками внутри («глаза и рот»?). Отличия заключаются в способе нанесения контуров: на Енисее они прочерчены тонким кончиком инструмента (возможно, металлического), в «североангарской» группе – нанесены отступающими оттисками гладкого или зубчатого орнамента.

Выводы

Представленное сравнение материалов из разных районов цэпаньского ареала указывает как на общие, так и на различные черты. Различия, несомненно, обусловлены истоками происхождения и контактами цэпаньцев с населением из сопредельных районов, что является основанием рассматривать ареал цэпаньской культуры как культурно-историческую область. Истоки культуры прослеживаются в шепилевских, самоделкинских, глазковских и усть-мильских комплексах. Для крайней запад-

ной «енисейской» группы культурное влияние было от носителей нижнепорожнинской и шилкинской культур, знакомых со скотоводством (использовали лошадь и выращивали мелкий рогатый скот). Для групп в ангарской долине внешние контакты обусловлены их размещением в центре ареала и соседством с племенами среднего течения Ангары. Там продолжали сохраняться устои пеших охотников, рыболовов и собирателей предшествовавшего, глазковского времени. Для «верхнеленской» группы большее значение имели традиционные коренные традиции усть-мильской культуры и новые культурные влияния со стороны северобайкальского населения. Их значение еще предстоит выяснять, но уже сейчас очевидно влияние усть-мильской культуры с ее оригинальной тонковаликовой керамикой. Только в «североангарской» группе этот прием тонковаликовой орнаментации накладывается на цэпаньский орнамент и форму сосудов [Леонтьев, Герман, 2015, с. 97, рис. 5].

Библиографический список

- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) // Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 1. Новосибирск, 2015.
- Бородовский А.П., Труфанов А.Я. Керамические протомы лошадей эпохи палеометалла из южно-таежной зоны Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. №4.
- Герман П.В., Леонтьев С.Н., Савельева А.С. Бронзолитейная площадка раннего железного века на стоянке Взвоз в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2015. Вып. VII.
- Ковалевский С.А. К вопросу о применении интегрирующего подхода в археологии (историографический аспект) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013.
- Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз. Пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2015. Вып. VII.
- Макаров Н.П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории. Красноярск, 2013.
- Мандрыка П.В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.
- Мандрыка П.В. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таежной зоны Средней Сибири // Древние культуры Монголии. Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. Т. 1.
- Мандрыка П.В. Проблемы раннего железного века Северного Приангарья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II.
- Мандрыка П.В., Комарова О.С. Селище цэпаньской археологической культуры на Енисее // Северные архивы и экспедиции. Красноярск, 2020. Т. 4. №3.
- Мандрыка П.В., Фокин С.М. Комплекс раннего железного века на поселении Стрелковское-2 на Ангаре и его место в древней истории Приенисейской тайги // Социогенез Северной Азии. Ч. 1. Иркутск, 2005.
- Попов Л.В. Южнотаежные леса Средней Сибири. Иркутск, 1982.
- Привалихин В.И. О наличии головного убора с рожками и ушками у таежного населения Северного Приангарья в раннем железном веке // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. 2. Красноярск, 1992.
- Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011.
- Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени Лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Джалл Э.Д. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7.
- Фокин С.М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического микрокомплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2009. Т. 1.
- Формозов А.А. Спорные проблемы в этнокультурной истории каменного века // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.

Н.Н. Серегин¹, С.С. Радовский¹, Т.-О. Идэрхангай²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Улаанбаатарский государственный университет, Улаанбаатар, Монголия

БАЗА ДАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта №19-59-44013

В статье представлен опыт разработки и наполнения базы данных, включающей разноплановую информацию о погребальных и поминальных комплексах раннесредневековых тюрок Монголии. При формировании этого ресурса учтены все известные авторам материалы – как полностью опубликованные объекты, так и частично введенные в научный оборот, а также сведения, содержащиеся в отчетах о полевых исследованиях. Рассматривались только раскопанные сооружения, имеющие наибольший потенциал для последующих реконструкций. В рамках базы данных обобщены сведения о более чем 40 погребениях и 50 оградках, изученных на 30 некрополях и 15 поминальных комплексах соответственно. Подробно представлена структура информационного ресурса с перечнем его тематических разделов. Продемонстрированы возможности расширения базы данных, а также ее использования в работе исследователей (историков, археологов) и музейных сотрудников. База данных станет основой для дальнейшего изучения общих и особенных характеристик обрядовой практики раннесредневековых тюрок Монголии, а также реконструкции сложных этнокультурных и социально-политических процессов, происходивших на обозначенной территории во 2-й половине I тыс. н.э.

Ключевые слова: раннесредневековые тюрки, Монголия, база данных, археологический комплекс, систематизация, информационный ресурс

На сегодняшний день в результате многолетних археологических работ в разных частях Монголии исследовано значительное количество памятников раннесредневековых тюрок, иллюстрирующих один из наиболее динамичных периодов истории данного обширного региона. Они представлены двумя основными группами объектов – погребальными и поминальными комплексами. Несмотря на то что многими исследователями уже сформирован определенный опыт интерпретации полученных материалов, реконструкция процессов, происходивших на обозначенной территории во 2-й половине I тыс. н.э., нередко по-прежнему основывается на фрагментарных сведениях письменных источников. Одной из основных причин такой ситуации является то, что публикация результатов раскопок погребений и поминальных сооружений тюрок Монголии зачастую осуществляется на монгольском языке и в местных изданиях, недоступных широкому кругу специалистов. В связи с этим большое значение имеет обобщение имеющихся сведений и определение возможностей и перспектив полноценного включения результатов исследований раннесредневековых памятников в информационное поле исторических исследований. Одним из эффективных способов не только систематизации, но и своего рода презентации накопленных материалов является создание электронных баз данных.

Использование методов информатики в исторических исследованиях в последние несколько десятилетий стало уже обычным явлением. В частности, определенное распространение получил опыт хранения и обработки значительных объемов информации в виде баз данных [Владимиров, Колдаков, 2011; Гарскова, 2012]. Вполне закономерно, что такая практика нашла применение и при систематизации археологических материалов, которые зачастую отличаются массовым характером и требуют учета большого количества различных показателей [Митько, Тетерин, Борисенко, 2007, с. 3–6; Лысов, 2012, с. 107–119; Тишкин, Лукерина, 2014, с. 74–86; Серегин, Леонов,

2018, с. 40–44; Серегин, Радовский, 2019; и др.]. Важно отметить, что формат базы данных предоставляет значительные возможности для анализа особенностей погребальной и поминальной практики древних и средневековых обществ, в рамках которого большое значение имеет статистическая обработка результатов раскопок.

При формировании базы данных «Археологические комплексы Монголии периода раннего Средневековья» были учтены все известные авторам результаты изучения погребений и поминальных комплексов – как полностью опубликованные памятники, так и частично введенные в научный оборот материалы, а также сведения, содержащиеся в отчетах о полевых исследованиях и не представленные в литературе. Важно подчеркнуть, что рассматривались только раскопанные объекты, имеющие наибольший информационный потенциал для последующих реконструкций. Отметим, что в дальнейшем нельзя исключать создание отдельной базы данных, включающей сведения о результатах обследований (визуальной фиксации) объектов раннесредневековых тюрок Монголии – прежде всего рядовых и «элитных» поминальных комплексов.

К моменту подготовки статьи в рамках рассматриваемого информационного ресурса, уже прошедшего процедуру регистрации (рис. 1), учтены сведения о более чем 40 погребениях и 50 оградках, раскопанных на 30 некрополях и 15 поминальных комплексах соответственно. Систематизированные материалы импортировались в программу Microsoft Office Access, где были сформированы разделы, отражающие информацию, необходимую пользователям и при этом удобную для просмотра (рис. 2).

Основой базы данных стали 14 полей, сведения в которых представлены как в текстовом, так и в цифровом формате. В том случае, если информация о каких-то показателях не указана авторами раскопок или она не была зафиксирована, ставится знак «?».

Первое поле присваивает каждому объекту порядковый номер. Во втором поле указано название памятника, взятое из опубликованных или архивных данных. В третьем поле представлена информация о расположении комплекса, включая административно-территориальную привязку, а также приведены конкретные сведения о нахождении объекта в непосредственной близости от населенного пункта или гор, рек и других ориентиров. В рамках работы с данным разделом базы данных возможна выборка памятников по конкретной территории. В четвертом поле характеризуется вид памятника – погребальное или поминальное сооружение. Кроме того, предполагается уточнение особого характера захоронения – «скальное» или «впускное», а также фиксация случаев отсутствия самого умершего человека («кенотаф»).

Пятое поле указывает конкретные годы, в которые проводились исследования памятника, или диапазон лет, если работы на комплексе осуществлялись непрерывно. Данный раздел особенно значим для подготовки обобщающих публикаций по историографии, так как позволяет получить представление о степени интенсивности археологических изысканий в определенный период. В шестом поле («Учреждения, проводившие раскопки») приведены сведения обо всех известных организациях, осуществлявших исследования на рассматриваемом памятнике.

В седьмом поле обозначен автор (авторы) раскопок. В восьмом поле («Публикации») перечислены все известные создателям базы данных работы, в которых приведена информация о результатах исследования конкретного объекта. Девятое поле указывает «Место хранения материалов». Данный раздел весьма актуален – с учетом не всегда высокого качества публикации материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок Монголии и необходимости продолжения работы по детальному изучению музейных коллекций.

Рис. 1. Свидетельство о регистрации базы данных

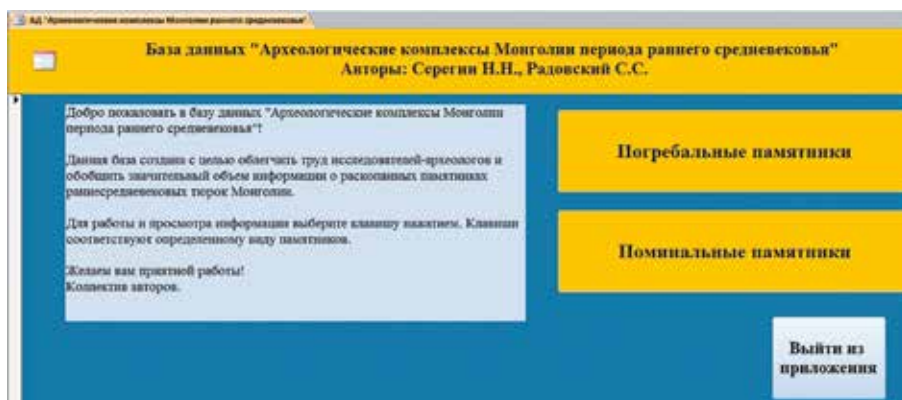

Рис. 2. Титульная страница базы данных в программе Microsoft Office Access

Десятое поле определяет количество объектов, раскопанных на каждом памятнике. Одиннадцатое поле фиксирует ограбленность и следы разрушения, выявленные на погребальном или поминальном комплексе. В рамках двенадцатого поля указывается наличие или отсутствие инвентаря в исследованном объекте. Тринадцатое поле определяет наличие каменного изваяния в поминальных сооружениях и сопроводительного захоронения лошади в погребальных комплексах. В четырнадцатом поле указана хронология исследованного памятника, основанная на анализе обнаруженных изделий либо в ряде случаев – на имеющихся результатах радиоуглеродного датирования.

База данных предоставляет возможности для работы как в режиме «формы», так и в таблице. Информационный ресурс позволяет осуществлять необходимые операции по поиску и обработке как конкретных показателей, так и групп признаков. Предполагается расширение базы данных по нескольким направлениям:

1) включение сведений о новых памятниках – как недавно раскопанных объектах, так и уже изученных погребальных или поминальных сооружениях, по разным причинам не учтенных на данный момент;

2) добавление дополнительных полей для включения сведений, детализирующих конкретные характеристики погребальной и поминальной обрядности раннесредневековых тюрок Монголии;

3) повышение уровня презентативности базы данных посредством включения иллюстраций, демонстрирующих результаты исследований археологических комплексов, а также добавления гиперссылок на материалы, представленные в сети Интернет.

Одним из вариантов последующего использования базы данных является ее размещение в открытом доступе, что обеспечит доступ к сведениям для археологов, музейных работников, а также широкого круга людей, интересующихся историей Монголии периода раннего Средневековья. Для исследователей данный ресурс облегчит поиск разрозненной информации о погребальных и поминальных комплексах, демонстрирующих основные этапы формирования и трансформаций культуры раннесредневековых тюрок на обозначенной территории.

Библиографический список

Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Базы и банки данных в исторических исследованиях // Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. Барнаул, 2011. Т. 1.

Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2012.

Лысов М.Ю. База данных «Предметы вооружения Алтая и сопредельных территорий скифосакского времени» // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2012.

Митько О.А., Тетерин Ю.В., Борисенко А.Ю. Значение базы данных о русском оружии эпохи позднего средневековья и нового времени из Сибирского региона на сайте информационного центра «Военное дело народов Сибири и Центральной Азии» и возможности использования археологических информационных ресурсов в преподавании археологии // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2007. Т. VI. №3.

Тишкин А.А., Лукерина Я.Е. Формирование базы данных о лошадях Сибири поздней древности и средневековья // Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. Барнаул, 2011. Т. 1.

Серегин Н.Н., Леонов А.С. База данных тюркских изваяний Алтая из музейных коллекций // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск, 2018.

Серегин Н.Н., Радовский С.С. База данных некрополей быстрянской культуры Алтая: структура и возможности использования // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV.

Л.В. Тагаурова

Институт археологии и этнографии СО РАН, омская лаборатория, Омск, Россия

АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Проанализированы этапы изучения памятников освоения Омского Прииртышья русским населением. Выделено три периода. В течение первого периода накапливалась информация о расположении русских поселений и «достопримечательностях», в том числе в архивных материалах. Первое профессиональное исследование провела В.П. Левашова в 1929 г. Второй период (с 1940-х гг.) относится ко времени деятельности А.Ф. Палашенкова и составления им археологической карты Омской области, в которую включены и русские памятники. Третий – начинается с 1990 г. и характеризуется обширными разведочными работами, началом археологического исследования сельских поселений XVII–XVIII вв., острогов, городов Тары и Омска. В результате изучено 23 населенных пункта первоначального заселения Омского Прииртышья, на десяти – в разном объеме проведены раскопки. Осуществлены этноархеологические и визуально-антропологические исследования. Омские ученые стали инициаторами проведения профильной конференции и междисциплинарных школ для молодежи.

Ключевые слова: археология русских, история изучения памятников, Омское Прииртышье

Развитие любого научного направления невозможно без изучения истории его становления, которая в археологии начинается с первых опытов исследования древних памятников: осмотра, описания, картографирования их расположения, сборов подъемного материала, раскопок.

Изучение памятников русского освоения Омского Прииртышья тоже имеет свое начало и историю, которую можно разделить на три периода.

Первый период – с конца XVII – XVIII в. и до 1940-х гг. – накопление сведений об их местонахождении: карты С.У. Ремизова [Хорографическая..., 2011, л. 92–95], описания «достопримечательностей на реке Иртыш» Г.Ф. Миллера [1996, с. 75–99], архивные и письменные источники. Профессиональные исследования памятников русского освоения Омского Прииртышья впервые проведены в 1929 г. В.П. Левашевой близ Омска [Путинцева, 2008, с. 65].

Второй период в изучении памятников русского времени в Прииртышье начинается в 1940-е гг., когда они попадают в поле зрения ученого и краеведа А.Ф. Палашенкова. В ходе разведки в Тарском районе в 1945 г. он обследовал русское селище XVII в. у д. Сыщиковой. В 1950–1960-е гг. Андрей Федорович осмотрел русские поселения на территории Омской области: Бергамакский острог, селища Зимовное (Тарский район); Степаниха (Крутинский район); Черлакскую крепость; городища Большая Тава (Тевризский район); поселение у д. Саургачи (Усть-Ишимский район) и др. Все обследованные объекты он включал в составленные им археологические карты Омской области [Палашенков, 1980, с. 137–139; 1987, с. 116–117; Конилов, 2002, с. 72, 73; Путинцева, 2008, с. 66–68; и др.].

Бергамакский острог в 1981 г. осмотрел И.Г. Глушков, а в 1989 г. в ходе археологической разведки по левобережью р. Тары он обследован автором.

Третий период изучения русских памятников в Прииртышье начинается с середины 90-х гг. XX в., когда формируется их целенаправленное разноплановое исследование. Этот процесс продолжается в настоящее время. Его характеризуют широко-масштабные разведочные работы и изучение археологическими методами памятников русского населения на территории Омского Прииртышья. Здесь просматриваются два направления: археология сельских поселений и археология городов.

С 1990-х гг. начинается археологическое изучение сельских поселений и их культурного ландшафта.

В 1995–1996 гг. Л.В. Татауровой археологически обследованы и проведены этнографические сборы информации по изучению технологий русского гончарства в деревнях Большереченского и Муромцевского районов Омской области (здесь и далее сведения о датах основания деревень и сел взяты из: [Список населенных мест..., 1928; Материалы..., 1995; Материалы..., 1996; Бережнова, 2006, с. 202, 203; Этнографо-археологические комплексы..., 2014, с. 101–116; и др.]): Танатово (основано ок. 1690), Мешково (1701), Колбышево (1701), Шуево (XVII в.), Терехово (1809), Новологиново (1872), Бергамак (1627, 1668), Мыс (1626), Лисино (1824), Кокшенево (рубеж XVII–XVIII вв.), Окунево (1770). Для этого были разработаны специальные вопросники по изучению гончарства [Новиков, Татаурова, 2002; Татаурова, 1995; 1997].

Проведенные в 1996 г. раскопки участка на месте расположения Бергамакского острога (Бергамак-I) [Татаурова, Яковлева, 1996; Татаурова и др., 2014; и др.] кроме предметного комплекса дали коллекцию керамики. Результаты этнографических сборов информации и археологический материал стали основой построения типологии русской керамики [Татаурова, 1998; 2015].

В 1998 г. Л.В. Татаурова проводит разведку по поиску археологических памятников Нового времени в Большереченском районе по правому и левому берегам р. Иртыш. Зафиксированы три памятника: поселения Старологиново (1600?), Изюк (1660–1670-е) – на правом берегу Иртыша, поселение Старое Шуево – на левом берегу [Этнографо-археологические комплексы, 2014, с. 140–143].

Комплекс Изюк-I (поселение и кладбище) стал базовым археологическим памятником в изучении русского сельского населения региона. Раскопки на нем проводились Л.В. Татауровой с 1999 по 2004 г. Полученный материал лег в основу монографии по погребальному обряду русского населения [Татаурова, 2010], серии статей.

Кроме раскопок, в 2003, 2004, 2006–2008 гг. автором проведены этноархеологические и визуально-антропологические исследования деревень с преимущественно русским населением в Усть-Ишимском, Знаменском, Тарском, Муромцевском, Седельниковском районах Омской области. Сделаны археологические наблюдения на поселениях, основанных в XVIII, конце XIX в.: Семитское/Семибуренское (основано в 1726), Ливенка (1869), Зимнее, Калинино; проведены этнографические и визуально-антропологические исследования в ныне существующих поселениях Усть-Шиш, Крупянка (1726), Крутиха (1726), Копьево (1720) и деревнях Айлинка (1897), Таборы (1894), где в начале 2000-х гг. еще проживало небольшое количество населения [Татаурова, Орлов, 2005; 2006].

В 2004 г. в ходе разведки в Тарском районе по правому берегу Иртыша С.С. Тихоновым [2005, с. 361] как памятник археологии была зафиксирована д. Ананьино.

В 2005, а затем в 2010–2020 гг. на памятнике Ананьино-I Л.В. Татауровой проводится изучение поселенческого и погребального комплексов. Этот объект культурного наследия стал еще одним базовым памятником в исследовании систем жизнеобеспечения русского сельского населения XVII–XVIII вв. в Тарском Прииртышье [Татауров и др., 2019, с. 200–204].

Разведочными работами 2006, 2007 гг. автором исследованы памятники расселения русских в XIX в. в Нижнеомском (д. Локти) и Горьковском (дд. Ливенка, Розановка) районах Омской области. Рекогносцировочными раскопками изучен культурный слой

в д. Локти (основана в 1719 г., жилая и сейчас). Памятник впервые описан А.Ф. Палашенковым [1987, с. 116, 117], в 1988 г. осмотрен в ходе разведки С.С. Тихоновым. В результате раскопок на разных участках деревни Локти получены коллекции, характеризующие материальную культуру русского населения середины XIX, начала XX в.

В 2007 г. проведены этноархеологические исследования в бывших русских деревнях Ливенка (основана в 1869 г.) и Розановка (основана в 1892 г.) [Список населенных мест..., 1928, с. 110]. Раскопки небольших участков на территории бывшей деревни Розановка дали материалы конца XIX, XX в., которые сопоставимы с коллекциями памятников XVIII и XVII вв., что показывает преемственность и сохранение культурных традиций у русского населения.

В 2012 г. разведочные работы по поиску местонахождения русских поселений были продолжены аспиранткой ОФ ИАЭТ СО РАН И.Д. Кромм [Татауров, Татаурова, 2018] в Большереченском и Тарском районах Омской области. Ею обследовано четыре русских памятника: Такмыкский острог (основан в 1682 г.), поселение и кладбище д. Красный Яр (основана в 1824 г.) в Большереченском районе, д. Воскресенка (основана в 1892 г.) и пос. Минск-Дворянский (начало XX в.) в Тарском районе.

В ходе разведки 2012 г. И.Д. Кромм в с. Такмык, на месте предполагаемой территории острога, помимо сборов керамики, заложен разведочный шурф. В нем зафиксировано детское захоронение в деревянной колоде, которое было совершено у располагавшейся недалеко и разрушенной в XX в. церкви.

В 2013 г. изучение исторической части села Такмык, относящейся к острогу, было продолжено Л.В. Татауровой. Целью работ было выяснение границ памятника и определение местоположения церкви Преображения Господня [Татаурова, 2014, с. 194–198].

Археологическое обследование русских деревень в Тарском и Знаменском районах Омской области в 2017, 2018 гг. провел Ф.С. Татауров. Выявлено два памятника в Знаменском районе, относящихся к XVII–XVIII вв.: Поселения Кабузаска-I, Мамешево-I обозначены в Хорографической книге Сибири С.У. Ремезова, описаны Г.Ф. Миллером [Татауров, Татаурова, 2018, с. 337–341].

Археология городов. Город Омск (основан в 1716 г.), кроме краеведческих сборов, археологически изучен очень слабо. Б.А. Конилов отправной точкой археологии Омска считает работы И.Е. Скандакова на месте расположения Успенского кафедрального собора в 2005–2006 гг. [Скандакова, Скандаков, 2006; Конилов, 2011]. Раскопано более 2000 кв. м, зафиксированы части фундамента и конструктивные детали собора. Исследовано погребение И.Л. Ольшевского, архиепископа Омского и Павлодарского.

В 2009 г. изучено 300 кв. м на территории расположения Воскресенского военного собора, построенного в 1769–1773 гг. В ходе раскопок получено 2500 артефактов. Исследованы части кирпичных конструкций собора, подземное помещение [Конилов, 2010].

В 2013–2014 гг., совместной экспедицией ОФ ИАЭТ СО РАН и Омского государственного историко-краеведческого музея проведены научные изыскания на территории Первой Омской крепости. Получен разнообразный материал с XVIII до XX в. [Татауров, 2015].

В 2007 г. С.Ф. Татауровым с поиска фундаментов, разрушенных в 1930 гг. храмов, начаты раскопки г. Тары (основан в 1594 г.), одного из первых городов Сибири [Татауров, Шлюшинский, 2009].

С 2009 г. и по настоящее время С.Ф. Татауровым и С.С. Тихоновым проводится изучение Тарской крепости и острога. Раскопано около 1500 кв. м культурного слоя, имеющего в некоторых местах мощность до 4,5 м. Исследованы Княжья башня, усадьба на территории крепости, более 20 жилых, производственных и хозяйственных комплексов [Татауров, 2011; Татауров и др., 2019]. Получена представительная коллекция, около 2500 предметов, характеризующая различные элементы системы жизнеобеспечения населения в разные периоды жизни города и его военную историю.

В результате на территории Омского Прииртышья археологически обследованы 23 населенных пункта, относящихся к разным периодам освоения русскими, среди них города Омск и Тара, два острога – Бергамакский и Такмыкский и 19 деревень. На девяти памятниках в разных объемах проведены археологические раскопки, на шести – автором.

Визитной карточкой в развитии направления археология русских стала научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях» [Татаурова, Лысенко, Галухин, 2018]. Идея ее проведения появилась в Омске в 2002 г. в связи с накоплением опыта археологического изучения сельских памятников периода освоения русскими Тарского Прииртышья и необходимостью его обсуждения и распространения.

С 2002 г. прошло шесть конференций, три из них – в Омске. С 2011 г. конференция проходит в старейших городах Сибири: в Таре (2011 г.), Тюмени (2014 г.), Енисейске (2017 г.). В 2021 г. конференция пройдет в г. Сургуте.

Конференция задумывалась как всероссийский форум. Проявление к ней интереса зарубежных ученых (Польша, Норвегия, Германия, США, Канада) способствовало изменению ее статуса – с 2011 г. она стала международной.

В научных границах России это единственное продолжающееся профильное мероприятие с постоянной тематикой.

Вышло семь сборников статей – материалов конференции (в 2014 г. – в двух томах). Пятнадцать лет работы форума позволили проследить динамику развития исследований на современном этапе.

С целью эффективного освоения молодыми исследователями лучших научных и методических отечественных и мировых достижений в 2011–2015 гг. проведены Международные полевые научные школы для молодежи «Междисциплинарные исследования в археологии русских» по направлениям: антропология и генетика человека, этнология, палеозоология, дендрохронология, геодезическое обеспечение, георадарные и геофизические исследования. Базовым памятником для проведения школ стал комплекс Ананьино-І.

Библиографический список

Бережнова М.Л. Русские поселения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2006. Т. 9.

Конилов Б.А. Вклад А.Ф. Палашенкова в археологию русских переселенцев Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002.

Конилов Б.А. Материальная культура православного населения Омска второй половины XVIII – первой трети XX века (по материалам исследования Воскресенского военного собора в 2009 году // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011.

Конилов Б.А. Православные древности как объект междисциплинарного исследования (на примере раскопок Воскресенского военного собора г. Омска) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010.

Материалы Западносибирской комплексной археолого-этнографической экспедиции ОмГУ и Омского филиала ОИИФФ СО РАН, 1995 г. / Л.В. Татаурова // МАЭ МК ОмГУ. Ф. I. Д. 93-6. Карт. 1-4, 9-13. Д. 94-3. Карт. 1-4, 269-296.

Материалы комплексной археолого-этнографической экспедиции ОмГУ и Омского филиала ОИИФФ СО РАН, 1996 г. / Л.В. Татаурова // МАЭ МК ОмГУ. Ф. I. Д. 104-1. Карт. 1-35.

Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сёл, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыш и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.

Новиков А.В., Татаурова Л.В. Программа по изучению гончарства // Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций студенческих практик: учебно-методическое пособие. Омск, 2002.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. Томск, 1980.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск, 1987.

Путинцева И.В. История формирования археологических коллекций периода освоения Сибири русскими в Омском государственном Историко-краеведческом музее // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.

Скандакова М.В., Скандаков И.Е. Две хроники Успенского собора // Тобольск и вся Сибирь. №7. Омск, 2006.

Список населенных мест Сибирского края. Том I Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928.

Татауров С.Ф. Город Тара с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2011.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск, 2019.

Татауров С.Ф., Шлюшинский А.В. Археологические исследования центральной части города Тары в 2007 году // Социально-экономическое и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья. Тара, 2009.

Татауров Ф.С. Планиграфия русских поселений Западной Сибири в XVII–XVIII вв. как показатель социального статуса (по материалам археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2015.

Татауров Ф.С., Татаурова Л.В. Новые памятники русского освоения Среднего Прииртышья XVII–XVIII веков (по результатам археологических разведок 2012–2013, 2017–2018 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV.

Татаурова Л.В. Вопросник по изучению гончарства (для участников археологической и этнографической практики студентов и экспедиций): метод. пособие. Омск, 1995.

Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики. М., 2015.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. Омск, 2010.

Татаурова Л.В. Применение посуды (для участников археологической и этнографической практики студентов и экспедиций): метод. пособие. Омск, 1997.

Татаурова Л.В. Проблемы сохранения и исторической реконструкции объектов культурного наследия в границах современного населенного пункта (на примере Такмыкского острога) // Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ханты-Мансийск, 2014.

Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. Т. 3.

Татаурова Л.В., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. VI Международная научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях»: новый вклад в развитие научного направления (к юбилею г. Енисейска) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, №3: Археология и этнография.

Татаурова Л.В., Орлов П.В. О чем не снимают кино // Третий Московский международный фестиваль по визуальной антропологии «Традиции и объектив. В поисках цельности». М., 2006.

Татаурова Л.В., Орлов П.В. Экранное сообщение «Это я помню» // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веке (по материалам археологических исследований). Омск, 2014.

Татаурова Л.В., Яковлева О.А. Поселение Бергамак-1 // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск, 1996. Ч. 2.

Тихонов С.С. Ананьино: этнографо-археологический комплекс // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.

Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. В 2 т. Т. 1. Факсимильное издание Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск, 2011.

Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. Омск, 2014.

УДК 903.53(571:1):004.65

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.10

А.А. Тишкин, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ О КРУПНЫХ КУРГАНАХ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

В процессе реализации проекта, поддержанного РФФИ и Администрацией Алтайского края, обозначилась задача аккумулировать сведения о крупных курганах южной части Обь-Иртышского междуречья в базу данных, которая позволяла бы быстро осуществлять поиск необходимой информации о конкретном объекте, а также использовать ее при решении различных научно-исследовательских задач и для реализации экскурсионно-туристической деятельности. Такая работа основывалась на опубликованных и архивных материалах. Она стимулировала проведение дополнительных археологических обследований и осуществление геофизических изысканий. В результате обозначились два подхода к оформлению и наполнению базы данных. Один из них основывался на охвате значительного количества показателей, которые сложно было системно организовать и наглядно продемонстрировать. Второй подход отражал меньший набор признаков, что позволяло сделать оптимальное оформление. Этот вариант и был направлен в ФИПС РФ. В настоящее время получено свидетельство о регистрации базы данных, планируется уточнение зафиксированных сведений и дальнейшее наполнение новой информацией.

Ключевые слова: Алтайский край, крупный курган, база данных, аэрогеофизическая магнитометрическая съемка, экскурсионно-туристическая деятельность

Археологические раскопки на территории Алтайского края позволяют исследователям решать многие проблемы при реконструкции древнейшей, древней и средневековой истории. Однако такие работы сопряжены со многими трудностями и проблемами. Они требуют больших организационных усилий и существенного финансирования. При этом главный недостаток раскопок заключается в полной или существенной утрате археологического объекта. Особенно это касается курганов. Важно понимать, что курганные комплексы имеют определенный научный потенциал до сноса насыпей и вскрытия могил. Такие возможности определяются в ходе тщательного обследования и картографирования, а также при использовании геофизического оборудования и современных беспилотных летательных аппаратов. Существенный потенциал имеется при изучении доступных космических снимков, а также при работе с архивными материалами и пу-

бликациями разных лет. Все эти и другие материалы формируют обширные сведения, позволяющие решать различные задачи. Их систематизация имеет важное значение.

Зарегистрированная база данных «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края» (свидетельство №2020622757 от 22.12.2020) обобщает часть сведений об археологических объектах, расположенных в южной части Обь-Иртышского междуречья. Она предназначена для социокультурных реконструкций при изучении древней и средневековой истории региона, а также для сохранения археологического наследия и организации экскурсионно-туристической деятельности. Структура базы данных включает название памятника, на котором находится фиксируемый крупный курган, его GPS-координаты (WGS-84), административную и географическую привязку, автора и год открытия, а также конкретные указания на параметры насыпи (диаметр и высота), на наличие или отсутствие рва, на современное состояние, включая сведения о раскопках. Кроме этого, обозначается датировка и культурная принадлежность (или их отсутствие), отражены архивные и библиографические материалы. База данных сформирована с помощью программы Microsoft Office Excel (рис. 1, 2), что дает возможность не только просматривать, но и сортировать информацию по обозначенным показателям, а также комплектовать списки по отдельным требуемым элементам и их совокупности.

В настоящее время база данных содержит сведения о более 150 крупных курганах и охватывает 11 районов Алтайского края. Их картирование позволяет наметить центры этнокультурных образований, а изучение планиграфии «царских» некрополей и отдельных выделяющихся объектов дает возможность для выявления закономерностей при оформлении сакрального пространства всего комплекса. Планируется продолжить наполнение базы данных новыми записями и осуществить корректировку уже имеющихся после дополнительных обследований.

В 2020 г. информация, зафиксированная в базе данных (рис. 2), сопоставлялась с результатами осмотра части обозначенных объектов в Мамонтовском районе Алтайского края. Эта территория является одной из насыщенных зон распространения «элитных» (элитарных) курганов поздней древности и раннего Средневековья [Иванов, 2000; Фролов, Тишкин, 2020]. В ходе работ уточнялись данные об известных некрополях и производилась их фотосъемка с помощью квадрокоптера (рис. 3). Кроме этого, на двух памятниках, Курган-I и Курган-II, была реализована аэрогеофизическая магнитометрическая съемка (в масштабе 1:500) с целью выявления контрастной магнитометрической основы малоамплитудных археологических аномалий. Эта задача решалась с помощью площадных изысканий методом аэромагнитной разведки и аэросъемки. Для осуществления исследований были привлечены специалисты малого инновационного предприятия ООО «СКАН АЭРО ФИНАНС» (г. Новосибирск).

В результате таких работ на памятнике Курган-I были получены ортофотоплан, карта магнитного поля и карта их совмещения. Магнитометрическая съемка на археологическом комплексе проводилась на высоте полета в 18 и 20 м. На исследованной территории выявлены низкоамплитудные мелкоразмерные аномалии, которые по геофизическим данным можно отнести к археологическим объектам. По своим координатам они совпадают с видимыми курганами.

На территории памятника Курган-II (рис. 3) также проводилась магнитометрическая съемка (высота полетов 18, 20 и 22 м), был создан ортофотоплан, получены карты его совмещения с картами магнитного поля на двух участках. По результатам

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
№ п/п	Название памятника по отчету в ОПИ или по архиву, номер кургана	GPS-координаты (WGS-84) памятника	Месторасположение (административная привязка) памятника	Географическая привязка памятника / краткая характеристика местности	Автор (ы) и год открытия памятника	Диаметр и высота крупного кургана	Планировка кургана	Состояние объекта и наличие захоронений	Автор (ы) и год (ы) раскопок	Литература и научная принадлежность кургана	Адрес, географические и другие сведения
1	Аттай-1, курганный могильник. Курганы №1	52°49'40.31"С 83°27'59.72"В	Калганский район, в 5 км к востоку-юго-востоку от с. Алтай	В южной части возвышения между р. Марушка и р. Бурашка	Кунгурова Н.Ю., 2010	32/1,2	нет	описан, есть	нет	нет	Генеральный план МО Капталовского сельского поселения МО Сельва территориального подразделения МО Шалбылганского района Алтайского края.
2	Базарный долок, курганный могильник. Курганы 1	53°25'36.64"С 82°15'40.51"В	Шалбылганский район, в 4 км к юго-западу от с. Ивановка	Памятник расположен на ровном возвышенном участке в центре возвышения между р. Ерландиной и р. Кукучь.	Фролов Я.В., 2008	33/1,5	нет	распахан, не видно	нет	нет	Конкрешов А.В. Отчет об археологических обследованиях в Топчихинском районе Алтайского края осенью 2002 г. // Архив МАЭА АГУ. №163
3	Белозовка-1, курганный могильник. Курганы №1	52°47'38.20"С 83°10'27.47"В	Топчихинский район, Белозовка в 2 км к северу.	В 3,7 км к юго-востоку от с. Топчиха в 0,3 км к востоку от мыса Выховского мыса. На краю возвышения.	Конкрешов А.В., 2002	32/1	ров	распахан, не видно	нет	нет	Шалыгин А.Б. Отчет об археологических исследованиях Провоского отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1984 г. в Алтайском крае. Барнаул, 1985. // Архив МАЭА АГУ. №6 в.
4	Березовка-2, курганный могильник. Курганы №1	53°21'5.96"С 83°23'14.42"В	Орскотинский район, в 1,2 км на запад от пос. Березовка	Могильник расположен на высокой гряде - возвышении между р. Липка и левым берегом р. Оби	Шалыгин А.Б., 1984	30/1	нет	распахан, не видно	нет	нет	

Рис. 1. Структура базы данных и ее информационное наполнение

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
81	Курганный могильник Черная Курая - XI. Курганы №11	52°29'29.45"С 81°32'47.70"В	Мамонтовский район, в 6,1 км на юго-восток от с. Черная Курая и в 7,7 км на север от с. Кустьянка	Находится на возвышении между Касмалинской и Барнаульской долинами древнего стока. В 8 км к ЮВ от оз. Горлаево	Иванов Г.Е., 1983	30/1,8	нет	описан, есть	нет	дата не ясна	Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000. 160 с.
82	Курганный могильник Черная Курая - XI. Курганы №3	52°29'48.50"С 81°33'41.59"В	Мамонтовский район, в 5,9 км на юго-восток от с. Черная Курая и в 7,7 км на север от с. Кустьянка	Находится на возвышении между Касмалинской и Барнаульской долинами древнего стока. В 8 км к ЮВ от оз. Горлаево	Иванов Г.Е., 1983	110/5	нет	описан, есть	нет	дата не ясна	Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000. 160 с.
83	Курганный могильник Черная Курая - XI. Курганы №8	52°29'47.80"С 81°33'13.09"В	Мамонтовский район, в 5,8 км на юго-восток от с. Черная Курая и в 7,7 км на север от с. Кустьянка	Находится на возвышении между Касмалинской и Барнаульской долинами древнего стока. В 8 км к ЮВ от оз. Горлаево	Иванов Г.Е., 1983	41/1,7	нет	описан, есть	нет	дата не ясна	Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000. 160 с.

Рис. 2. Информация о некоторых археологических объектах Мамонтовского района Алтайского края

Рис. 3. Крупные курганы на памятнике Курган-II в Мамонтовском районе

исследований на территории участка №1, куда попали три крупных кургана, выявлены низкоамплитудные аномалии, связанные с археологическими объектами, и небольшие аномалии неизвестного генезиса. По результатам исследований на территории участка №2, куда попал самый крупный курган, выявлена только одна низкоамплитудная аномалия, совпадающая с визуально наблюдаемым объектом.

В результате проведенной аэрогеофизической магнитометрической съемки получены точные планы памятников, а также зафиксированы особенности их современного состояния. Эта информация может использоваться не только в научных целях, но и при визуализации объектов в ходе экскурсионно-туристической деятельности. Сведения о проведенных изысканиях были доведены до сотрудников Мамонтовского районного историко-краеведческого музея, а также нашли отражение в отчете, представленном в Министерство образования и науки Алтайского края.

В заключение необходимо указать, что база данных рассчитана на исследователей, занимающихся комплексным изучением древней и средневековой истории Сибири, а также для работников органов охраны памятников и сотрудников районных музеев для организации экскурсионно-туристической деятельности. Она может использоваться как справочный, учебный и демонстрационный материал в ходе обучения студентов, специализирующихся в области археологии и музеологии.

Библиографический список

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000.

Фролов Я.В., Тишкин А.А. Крупные курганы в Мамонтовском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул, 2020.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.53

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.11

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ КУРГАНА №15 ИЗ МОГИЛЬНИКА ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ (Северо-Западный Алтай)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края (проект №19-49-220002 «Памятники Чинетинского археологического микрорайона на Алтае: культурно-историческая интерпретация артефактов и возможности использования полученных результатов в туристическом кластере региона»)

В данной статье представлены результаты радиоуглеродного датирования кургана №15 могильника Ханкаринский дол, входящего в состав Чинетинского археологического микрорайона в Северо-Западном Алтае (Краснощековский район Алтайского края). Курган №15 располагался в центральной части некрополя Ханкаринский дол, большая часть объектов которого относится к пазырыкской культуре. Для установления датировки кургана №15 могильника Ханкаринский дол проводился радиоуглеродный анализ, который осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (г. Томск). В результате получен показатель 2213 ± 76 (ИМКЭС-14С1170). Интервалы калиброванного календарного возраста получены с помощью программы, разработанной в Оксфордском университете (Великобритания). В результате были получены такие данные: 68% (1 sigma) cal 380–190 BC и 95% (2 sigma) cal 400–50 BC. Результаты радиоуглеродного датирования были сопоставлены с датировкой, полученной на основе анализа артефактов. Это позволило снивелировать диапазон радиоуглеродных дат и датировать курган №15 могильника Ханкаринский дол IV–III вв. до н.э., вероятнее IV в. до н.э.

Ключевые слова: радиоуглеродный анализ, Северо-Западный Алтай, пазырыкская культура, артефакты

Публикация посвящена результатам радиоуглеродного датирования кургана №15 могильника Ханкаринский дол. Указанный некрополь входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края. Археологическое изучение данного микрорайона ведется с 2001 г., что позволило выявить объекты афанасьевской, пазырыкской, тюркской, кыргызской, сросткинской культур. Могильник Ханкаринский дол зафиксирован в западной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1,2–1,4 км к югу–юго-востоку от с. Чинета. В настоящее время на памятнике раскопано 39 объектов, из которых более 30 курганов относятся к скифо-сакскому периоду. Результаты исследования курганов скифо-сакского периода на могильнике Ханкаринский дол частично опубликованы [Дашковский, 2016; 2020; и др.]. В последние годы особое внимание уделяется радиоуглеродному датированию курганов скифо-сакского периода на могильниках Чинетинского археологического микрорайона – Чинета-II и Ханкаринский дол. В этой связи публикация новых результатов радиоуглеродного датирования будет способствовать более детальной проработке вопросов культурно-хронологического характера в отношении такого региона, как Северо-Западный Алтай.

Курган №15 находился в центральной части некрополя Ханкаринский дол. Диаметр сооружения, по периметру которого зафиксирована каменная кольцевая выкладка-крепида, составил с севера на юг 14 м, а с запада на восток – 14,25 м. Высота кургана, сложенного в 1–4 слоя из камней, достигала 0,75 м. Под каменной насыпью обнаружена могильная яма подпрямоугольной формы. Она была ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ и имела следующие размеры: 3,85×3,05×2,4 м. В могиле выявлены остатки деревянной конструкции, вероятно, рамы (?), внутри которой находился настил. Сверху такая конструкция перекрыта продольными деревянными плахами. У южной стенки рамы (?) на деревянном настиле обнаружен скелет женщины, возраст которой на момент смерти составлял 35–40 лет (антропологические определения сделаны канд. ист. наук С.С. Тур). Умершая женщина находилась в скорченном положении на правом боку и ориентирована головой на восток–юго-восток. Вдоль северной стенки могилы зафиксировано сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот с подогнутыми ногами и ориентирована головой, как и человек, на восток–юго-восток. В зубах животного обнаружены фрагменты железных удил (рис. 1.-5), а в районе ребер – костяная подпружная пряжка (рис. 1.-4).

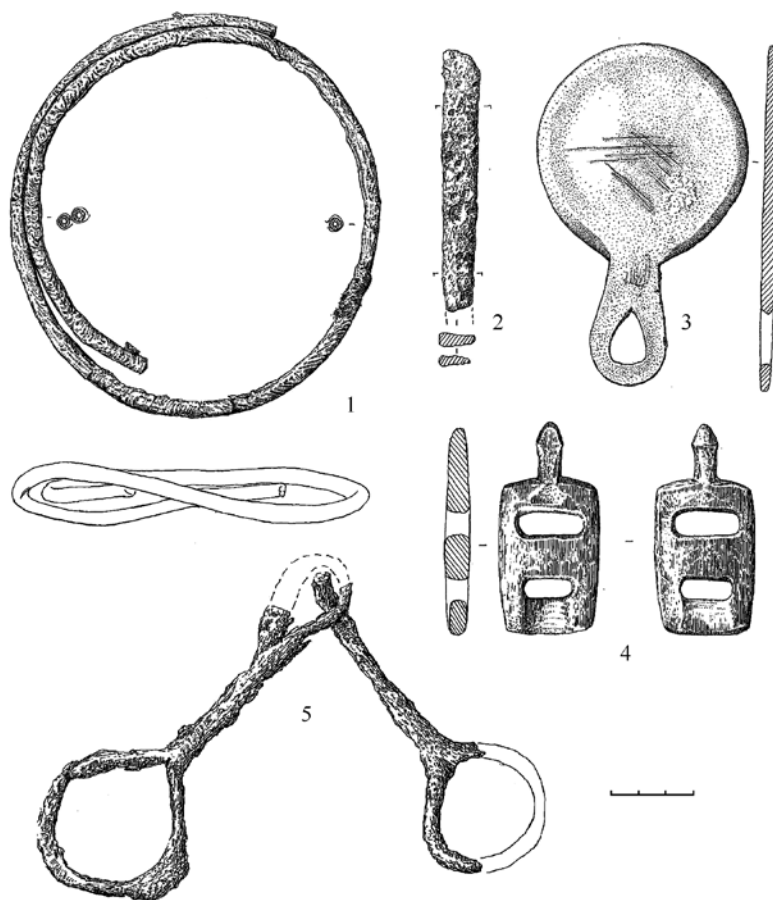

Рис. 1. Погребальный инвентарь из кургана №15 могильника Ханкаринский дол:
1 – бронза, золото; 2, 5 – железо; 3 – бронза; 4 – кость

Из сопроводительного инвентаря в погребении найдены развал керамического сосуда, «жертвенная пища» (кости овцы), железный нож (рис. 1.-2), бронзовое зеркало (рис. 1.-3). Под правой малой берцовой костью погребенной выявлено каменное изделие, которое лежало в пятне черной минеральной краски, по цвету и структуре соответствующее краске с парика женщины. Возможно, этот предмет служил для растирания косметической краски.

В районе шеи погребенной были обнаружены бронзовая гривна (рис. 1.-1), две серьги (рис. 2.-2-3), восемь нашивок, выполненных из золотой фольги. Аппликации представлены в форме «запятой» (6 экз.), и ромба (2 экз.). На ромбах по краям расположены четыре отверстия для пришивания к вороту одежды, на «запятых» – по одному. В центре каждого ромба имелись ромбовидные отверстия. В районе черепа зафиксированы остатки уникального головного убора в виде черного органического пятна и аппликаций из золотой фольги (рис. 2.-1, 4-8), итоги изучения которого представлены в отдельной работе [Дашковский, Карымова, 2012; и др.].

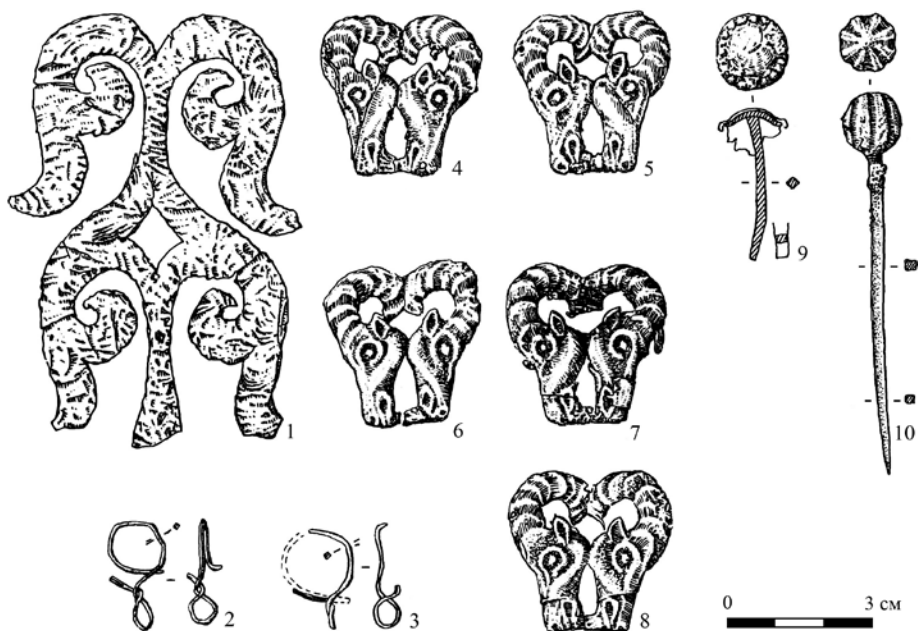

Рис. 2. Инвентарь из кургана №15 могильника Ханкаринский дол:
1, 4-8 – аппликация из золотой фольги от головного убора; 2-3 – золотые серьги;
9-10 – железные заколки с навершиями, покрытые золотой фольгой

Могильник Ханкаринский дол маркирует северо-западную границу распространения памятников пазырыкской культуры на Алтае. Курган №15 находится в центральной части цепочки раскопанных объектов. Кроме планиграфического расположения и особенностей погребального обряда о принадлежности рассматриваемого сооружения к пазырыкской культуре свидетельствует и состав сопроводительного инвентаря. Так, бронзовое зеркало с каплевидной петлей, серебряные (?) восьмеркообразные серьги, железные однокольчатые удила и нож, костяная подпружная пряжка с двумя овальными вырезами и выступающим язычком, железные заколки, покрытые золотой

фольгой, имеют широкие аналогии среди памятников пазырыкской культуры как в Северо-Западном Алтае [Дашковский, 2016; 2017; и др.], так и в Юго-Восточном и Центральном Алтае и других частях Алтая [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев, Шульга, 2007; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.].

Для установления датировки кургана №15 могильника Ханкаринский дол также проводился радиоуглеродный анализ, который осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). Полученные результаты представлены в таблицах 1–2.

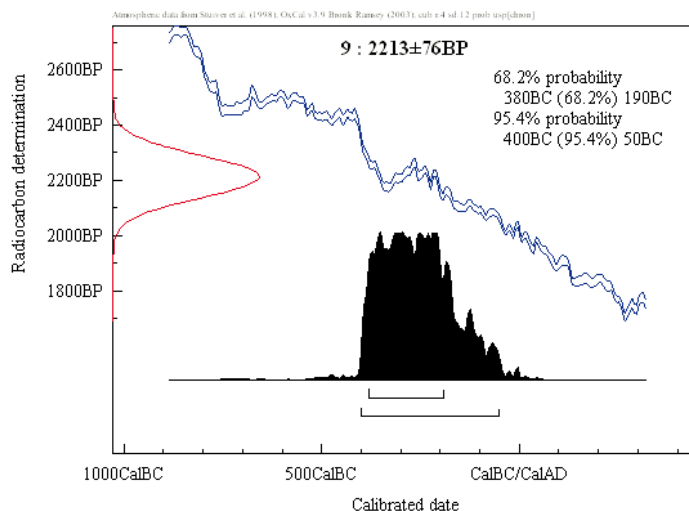
Таблица 1

Результаты радиоуглеродного анализа образца из кургана №15 могильника Ханкаринский дол

№	Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст	Календарный возраст (новое время)
9	ИМКЭС-14С1170	Заказ №9 Кости лошади	Курганный могильник Ханкаринский дол. Могила-1, курган №15	2213±76	По 1σ (68%) 380–190 BC По 2σ (95%) 400–50 BC

Таблица 2

Интервалы калиброванного календарного возраста кургана №15 могильника Ханкаринский дол

Интервалы калиброванного календарного возраста получены с помощью программы, разработанной в Оксфордском университете (Великобритания) и определены старшим научным сотрудником ИМКЭС СО РАН, канд. техн. наук Г.В. Симоновой.

Несмотря на широкий в определенной степени диапазон дат, полученные данные существенно дополняют наши исследования. Особенно важно отметить, что получен-

ные даты в большей степени указывают на завершающий этап пазырыкской культуры. В данном случае радиоуглеродные даты достаточно хорошо нивелируются с результатами археологического датирования кургана №15 могильника Ханкаринский дол. Следует отметить, что ранее уже были получены радиоуглеродные даты для курганов пазырыкской культуры могильника Ханкаринский дол [Тишкин, Дашковский, 2007; Дашковский, Тишкин, 2015; Дашковский, 2020]. При этом с учетом результатов радиоуглеродного анализа удалось установить курганы, которые относятся к разным этапам пазырыкской культуры. Примечательно, что курганы, которые относятся к раннему этапу пазырыкской культуры, на данный момент выявлены в северной части долины и в пределах других курганных цепочек могильника Ханкаринский дол. Основная курганная цепочка, включающая и курган №15, находится в центральной части могильника и датируется IV–III вв. до н.э. В то же время, возможно, датировка кургана №15 более тяготеет к IV в. до н.э. Об этом можно судить, например, по находке достаточно массивной бронзовой гривны, обложенной золотой фольгой. Такого типа изделия являются показательными для памятников пазырыкской культуры [Кубарев, 2005] и датируются в пределах 2-й половины VI – IV в. до н.э. [Степанова, 2001, с. 92]. Следует отметить, что для соседнего могильника Чинета-II, который расположен в пределах одной речной долины с некрополем Ханкаринский дол, также получена серия радиоуглеродных дат, которая наряду с особенностями погребального обряда и инвентаря свидетельствует о принадлежности объектов к скифо-сакскому времени [Дашковский, 2018; 2019]. В дальнейшем планируется продолжить работу по радиоуглеродному датированию памятников Чинетинского археологического микрорайона с целью уточнения культурно-хронологической концепции развития кочевников Северо-Западного Алтая и сопредельных регионов в скифо-сакский период.

Библиографический список

- Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мирозрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. Вып. IX.
- Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2017.
- Дашковский П.К. Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2018. №2.
- Дашковский П.К. Радиоуглеродное датирование кургана пазырыкской культуры с предметами китайского импорта из могильника Чинета-II (Алтай) // Поволжская археология. 2019. №3.
- Дашковский П.К. Исследование кургана раннего этапа пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол в Северо-Западном Алтае: хронология и атрибутация артефактов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. №1.
- Дашковский П.К., Карымова С.М. Вещь в традиционной культуре Центральной Азии: фило-софско-культурологическое исследование. Барнаул, 2012.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А. Новые данные по радиоуглеродному датированию кургана №5 могильника Ханкаринский дол (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунки.

- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
Кубарев В.Д. Диадемы и гривны из курганов Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №1.
Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007.
Степанова Н.Ф. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7.
Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.

УДК 903.022

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.12

А.А. Казаков^{1,2}, Н.Ф. Степанова³

¹*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

³*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Барнаул, Россия*

КЕРАМИКА ГОРОДИЩА КУРЛАК ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ АЛТАЯ (результаты технико-технологического анализа)

Исследование выполнено в рамках госзадания: тема №0329-2019-0003
«Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»

В статье приводится характеристика керамики майминской культуры городища Курлак из северных предгорий Алтая. Отмечено большое разнообразие оформления венчиков и днищ сосудов, выделено пять групп керамики по орнаменту. Техничко-технологический анализ выявил, что наиболее распространенным является рецепт глина+дресва+органика, как исключение встречаются рецепты глина+шамот+органика и глина ожелезненная+глина неожелезненная+дресва+органика, а исходное сырье брали преимущественно из похожих источников. Это отличает керамику Курлака от других памятников майминской культуры – Новозыково-3, Майма-1. Для них характерно большое разнообразие рецептов формовочных масс и источников исходного сырья, отмечены контакты населения с разными культурными традициями. Возможно, выявленные особенности керамического комплекса с городища Курлак связаны с тем, что оно может относиться к наиболее ранней группе памятников майминской культуры, население которого еще не подверглась смешению культурных традиций.

Ключевые слова: предгорья, Алтай, городище, майминская культура, керамика, орнамент, технико-технологический анализ

Городище Курлак находится в 7,5 км на северо-восток от с. Сайдып Солтонского района Алтайского края и в 1,6 км на юго-запад от места впадения р. Сайлапка в р. Белая. В научный оборот часть материала с городища была введена Г.В. Скопинцевой [1993]. В ее работе памятник фигурирует как городище Курлап. Это же название можно встретить и в работах других авторов. Решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 12.09.1991 №420 памятник включен в «Перечень объектов археологического наследия на территории Алтайского края, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» как городище Курлак, поэтому во избежание путаницы в названиях памятников мы в дальнейшем будем называть его Курлак. Тем более что это название также можно встретить в публикациях.

Городище расположено на мысу коренного правого берега р. Бия, высотой около 30 м [Скопинцева, 1993, с. 62]. Узкий проход на укрепленную площадку с напольной

стороны защищены четырьмя рвами и пятью валами. Высота валов 0,5–0,7 м, ширина рвов 2,6–3 м. Площадь укрепленной площадки около 1700 кв. м. Никаких других конструкций визуально на городище не выявлено. План городища опубликован [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 105, рис. 3].

В 1984 г. на городище экспедицией Бийского краеведческого музея под руководством Г.В. Скопинцевой [1993, с. 62, 65, рис. 1–2] были проведены раскопки. С памятника имеется достаточно представительная коллекция керамики, а также четыре глиняных пряслица и два костяных наконечника стрел.

Материалы памятника исследователи относят к кругу памятников майминской археологической культуры [Скопинцева, 1993; Абдулганеев, 1993; 1998; Казаков, 2018; 2019; Кунгурова, Абдулганеев, 2019; и др.]. Сравнительно-типологический анализ керамических комплексов привел к появлению двух точек зрения на майминскую культуру [Скопинцева, 1993; Казаков, 2018; 2019; Кунгурова, Абдулганеев, 2019; и др.]. Проведение технико-технологического анализа, а также дополнительное изучение орнамента керамических комплексов с других памятников майминской культуры показало перспективность данного направления для изучения этого культурно-хронологического образования [Степанова, Казаков, 2018; 2019а–б; Казаков, Степанова, 2019].

Майминская культура выделена сравнительно недавно и достаточно слабо изучена, поэтому был проведен технико-технологический анализ керамики городища Курлак с целью получения новой информации, позволяющей рассматривать вопросы взаимодействия населения, освоения новых территорий и ряд других. Исследованию была подвергнута коллекция керамики с городища, насчитывающая 32 фрагмента венчиков от различных сосудов, специально отобранных для проведения технико-технологического анализа М.Т. Абдулганеевым в 1990 г. Вероятнее всего, отбор образцов осуществлялся из коллекции со сборов, которая хранится в Бийском краеведческом музее. Об этом свидетельствует наличие образцов, которые не нашли отражения в публикации Г.В. Скопинцевой, и публикация керамики со сборов с территории городища Курлак в монографии Н.Ю. Кунгуровой и М.Т. Абдулганеева [2019, с. 143, рис. 55], в которой мы находим образцы, представленные для технико-технологического анализа. Необходимо отметить, что особый интерес М.Т. Абдулганеева при отборе вызывали единичные образцы, которые широко не представлены в массовом материале. Даже предварительное изучение коллекции, отобранной исследователем, показывает, что наряду с образцами, широко представленными в керамическом комплексе городища, отображающими общие черты майминской керамики, присутствуют крайне редкие экземпляры, которые являются уникальными не только для данного памятника, но и для коллекции керамики с памятников майминской культуры в целом. По-видимому, М.Т. Абдулганеев отбирал образцы, которые могли бы привести к выявлению инокультурных влияний, что могло бы послужить решению вопроса о происхождении майминской культуры, до сих пор остающегося открытым. Наличие подобных образцов с городища Курлак вызывает определенные сложности в интерпретации отобранной коллекции в целом и особый интерес для решения вопросов происхождения и генезиса майминской культуры.

По особенностям орнаментации сосудов представленная коллекция, являющаяся культурно-хронологически однородной, была разделена на пять групп. В первую группу выделены фрагменты керамики, орнаментированной гладким штампом (рис. 1.-1–5, 7; 2.-12), во вторую группу – фрагмент керамики с ногтевым орнаментом (рис. 1.-6,

8–11), в третьей группе представлены фрагменты, орнаментированные гребенчатым штампом (рис. 2.-1, 2, 4, 6), четвертая группа содержит образцы керамики с обедненной орнаментацией (ямки и каннелюры) (рис. 2.-5, 7, 10, 13), пятая группа, самая сложная, включает фрагменты керамики, украшенной орнаментом, не встречающимся в данном и сопредельных регионах (рис. 2.-8, 9, 11).

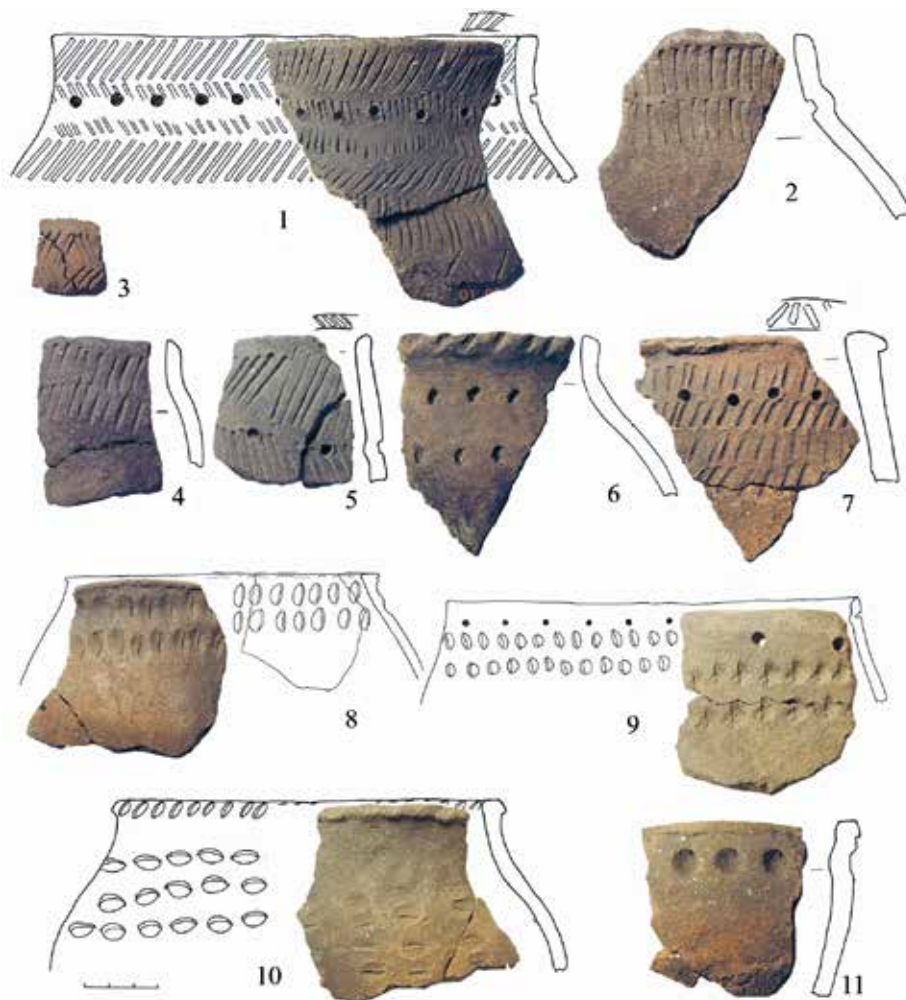

Рис. 1. Керамика с городища Курлак: группы 1 (1–5, 7), 2 (6, 8–11)

В керамическом комплексе с городища Курлак реконструированных сосудов немного. Полностью реконструированными на этом памятнике можно считать только три формы сосудов – чаши, пиалы и кубковидные сосуды с приостренным дном. Однако многообразие форм сосудов на памятнике гораздо шире. Об этом свидетельствуют различные формы днищ, среди которых можно наблюдать плоские, плоские с намевающимся поддоном, плоские с оформившимся поддоном, круглые и приостренные. Сам факт такого разнообразия форм днищ на одном памятнике, в одном культурно-хронологическом комплексе уже большая редкость. Поливариантность основных

форм дна (плоское и круглое) в одном керамическом комплексе очень редкое явление. В этом отношении (формы дна) керамический комплекс городища Курлак дает нам наибольшую вариативность среди всех комплексов майминской культуры.

Достаточно разнообразны и формы венчиков. На городище встречены прямые венчики с горизонтальным срезом, со срезом внутрь сосуда, с округлым срезом, профилированные с горизонтальным срезом, прямой с горизонтальным срезом и утолщением с внутренней и внешней стороны, слабопрофилированный с горизонтальным срезом наружу, прямой округлый воротничковый. Встречаются и венчики со срезом наружу. Много венчиков с наплывом с внешней стороны.

Сосуды украшены ямками различных форм от разных инструментов, оттисками гладких и крупнозубых гребенчатых штампов, полулунного предмета, отпечатками пальца с ногтем, защипами, а также наколами неправильной формы, насечками, каннелюрами. Особо следует отметить элемент, не встреченный более ни на одном памятнике майминской культуры, – жемчужник. Он очень слабо выражен и находится под другим орнаментальным элементом – гребенчатым штампом, но он есть. Орнаментальные элементы организованы в следующие композиции: горизонтальные, вертикальные, наклонные, комбинированные, елочка и зигзаг. При орнаментации сосудов древние гончары, как правило, использовали только один орнаментальный элемент (не считая ямок), что и послужило основанием для выделения ранее кратко охарактеризованных групп керамики.

Даже из такого схематического описания видна огромная вариативность различных составляющих единого керамического комплекса. Вероятнее всего, здесь мы имеем дело с одним из наиболее ранних майминских комплексов, что делает его изучение в свете решения вопросов происхождения майминской культуры очень перспективным.

Целью данной работы является введение в научный оборот результатов технико-технологического анализа керамики с городища Курлак. Техничко-технологический анализ керамики с городища Курлак проведен в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978; 1999]. С помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C изучались изломы и поверхности образцов. Основная задача сводилась к выявлению специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. Рассматривались вопросы выделения культурных традиций, выявления местных и неместных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; признаки смешения традиций. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С.

Всего исследовано 32 образца (венчики и фрагменты тулова). Несмотря на выделение групп по орнаменту, результаты технико-технологического анализа показали достаточно устойчивые традиции в выборе исходного сырья и составлении формовочных масс. Поэтому нет необходимости в подробном описании каждой группы керамики в отдельности.

Исходное сырье. Для изготовления глиняной посуды гончары Курлака использовали ожелезненное пластичное исходное сырье (100% и 97%). Один сосуд изготовлен из низкопластичного сырья с мелким речным песком. Из слабоожелезненного исходного

сырья изготовлено 12,5% сосудов (рис. 2.-3, 10). Столько же сосудов (12,5%) изготовлено из смеси ожелезненной и неожелезненной глин (рис. 1.-8; 2.-6, 13), остальные изделия – из среднеожелезненных глин. В 19% образцов отмечены отдельные частицы

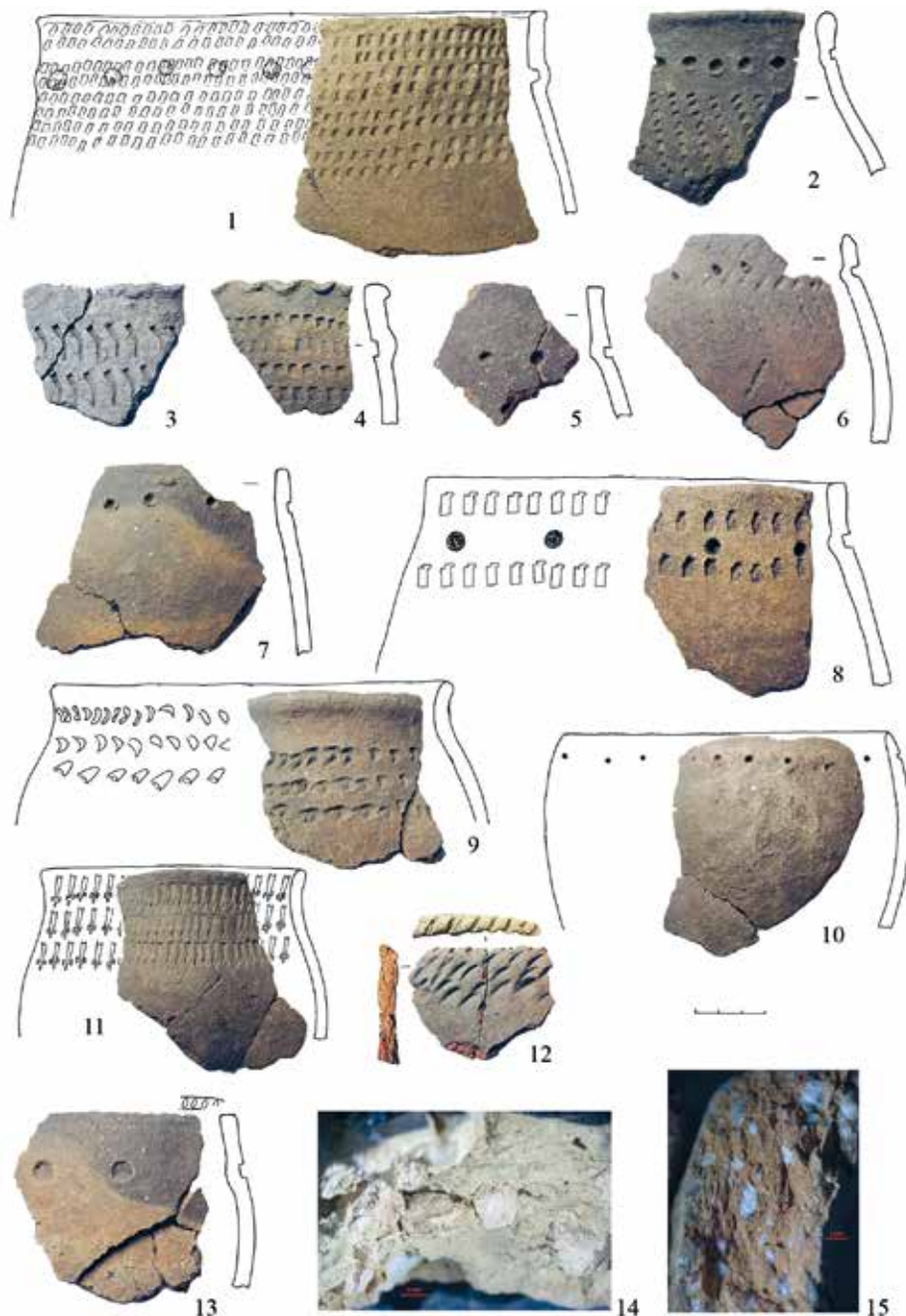

Рис. 2. Керамика с городища Курлак: группы 1 (12), 3 (1, 2, 4, 6), 4 (5, 7, 10, 13), 5 (8, 9, 11). Формовочные массы с шамотом (14) и дресвой (15)

окатанных минералов, характерных для горного сырья (рис. 1.-3, 4, 9; 2.-1, 11). Особенностью характеристики залежей глин, используемых гончарами Курлака, является такая примесь, как бурый железняк. Он встречается во всех образцах, однако в большинстве случаев частицы резко различаются по размерам, т.е. достаточно много частиц размерами 0,1–0,3 мм и реже – 1 мм и крупнее. Глину брали из очень похожих источников, возможно, расположенных в непосредственной близости или сформировавшихся в один период. Из других залежей изготовлено 25% сосудов (рис. 1.-3, 4, 6, 9; 2.-1, 11).

Формовочные массы. Зафиксировано три рецепта: глина+дресва+органика (81%), глина ожелезненная+глина нежелезненная+дресва+органика (12,5%) (рис. 1.-8; 2.-6, 13), глина+шамот+органика (6,5%) (рис. 1.-6; 2.-14). Рецепт с шамотом подразделяется на два вида: глина пластичная+шамот+органика и глина низкопластичная+шамот+органика. Необходимо отметить, что имеются различия в размерах частиц дресвы (от 1 до 3 мм, преимущественно 1–2 мм), различается концентрация от 1:2–3 до 1:4–5, преимущественно 1:3–4 и 1:4.

Проведенные исследования показывают, что для всех групп и памятника в целом характерен рецепт глина+дресва+органика, и добавление дробленного камня в формовочные массы. Исключение составляют два сосуда, в формовочные массы которых был добавлен шамот, а не дресва, явно не связанные с местными традициями, появление которых может быть следствием контактов населения с территории равнинного Алтая. Необычен и рецепт с двумя глинами, который может быть следствием как традиций, так и освоения населением новой территории. Отметим также, что в большинстве отмеченных групп есть сосуды, которые выделяются или по исходному сырью, или по составу формовочных масс, например в группе 2 (рис. 1.-6, 8), группе 3 (рис. 2.-6), группе 4 (рис. 2.-13).

Коллекция из городища Курлак отличается от коллекций керамики майминской культуры с поселений Майма-1 и Новозыково-3 тем, что менее разнообразны источники исходного сырья, преобладает традиция использовать глины из залежей, похожих по своим характеристикам и, вероятно, близких территориально [Степанова, Казаков, 2018; Казаков, Степанова, 2019]. На городище Курлак меньше сосудов из сырья из горных районов. Кроме того, глины с признаками горных залежей не относятся к низкопластичным. Изделий из низко- и среднепластичного сырья практически нет. На Курлаке менее разнообразны рецепты. Их меньше по количеству, использование дробленного камня составляет 93,5%. В целом это более «чистый» комплекс по сравнению с двумя другими памятниками.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на разнообразие форм сосудов, прослеженное в оформлении венчиков, днищ, разнообразной орнаментации, данные технико-технологического анализа по формовочным массам говорят о прочных традициях в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс на городище Курлак. О контактах с населением с другими традициями могут свидетельствовать только два сосуда, в формовочные массы которых добавлен шамот. Возможно, устойчивость традиций в выборе минеральных примесей не противоречит гипотезе о наиболее раннем характере памятника по отношению к другим памятникам майминской культуры. Развитие контактов, освоение новых территорий приводит к большому разнообразию в составлении формовочных масс и выборе исходного сырья, что прослежено по материалам с других памятников майминской культуры (Новозыково-3 и Майма-1).

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.
- Абдулганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Казаков А.А. Керамический комплекс майминской археологической культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии (сетевое издание). Тюмень, 2018. Вып. №4 (43).
- Казаков А.А. Майминская археологическая культура предгорий Алтая (историографический обзор) // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5. №1. URL: <https://www.journalaltai.com/5-1-2019-rus> DOI:10.31551/2410-2725-2019-5-1-67-78.
- Казаков А.А., Степанова Н.Ф. Керамика поселения Майма 1 предгорной зоны Алтая (результаты технико-технологического анализа) // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2019. Вып. 3 (107).
- Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. 1 тыс. н.э. Барнаул, 2019.
- Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины 1 тыс. н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.
- Степанова Н.Ф., Казаков А.А. Керамика с поселения Новозыково-3 из предгорного Алтая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2.
- Степанова Н.Ф., Казаков А.А. Об особенностях орнаментации керамики майминской культуры по материалам поселения Майма-1 (предварительные итоги) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019а. Вып. XXV.
- Степанова Н.Ф., Казаков А.А. Особенности керамического комплекса раннего железного века и раннего средневековья поселения Новозыково-3 из предгорного Алтая (по результатам технико-технологических исследований) // Теория и практика археологических исследований. 2019б. Вып. 4 (28).

УДК 904(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.13

**Ж.В. Марченко¹, С. Райнхольд², А.Е. Гришин¹,
Д.В. Поздняков¹, К.А. Бабина^{1,3}, О.В. Батанина¹**

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

²*Германский археологический институт, Берлин, ФРГ;*

³*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПОЗДНЕКРОТОВСКОЙ (ЧЕРНООЗЕРСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ПАМЯТНИКА ТАРТАС-1: РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИЕТЫ И МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (РФФИ-ННИО №18-509-12067а) и Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG (RE2688/3-1)) «От охоты и рыболовства к скотоводству: стратегии адаптации населения лесостепного Обь-Иртышья (юг Западной Сибири) во II тыс. до н.э. по данным биоархеологического исследования»

В позднекротовской части памятника Тартас-1 произведена выборка антропологического материала взрослого населения (n=22) для анализа соотношения изотопного содержания углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) с целью определения белковой структуры диеты населения. Планиграфический анализ позволил условно разделить могильник на две части – северную и южную. В результате определено, что структура питания индивидуумов позднекротовской культуры из могильника Тартас-1 в целом

основана на рыбе и мясе местных травоядных животных. Для части мужчин разных возрастных групп из северной части некрополя и для молодых женщин из южной планиграфической группы допускается вероятность потребления в последние годы их жизни продуктов (мясных и/или молочных) от травоядных животных более южного происхождения. Для мужчин такой характер связей предварительно оценивается как признаки достаточно длительных контактов с южными группами скотоводческих коллективов. В случае с молодыми женщинами эти связи могли отражать брачные контакты с южными соседями.

Ключевые слова: памятник Тартас-1, Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, позднекротовская культура, изотопный анализ, мобильность населения

Эпоха бронзы Евразии характеризуется не только расширением ареала металлургических центров, совершенствованием орудий труда и вооружения, но и дальнейшим распространением производящих форм экономики. Для большинства районов Центральной Азии эти изменения в первую очередь связаны с распространением животноводства – как наиболее мобильной и более подходящей для резко континентальных условий региона формы хозяйства, в отличие от земледелия. Расширение по степи ареалов скотоводческих культур приводило к неизбежным контактам с местными и соседними популяциями охотников, рыболовов и собирателей. И, скорее всего, в разных районах это взаимодействие отражалось по-разному.

В связи с этим особую актуальность имеет проблема механизмов перехода местного населения к принципиально новым формам хозяйствования – от присваивающих к производящим и формированием у них навыков по уходу и содержанию домашних животных (особенно в зимнее время) в условиях резко континентального климата западносибирской лесостепи. Как свидетельствуют материалы полностью изученного поселения Венгерovo-2, в начале II тыс. до н.э. кротовское население практиковало разведение лошадей и мелкого рогатого скота [Молодин и др., 2013; 2016]. Довольно просторные, а в ряде случаев двухкамерные жилища, а также наличие забора вокруг поселения [Молодин и др., 2016], позволяли, по всей видимости, содержать домашних животных в зимнее время как внутри жилищ, так и на придомовой территории. Значительное количество костей этих животных в культурных отложениях памятника, очевидно, свидетельствует о потреблении мяса домашних животных кротовским населением. Костей диких животных и рыбы найдено немного [Молодин, 1985; Молодин и др., 2013]. Традиционно такой набор фауны в поселениях позволяет судить в целом о сложном, многоотраслевом характере экономики. Вместе с тем с помощью традиционных археологических методов невозможно однозначно ответить на вопрос о соотношении в питании людей продуктов присваивающей и производящей отрасли, т.е. нельзя оценить, какая из них является наиболее значимой в обеспечении базовой потребности (еде) для коллектива. Выявить доминирующие компоненты в диете людей можно, используя метод изотопного анализа по материалам погребальных комплексов. Одним из наиболее значимых памятников для позднекротовской культуры является могильник Тартас-1.

Памятник Тартас-1 расположен в северной части Барабинской лесостепи и является крупнейшим археологическим комплексом эпохи бронзы в западносибирской лесостепи, который с 2003 г. изучается под руководством В.И. Молодина [Молодин, 2014; Молодин и др., 2004]. На данный момент исследовано более 780 захоронений, более 500 из которых относятся к периоду развитой бронзы, связанной с андроновской (федоровской) культурой [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018]. Непосредственному проникновению степного населения в лесостепь предшествовала фаза контактов и об-

мена, в т.ч. бронзовыми предметами, между местным позднекротовским и пришлым андроновским населением [Молодин, 2014; Молодин, Гришин, 2019].

Всего к позднекротовской культуре (ПК) на Тартасе-1 отнесено 115 погребальных комплексов. На данный момент проводится уточнение культурной принадлежности всех захоронений, поэтому представленные здесь статистические данные не являются окончательными. Все погребения локализованы в восточной части памятника. Могильник ПК вытянут вдоль края террасы на 150 м по линии Ю–С. В ряде случаев захоронения расположены довольно компактно, образуя ряды от двух до восьми погребений в каждом. В некоторых случаях можно предполагать формирование нового ряда от более ранних комплексов. В такой ситуации ряды погребений несколько меняют направление. В отдельных случаях захоронения устроены обособлено вне привязки к существующим комплексам. По первым результатам радиоуглеродного датирования комплексы ПК на Тартасе-1 были отнесены к XIX/XVIII–XVII вв. до н.э. [Molodin et al., 2012]. Кротовское поселение Венгерovo-2 и захоронения ПК на Тартасе-1 находятся в близкой хронологической позиции друг к другу, поэтому материалы, на наш взгляд, являются сопоставимыми.

Характерной чертой погребальной практики ПК является захоронение человека в вытянутой позе на спине, отсутствие сопровождающей керамической посуды и относительно частое использование разных категорий бронзовых предметов: от украшений и орудий труда до вооружения. В некоторых случаях в погребениях встречаются фаланга лошади («бабка») и мелкого рогатого скота («альчик») [Молодин и др., 2004; Молодин, Гришин, 2019].

Условно захоронения ПК могильника можно разделить на северную планиграфическую группу (СПГ) и южную планиграфическую группу (ЮПГ). Погребения местами расположены в 2–3 линии от края террасы. Наиболее плотным взаимным расположением комплексов характеризуется северная часть, в некоторых случаях края могил перерезают соседние, что может свидетельствовать о первоначально более разреженном заполнении могильного поля, а впоследствии – встраивании более поздних погребений в уже существующие ряды. Южная часть могильника ПК выглядит менее плотной, более упорядоченной. Очевидно, что внутренняя хронологическая дифференциация может наблюдаться не только между планиграфическими группами, но и внутри каждой группы. В каждой группе преобладают индивидуальные захоронения, но также встречаются парные и коллективные.

Метод анализа соотношения стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в костях людей и в остатках их потенциальной пищи позволяет детализировать особенности индивидуального питания людей и характер экономики. Изотопный сигнал человека меняется по трофическому принципу – обогащение изотопами на каждом новом уровне потребления (0,5–2‰ для $\delta^{13}\text{C}$ и 3–6‰ для $\delta^{15}\text{N}$) [Schoeninger, 1985; Hedges et al., 2007; O’Connell et al., 2012; Святко, 2016]. Так, с одной стороны, можно реконструировать структуру белкового питания человека и ее изменение на протяжении жизни (анализ разных частей скелета, в т.ч. зубы). С другой стороны, можно фиксировать изменения в диете, связанные с долговременными локальными перемещениями человека (и/или домашних животных) между ландшафтными зонами и соответственно с изменением соотношения растительности типов C_3 и C_4 в «кормящем ландшафте» (например, лес – лесостепь – степь).

Существенным ограничением широкого использования этого метода сегодня в отечественной археологии является небольшая серия локальных изотопных исследований в евразийских степях и в бореальной полосе Северной Азии [Katzenberg, Weber, 1999; Katzenberg et al., 2012; Svyatko et al., 2013; 2017; Ventresca Miller et al., 2014; Motuzaitė Matuzeviciute et al., 2015; 2016; Марченко и др., 2016]. Как следует из них, $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в костях животных и людей могут значительно варьироваться в зависимости от ландшафта, направленности присваиваемого хозяйства и производящего типа экономики, в т.ч. характера скотоводства. Поэтому всегда при изучении структуры питания людей важно иметь изотопные данные и по их потенциальной пище. В качестве локальных фоновых изотопных значений по диким и домашним животным и рыбе использованы данные по Барабинской лесостепи [Марченко и др., 2016]. Вместе с изучением структуры питания и характера экономики населения изотопные данные по человеку можно использовать для оценки мобильности/миграции отдельных индивидов или группы. В этом случае результаты анализа выборки будут демонстрировать выбросы по одному или обоим изотопам. Именно с этой целью в данной статье предлагается оценить группу захоронений ПК на могильнике Тартас-1 (начало II тыс. до н.э.), для которой палеогенетическими методами отмечено появление новых западно-евразийских гаплотипов [Мультидисциплинарные исследования..., 2013, с. 152].

Для изотопного анализа был отобран материал из 19 захоронений, принадлежащий 22 взрослым индивидуумам (табл.). Аналитические измерения проведены в Лаборатории изотопных исследований ИАЭТ СО РАН (Isotopes). Для анализа был использован коллаген, извлеченный из костного материала человека. В большинстве случаев для изучения выбиралось ребро, что отражает диету последних 2–3 лет жизни индивидуума.

Значения стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в костях людей из захоронений могильника ПК на памятнике Тартас-1

Лаб. код, номер SI-	Планиграфическая группа	Номер погребения / номер скелета	Пол	Возраст	Кость скелета	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰, сред. значение и стандартное отклонение	$\delta^{15}\text{N}$, ‰, сред. значение и стандартное отклонение
421	Северная	374/1	Ж	55–60	Ребро	-22.8	13.8	-22.7±0.4	13.0±0.7
422		374/2	Ж	Adultus-Maturus	Плюсна	-22.5	13.7		
423		386	Ж	20–25	Ребро	-21.9	12.8		
425		390А	Ж	25–30	Ребро	-23.2	12.6		
427		396	Ж	Maturus	Плюсна	-22.8	12.1		
429		441	Ж	Adultus-Maturus	Плюсна	-22.8	12.7	-21.2±1.0	12.4±0.7
394		254/1	М	Maturus	Ребро	-22.6	13.9		
408		315	М	20–25	Ребро	-20.4	12.7		
410		318/2	М	35–40	Ребро	-21.0	11.2		
411		323/1	М	25–30	Пястная кость	-22.6	12.5		
415	325/1	М	30–35	Плюсна	-21.9	12.5			
416	325/2	М	Adultus-Maturus	Плюсна	-20.3	13.1			

Окончание таблицы

Лаб. код, номер SI-	Планиграфическая группа	Номер погребения / номер скелета	Пол	Возраст	Кость скелета	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰, сред. значение и стандартное отклонение	$\delta^{15}\text{N}$, ‰, сред. значение и стандартное отклонение
736	Южная	8	Ж	30–35	Ребро	-21.5	12.3	-21.5±0.9	12.5±0.5
737		19	Ж	Прим. 20–25	Ребро	-20.4	12.4		
738		20	Ж	Прим. 20–25	Ребро	-20.9	12.0		
740		36/2	Ж	55–60	Ребро	-22.5	12.5		
–		71	Ж	30–40	Позвонок	-22.4	13.4	-22.0±0.3	13.2±0.5
–		11	М	Прим. 20–25	Ребро	-22.1	13.1		
–		25	М	25–30	Ребро	-21.7	13.5		
739		36/1	М	Прим. 25–30	Ребро	-22.3	12.5		
741		39	М	40–45	Ребро	-22.0*	10.9*		
–		72	М	Adultus-Maturus	Ключица	-22.1	13.7		

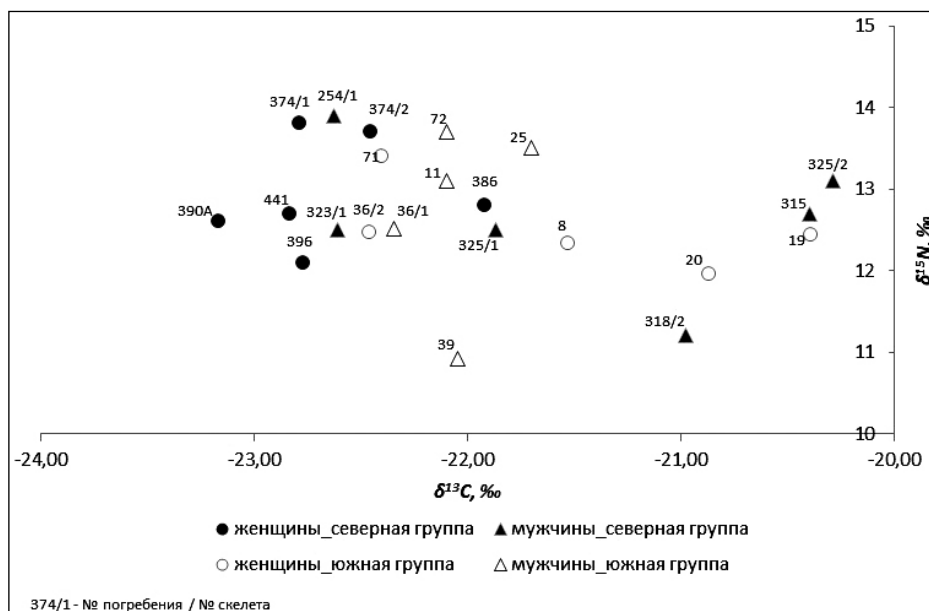
* значения не включены в статистику.

В целом для всех проанализированных групп можно реконструировать смешанный характер диеты, включающей примерно в равной пропорции потребление белков от местных травоядных животных и рыбы. Исключением является только взрослый мужчина (40–45 лет) из погр. 39 (ЮПГ), который имеет наиболее низкое значение $\delta^{15}\text{N}$ (10.9‰), что указывает на то, что мясо наземных травоядных являлось основным источником белкового компонента в его диете. Низкое соотношение стабильных изотопов углерода (-22‰) показывает, что животные, которыми он питался, происходят из лесной зоны. Человека сопровождал колчаный набор из четырех костяных наконечников. Все это может свидетельствовать о специализации данного индивидуума на охоте.

Несмотря на смешанный характер диеты популяции ПК на Тартасе-1, в каждой планиграфической группе есть половозрастные различия, связанные с ландшафтными особенностями происхождения наземных травоядных (лес-лесостепь-степь), мясо которых потреблялось населением.

Выборка из СПГ включает шесть женщин и шесть мужчин разных возрастных групп из 10 погребений. Наиболее консолидированной группой по $\delta^{13}\text{C}$ выглядит выборка по взрослым женщинам (рис.). Для нее характерны наименьшие отклонения ($\delta^{13}\text{C}=-22.7\pm 0.4\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N}=+13.0\pm 0.7\text{‰}$). При этом практически нет изотопной разницы в питании между молодыми (20–25 л.) и взрослыми и пожилыми женщинами (30–60 л.). Высокие значения $\delta^{15}\text{N}$ указывают на значительную роль рыбы в их диете, а достаточно низкие показатели $\delta^{13}\text{C}$ – на то, что рацион мог дополняться мясом местных наземных млекопитающих лесной-лесостепной зоны.

В то же время мужская группа из СПГ по $\delta^{13}\text{C}$, во-первых, выглядит менее консолидированной ($\delta^{13}\text{C}=-21.2\pm 1.0\text{‰}$ (отклонение везде 1SD), $\delta^{15}\text{N}=+12.4\pm 0.7\text{‰}$), а во-вторых, часть индивидуумов имеет более высокие значения $\delta^{13}\text{C}$ (-20.4‰ (погр. 315), -21.0‰

Индивидуальные значения стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в антропологическом материале могильника ПК на памятнике Тартас-1

(погр. 318, ск. 2), -20.3‰ (погр. 325, ск. 2)). Повышение значений $\delta^{13}\text{C}$, на наш взгляд, отражает потребление мясных продуктов более южного происхождения (южная лесостепь – северная степь). Возможно, что часть мужского населения в этой группе была задействована в длительных контактах с южными соседями и потребляла в т.ч. продукты животноводства. При этом индивидуум №2 из погр. 318 при относительно высоких значениях $\delta^{13}\text{C}$ (-21.0‰) имеет достаточно низкие значения $\delta^{15}\text{N}$ ($+11.2\text{‰}$). Это показывает, что среди всей популяции ПК на Тартасе-1 его структура диеты в целом ближе рациону питания андроновского населения Верхнего Приобья (индивидуум из могильника Фирсово-XIV ($\delta^{13}\text{C} -19.9\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N}+10.6\text{‰}$)) [Motuzaitė Matuzeviciute et al., 2016, Table 1].

Выборка из ЮПГ включает пять женских и пять мужских индивидуумов из девяти захоронений. Высокие значения $\delta^{15}\text{N}$ в обеих половозрастных группах также указывают на значительную долю рыбы в питании популяции (рис.). В ЮПГ, напротив, более консолидированной по $\delta^{13}\text{C}$ выглядит мужская группа ($\delta^{13}\text{C}=-22.0\pm 0.3\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N}=+13.2\pm 0.5\text{‰}$). Разница не прослеживается между возрастными группами мужского населения 20–25 л. и Adultus/Maturus. По изотопным соотношениям и соответственно характеру питания (и, видимо, степени оседлости) эта мужская группа наиболее приближена к женской группе из СПГ.

Женская выборка из ЮПГ, напротив, проявляет вариативность по соотношению стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}=-21.5\pm 0.9\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N}=+12.5\pm 0.5\text{‰}$). При этом наиболее высокие значения углерода (-20.4‰ (погр. 19) и -20.9‰ (погр. 20)) характерны для молодых женщин (20–25 л.). Это также указывает, что наземные травоядные, мясо (и/или молоко?) которых являлось устойчивым источником их пищи в последние годы жизни, имеют более южные источники происхождения. Мы предполагаем, что

эти молодые женщины могли попасть в коллектив населения севера Барабинской лесостепи с более южных территорий в результате брачных контактов. Такой же характер брачных связей между населением Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи по данным антропологического анализа моделируется для части женской популяции андроновского могильника Фирсово-XIV [Солодовников, 2006]. Для более взрослых женщин (от 30–35 до 50–60 л.) характерны изотопные соотношения, близкие к мужчинам данной планиграфической группы, что в целом показывает схожий характер питания всего взрослого населения.

Таким образом, сравнительный анализ изотопных соотношений в костях людей из двух планиграфических групп могильника Тартас-1 показал, с одной стороны, схожую для всей популяции структуру питания: рыба и мясо травоядных животных, с другой – выявил различия в источниках питания некоторых индивидуумов, связанные с местом обитания потребляемых ими животных.

На данный момент до получения более представительной серии изотопных данных по домашним животным, ассоциированным с кротовскими и позднекротовскими популяциями, сложно моделировать условия их содержания в северной лесостепи и соответственно прогнозировать их изотопный сигнал и его влияние на изотопные значения человека. Поэтому, с одной стороны, мы имеем неоспоримые доказательства содержания и потребления домашних животных (мелкий рогатый скот и лошадь, меньше – крупный рогатый скот) в условиях северной и центральной лесостепи кротовским (поселения Венгерovo-2, Абрамово-10 и Преображенка-3) [Молодин, 1985; Молодин и др., 2016] и сменяющим его позднекротовским населением. С другой стороны, изотопный анализ в диете населения ПК пока не выявляет значительной роли продукции животноводства, в отличие от степных культур эпохи бронзы [Svyatko et al., 2013; Ventresca Miller et al., 2014; Motuzaitė Matuzevičiūtė et al., 2016; и др.]. Поэтому вопрос об эффективности животноводства в периоды ранней и развитой бронзы в лесостепи и значении его продуктов в жизнеобеспечении популяции ПК остается пока открытым.

Библиографический список

- Марченко Ж.В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.В. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э.: археологические и изотопные данные // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №3 (34).
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и андрология Евразии. 2014. №1 (57).
- Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск, 2019. Т. 5.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Иванова Д.П., Головкин П.С., Селин Д.В., Орлова Л.А., Васильев С.К. Конструктивные и планиграфические особенности жилища №5 поселения кротовской культуры Венгерovo-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С. Особенности структуры поселения Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пищонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I.

Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск, 2013.

Святко С.В. Анализ стабильных изотопов: основы метода и обзор исследований в Сибири и Евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №44 (2).

Солодовников К.Н. Антропологические материалы могильника Фирсово-XIV: к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. №6.

Hedges R.E.M., Reynard L.M. Nitrogen isotopes and the trophic level of humans in archaeology // Journal of Archaeological Science. 2007. Vol. 34.

Katzenberg M.A., McKenzie H.G., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A. Prehistoric dietary adaptations among hunter-fisher-gatherers from the Little Sea of Lake Baikal, Siberia, Russian Federation // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39.

Katzenberg M.A., Weber A. Stable isotope ecology and palaeodiet in the Lake Baikal Region of Siberia // Journal of Archaeological Science. 1999. Vol. 26.

Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Kiryushin Y.F., Rakhimzhanova S.Zh., Svyatko S., Tishkin A.A., O'Connell T.C. Climatic or dietary change? Stable isotope analysis of Neolithic-Bronze Age populations from the Upper Ob River basins // The Holocene. 2016. Vol. 26, issue 10.

Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 59.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. Radiocarbon chronology of burial grounds of the Andronovo Period (Middle Bronze Age) in Baraba Forest Steppe, western Siberia // Radiocarbon. 2012. Vol. 54, No. 3–4. Proceedings of the 6th Radiocarbon and Archaeology International Symposium.

O'Connell T.C., Kneale C.J., Tasevska N., Kuhnle G.G.C. The diet body-offset in human nitrogen isotopic values: A controlled dietary study // American Journal of Physical Anthropology. 2013. Vol. 149.

Schoeninger M.J. Trophic level effects on $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ and $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ ratios in bone collagen and strontium levels in bone mineral // Journal of Human Evolution. 1985. Vol. 14.

Svyatko S.V., Polyakov A.V., Soenov V.I., Stepanova N.F., Reimer P.J., Ogle N., Tyurina E.A., Grushin S.P., Rykun M.P. Stable isotope palaeodietary analysis of the Early Bronze Age Afanasyevo Culture in the Altai Mountains, Southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 14.

Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from Minusinsk Basin, Southern Siberia // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40, issue 11.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K. Subsistence and social change in Central Eurasia: stable isotope analysis of populations spanning the Bronze Age transition // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 42.

УДК 902(5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.14

Б.Ч. Мунхбаяр

Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия

**РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ
МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ
ИЗ СКАЛЬНОГО ПОГРЕБЕНИЯ УЗУУР-ГЯЛАН
(Монгольский Алтай)**

The article describes the metalwork of the Uzuur Gyalan rock burial, popularly known online in 2016 as the «Adidas Mummy». The definitions and chemical composition of the metalware were compared with those of the time in the region. According to the results of the comparative study, the composition of the

bronze mirror is very different from other bronze objects. However, bridles, saddle plaques, and ligaments are similar to the main non-ferrous metals in the region, but appear to have local characteristics. Further detailed comparative studies of the chemical composition of non-ferrous metal products in the tenth century are important steps in establishing regional cultural relations.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, Узуур-Гялан, уздечка, седло, украшения обуви, бронзовое зеркало, рентгенофлюоресцентный анализ

В течение нескольких лет Буянтская археологическая экспедиция, созданная в ходе выполнения совместных научно-исследовательских проектов тремя университетами (Алтайский, Ховдский и Улаанбаатарский) [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007], изучает на территории Ховдского аймака Монголии памятники историко-культурного наследия. Одним из направлений такой деятельности являются аварийные раскопки скальных погребений средневекового населения Монгольского Алтая. В апреле 2016 г. сотрудники Ховдского государственного университета (ХГУ) и Ховдского музея провели обследование и раскопки скального погребения в местности Узуур-Гялан [Мунхбаяр, Тишкин, Серегин, 2017; Мөнхбаяр, Пүрэвдорж, Бямбасүрэн, Сүхбаатар, 2019, с. 41–93].

В данной статье будут кратко представлены неоднократно опубликованные результаты изучения скального погребения Узуур-Гялан и рентгенофлюоресцентного анализа металлических изделий из него (рис., табл. 1, 2).

В 2010 г. местные жители обнаружили скальное погребение, которое попадало в зону планируемой разработки карьера. С 1 по 3 апреля в 2016 г. был исследован памятник Узуур-Гялан, который находился рядом с пос. Борта в Мунххайрханском сомоне Ховдского аймака. В отряд экспедиции вошли Ч. Мунхбаяр, Г. Пүрэвдорж, Х. Бямбасүрэн, Б. Сүхбаатар, П. Сэмбэдорж и водитель Б. Батжин.

Скальное захоронение Узуур-Гялан расположено в одноименном урочище (в переводе с монг. яз. – «блестящее ущелье»). Географические координаты объекта зафиксированы с помощью GPS-навигатора: N – 46°55, 926', E – 091°46,844' (высота над уровнем моря – 2803 м). В ходе полевого изучения найдено частично мумифицированное тело женщины, рядом с которой находилась лошадь. Сопроводительный инвентарь включал более 40 различных предметов хорошей сохранности. Особое значение имеют разные элементы одежды, представленные изделиями из шелка, меха, кожи и войлока. Конское снаряжение включало целое седло и полный уздечный набор (удила с псалиями, распределители и украшения ремней). Предметы быта демонстрируются целым рядом находок. Среди них отметим гребень и фрагмент зеркала, вероятно, находившиеся в войлочной сумочке. Найдена деревянная посуда [Мунхбаяр, Тишкин, Серегин, 2017, с. 727]. Умершая женщина была одета в красный тканый халат [Мөнхцэцэг, Мягмарсүрэн, Оюунчимэг, 2017]. Погребение датировано X в. н.э. [Onar et al., 2019; Kristen Rye Pearson, Chuluunbat Mönkhbayar, Galbadrakh Enkhbat and Jamsranjav Bayarsaikhan, 2019, p. 60].

В ходе реставрационных работ в лаборатории Центра культурного наследия обнаружены еще шесть металлических артефактов. Реставратор Д. Нямдорж исследовал взятые пробы с помощью стационарного рентгеновского аналитического прибора Noriba XGT-5200 (производство Японии).

Проведено определение состава каждой металлической находки. Сначала было опубликовано краткое сравнение только артефактов из цветных металлов [Энхбат, Мөнхбаяр, 2017, с. 68–70]. Это первый случай, когда проводилось исследование химического состава.

Металлические изделия из скального погребения Узуур-Гялан: 1 – нож; 2 – котел; 3 – фрагмент зеркала; 4, 5 – уздечка; 6, 7 – седло; 8 – украшения обуви

Таблица 1

Список идентифицированных металлических артефактов

Название находки	Описание	Размеры
1. Нож (рис.-1)	Этот нож относится к категории острых. Он состоит из клинка, рукояти и футляра с ремнями для подвешивания	Длина 22 см, ширина 1,5 см, толщина 0,1 см
2. Котел (рис.-2)	Металл изделия поврежден, кое-где есть заплатки	Диаметр 20 см, высота 20 см, толщина 0,2 см
3. Фрагмент зеркала (рис.-3)	Угловая часть квадратного бронзового зеркала. По ней можно восстановить целое изделие	Длина 4 см, ширина 3 см, толщина 0,3 см
4. Седло (рис.-6, 7)	А. «Петельчатые» стремена с широкой подножкой и с горизонтально вытянутым «ушком». У изделий этого типа ширина петли превышает ее высоту. Степень «приплюснутости» петли различная. Стремена характеризуются арочным, реже округлым проемом. У большинства предметов подножка снабжена ребром жесткости [Серегин, 2017, с. 12]. Б. Деревянная основа, накладка и украшенные кожаные ремни (прямоугольная бляха – 16 шт. распределитель – 1 шт.)	Высота 14,5 см, ширина 13 см. Подножка: длина 12,8 см, ширина 6 см, толщина 0,5 мм. Прямоугольная бляха: дна 3,3 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,5 см. Распределитель: 3,8×2,8×1 см
5. Удила (рис.-4)	Состоят из двух звеньев с витыми грызлами, с внешними скрученными кольцами, в одно из которых с двух сторон вставлены псалии из рога, и с добавочным кольцом	Длина 23,6 см, толщина 0,3 см
6. Уздечка (рис.-4, 5)	Состоит из кожаных ремней с металлическими украшениями: прямоугольные бляхи – 16 шт., распределители – 4 шт. и другие детали	Прямоугольная бляха: длина 3,3 см, ширина 1,8 см, толщина 0,5 см. Распределитель ремней: длина 3,8 см, ширина 2,8 см, толщина 1 см. Железные фиксаторы для крепления прямоугольной бляхи: длина 2,5 см, ширина 1,5 см
7. Крепление для обуви (рис.-8)	Кожаный ремень имеет металлические украшения, в том числе бляху с узорами	Длина 1,2 см, ширина 0,8 см

Изучение химического состава металлических изделий во Внутренней Азии, особенно в Монголии, только начинается. Хуннуские бронзовые изделия уже исследовались [Мөнхбаяр, 2016, с. 5–10]. Опубликованы результаты рентгенофлюоресцентного анализа некоторых находок из раскопанных хуннуских памятников [Мөнхбаяр, 2014, с. 50–54, 160, 223–232; Мөнхбаяр, Эрдэнэбаатар, Ковалёв, 2018, с. 116–135]. Определен химический состав некоторых оригинальных материалов, таких как бронзовые бляхи и украшения наконечников ремней, но до сих пор нет сравнений с украшениями обуви из Узуур-Гялана [Төрбат, 2004, с. 68].

Проведено множество исследований по определению химического состава металлических предметов из памятников VII–X вв. н.э. на соседних территориях Западной и Южной Сибири (табл. 2) [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Конькова, Король, 2007; Король, Конькова, 2009; и др.]. А.А. Тишкин и Н.Н. Серегин [2011] провели исследование химического строения металлических зеркал периода раннесредневековых государств в Центральной Азии. Но среди опубликованных зеркал пока нет квадратного изделия. Есть специально изданная работа по бронзовым зеркалам из музея Томского университета [Ожередов, Плетнева, Масумото, 2006, с. 136–157].

Таблица 2

Химический состав металлических находок из скального погребения Узуур-Гялан
и сравнительные данные металлических артефактов из других средневековых памятников

№	Памятник, местонахождение	Находка	Медь		Олово		Свинец		Висмут		Сурьма		Никель		Цинк		Железо		Серебро		Мышьяк		Кобальт		Алюминий		Кремний		Молибден		Йод		Золото										
			Cu	Sn	Pb	Bi	Sb	Ni	Zn	Fe	Ag	As	Co	Al	Si	Mo	I	Au																									
1	Узуур-Гялан	Элемент Прямоугольная бляха	67,9	18,2	11,3	0,14																																					
2.		Распределитель ремней	17,8	39,1	38																																						
3.		Фрагмент бронзового зеркала	52,2	22,9	7,8																																						
4.		Бляха на обуви	73,2	9,72	14,7																																						
		±	0,32	0,36	0,93																																						
5	Тюхтякский клад	Узденый набор №15	Основа	3,3	2,1	0,06	0,04	0,1	16	0,8	0,1	0,2	0,4																														
6	Р. Туба, Хакасия	Маленькая бляха	Основа	0,55	1,9	0,02	0,02	0,1	15	0,1	0,1	0,1	0																														
7	Тора-Гаг-Арты, курган №4	Распределитель ремней	Основа	5,4	1,3	0,01	0,2	0	0,06	0,7	0,2	0,2																															
8	Сросткинская культура	Украшения пояса (13 шт.)	68-90	2,5-9,5	2-24,5																																						
9	Иня-1 (Шелаболихинский район, Алтайский край). Мон-гильник №14. Погребение-1	Распределитель ремней (4 шт.).	Основа	10-14	4-6																																						
10	Иня-1 (Шелаболихинский район, Алтайский край). Курган №14, погребение-1	Распределитель ремней	Основа	4-7	2-4																																						
11	Иня-1 (Шелаболихинский район, Алтайский край). Курган №14, погребение-1	Распределитель ремней 1	Основа	2-4	6-8																																						
		Распределитель ремней 2	Основа	2-3	4-7																																						
		Распределитель ремней 3	Основа	2-3	5-7																																						
		Распределитель ремней 4	Основа	2-3	4-6																																						
		Распределитель ремней 5	Основа	3-5	4-7																																						
12	Михайловка, курган №1 (Третьяковский район, Алтайский край)	Распределитель ремней	>40		1-2																																						
		Внутренняя сторона	Основа	1-2	<0,6																																						
13	Чингиз-И, курган №7 (Краснощевковский район, Алтайский край)	Распределитель ремней 1	Основа	12-14	2-4																																						
		Распределитель ремней 2	Основа	10-12	2-4																																						
		Распределитель ремней 3	Основа	12-14	3-6																																						
		Распределитель ремней 4	Основа	14-18	3-5																																						
14	Екаториновка-3, курган №3 (Кулунда, Алтайский край)	Распределитель ремней 1	<45		<0,5																																						

Поэтому есть возможность для проведения сравнительного анализа (табл. 2). Изучен химический состав некоторых небольших бронзовых украшений из Тюхтятского клада, кургана, раскопанного на реке Туба (приток Енисея), датируемых IX и X вв. Но цинк там составляет 7–16%, олово 0,7–6%, свинец 0,45%. Есть и другие отличительные особенности [Конькова, Король, 2007, с. 94].

Следующее сравнение проведено с материалами из могильника Тора-Тал-Арты, раскопанном в 1959 г. Л.Г. Нечаевым на Енисее. Трехлепестковая бляха-распределитель ремней имеет сходство с изделием из скального захоронения Узуур-Гялан. Могила на кладбище Тора-Тал-Арты датируется X в. [Король, Конькова, 2009, с. 287–296, рис. 1.-3]. Это подтверждается тем, что изделие, найденное на могильнике Тора-Тал-Арты, покрыто золотом и имеет сходство с находками из Тюхтятского клада.

Исходным материалом для сравнительного исследования послужили многочисленные материалы из памятников сrostкинской культуры, исследованных на юге Западной Сибири [Горбунов, 2009; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Горбунова, 2010; и др.]. С помощью рентгенофлуоресцентного анализа исследован химический состав изделий из цветных металлов. Например, медь (Cu – 68–90%), свинец (Pb – 2–24,5%), олово (Sn – 2,5–9,5%), цинк (Zn – 1,5–8%), железо, мышьяк и никель были использованы для изготовления 13 украшений [Горбунов, 2009, с. 264–268]. Чтобы сравнить химический состав этих находок из цветных металлов с определениями изделий из скального захоронения Узуур-Гялан, была составлена таблица 2 [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 49, 50, 56, 63, рис. 17–19, 34, 35, 50] и после составления специального приложения сделаны следующие выводы.

Трехлепестковый распределитель ремней узды из скального захоронения Узуур-Гялан уникален тем, что не содержит мышьяка или золота, в отличие от артефактов, найденных на Алтае в России, которые аналогичны изделию из гробницы Шанага. Распределитель из Узуур-Гялана сформирован в виде бутона цветка без орнамента с тремя разделенными сторонами. Многослойный цветочно-лепестковый орнамент, который считается смысловым украшением, найден на памятнике Иня-1 [Горбунова, 2010, с. 87, рис. 48]. Есть схематичное описание другой трехлепестковой бляхи [Горбунова, 2010, с. 61, рис. 28]. Узорчатые бляхи датируются X–XI вв., а такие же узорчатые бляхи из гробницы Шанага датируются VIII–IX вв. Уже известно, что гробница Шанага датируется 666–837 гг., а памятник Узуур-Гялан определен X в. н.э. [Мөнхбаяр, 2016, с. 4, 76, приложение 1.18; Ховд аймгийн Мөнххайрхан, 2016, с. 2].

В будущем сравнительное исследование всех находок из захоронений Узуур-Гялан необходимо будет провести детально на основе всех полученных результатов.

Библиографический список

Горбунов В.В. Комплексное изучение поясных наборов сrostкинской культуры // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: Методика и некоторые результаты. Барнаул, 2010.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Опыт комплексного исследования набора средневековых ременных украшений из Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул, 2007.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Средневековые ременные украшения из раскопок в Туве в коллекциях государственного Эрмитажа // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009.

- Мөнхбаяр Ч. Археологи дахь арван жилийн дурсамж. Ховд, 2014.
- Мөнхбаяр Ч. Хоёр хүрэл тогооны солонгон задлалын үр дүн // Journal of the archaeology, history and culture. 2016. Vol. 12 (12). P. 1.
- Мөнхбаяр Ч. “Буянтын археологийн хээрийн шинжилгээний анги”-ийн авран хамгаалах археологийн малтлагын тайлан (2016 оны 4 сарын 01–11 сарын 01). Улаанбаатар, 2016.
- Мөнхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д., Ковалёв А.А. Цайны замын дагуух эртний улсын үеийн соёлын үл хөдлөх дурсгалын судалгаа: Ховд аймгийн нутаг дахь хүннү булшны жишээн дээр // Цайны зам эрдэм шинжилгээний бага хурал. Ховд, 2018.
- Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн морьтой оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүн // Түүхийн товчоон. ХИС-ийн НХУС-ийн Түүх, нийгмийн ухааны тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Том IX. Fasc 9. Улаанбаатар, 2019.
- Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Серегин Н.Н. «Скальное» погребение раннего средневековья из Монгольского Алтая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]. Барнаул, 2017.
- Мөнхцэцэг Б., Мягмарсүрэн Б., Оюунчимэг О. Үзүүр гялангийн хувцасны дурсгалд хийж буй судалгааны явц // Хадан гэрийн соёл (Хадан гэрийн соёл түр үзэсгэлэнгийн танилцуулга). Улаанбаатар, 2017.
- Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т. Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: Формирование и исследование собрания // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2006.
- Серегин Н.Н. Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Народы и Религии Евразии. Вып. III–IV (12–13). Барнаул, 2017.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011.
- Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007.
- Төрбат Ц. Хүннүгийн жирийн иргэдийн булш. Улаанбаатар, 2004.
- Ховд аймгийн Мөнххайрхан сумын нутагт орших Үзүүр гялангийн хадны оршуулгыг судлах, сэргээн засварлах, хадгалан хамгаалах төслийн хүрээнд 6 сарын 13–21-ны хооронд хийгдсэн судалгааны товч тайлан. ТИКА. Улаанбаатар, 2016.
- Энхбат Г., Мөнхбаяр Ч. Үзүүр гялангийн төмөрлөг олдворуудын бүтцийн судалгаа // Хадан гэрийн соёл (Хадан гэрийн соёл түр үзэсгэлэнгийн танилцуулга). Улаанбаатар, 2017.
- Kristen Rye Pearson, Chuluunbat Mönkhbayar, Galbadrakh Enkhbat and Jamsranjav Bayarsaikhan. Altai the Textiles of Üzüür Gyalan: Towards the identification of a nomadic weaving tradition in the Mongolian Altai // Archaeological Textiles Review. 2019. №61.
- Onar V., Kүçүk S., Olgun E., Dilek V., Enkhbat G. & Taşаğil A. Horse sacrifice in the Üzüür Gyalan Tomb: An Altai Mountain Kurgan // Art-Sanat. 2019. №11. <https://doi.org/10.26650/artsanat.2019.11.0013>

УДК 902(571.150)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.15

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ
МЕТАЛЛИЧЕСКОГО НОЖА
ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ НОВОСКЛЮИХА-II
(собрание МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска)**

В Краеведческом музее г. Рубцовска (Алтайский край) хранится небольшая археологическая коллекция предметов из цветного металла. Среди таких находок выделяется хорошо сохранившийся нож периода поздней бронзы, обнаруженный на поселении Новосклюиха-II. Это изделие впервые

было представлено в публикации Ю.Ф. Кирюшина и Г.А. Клюкина, вышедшей в 1985 г. Там же размещены его контурные рисунки. Позднее немного дополненные сведения нашли отражение в своде археологических памятников юго-западных районов Алтайского края. В 2009 г. нож был включен в классификационное построение при обобщении аналогичных орудий труда, зафиксированных на современной территории Алтайского края и Республики Алтай. Во всех публикациях рассматриваемый экспонат охарактеризован как бронзовый, хотя специальное определение состава сплава не проводилось. В данной небольшой статье вводятся в научный оборот результаты рентгенофлуоресцентного анализа, которые позволяют подтвердить указанное предположение. Кроме этого, даны другие характеристики и приводится всестороннее иллюстративное отражение качественно изготовленного и эффективно использовавшегося изделия.

Ключевые слова: Алтайский край, музей, металлический нож, период поздней бронзы, поселение, рентгенофлуоресцентный анализ

В 1985 г. в сборнике «Алтай в эпоху камня и раннего металла» вышла большая совместная статья Ю.Ф. Кирюшина и Г.А. Клюкина, посвященная представлению и краткому анализу многочисленных археологических артефактов, которые были получены местными краеведами на разных памятниках пяти юго-западных районов Алтайского края. В основном публиковались сборы подъемного материала, сделанные на стоянках, поселениях и могильниках, которые пострадали в ходе природного или антропогенного воздействия. В научный оборот также вводились случайные находки. Среди изложенных сведений в разделе о памятниках Рубцовского района дана следующая краткая информация: «На поселении Новосклюиха-II В.М. Рябовым найдены бронзовый чекан и нож...» [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 91]. Кроме этого, приведен контурный рисунок ножа с видом обеих сторон и два разреза (рукоятки и клинка), а также обоснована датировка XI–X вв. до н.э., с опорой на особенные характеристики и некоторые имевшиеся аналогии [Кирюшин, Клюкин, 1985, рис. 6.-1, с. 110, 113].

Через 11 лет в своде памятников истории и культуры юго-западных районов Алтайского края археологический объект Новосклюиха-II рассматривался как место случайной находки. Уточнялось также, что нож и чекан обнаружены в 1978 г. монтажником строймонтажпоезда В.М. Рябовым и учащимся Новосклюихинской школы Н. Волошиным [Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 163], который при личной встрече рассказал автору статьи о сложившихся обстоятельствах. Судя по всему, археологические предметы попали на участок возведения железнодорожной насыпи около с. Новосклюиха вместе с привезенным грунтом. Место карьера находилось рядом с территорией, которое Г.А. Клюкин определил поселением Новосклюиха-I (рис. 1.-1), собрав в 1969 г. на песчаных выдувах существенную коллекцию каменных, керамических и металлических артефактов [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 88 и 91, рис. 6 и 12; Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 163, рис. 38, 39 и 41]. Для новых находок (чекана и ножа), поступивших в музей, было использовано условное обозначение Новосклюиха-II [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 88, рис. 6.-1; Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 163, рис. 38.-2–3]. В 1991 г. в ходе проведения обследования по программе инвентаризации археологических памятников Алтайского края автором статьи была предпринята попытка идентифицировать участок, где располагались указанные поселения (примерно в 3–4 км северо-западнее от центра с. Новосклюихи). Но оказалось, что там на значительной территории сооружены городские отстойники [Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 163] и предполагавшееся место поселения Новосклюиха-II полностью разрушено. Тем не менее ближайшая зона около небольшого высыхающего озера и своео-

Рис. 1. Месторасположение поселения Новосклюха-I на снимке из космоса (1) и разные виды металлического ножа (2, 3) (фотоснимки сделаны С.В. Семеновым и А.А. Тишкиным)

бразный водораздел между долинами рек Алей и Склюиха остаются перспективными для археологических изысканий (рис. 1.-1).

В настоящее время обнаруженный нож хранится в Краеведческом музее г. Рубцовска и имеет инвентарный номер РКМ ОФ-4919/В-258. Он был учтен при создании классификации орудий труда периода поздней бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, зафиксированных на территории Алтайского края и Республики Алтай, и отнесен к типу 6: «Бронзовые однолезвийные ножи с вогнутым обушком, тупым углом края лезвия и цельнолитой рукоятью, орнаментированной с одной или двух сторон» [Грушин и др., 2009, с. 80].

Опубликованные ранее рисунки ножа [Кирюшин, Клюкин, 1985, рис. 6.-1; Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, рис. 38.-2; Грушин и др., 2009, с. 81, рис. 3.-3] не совсем адекватно отражали все особенности изделия, а в указанных описаниях отсутствовали какие-либо параметры важной находки и не представлено ее детальное рассмотрение. Благодаря директору МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска М.В. Селивановой автору статьи была предоставлена возможность изучения археологических предметов из цветного металла, располагавшихся в экспозиции. Отдельное место в этом процессе заняла работа с ножом из Новосклюихи-II. Сначала осуществлялась разноплановая фотофиксация изделия (рис. 1.-2, 3), затем производилась новая зарисовка его с видами всех сторон и с серией разрезов (рис. 2).

Нож оказался покрытым темной патиной (рис. 1.-2). В углубленной части рукояти, где располагается орнамент, хорошо заметна въевшаяся пыль (рис. 1.-3). Судя по состоянию сохранности древнего изделия, можно утверждать, что оно находилось в грунте на небольшой глубине. Длина предмета составляет 15,6 см (рис. 2). Рукоять отделена от клинка хорошо выраженным уступом (шириной около 0,4 см), переходящим в пята. Нож выполнял сугубо режущие функции. Лезвие длиной 8,5 см сохранило следы острой заточки (рис. 1.-2в). Клинок имеет своеобразное оформление (рис. 1.-2; 2). Его ширина уменьшается от границы с рукоятью к окончанию с 2,8 до 1,7 см (в центре она составляет 1,9 см). Толщина обуха (рис. 1.-2а) имеет такую же тенденцию: от 0,55 до 0,15 см (в центре – 0,4 см). Эти данные свидетельствуют о необходимости также использовать место плавного перехода лезвия в окончание, где хорошо видны следы сработанности. Не исключено, что одна из функций ножа была связана с разделкой кожи. Следует также отметить на клинке с обеих сторон своеобразный усилитель полотна в виде ребра жесткости (рис. 1.-2б, г; 2). Рукоять также имеет своеобразное оформление (рис. 1.-3; 2). Шестиугольное навершие размерами 2,1×1,8×0,45 см отделено с двух сторон видимой линией (рис. 1.-3а, б). Скорее всего, именно здесь был литник, о чем может свидетельствовать хорошо выраженная сверху выемка, оставшаяся после удаления лишнего металла (рис. 1.-3). Несмотря на то что поверхность изделия после отливки хорошо обработана, следы литейного шва местами просматриваются на обухе и на брюшке рукояти. Эти наблюдения и наличие орнамента свидетельствуют о том, что нож был отлит в двухсторонней форме. Ширина рукояти разная (рис. 1.-3). У места соединения с клинком она составляет 2,2 см, в центре – 1,85 см, а у навершия – 1,75 см. Такую же тенденцию можно отметить и при измерении толщины спинки рукояти: 0,55, 0,5 и 0,4 см. А вот толщина брюшка отличается тем, что в центре она больше (0,5 см), чем по краям (по 0,3 см). Орнамент в виде елочки находится в ограниченном углублении подпрямоугольной формы размерами примерно 6,3×1,4 см. С одной сторо-

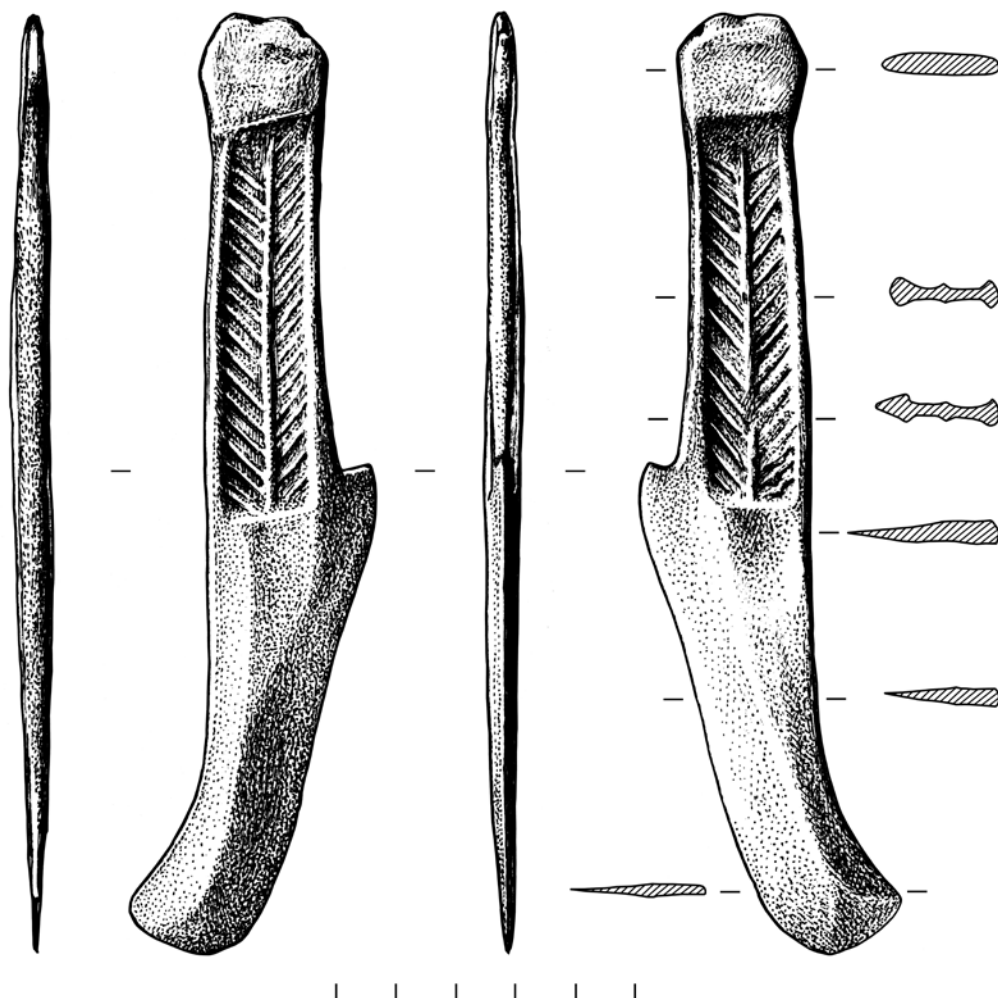

Рис. 2. Бронзовый нож из памятника Новосклюиха-II (рисунки выполнены И. Чудилиным)

ны рукояти он относительно более четкий (рис. 1.-3а), чем с другой (рис. 1.-3б), хотя целостность центральной линии у них отличается. В первом случае с одной стороны от нервюры отходит 12 косых линий, а с другой – 16 (рис. 1.-3а). Противоположная композиция просматривается хуже. По всей видимости, число аналогичных косых линий равно 20 и 18. Определить назначение и смысл зафиксированного оформления рукояти пока не представляется возможным.

С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) был определен химический состав рассматриваемого металлического ножа. Сначала тестировалась поверхность, покрытая пагиной, в центре предмета. Получены такие показатели: Cu (медь) – 79,93%; Sn (олово) – 18,55%; Pb (свинец) – 1,04%; Fe (железо) – 0,48%. Затем зафиксированы результаты исследования аналогичной поверхности с одной стороны

навершия: Cu – 77,67%; Sn – 20,6%; Pb – 1,05%; Fe – 0,68%. Оба приведенных поэлементных ряда являются «фоновыми» определениями и отражают степень покрытия древнего изделия окислами, которые затем механическим путем удалялись в двух разных местах для получения более объективных данных о составе сплава. В итоге обобщилась такая серия схожих заключений:

- Cu – 87,58%; Sn – 11,76%; Pb – 0,66%;
- Cu – 87,85%; Sn – 11,5%; Pb – 0,65%;
- Cu – 87,85%; Sn – 11,49%; Pb – 0,66%.

Полученные сведения указывают на медно-оловянно-свинцовый (бронзовый) сплав.

В ходе проведения автором статьи рентгенофлуоресцентного анализа бронзовых ножей отмечается такая тенденция: ближе к лезвию количество фиксируемого олова увеличивается. Подобное наблюдение в определенной степени подтвердилось при специальном тестировании участка у острого края клинка находки из Новосклиухи-II: Cu – 87,12%; Sn – 12,22%; Pb – 0,66%. Этот результат мог быть обусловлен технологическим моментом либо зафиксированный эффект связан с заточкой лезвия.

Таким образом, исследование металлического ножа указывает на качественный бронзовый состав сплава. Что касается датировки, то этот вопрос уже частично был отражен в начале статьи. Недавнее рассмотрение хронологии аналогичных ножей в разных регионах указывает на такие хронологические рамки их бытования – XII–IX вв. до н.э. [Грушин и др., 2009, с. 80].

Библиографический список

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985.

Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Памятники истории. Рубцовский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996.

УДК 902(575.3)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.16

А.А. Тишкин, Т.Г. Филимонова

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Душанбе, Таджикистан

РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ИЗДЕЛИЯ, ОБНАРУЖЕННОГО НА ПАМЯТНИКЕ ШОХИДОН В ТАДЖИКИСТАНЕ

Памятник Шохидон, расположенный в Бальджуанском районе Хатлонской области Республики Таджикистан, известен как раннесредневековый могильник. Он раскапывался в течение нескольких полевых сезонов и является аварийным археологическим объектом. Полученные результаты уже частично введены в научный оборот. В 2013 г. на том же лесовом останце был обнаружен древний предмет, который идентифицируется как косметическая палочка. Подобные вещи неоднократно зафиксированы в разных комплексах периода ранней бронзы, исследованных на сопредельных территориях. Публикуемая находка имеет специфическое оформление и выделяется своими размерами, несмотря на то, что часть лопатки обломана. В данной публикации приводятся результаты рентгенофлуоресцентного анализа, которые свидетельствуют о том, что изделие изготовлено из меди с на-

личием рудных примесей. Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что на территории с. Сари-Хосор или в его окрестностях может располагаться более древний памятник.

Ключевые слова: Таджикистан, Шохидон, косметическая палочка, период ранней бронзы, рентгенофлуоресцентный анализ

В 2011 г. в ходе разработки карьера на территории с. Сари-Хосор в Бальджуанском районе Хаглонской области Республики Таджикистан был обнаружен раннесредневековый могильник, получивший наименование Шохидон (Шахидон). Памятник располагается на выделяющемся лессовом останце (высотой более 20 м), расположенном в долине р. Сурхоб, возле впадения в нее р. Булгори. Часть холма оказалась скрыта при систематической добыче глины для изготовления кирпичей, используемых местными жителями в строительных целях. В течение нескольких полевых сезонов, начиная с 2012 г., осуществлялись раскопки зафиксированного археологического комплекса. Полученные результаты уже частично введены в научный оборот [Дубова, Куфтерин, 2016; Соловьев, 2018; Филимонова, 2019; Тишкин и др., 2019; и др.].

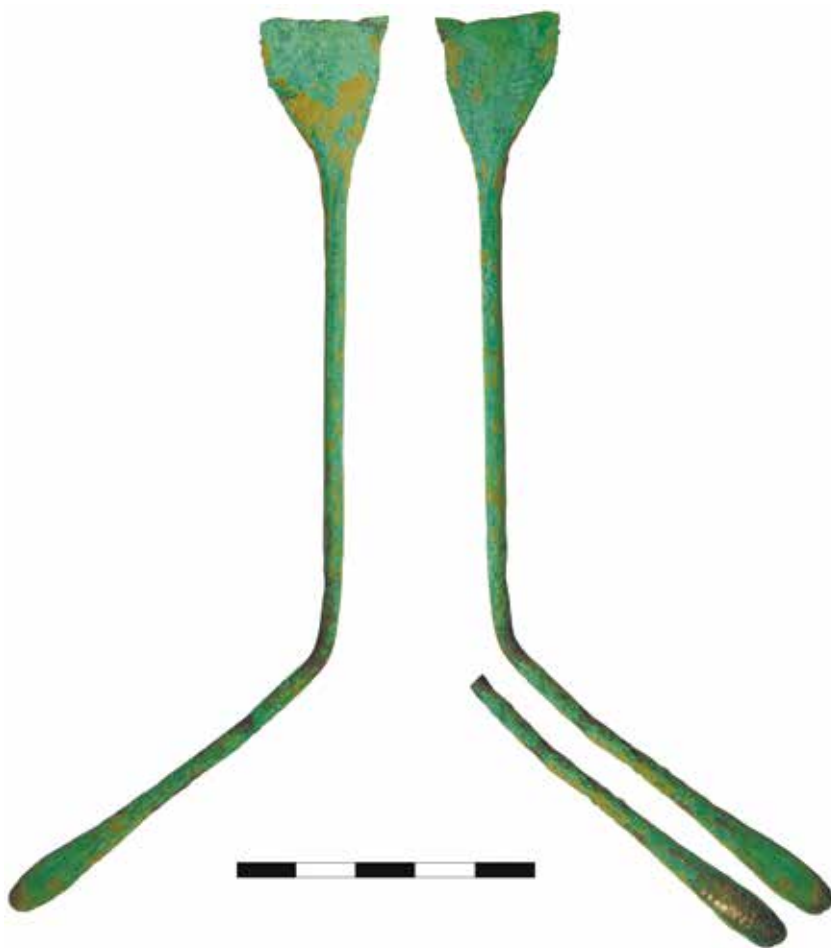

Рис. 1. Шохидон. Металлический предмет из подъемного материала на раскопе №3 (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

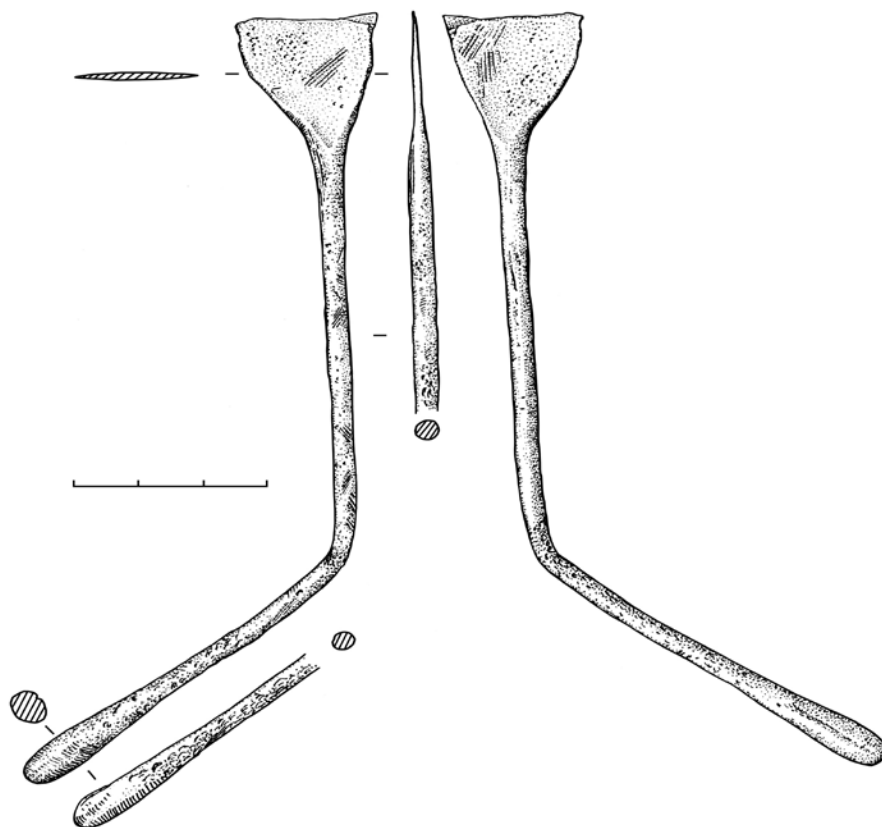

Рис. 2. Косметическая палочка, обнаруженная на памятнике Шохидон
(иллюстрация подготовлена А.Л. Кунгуровым)

В 2013 г. при плановом исследовании могильника в районе раскопа №3 практически на поверхности был обнаружен древний предмет (рис. 1 и 2), за которым в научной литературе закрепились разные наименования: косметическая лопаточка, косметический стержень [Раззоков, 2019, с. 87; Алёшкин, 2020], булавка [Кузьмина, 1966, табл. XVI], косметическая палочка и др. Изделие оказалось согнутым почти посередине, а часть одного окончания в виде лопаточки была отломана. Поверхность находки покрыта мощными окислами светло-зеленого цвета и местами вьевшимся в них грунтом (рис. 1). Проблему происхождения данной находки и ее контекст еще предстоит выяснить. Основная задача данной публикации заключается в наглядной и всесторонней демонстрации металлического артефакта на иллюстрациях (рис. 1 и 2), а также в представлении результатов рентгенофлюоресцентного анализа, которые были получены одним из авторов статьи в марте 2019 г. с помощью портативного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США).

В ходе осуществленных работ прибором тестировалась одна из сторон обломанной лопатки, покрытая окислами. Зафиксирован такой поэлементный ряд: Cu (медь) – 98,57%; As (мышьяк) – 1,08%; Bi (висмут) – 0,22%; Pb (свинец) – 0,13%. Затем в другом месте той же части изделия было произведено механическое снятие поверхностных

загрязнений. Исследования этого участка позволили получить такие показатели химического состава, которые указывают на то, что косметическая палочка изготовлена из медного сплава с характерными рудными примесями: Cu – 98,8%; As – 0,75%; Pb – 0,4%; Fe (железо) – 0,05%. Схожее определение отмечено и при изучении противоположного края, где на участке утолщения удалялись образовавшиеся окислы (рис. 1): Cu – 98,64%; As – 0,98%; Pb – 0,28%; Fe – 0,1%. Дополнительный тест рядом с предыдущим местом выявил особенность, связанную с наличием в медном сплаве точечного скопления свинца: Cu – 86,78%; Pb – 13,22%.

Изложенные результаты свидетельствуют о том, что для изготовления такого древнего приспособления, как косметическая палочка, использовался медный сплав. Аналогичные изделия были обнаружены в Средней Азии на ряде археологических памятников эпохи бронзы, в том числе вместе со специальными сосудами. Среди них стоит отметить всемирно известный комплекс Гонур-депе, исследуемый в Туркменистане. В рамках Соглашения о сотрудничестве между Институтом этнографии и антропологии РАН и Министерством культуры Туркменистана в 2018 г. были начаты определения химического состава многочисленных изделий из цветных металлов с помощью вышеуказанного рентгенофлуоресцентного спектрометра [Тишкин, Дубова, 2019]. В коллекциях, которые хранятся в музеях Ашхабада и Мары, неоднократно тестировались косметические палочки, изготовленные на основе медного сплава. Эти материалы могут стать хорошей сравнительной базой при дальнейших исследованиях рассматриваемых и других изделий.

Косметические палочки обнаружены и на памятниках Таджикистана (см., например: [Виноградова, Бобомуллоев, 2016]). Совсем недавно опубликована информация о таких же находках, полученных в Узбекистане на могильнике Заманбаба [Алёкшин, 2020], где отмечено их южное и «земледельческое» происхождение и указана такая датировка: «...от конца III тыс. до н.э. до третьей четверти II тыс. до н.э.». Важным является заключение, что проанализированные изделия «...изготовлены на северо-западе Афганистана и на юго-западе Таджикистана», а потом из этих регионов они попадали в другие регионы, в том числе на территорию Туркменистана, где зафиксированы при раскопках Тахтабазарского могильника и других памятников [Алёкшин, 2020, с. 40]. В этой связи есть смысл привести результаты еще одного исследования с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра. В витрине №2 экспозиции Марыйского областного историко-краеведческого музея (Туркменистан) представлен комплект женских косметических предметов из Тахтабазарского могильника (район среднего течения Мургаба), датированного концом III – началом II тыс. до н.э. Среди них имеется косметическая палочка, которая исследовалась тем же указанным прибором. Сначала в двух разных местах тестировалась окисленная поверхность. Получены такие результаты: 1) Cu – 97,71%; As – 2,04%; Pb – 0,2%; Fe – 0,05%; 2) Cu – 98,53%; As – 0,77%; Pb – 0,63%; Ni (никель) – 0,07%. Затем также дважды показатели химического состава зафиксированы на участках, где были удалены поверхностные загрязнения: 1) Cu – 97,08%; As – 2,68%; Pb – 0,24%; 2) Cu – 97,08%; As – 2,68%; Pb – 0,24%. Эти данные свидетельствуют о медном сплаве с рудными примесями, среди которых выделяется повышенное содержание мышьяка (As).

Представленные результаты требуют дальнейшего осмысления. Обнаружение на территории с. Сари-Хосор косметической палочки периода ранней бронзы позволяет

предполагать, что на том же лессовом останце или в других ближайших местах может располагаться еще не выявленный древний памятник. Хотя не стоит исключать и случайный характер находки. В любом случае есть смысл продолжить археологические раскопки на могильнике Шохидон, который находится в аварийном состоянии.

Библиографический список

Алёшкин В.А. Металлические косметические стержни из могильника Заманбаба (Южный Узбекистан) // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб., 2020.

Виноградова Н.М., Бобомуллоев С. Предварительные результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года // Труды Маргянской археологической экспедиции. Т. 6: Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2016.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012–2013 гг. в Бальджуанском районе // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXVIII. Душанбе, 2016.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966 (САИ; В4-9).

Раззоков Ф.А. Металлические «стержни» и их назначение (по данным археологических памятников Центральной Азии IV–II тыс. до н.э.) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб., 2019.

Соловьев В.С. Материалы из раскопок могильника Шахидон в Таджикистане // *Filo Ariadne*. 2018. №2. [Электронный ресурс]. URL: filoariadne.esrae.ru/12-209.

Тишкин А.А., Дубова Н.А. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических зеркал из археологического комплекса Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб., 2019.

Тишкин А.А., Филимонова Т.Г., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Шохидон – аварийный могильник раннего средневековья в Таджикистане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул, 2019.

Филимонова Т.Г. Бальджуанская археологическая экспедиция. Раскопки и разведки 2013–2014 гг. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXX. Душанбе, 2019.

ОСВОЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

УДК 904(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.17

К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПРОДУКТЫ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ И ОРУДИЯ НА ПЛАСТИНАХ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕСТРЯКОВО ОЗЕРО (юг Западной Сибири)

Коллекция каменных артефактов с поселения Пестряково Озеро насчитывает 2880 экз., из них продукты первичного расщепления – 32 экз., орудийный набор – 578 экз., отходы производства – 2259 экз.

В рассматриваемой коллекции продукты первичного расщепления составляют всего 1,46% от всех каменных артефактов. В статье выдвигается предположение, что первичное расщепление происходило вне пределов памятника, а на поселение Пестряково Озеро в основном поступали уже готовые изделия и орудия. В процессе использования орудия срабатывались, и их приходилось периодически подновлять, в результате чего в основном получались чешуйки и мелкие отщепы, которые составляют более половины всех артефактов в коллекции. Сломанные орудия, крупные и средние отщепы являлись вторичной сырьевой базой и использовались в качестве материала для изготовления более мелких орудий другого назначения. В материалах исследуемого памятника прослеживаются тенденции, характерные для поселенческих комплексов неолита Алтая, удаленных от источников сырья.

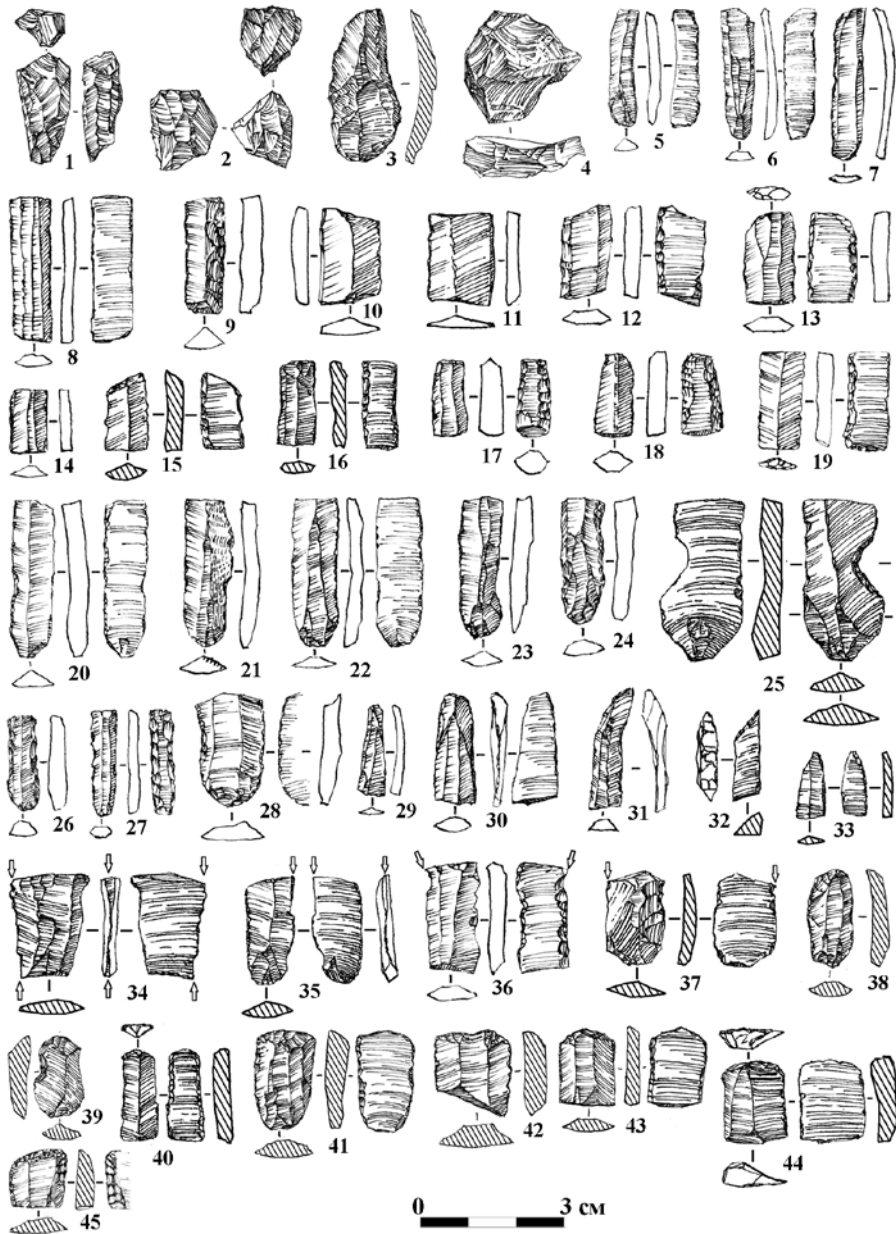
Ключевые слова: каменные артефакты, первичное расщепление, отходы производства

Неолит до сих пор остается наименее изученным периодом в древней истории нынешней территории Алтайского края. Во многом это связано с характером источников, имеющихся в распоряжении исследователей. Как уже отмечалось, на территории Степного и Лесостепного Алтая «...материалы неолитической эпохи представлены в основном незначительными сборами с памятников вдоль ленточных боров или с донных озерных стоянок» [Кирюшин, 2002, с. 5]. Как правило, в сборах с памятников с разрушенным культурным слоем артефакты неолита встречаются вместе с материалами более позднего времени. В данной ситуации материалы многочисленных сборов становятся основными источниками научной информации.

Поселение Пестряково Озеро находится в Завьяловском районе Алтайского края, в 1,5 км к северо-востоку от с. Завьялово, на южном берегу озера Пестряково. Памятник открыт С.П. Зверяко. Им в разные годы собрана коллекция каменных артефактов и керамики, которая была передана в 80-е гг. XX в. в Алтайский госуниверситет для научного исследования и публикации материалов [Кирюшин, Шамшин, 2000, с. 34]. В течение длительного времени материалы этого памятника не были введены в научный оборот. Цель данной публикации – ввести в научный оборот часть коллекции каменных артефактов поселения Пестряково Озеро.

Коллекция каменных артефактов с поселения Пестряково Озеро, хранящаяся в АлтГУ, насчитывает 2880 экз., из которых продукты первичного расщепления – 32 экз. (1,46% от всех каменных артефактов), орудийный набор – 578 экз. (20,07%), отходы производства – 2259 экз. (78,44%).

В коллекции присутствуют два желвака со сколами и пять нуклеидных изделий (рис. 1.-1–2), морфологически не выраженные артефакты. Один из них мог бы счи-

Продукты первичного расщепления (1–4, 7), орудия на пластинах (5–6, 8–28, 30–45) и отходы производства (29) каменной индустрии поселения Пестряково Озеро (1–45 – камень): 1–2 – нуклеидные изделия; 3 – пластинчатый отщеп; 4 – ударная площадка нуклеуса; 5–6 – полные пластины с ретушью; 7 – полная пластина без ретуши; 8–10, 12–13, 15–19 – медиальные фрагменты пластин с ретушью; 11, 14 – усеченные пластины (медиальные фрагменты); 20–28 – проксимальные фрагменты пластин с ретушью; 29 – дистальный фрагмент пластины (отходы производства); 30 – дистальный фрагмент пластины с ретушью; 31 – усеченная пластина (дистальный фрагмент); 32–33 – острия на пластинах; 34–37 – резцы на пластинах; 38–45 – скребки на пластинах

таться сильно сработанным нуклеусом, но при внимательном рассмотрении заметно, что большая часть «фронта» и «ударной площадки» данного изделия представлены естественной поверхностью камня.

Технических сколов выявлено 35 экз. Подработка нуклеусов осуществлялась горизонтальными (3 экз.) и вертикальными (32 экз.) сколами. Горизонтальные сколы представлены снятиями ударных площадок (рис. 1.-4), а вертикальные – пластинчатыми отщепами (25 экз.; рис. 1.-3) и реберчатыми сколами (3 экз.) и четырьмя полными пластинами без ретуши (рис. 1.-7). Две пластины мелкого размера, длиной менее 3 см, две – среднего размера, длиной от 3 до 6 см.

Результатом всего процесса первичного расщепления являлось получение призматической пластины. В составе каменных артефактов поселения Пестряково Озеро представлены орудия на пластинах (133 экз.) и фрагменты пластин, отнесенные к этапам производства (41 экз.).

В составе данной коллекции орудия (578 экз.) составляют 20,07% от всех каменных артефактов. Орудийный набор состоит из орудий на пластинах – 133 экз. (23,01% в составе орудийного набора), на технических сколах с нуклеусов – 3 экз. (0,52%), на отщепках – 417 экз. (72,15%), орудия на сланцевых плитках – 8 экз. (1,38%), абразивы – 15 экз. (2,6%), шлифованные изделия – 2 экз. (0,35%).

Орудия на пластинах представлены пластинами с ретушью – 76 экз. (57,14% среди орудий на пластинах), остриями – 3 экз. (2,26%), резцами – 6 экз. (4,51%), резчиками – 1 экз. (0,75%), скребками – 12 экз. (9,02%) и усеченными пластинами – 35 экз. (26,32%).

Особое внимание уделено размерам пластин. Поскольку большая их часть представлена обломками, классификация производилась по следующим параметрам: мелкие – ширина менее 0,7 см, средние – ширина от 0,8 до 1,5 см, крупные – ширина более 1,5 см. При анализе длины пластины разделились на две совокупности: первая – длиной менее 3 см, вторая – от 3 до 6 см.

Пластины с ретушью (76 экз.) подразделяются на мелкие пластины – 17 экз., средние – 56 экз. и крупные – 3 экз. Длина 70 пластин с ретушью не превышает 3 см, и только у шести пластин – от 3 до 6 см. Ретушью обрабатывались полные пластины – 2 экз. (рис. 1.-5, 6), медиальные фрагменты – 33 экз. (рис. 1.-8–19), проксимальные – 33 экз. (рис. 1.-20–28) и дистальные – 8 экз. (рис. 1.-30). Можно констатировать, что первичное расщепление рассматриваемой коллекции ориентировано на получение пластин среднего размера.

Ретушированные пластины (76 экз.) представлены следующими типами. Ретушь по одному краю с дорсала выполнена на 13 экз. (17,11% от общего числа ретушированных пластин, из них три медиальных фрагмента (рис. 1.-9–11), семь проксимальных (рис. 1.-21, 23) и три дистальных. Ретушь по двум краям с дорсала выполнена на 10 экз. (13,16%), из них пять медиальных фрагментов, три проксимальных (рис. 1.-24, 26) и два дистальных. Ретушь по одному краю с вентрала выполнена на 11 экз. (14,47%), из них четыре медиальных фрагмента, пять проксимальных и два дистальных. Ретушь по двум краям с вентрала выполнена на 12 экз. (15,79%), из них одна полная пластина (рис. 1.-6), пять медиальных фрагментов (рис. 1.-8) и шесть проксимальных (рис. 1.-27). Противоположающая (альтернативная) ретушь зафиксирована на 15 экз. (19,74%), из них одна полная пластина (рис. 1.-5), семь медиальных фрагментов (рис. 1.-12), и шесть проксимальных (рис. 1.-20, 22) и один дистальный (рис. 1.-30). Двусторонняя ретушь по одному краю

при односторонней вентральной по другому встречается на двух медиальных фрагментах (2,63%). Двусторонняя ретушь по одному краю при односторонней дорсальной по другому (3,95%) имеется на одном медиальном фрагменте и двух проксимальных (рис. 1.-25, 28). Крупный проксимальный фрагмент (рис. 1.-25) довольно интересен. Один из краев оформлен двусторонней мелкой краевой прерывистой плоской ретушью. На другом – дорсальной вертикальной, местами полукрутой, мелкой и средней модифицирующей ретушью оформлена выемка (рис. 1.-25). Двусторонняя ретушь по одному краю выполнена на 3 экз. (3,95%), из них один медиальный (рис. 1.-8) и два проксимальных. Встречена одна пластина с притупленной спинкой.

У шести пластин один торец подработан ретушью. Ретушь модифицирующая полукрутая (рис. 1.-13, 19), крутая (рис. 1.-15, 17, 18) либо вертикальная (рис. 1.-16).

Острия составляют 3 экз. (2,26% среди орудий на пластинах) (рис. 1.-32–33). Два экземпляра выполнены на мелких пластинах (рис. 1.-32–33), а одно изделие изготовлено на пластине среднего размера. Одно изделие типичное симметричное (рис. 1.-33), два – типичные асимметричные (рис. 1.-34). В двух случаях рабочая кромка оформлена дорсальной ретушью (рис. 1.-32), в одном – вентральной (рис. 1.-33). Ретушь везде модифицирующая. В двух случаях она вертикальная (рис. 1.-32), в одном – плоская (рис. 1.-33).

Резцы насчитывают 6 экз. (рис. 1.-34–37). В составе орудий на пластинах они составляют достаточно представительную категорию (4,51%). Резцы выполнены на проксимальных (рис. 1.-35, 37), медиальных (рис. 1.-34, 36) и дистальных фрагментах. Все выполнены на пластинах среднего размера. Среди резцов преобладают обычные угловые (рис. 1.-35–37) и только один угловой двойной (рис. 1.-34).

Резчики – 1 экз. (0,75% среди орудий на пластинах). Один выполнен на медиальном фрагменте пластины среднего размера.

В рассматриваемой выборке 12 скребков (9,02% среди орудий на пластинах; рис. 1.-38–45). Один скребок выполнен на мелкой пластине, еще один – на крупной (рис. 1.-42), а десять – на средних (рис. 1.-38–41, 43–45). Большинство (6 экз.) концевые боковые (рис. 1.-38, 40–43). Рабочая кромка у всех изделий сделана модифицирующей крутой или полукрутой ретушью, местами вертикальной. Боковые кромки оформлены двусторонней дорсальной ретушью (рис. 1.-38, 42), двусторонней вентральной (рис. 1.-40, 43), двусторонней по одному краю при односторонней вентральной по другому (рис. 1.-41). Интересны два двойных скребка (рис. 1.-39), два скребка с «носиком» (рис. 1.-44) и два скошенных скребка (рис. 1.-45). У одного из двойных скребков с одной стороны с дорсала крутой ретушью оформлена выемка (рис. 1.-39).

Усеченные пластины насчитывают 35 экз. Они демонстрируют вторую по численности группу орудий на пластинах после пластин с ретушью. Представлены медиальными (24 экз.; рис. 1.-11, 14) проксимальными (10 экз.) и дистальными (1 экз.) фрагментами. Среди медиальных фрагментов три мелких и 21 средний (все менее 3 см в длину). Среди проксимальных фрагментов четыре мелких и шесть средних, из них один от 3 до 6 см в длину, а остальные менее 3 см. Встречен один дистальный фрагмент мелкого размера, менее 3 см в длину (рис. 1.-31).

У медиальных фрагментов вторичная обработка осуществлялась двусторонней фрагментацией, у проксимальных и дистальных фрагментов – односторонней. Все проксимальные фрагменты имеют длину более 1,5 см. У проксимальных фрагментов слабо выраженный ударный бугорок занимает незначительную часть фрагмента пластины. Большинство проксимальных фрагментов имеют практически прямой профиль.

Отходы производства составляют 2259 экз. Они являются самой представительной по численности группой артефактов в составе каменной индустрии рассматриваемого комплекса (78,44%). Отходы производства представлены осколками, отщепами, чешуйками, фрагментами пластин без вторичной обработки и сколами со шлифованных изделий. Разделение осколков и отщепов проводилось по метрическим показателям на мелкие (от 1 до 3 см), средние (от 3 до 5 см) и крупные (свыше 5 см).

Осколки мелкого размера – 183 экз., среднего – 2 экз. К данной категории отнесены артефакты, которые по своим качественным характеристикам в принципе непригодны для изготовления орудий.

Отщепы – 1353 экз. Выделены первичные, вторичные и обычные (без желвачной корки или поверхности плитки) отщепы. Первичные отщепы – 28 экз., мелкого размера – 27 экз., среднего – 1 экз. Вторичные – 50 экз., мелкого размера – 47 экз., среднего – 3 экз. Обычные отщепы – 1275 экз., из них мелкого размера 1266 экз., среднего – 8 экз. и один крупного размера.

Чешуйки – 662 экз. К данной категории отнесены сколы размерами менее 1×1 см, которые по своим качественным и метрическим характеристикам в принципе непригодны для изготовления орудий.

Фрагменты пластин – 41 экз., из них дистальных фрагментов – 26 экз. и проксимальных – 15 экз. Среди проксимальных фрагментов два мелких и 13 среднего размера. Среди дистальных фрагментов четыре мелких (рис. 1.-29), 20 – среднего и два – крупного размера. Все дистальные фрагменты пластин, отнесенные к отходам производства, имеют искривленный профиль, сильно конвергентны, а у проксимальных фрагментов большая часть занята ударным бугорком. Все фрагменты пластин, отнесенных к отходам производства, имеют размеры менее 3 см в длину.

Сколы со шлифованных изделий – 18 экз., мелкого – 17 экз. и один – среднего размера.

В рассматриваемой коллекции продукты первичного расщепления составляют всего 1,46% от всех каменных артефактов. На поселении Тыткескень-2 в Горном Алтае процентное соотношение продуктов первичного расщепления в составе каменной индустрии в материалах восьмого культурного горизонта (эпоха мезолита) составляет 7,415%, в неолитических горизонтах варьирует от 9,95% (горизонт 7) до 6,627% (горизонт 4), в энеолитических – от 4,122% (горизонт 3 (ж1)) до 11,51% (горизонт 3). На поселении Рубцовское процентное соотношение продуктов первичного расщепления в составе каменной индустрии оказалось 6,8% [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018, табл. 1, с. 70].

Как уже отмечалось выше, орудия на пластинах (133 экз.) составляют 23,01% в составе орудийного набора, на отщепах – 417 экз. (72,15%). Не вызывает сомнений, что в рассматриваемой коллекции орудия на отщепах составляют без малого три четверти орудийного набора. Как отмечают исследователи, «тенденция к изменению от пластинчатой техники производства орудий к отщеповой служит хронологическим маркером выделения этапов развития неолитических культур» [Молодин, Бобров, 1999, с. 6]. Рассматриваемая коллекция представлена сборами с разрушенной части памятника, и не исключено, что анализируемое собрание является результатом смешения материалов разных периодов (неолита и энеолита), что, безусловно, заставляет воздерживаться от окончательных выводов. На данном этапе исследования можно сделать вывод, что по соотношению орудий на пластинах и отщепах материалы поселения Пестряково Озеро выделяются на фоне памятников неолита и энеолита Алтая.

На поселении Тыткескень-2 в Горном Алтае процентное соотношение орудий на пластинах и отщепах в материалах восьмого культурного горизонта (эпоха мезолита) составляет 82,39% и 16,7% соответственно, в неолитических горизонтах варьирует от 82,78% и 14,58% (горизонт 7) до 68,73% и 29,09% (горизонт 4А), в энеолитических – от 60,18% и 34,43% (горизонт 3 жилище 1) до 50% и 42,42% (горизонт 3). На поселении Рубцовское (коллекция, хранящаяся в АлтГУ) соотношение орудий на пластинах и отщепах 42,2 и 56,42% [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018, с. 70, табл. 1]. В коллекции краеведческого музея г. Рубцовска – 42,2% и 56,19% соответственно [Кирюшин, Онников, Тишкин, 2020, с. 161, табл. 2].

Размеры пластин поселения Пестряково Озеро

Пластины поселения Пестряково Озеро	Ширина, см							
	<0,7		0,8–1,5		>1,5		Итого:	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
I. Полные пластины без ретуши	2	1,12	2	1,12		0,00	4	2,25
II. Орудия на пластинах	28	15,73	101	56,74	4	2,25	133	74,72
1. Пластины с ретушью	17	9,55	56	31,46	3	1,69	76	42,70
1) полные пластины	2	1,12		0,00		0,00	2	1,12
2) медиальные фрагменты	6	3,37	27	15,17		0,00	33	18,54
3) проксимальные фрагменты	7	3,93	23	12,92	3	1,69	33	18,54
4) дистальные фрагменты	2	1,12	6	3,37		0,00	8	4,49
2. Острия	2	1,12	1	0,56		0,00	3	1,69
3. Резцы		0,00	6	3,37		0,00	6	3,37
4. Резчики		0,00	1	0,56		0,00	1	0,56
5. Скребки	1	0,56	10	5,62	1	0,56	12	6,74
6. Усеченные пластины	8	4,49	27	15,17	0	0,00	35	19,66
1) медиальные фрагменты	3	1,69	21	11,80		0,00	24	13,48
2) проксимальные фрагменты	4	2,25	6	3,37		0,00	10	5,62
3) дистальные фрагменты	1	0,56		0,00		0,00	1	0,56
III. Отходы производства	6	3,37	33	18,54	2	1,12	41	23,03
1) проксимальные фрагменты	2	1,12	13	7,30		0,00	15	8,43
2) дистальные фрагменты	4	2,25	20	11,24	2	1,12	26	14,61
Итого:	36	20,22	136	76,40	6	3,37	178	100

Как показывает анализ размеров пластин поселения Пестряково Озеро (табл. 1), большая часть пластин (136 экз., 76,4%) – это пластины средних размеров, мелких – 36 экз. (20,22%) и крупных – 6 экз. (3,37%).

При первоначальном анализе каменной индустрии поселения Пестряково Озеро обращает на себя внимание большое количество отходов производства в составе каменной индустрии – 78,44%. По этому показателю рассматриваемые материалы выделяются на фоне синхронных (аналогичных) памятников юга Западной Сибири. Так, на поселении Рубцовское (коллекция, хранящаяся в АлтГУ) сравнительно небольшое количество отходов производства в составе каменной индустрии – 46,98% [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018, с. 70, табл. 1], в коллекции краеведческого музея г. Рубцовска еще меньше – 36,16% [Кирюшин, Онников, Тишкин, 2020, с. 160, табл. 1]. В составе каменной индустрии поселения Гусятник-2 не менее 50,57% [Шмидт, Смирнова, 2007, с. 69].

Большое количество отходов производства в составе каменной индустрии характерно для памятников, располагающихся недалеко или в непосредственной близости от источников сырья. Так, например, на поселении Тыткескень-2 в Горном Алтае процентное соотношение данной категории артефактов в составе каменной индустрии

варьирует от 76,83% (жилище №1 третьего горизонта) до 61,52% (седьмой горизонт) [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 66–67].

При более внимательном анализе отходов производства поселения Пестряково Озеро обращает на себя внимание большое количество чешуек – 662 экз. Среди отходов производства чешуйки составляют 29,31%, в составе каменной индустрии – 22,99%. На поселении Тыткескень-2 в Горном Алтае процентное соотношение чешуек среди отходов производства в материалах восьмого культурного горизонта (эпоха мезолита) составляет 29,58%, в неолитических горизонтах варьирует от 15,83% (горизонт 5А) до 5,97% (горизонт 4А), в энеолитических – от 16,33% (горизонт 3, жилище 1) до 12,44% (горизонт 3). В составе каменной индустрии этого памятника чешуйки составляют в материалах восьмого культурного горизонта (эпоха мезолита) 21,98%, в неолитических горизонтах варьируют от 10,99% (горизонт 5А) до 3,99% (горизонт 4А), в энеолитических – от 12,55% (горизонт 3 (ж 1)) до 8,72% (горизонт 3) [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008 табл. 84, 100]. На поселении Рубцовское процентное соотношение чешуек среди отходов производства 18,58%, в составе каменной индустрии – 8,71% [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018, табл. 1, 5]. В составе отходов производства поселения Пестряково Озеро обнаружен всего один крупный (обычный) отщеп. Средние отщепы представлены единичными артефактами: один первичный, три вторичных и восемь обычных, суммарно они составляют чуть более половины процента в составе отходов производства. Обычные мелкие отщепы в количестве 1266 экз. составляют 56,04% в составе отходов производства и 43,96% среди всех каменных артефактов. На поселении Рубцовское обычные мелкие отщепы составляют 52,86% среди отходов производства [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018, с. 80–81, табл. 5].

В составе отходов каменной индустрии выделяется группа сколов от шлифованных изделий (18 экз.). Как уже отмечалось в одной из работ, посвященных анализу техники первичного расщепления камня поселения Рубцовское [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018], подобные категории артефактов демонстрируют одну из особенностей памятника. Рассматриваемые артефакты являются «сколами-заготовками» [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018, табл. 5, с. 82]. Часть шлифованных орудий на поселении Рубцовское выполнена именно на таких заготовках. В орудийном наборе поселения Пестряково Озеро присутствуют скребки и мелкие отщепы с ретушью, выполненные на сколах со шлифованных изделий.

В районах, удаленных от источников сырья, для населения даже отходы от изготовления орудий сами по себе являлись вторичной сырьевой базой [Толпеко, 1999, с. 65]. Аналогичные наблюдения сделаны М.Н. Комаровой при анализе каменной индустрии поселения Киприно на территории Верхнего Приобья. По ее мнению, большое количество «...осколков от шлифованных орудий, поломанные и изношенные орудия использовались в качестве материала для изготовления более мелких орудий другого назначения» [Комарова, 1956, с. 94–96]. В орудийном наборе поселения Пестряково Озеро присутствует скребок, выполненный на обломке бифаса.

В рассматриваемой коллекции отсутствуют преформы, пренуклеусы и нуклеусы. Можно предположить, что первичное расщепление происходило вне пределов памятника, и на поселение Пестряково Озеро в основном поступали уже готовые изделия и орудия. В процессе использования орудия срабатывались, и их приходилось периодически подновлять, в результате чего в основном получались чешуйки и мел-

кие отщепы. Образовавшиеся в результате этого крупные и средние отщепы являлись вторичной сырьевой базой и использовались в качестве материала для изготовления более мелких орудий другого назначения. Можно констатировать, что в материалах исследуемого памятника прослеживаются тенденции, характерные для поселенческих комплексов неолита Алтая, удаленных от источников сырья.

Можно констатировать, что изучение коллекции каменных артефактов только начинается, но уже сейчас очевидно, что материалы поселения Пестряково Озеро выделяются на фоне памятников неолита и энеолита Алтая. В качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что коллекция каменных артефактов поселения Пестряково Озеро в АлтГУ относится к периоду позднего – финального неолита или раннего энеолита. Как уже отмечалось выше, рассматриваемая коллекция представлена сборами с разрушенной части памятника, что, безусловно, заставляет воздерживаться от окончательных выводов. Не вызывает сомнений необходимость изучения планиграфии и стратиграфии поселения Пестряково Озеро. Решение вопросов, обозначенных в этой работе, невозможно без проведения раскопок.

Библиографический список

- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008.
- Кирюшин К.Ю., Онников А.В., Тишкин А.А. Орудия на отщепах с поселения Рубцовское (из собраний Краеведческого музея г. Рубцовска) // Теория и практика археологических исследований. 2020. №2 (30).
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Древнейшее прошлое Завьяловского района // Завьяловский район. История. События. Люди. Барнаул, 2000.
- Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64.
- Молодин В.И., Бобров В.В. Предисловие // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.
- Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21).
- Толпеко И.В. Еще раз к вопросу о комплексном анализе каменного инвентаря // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.
- Шмидт А.В., Смирнова Л.Н. Неолитический комплекс поселения Гусятник-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007.

УДК 902«634»(574)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.18

В.К. Мерц

Центр археологических исследований Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В НЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке бюджетной программы
МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2020–2022 гг.»
№АР08856925 «Неолит Северо-Восточного Казахстана»

В статье рассматриваются результаты изучения неолита Северо-Восточного Казахстана и культурно-исторических процессов, которые происходили в регионе в указанный период. Они свидетельствуют о том, что там была контактная зона нескольких культурных образований, представленных

разными типами керамики, но базировавшихся на общих сырьевых источниках и имевших сходные типы индустрий. Их формирование было связано с периодической сменой технологических приемов обработки камня с предпочтением того или иного вида сырья, являющегося культурно-хронологическим маркером, связанным с приходом с Юго-Запада и Запада новых групп населения, возможно, имевших навыки производящего хозяйства в виде пастушеского скотоводства. Однако следы скотоводства фиксируются лишь в позднем неолите на поселении Борлы, в слое с керамикой боборыкинского типа, также имеющей, по мнению некоторых исследователей, юго-западное происхождение.

Ключевые слова: Северо-Восточный Казахстан, неолит, культурно-исторические процессы, миграции, стоянка Шидерты 3, поселение Борлы, керамика, боборыкинская культура

Введение

Накопление археологических источников, расширение информативной базы по неолиту Северо-Восточного Казахстана и сопредельных регионов, произошедшее за последние десятилетия, позволяют говорить о культурно-исторических процессах, происходивших на этой территории, долгое время остававшейся не изученной и являвшейся, по сути дела, белым пятном на археологической карте. Исключение составляли стоянки Пеньки-1–2 [Чалая, 1972], расположенные на периферии региона и не отражавшие ситуацию в неолите на всей его территории. Размещается он в административных пределах Павлодарской области, граничащей на севере с Омской и Новосибирской областями, а на востоке – с Алтайским краем Российской Федерации. Этот регион включает несколько различных ландшафтных и орографических зон, разделенных с юга на север Иртышом – крупнейшей водной артерией Казахстана. Его левобережная часть включает Прииртышскую равнину на севере, а на юге – Казахский мелкосопочник, правобережная – юго-западную часть Барабинской лесостепи на севере и западную часть Кулундинской равнины – на юге. Таким образом, весь регион по физико-географическим особенностям можно разделить на четыре части, каждая из которых, видимо, представляет отдельные культурно-исторические зоны. Естественной границей между ними являлась лишь р. Иртыш. Однако это не исключает взаимодействия между населением выделенных зон. Напротив, изучение неолитических памятников региона показало их тесную взаимосвязь. Наибольшее количество неолитических стоянок выявлено в левобережной части, по краю мелкосопочника и Прииртышской равнины, где расположены крупнейшие сырьевые источники, представленные обнажениями палеогеновых кварцитов, разрабатывавшихся с раннего палеолита [Медоев, 1968], и других пород камня, использовавшихся в древности для изготовления орудий. В последующие эпохи на них базировались каменные индустрии не только Северо-Восточного Казахстана, но и сопредельных регионов юга Западной Сибири [Толпеко, 2005; Бобров, Юракова, 2014, с. 212].

История изучения

Исследование неолита региона началось с работ А.Г. Медоева и Л.А. Чалой в 60-х гг. прошлого столетия. Изучив топографию стоянок каменного века на северо-восточном склоне Казахского мелкосопочника в пределах Левобережного Прииртышья, А.Г. Медоев [1982, с. 26] выделил для данного региона некую культуру микролитов с самыми общими характеристиками. Л.А. Чалая провела исследования неолитических стоянок Пеньки-1 и 2 на юго-западе Барабинской лесостепи. По результатам этих работ она выделила среди полученных материалов комплексы неолита и энеолита, обозначила их сходство с рядом западносибирских памятников, указывающее на их культурные связи [Чалая, 1972, с. 177, 180].

Затем, до конца 1980-х гг., специальные исследования по неолиту региона не проводились. Кардинальные изменения произошли с открытием многослойной стоянки Шидерты-3, расположенной в среднем течении одноименной реки, на северо-восточной окраине Казахского мелкосопочника [Мерц, 1992]. Памятник приурочен к первой надпойменной террасе ее левого берега, в верхней пачке отложений которой вложено шесть культурных слоев и горизонтов с серией погребенных почв раннего и среднего голоцена, отражающих последовательность развития комплексов каменных индустрий на территории Северного и части Центрального Казахстана [Мерц, 2008]. Через два десятка лет в регионе был открыт еще один уникальный памятник неолита: поселение Борлы, расположенное на западном берегу одноименного озера в правобережной части Павлодарского Прииртышья [Мерц, 2011].

Основные результаты

Изучение стоянки Шидерты-3 позволило не только уточнить периодизацию и хронологию комплексов мезолита–ранней бронзы на большей части Северного и Центрального Казахстана, определить их соотношение между собой, но и разработать концепцию их сложения и развития культурно-исторических процессов на этой территории. Она заключается в следующем: процессы неолитизации в регионе начались на рубеже VII–VI тыс. до н.э., и были связаны с приходом населения, использовавшего технологию кремневого производства, аналогичную позднемезолитическим и раннеолитическим комплексам юго-восточного Прикаспия, типа слоя 4а грота Дам-Дам-Чешме-2 [Марков, 1966] и Джейтуна [Массон, 1971]. Очень близкие им в типологическом отношении материалы были получены сначала из слоя 4 стоянки Шидерты-3 и на соседних памятниках Шидерты-2, 5, Карабудур-3, а затем выявлены в Прииртышье на стоянках Костомар, Борлы [Мерц, 2006; 2008; 2018], Черноозерье-VI [Горбунова, Толпеко, Шмидт, 2017] и, вероятно, Павловка-I [Кирюшин, Кунгурова, 1984, рис. 2–5]. С этими комплексами также связаны образцы кремневой и галечной скульптуры, представляющей антропоморфные и зооморфные образы [Мерц, 2008; 2018а; Merz, 2014].

Следующий этап отражает наиболее раннее в регионе появление керамики, происходящей из 3-го слоя стоянки Шидерты-3. Этот слой содержит индустрию раннекельтеминарского типа со скошенными остриями и асимметричными трапециями, пластинками с притупленным краем и торцом. Керамика круглодонная, без орнамента, с толстым прямым венчиком, имеющим широкий горизонтальный срез, с неровными внутренними стенками и внешней обмазкой [Мерц, 2004; 2008]. Аналогии этому типу индустрии известны на многих памятниках Северного Казахстана, соотносимых как с мезолитом региона [Зайберг, Потемкина, 1981], так и неолитом Юго-Западного Алтая [Кирюшин, Кунгурова, 1984, рис. 4.-15–19, 42–46].

С периодом развитого неолита связан микропластинчатый комплекс стоянки из слоя 2а, соотносимый нами с памятниками атбасарской культуры [Мерц, 2008]. Он представлен большим количеством каменных орудий из светло-серой яшмовидной породы (боборыкинская яшма) с очень широкой номенклатурой изделий из пластин и отщепов и небольшим количеством в основном не орнаментированной керамики. Эта индустрия встречается на многих памятниках региона, с ней связано появление первых пластинчатых наконечников стрел и бифасных изделий из отщепов [Мерц, 2004; 2008]. В данном комплексе также есть образцы кремневой и галечной скульптуры, представляющей зооморфные образы. Однако с выразительными керамическими

материалами эта индустрия представлена, только на памятниках правобережной части Павлодарского Прииртышья (рис. 1.-1–30). Там они содержат круглодонную посуду с выделенной шейкой, отогнутым венчиком и насечками по его срезу, лощеной поверхностью, орнаментированной горизонтальными рядами гладкой качалки (реже использовался гребенчатый штамп) по верхней части или всей поверхности (рис. 1.-31, 33), соотносимой с большемысским типом керамики [Мерц, 2013]. Здесь такие керамические комплексы с кремневой микроиндустрией, выполненной на «боборыкинской» яшме, получены на стоянке Мичурино-2 и поселении Борлы. Ближайший к ним комплекс керамики большемысского типа, не соотносимый с какой-либо конкретной каменной индустрией, получен также на поселении Новоильинка-VI [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015].

Комплекс слоя 2 стоянки Шидерты-3, представленный специфичной каменной индустрией на серо-зеленых кварцитах с множеством бифасных изделий на пластинах и отщепах, видимо, отражающих переход от неолита к энеолиту, также не содержал выразительных образцов керамики [Мерц, 2004]. Но аналогичные комплексы представлены на стоянке Шарбакты-1 и поселении Борлы с керамикой боборыкинского типа и большим количеством костей домашней лошади и КРС [Гайдученко, Мерц, 2012; Мерц, 2014]. По материалам поселения Борлы уже получен ряд ^{14}C дат, указывающих на середину – 2-ю половину V тыс. до н.э. [Мерц, 2018].

В этой связи необходимо отметить, что большинство комплексов стоянки Шидерты-3, отражающих последовательность развития каменных индустрий в регионе, но не имеющих выразительной керамики, находят аналогии в материалах других памятников Прииртышья и соседних регионов. Однако их соотношение с какими-либо конкретными культурами весьма проблематично. Опираясь на четкое стратиграфическое положение в разрезе памятника и выразительность типологического набора каждого комплекса, нам удалось выделить их как отдельные типы индустрий [Мерц, 2008]. Каждый из них связан с использованием того или иного сырья, позволяющим с большей долей вероятности определение их облика и нахождение аналогий, которые известны во многих памятниках азиатской части степной и лесостепной зоны. В целом это указывает на существование здесь еще с мезолита больших культурных общностей, последовательно сменявшихся по мере прихода новых групп населения и связанных с ним процессов культурогенеза. Но отсутствие керамических комплексов затрудняет определение их границ. Такие обстоятельства заставляли некоторых исследователей выделять археологические культуры лишь на основании кремневых комплексов [Зайберт, 1992], что придает им весьма аморфный облик и нуждается в корректировке. В какой-то мере это удалось сделать на основании шидертинских комплексов, имеющих более четкие контуры [Мерц, 2008]. Однако обнаружение подобных индустрий с керамикой той или иной культуры также пока не позволяет полностью соотнести их с данными культурами, так как закрытость археологических комплексов всегда является проблематичной, о чем часто свидетельствует инородная примесь в большинстве каменных индустрий региона.

Таким образом, выявленная последовательность смены типов каменных индустрий в регионе, видимо, связана с цикличностью прихода новых групп населения, которые вступали в культурное взаимодействие с автохтонными популяциями. Данный симбиоз не приводил к полной смене культурных стереотипов. Как правило, привно-

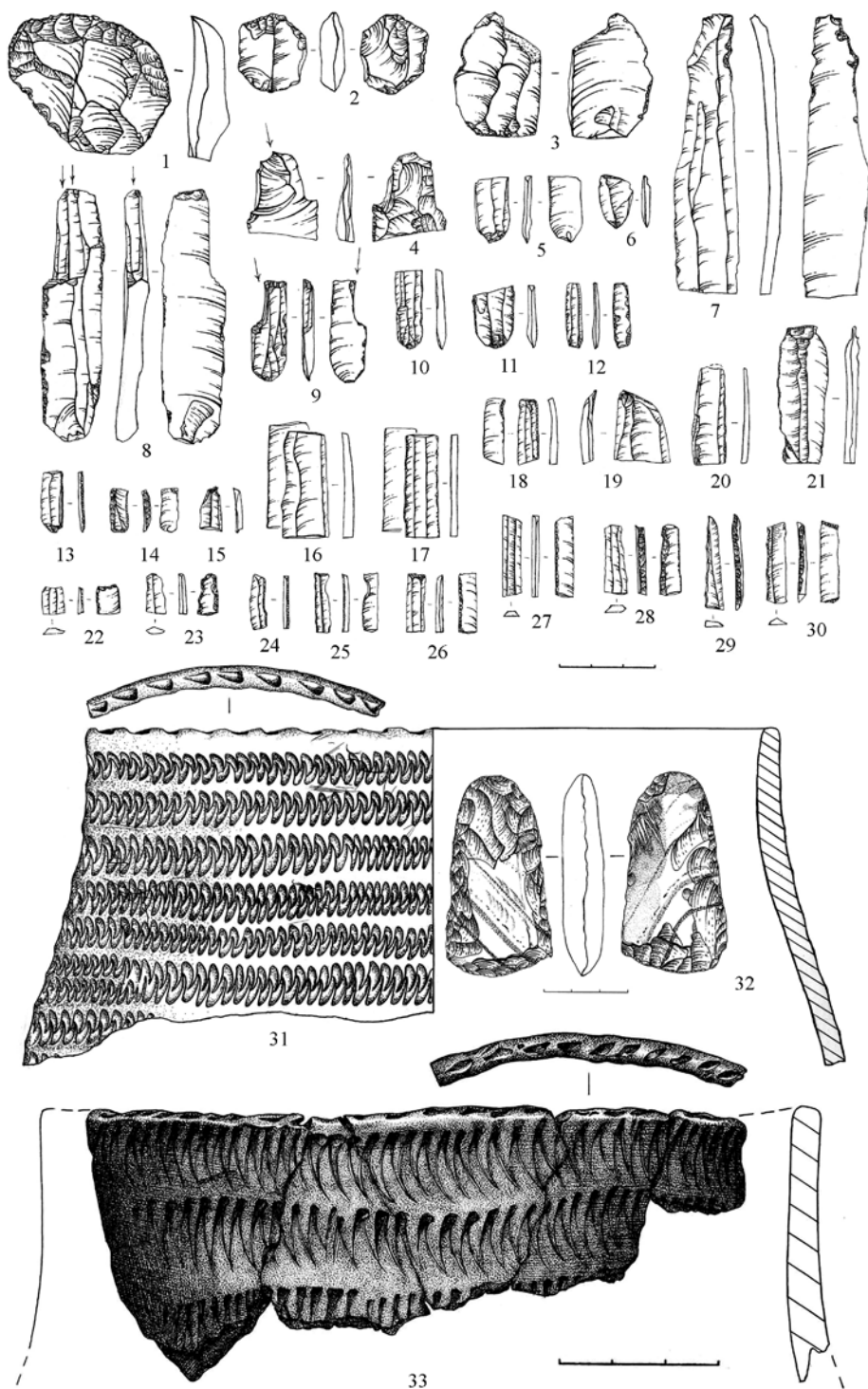

Рис. 1. Каменная индустрия и керамика: 1–32 – стояка Мичурино-2; 33 – поселение Борлы

сился тип каменных индустрий и в некоторых случаях – приемы керамического производства. Отражение этих процессов на территории Северо-Восточного Казахстана мы видим в существовании на разных этапах неолита нескольких различных культурных зон. Первая – это левобережная часть области, включающая окраину Казахского мелкосопочника с его богатейшей сырьевой базой и Прииртышскую равнину, где по границе степи и лесостепи, вероятно, проходила контактная зона с племенами Западной Сибири. Но там процессы их взаимодействия еще слабо изучены.

На правобережной части также не очень четко определяется граница культурных зон, связанных с культурами отступающе-накольчато-ямочной керамики в лесостепной зоне юго-западной части Барабинской низменности и комплексами большемысского и боборыкинского типов – в западной части Кулундинской равнины. Несомненно, было и их взаимопроникновение на соседние территории. Отступающе-накольчато-ямочная традиция представлена в регионе на стоянке Пеньки-1 и в Железинском могильнике [Чалая, 1972]. Крайней южной точкой является оз. Борлы, где подобная керамика найдена в одном из шурфов на поселении Борлы-4 [Гайдученко, Мерц, 2012]. Керамика большемысского типа на стоянке Мичурино-2 и поселении Борлы, где она, видимо, предшествует или синхронна боборыкинской [Мерц, 2013; 2014], ранее известной также на стоянке Шарбакты-1, а теперь и в юго-западных районах Алтайского края [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016; Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016]. Результатом этих контактов, видимо, было возникновение екатерининского типа керамики сочетающего орнаментальные традиции отступающе-накольчато-ямочной и большемысской традиции с гладкой и гребенчатой качалкой.

Относительно керамики большемысского типа нужно сказать, что она распространена от Оби до Иртыша, где представлена на ряде стратифицированных объектов вместе с пластинчатыми комплексами. Это прежде всего стоянка Мичурино-2, поселения Борлы и Комарово-1 [Абдулганеев, Кунгурова, Кирюшин, 2011; Мерц, 2013]. Данное обстоятельство свидетельствует о ее довольно раннем – неолитическом – возрасте [Мерц, 2018], что дает основание еще раз задуматься о ее связи с большемысским энеолитическим могильником. Видимо, представители именно данной культурной традиции осуществляли контакты с населением Прииртышья [Мерц, 2013, с. 86], куда они приносили изделия из алтайских сланцевых пород (рис. 1.-32).

Дискуссия

Новые материалы боборыкинского типа из Северо-Восточного Казахстана, полученные с большим количеством фаунистических остатков, в отличие от западносибирских, свидетельствуют о производящей экономике у населения, оставившего свои комплексы на поселении Борлы, где мы видим следы широкого использования лошади и крупного рогатого скота [Гайдученко, Мерц, 2012]. На сегодняшний день это наиболее ранние формы скотоводства в регионе. Следовательно, миграции южного и юго-западного населения на территорию Северо-Восточного Казахстана и сопредельных регионов могут быть связаны с чисто пастушескими племенами, которые, обладая большой подвижностью, могли очень быстро передвигаться по степной зоне, заселяя ее отдельные участки. Там они контактировали с местными группами населения, адаптированными к данным условиям с раннеголоценового периода. И, возможно, под их влиянием некоторые группы возвращались к присваивающей экономике, как это часто бывает, когда этому способствуют экологические условия, чему можно найти много примеров

[Ошибкина, 1996, с. 7]. При этом в качестве инноваций сохранялись технологии кремневого и керамического производства, некоторые идеологические подходы и стереотипы. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы боборыкинской культуры – одной из наиболее интересных и загадочных в Западной Сибири. Часть исследователей связывает ее происхождение с территорией Юго-Западной Азии, исходя из технологии и форм керамики, отражающих, по их мнению, культовые представления «боборыкинцев», связанные с женским образом и культом плодородия [Ковалева, Зырянова, 2010; 2016]. С учетом пришлого характера происхождения боборыкинской культуры из регионов развитого скотоводства можно предположить, что и боборыкинское население Зауралья и Западной Сибири также пришло на эти территории как скотоводческое, а затем утратило свои навыки и занялось охотой и рыболовством.

В этой связи необходимо также коснуться вопроса соотношения керамических комплексов поселения Автодром-2/2 [Бобров, Юракова, 2014], с одной стороны, керамики боборыкинского облика из Юго-Западного Алтая [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016] и поселения Борлы – с другой. Хочется отметить, что основным критерием боборыкинской принадлежности керамики Автодрома-2/2, по мнению авторов, является ее плоскодонность [Бобров, Юракова, 2014, с. 212]. Однако плоскодонность – не единственный признак боборыкинской керамики. Известно, что для боборыкинских комплексов характерны два основных типа сосудов: плоскодонные и круглодонные, реже встречаются сосуды с приостренным дном, горшечной и баночной формы, хотя исследователи пишут и о большем разнообразии [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 223]. Но мы видим, что на поселении Автодром-2/2 практически вся керамика плоскодонная и имеет баночную форму [Бобров, Юракова, 2014, с. 212], что весьма необычно для боборыкинских комплексов. Кроме того, некоторые из сосудов очень напоминают раннебронзовые формы. В связи с этим соотносить всю плоскодонную керамику неолита с боборыкинской не вполне корректно, так как представления о ней становятся весьма размытыми. Кроме того, в Западной Сибири есть и другие неолитические комплексы с плоскодонной керамикой, не имеющей ничего общего с боборыкинской, например каюковского типа [Косинская, 2006, с. 34], но близкой по массивности к материалам Автодрома-2/2, с которыми они могут составлять одну линию развития, сложившуюся в разных культурных образованиях. В отличие от них, керамика поселения Борлы более типична, хотя среди нее пока нет плоскодонной (есть только мелкие фрагменты придонной части, которые позволяют думать о том, что со временем плоскодонные сосуды будут найдены). Опыт ее изучения (на памятнике уже собраны остатки нескольких десятков сосудов; рис. 2) и ознакомление с боборыкинскими материалами Зауралья дают возможность отнести к проблеме соотношения плоскодонной неолитической керамики поселения Автодром-2/2 с боборыкинскими комплексами более критично.

Отнесение к боборыкинскому типу немногочисленных образцов керамики с развешенных стоянок Юго-Западного Алтая вполне оправданно. Возможно, какая-то часть представленных образцов может соотноситься с боборыкинским типом керамики, но не все предложенные авторами, особенно сосуды с жемчужником и гребенчатым орнаментом с поселения Алексеевка-I [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016, с. 13, 19; 2017, с. 11, 13, 15]. Они могут представлять совершенно иной культурный тип, который, может быть, еще предстоит выделить по мере накопления источников. На наш

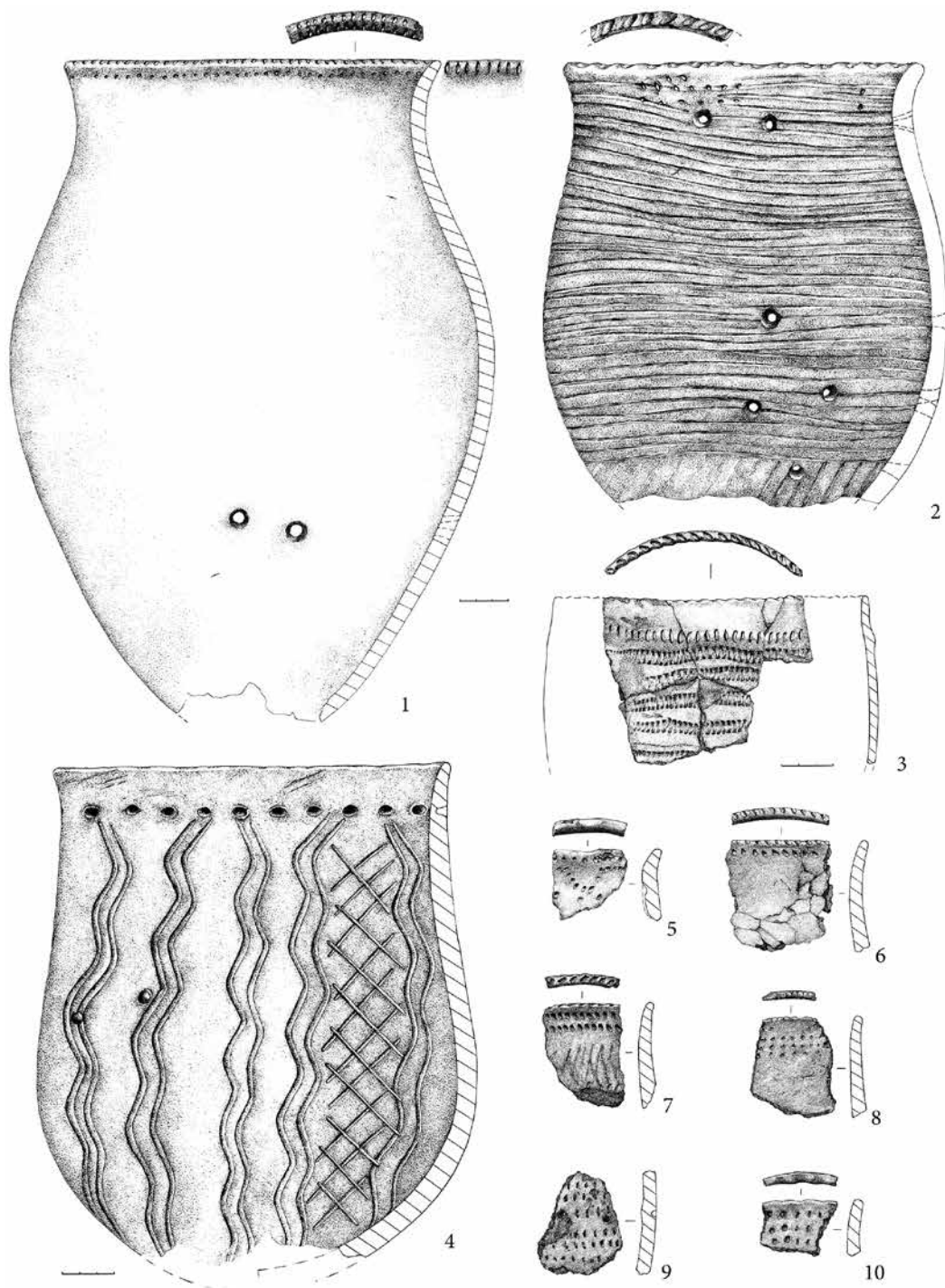

Рис. 2. Керамика, поселение Борлы

взгляд, увлеченность боборыкинской идеей не должна заслонять другие культурные образования, существовавшие в регионе до появления населения, оставившего материалы боборыкинского типа. Следовательно, керамические комплексы региона не могут ограничиваться только боборыкинским или большемысским типом керамики, представляющими лишь поздненеолитический этап. Наверняка в рамках неолитического периода могли существовать и существовали другие типы керамики, которые нужно рассматривать в комплексе с каменной индустрией. Об этом говорят материалы памятников борлинского археологического комплекса и других стоянок Казахстанского Прииртышья, еще не введенные в научный оборот.

Поэтому включение в боборыкинскую группу круглодонной керамики с жемчужным орнаментом с Семипалатинских дюн и других памятников региона [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016, с. 14, 20], в том числе отнесенной нами к раннебронзовому времени [Мерц, 2013], также не убедительно, поскольку на боборыкинской керамике жемчужный декор не известен. Для нее характерны округлые вдавления под венчиком, образующие иногда выпуклости типа «жемчужин» с внутренней стороны сосуда [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 237], а это не одно и то же. Кроме того, текстура формовочной массы этого сосуда с Семипалатинских дюн [Мерц, 2013, с. 157], значительно отличается от керамики боборыкинского типа поселения Борлы и неолитической керамики региона в целом, обычно формованной с органической примесью, волосом, шерстью животных, пухом или растительными добавками. Поэтому-то данная группа керамики и была выделена нами, как нечто особенное, отличающееся от всего, что нам известно в данном регионе. В связи с этим, думается, что здесь нужен более осторожный подход при включении неолитической керамики с жемчужным орнаментом Юго-Западного Алтая и казахстанских образцов, имеющих с ней некоторые общие приемы декора, но относящихся к другому периоду, в группу керамики боборыкинского типа. Столь поспешные решения по культурному определению мало знакомых материалов могут внести путаницу в понимание того, что здесь на самом деле представляет керамика боборыкинского типа. Решить данную проблему позволят лишь дальнейшие планомерные исследования в приграничных районах Юго-Западного Алтая и Казахстана.

Заключение

Таким образом, рассмотрев неолитические материалы Северо-Восточного Казахстана, мы видим, что в период неолита происходили сложные процессы последовательной смены типов каменных индустрий, часть из которых была связана с приходом нового населения. Керамические комплексы отступающе-накольчато-ямочного, большемысского и боборыкинского типов, представленных в основном на памятниках Правобережного Прииртышья, отражают как местные технологические традиции, так и привнесенные пришлыми группами населения. Облик же керамики неолитических комплексов левобережной части остается почти не известным. Следовательно, их дальнейший поиск и определение культурной принадлежности являются одной из основных задач в изучении неолита региона.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово-1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. Барнаул, 2011.

Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV(XX) всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань, 2014. Т. I.

Гайдученко Л.Л., Мерц В.К. Osteологический комплекс поселения Борлы // Маргулановские чтения – 2012. Астана, 2012.

Горбунова Т.А., Толпеко И.В., Шмидт И.В. Предварительные результаты полевого исследования многослойного памятника Черноозерье VI–VIa в 2016 году // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: археология, этнография, устная история. Вып. 12. Омск, 2017.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992.

Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981. №3.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Новоильинка-VI // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14).

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Комплекс ранней керамики поселения Алексеевка-I (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Теория и практика археологических исследований. 2017. №2 (18).

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии стоянки Павловка-1 // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Боборыкинская проблема: история и современное состояние // Традиции и инновации в изучении древней керамики. СПб., 2016.

Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии // СА. 1966. №2.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л., 1971 (МИА. №180).

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.

Медоев А.Г. Стоянка-мастерская у оз. Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV(XX) всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань, 2014. Т. I.

Мерц В.К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты-3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006.

Мерц В.К. Исследования поселения Борлы в 2017 году и перспективы изучения неолита Северо-Восточного Казахстана // Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: Материалы междунар. науч. конф. Актобе, 2018.

Мерц В.К. Культурное взаимодействие населения Северо-Восточного Казахстана и Алтая в эпоху неолита // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2013. №6 (18).

Мерц В.К. Некоторые вопросы изучения неолита Казахстана // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3.

Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук, 2004. №1.

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты-3 : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008.

Мерц В.К. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018а. №3 (19).

Мерц В.К. Раскопки на стоянке Шидерты-3 // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское (долина Аляя, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16).

Толпеко И.В. Каменная индустрия поселений эпохи ранней бронзы Окуневского археологического микрорайона : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки-1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

Merz V. The Neolithisation of the Asian Steppes // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists 10–14 September 2014 – Istanbul – Turkey / Abstract of the and poster presentation, 2014.

УДК 902(571.53/.55)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.19

А.В. Тетенькин

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет, Иркутск, Россия*

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИБАЙКАЛЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-59-22003/18 «Адаптации охотников-собирателей в позднем плейстоцене к природным условиям тундры севера Байкальской Сибири») и РНФ (проект №19-78-10084 «Комплексное исследование археологических материалов эпохи каменного века с применением аналитических методов для исторической реконструкции хозяйственной деятельности населения Байкальской Сибири»)

Первые исследования позднего палеолита и мезолита в Северном Прибайкалье были начаты А.П. Окладниковым в 1941 г. Основные исследователи: В.М. Ветров, О.В. Задонин, Е.М. Инешин, В.В. Краснощеков, А.В. Тетенькин, П.Е. Шмыгун и др. – являются представителями иркутской археологической школы. Изучение районов Северного Прибайкалья – Северного Байкала, севера Верхней Лены, Верхнего и Нижнего Витима многие годы велось обособленно и выражено в культурно-хронологических схемах, выстроенных порознь. Общими исследовательским сюжетами до недавнего времени были связаны лишь районы Верхнего и Нижнего Витима. На сегодняшний день наиболее динамично развивается археология палеолита и мезолита Нижнего Витима. Выход исследований на уровень межрайонного, регионального масштаба в рамках задач выявления археологических связей подводит к необходимости интеграции районных научных построений и формирования научного подхода регионального масштаба.

Ключевые слова: Северное Прибайкалье, Северный Байкал, север Верхней Лены, Верхний Витим, Нижний Витим, поздний палеолит, мезолит, культурно-хронологическая схема

Введение

Начиная с открытия в 1941 г. А.П. Окладниковым [1955] Частинской палеолитической стоянки на р. Лене археология Северного Прибайкалья насчитывает 80 лет. Научной особенностью является изучение его отрядами иркутской школы археологии, что в значительной мере обусловило единство применяемых методов полевой и теоретической археологии, языка описания, корреляции знаний и объектов. Другая особенность изучения Северного Прибайкалья – долгое время относительно независимые, хронологически асинхронные исследования четырех основных районов: северного побережья озера Байкал, севера Верхней Лены, Нижнего Витима и Верхнего Витима. Лишь археология двух последних районов имела примеры общих координирующих работ [Аксенов и др., 2000; Ветров и др., 2000; Демонтерова и др., 2014; Тетенькин и др., 2018а; Vetrov, Ineshin, 2019]. Разноплановость, разнохарактерность, различный уровень имеющихся представлений о палеолите и мезолите четырех районов стали одной из причин назревшей актуальности обобщения. Северное Прибайкалье, являясь частью Байкальской Сибири, находится в пограничном контакте с регионами Якутии и Забайкалья. В этом отношении археология Северного Прибайкалья тематически вхо-

дит в проблематику как соседних регионов, так и всей Северо-Восточной Азии. Будучи частью Байкальской Сибири, все четыре района Северного Прибайкалья имеют одну общую «северную» специфику удаленности от основной инфраструктуры региона, развитой на юге. Это обстоятельство обусловило общие трудности научного освоения: меньший размах и прерываемость работ, труднодоступность. С другой стороны, их объединяет северная ландшафтно-климатическая специфика горно-таежных условий, имеющих общую тенденцию развития в позднем кайнозое, общая речная сеть Лены – Витима, ооконтуривающая северную часть Байкала, обеспечивавшая в древности возможности коммуникации населения.

Изучение позднего палеолита и мезолита на Северном Байкале

На Северном Байкале первые научные работы были проведены в 1963–1965 гг. В.В. Свининым [1966] (ИОКМ, ИГУ, БКНИИ СО АН СССР). Вторым исследователем Северного Байкала стал Л.П. Хлобыстин (ЛЮИА АН СССР), работавший там также с 1963 г. Два памятника – Лударская-I и Лударская-III были определены как донеолитические [Хлобыстин, 1965]. На Лударской-III собранный подъемный материал обнаружил черты подобия с материалами финальнопалеолитических комплексов Верхоленской Горы и Черемушника. На этом основании был предложен возраст XII–XI тыс. до н.э. и дано стадийное определение «эпипалеолит» [Хлобыстин, 1965, с. 253–255]. На второй стоянке, Лударская-I, нижний культурный горизонт содержал археологический материал финальномезолитического облика, сопоставленный с XI слоем Улан-Хады [Хлобыстин, 1965, с. 271–272]. Обсуждая основания для выделения Л.П. Хлобыстиным эпипалеолита, В.В. Свинин [1966, с. 56] отмечал главную тафономическую специфику Лударской-I и III: компрессионный характер, наличие в одном слое находок «эпипалеолитического» облика и керамики.

В 1975 г. в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали на побережье Байкала начала работы Комплексная археологическая экспедиция ИГУ. Главным результатом стало открытие шести пунктов Курла-I–VI. Работами руководил П.Е. Шмыгун. Основные материалы дали пункты Курла-I–III [Шмыгун, 1981]. Культурные горизонты были синхронизированы и составлена единая стратиграфическая схема. Нижний – третий объединенный донеолитический культурный горизонт представил совершенно оригинальный комплекс микролитической индустрии, выраженный прежде всего большой серией миниатюрных клиновидных микронуклеусов и серией миниатюрных орудий – отщепов случайных форм с мелкой краевой ретушью, интерпретированных как резцы, резчики и скобели [Шмыгун, Филиппов, 1982]. Вместе с изделиями из кости они представлены как остатки сферы обработки кости и костяного производства. Долгое время в оценке возраста третьего горизонта опирались на единственную радиоуглеродную дату (24060±5700 л.н. (СОАН-1397)). В последние годы получены две AMS-даты около 16,8–16,1 тыс. л.н. (*здесь и далее возраст календарный (калиброванный)*), значительно омолаживающие представление о возрасте [Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019, с. 7]. Второй донеолитический культурный горизонт (д.к.г.) Курлы-I–III, VI по трем радиоуглеродным датам имеет возраст около 18,6–15,8 тыс. л.н. [Шмыгун, 1981]. Отмечалось в целом принципиальное отличие облика индустрий д.к.г. 2 и 3 и, следовательно, иная культурная принадлежность. Было заявлено о близости в этом отношении комплекса д.к.г. 2 к первому докерамическому культурному горизонту Курлы-I–III и их обоих к культурным комплексам Верхоленской Горы-I и Большого Якоря-I [Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019,

с. 34]. Второй и первый докерамические культурные горизонты Курлы-I–III представлены такими «руководящими» формами, как клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы.

Нижний, бескерамический культурный горизонт Курлы-IV (раскопки Т.А. Абдулова) определен как раннеголоценовый и мезолитический, входящий в круг памятников верхоленской культуры, и соотнесен с д.к.г. 1 Курлы-I–III [Абдулов, 1991]. Верхний бескерамический горизонт Курлы-IV отнесен к финальному мезолиту. Одним из оснований для этого определения была находка тесла «с перехватом», типичного для финального мезолита Прибайкалья.

С открытием Курлы на Северном Байкале были получены три эталонных комплекса палеолита – мезолита. В настоящее время изучением и публикацией материалов Курлы занимаются Г.Н. и Д.Н. Молчановы.

С 1986 г. работы на Северном Байкале ведутся А.В. Харинским и его учениками И.С. Карнышевым, Ю.А. Емельяновой, А.М. Коростелевым и Д.Е. Кичигиным. В силу давящей тафономической специфики осадконакопления на побережье Северного Байкала большинство памятников имеет компрессионный, смешанный культурный слой, вмещающий культурные остатки разных эпох. Артефакты мезолитического и палеолитического облика в них выделяются по типологическим признакам. Такие изделия (тесла с перехватом, асимметричный бифас, трансверсальный резец и др.) в разное время были найдены на местонахождениях Балтаханова-II, III, Богучанская-IV, о-в Богучанский, Красный Яр-II – к.г. 1 [Тетенькин, Кичигин, Коростелев, 2019].

Изучение позднего палеолита и мезолита на севере Верхней Лены

На севере Верхней Лены открытая А.П. Окладниковым в 1941 г. первая палеолитическая стоянка Частинская была соотнесена со стоянками типа Мальты и Бурети [Окладников, 1955]. В 1967, 1974 гг. с разведками в район севера Верхней Лены заходили Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева (ПАЭ ИЯЛИ СО АН СССР). С 1985 г. до трагической гибели в 1996 г. археологические исследования здесь вел О.В. Задонин (ИГУ, ЦСН). Им открыты верхнепалеолитические стоянки Алексеевск, Балышово-III, Вешний Ручей, мезолитическая стоянка Любавская-I [Задонин, Хомик, Инёшин, 1990; Задонин, 1996]. Учениками О.В. Задонина В.В. Краснощекковым и А.В. Инёшиным открыт ряд местонахождений, в том числе позднепалеолитические стоянки Бамовская и Чайка-II. В последние годы предпринимались издания неопубликованных памятников, в разной степени сопровождавшиеся доисследованием [Задонин, Дзюбас, 2002; 2003; Задонин и др., 2014; Инёшин и др., 2019]. Общей характеристикой позднего палеолита Севера Верхней Лены обозначены: 1) существование от начала сартанского оледенения (Алексеевск) до финальной стадии (Вешний Ручей) технической традиции производства мелких пластинок с грубопризматических нуклеусов, подобной мальтино-буретскому технокомплексу; 2) наряду с этим, вероятно, начиная с 22 тыс. л.н. (Бамовская) – появление торцового микропластинчатого расщепления клиновидных нуклеусов; 3) отсутствие оснований для корреляции с бифасиальной традицией дюктайской культуры соседней Якутии [Задонин, 1991, с. 25; Краснощекков, 2009, с. 242; Инёшин и др., 2019, с. 41].

Изучение позднего палеолита и мезолита на Верхнем Витиме

На Верхнем Витиме первую разведку в 1974 г. организовал М.П. Аксенов (ИГУ) [Аксенов и др., 2000]. Среди ряда новых местонахождений открыт археологический

ансамбль Усть-Каренга. Его исследованием с открытия и до конца жизни (1975–2015 гг.) занимался В.М. Ветров. Сводная стратиграфическая колонка Усть-Каренги содержит девять культурных горизонтов [Ветров, 1992, 2011]. В VII горизонте открыта керамика усть-каренгского типа, датируемая около 14–12 тыс. л.н. Это открытие поставило проблему происхождения древнейшего керамического производства в Северном Прибайкалье и внесло Усть-Каренгу в круг плейстоценовых стоянок Восточной Азии с керамикой и финальнопалеолитической индустрией. Нижние, бескерамические VIII и VIIIa горизонты определены как докерамическая стадия усть-каренгской культуры, 16,8–15,0 тыс. л.н. Около 5,5 тыс. л.н. усть-каренгская культура сменилась усть-юмурченской культурой.

В 1977 г. открыта В.М. Ветровым и в 1983 г. раскапывалась В.М. Ветровым, Е.М. Инешиним, О.В. Задониным стоянка с одиночным погребением (возрастом около 8,4–8,0 тыс. л.н. Нижняя Джилинда (Сивакон)-I [Ветров, Задонин, Инешин, 1993]. Свообразие погребения, отсутствие в нем и в слоях усть-каренгской керамики, нефритовые изделия побудили В.М. Ветрова к идее культурных изолятов в голоцене [Ветров, 1992, с. 9; Аксенов и др., 2000, с. 12].

В 1976–2009 гг. В.М. Ветров исследовал могильник Старый Витим-II, датируемый возрастом около 8,2–7,2 тыс. л.н. и представляющий культуру рубежа мезолита – неолита на Среднем Витиме [Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019; 2020].

В настоящее время идею юго-восточного азиатского происхождения усть-каренгской керамики и связи этой традиции с Большим Якорем-I на Нижнем Витиме и с джилиндинским человеком отстаивает Е.М. Инешин [Vetrov, Ineshin, 2019].

Изучение позднего палеолита и мезолита на Нижнем Витиме

Исследования донеолитической эпохи на Нижнем Витиме начаты в 1973–1976 гг. Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой. Ими открыты и исследовались стоянки Авдеиха и Большая Северная. Эти памятники были отнесены к дюктайской и сумнагинской культурам Якутии соответственно. На этом основании Нижний Витим вписан в культурно-хронологическую модель Приленской культурной области [Мочанов, 1975].

С 1985 г. на Нижнем Витиме начал исследования Е.М. Инешин (ИГУ). Была открыта стоянка Большой Якорь-I, содержащая более 20 культурных горизонтов, большая часть из которых датируется в интервале 15–12 тыс. л.н. Близкий к инситу характер залегания культурных остатков в аллювиальных отложениях позволил применить широкий комплекс методов исследования и осветить большой спектр сторон жизни древнего населения в конце ледниковой эпохи, что сделало Большой Якорь-I опорным, эталонным объектом Северного Прибайкалья [Инешин, Тетенькин, 2010; Ineshin, Tetenkin, 2017]. Типологически его нижние горизонты соотнесены с дюктайской и верхоленской культурами Якутии и Западного Прибайкалья.

С 1995 г. автором ведутся исследования археологического ансамбля Коврижка-I–V. На Коврижке-IV открыто 16 культурных горизонтов, 14 из которых залегают в отложениях пойменного аллювия и датируются возрастом 19–18 тыс. л.н. Раскопаны два комплекса остатков жилищ, типологически соотнесенных с палеолитическими жилищами забайкальских памятников Студеное-1, 2, Усть-Менза-1, 2. Открыт феномен широкого употребления охры [Тетенькин и др., 2020]. Найдены предметы искусства: бивневая антропоморфная фигура, обломок графитовой подвески [Тетенькин и др., 2018б]. В первом горизонте найдена керамика с оттисками

сетки-плетенки, маркирующая верхнюю границу донеолитической эпохи на Нижнем Витиме около 8–7,5 тыс. л.н. Пункты Коврижка-II и III представили археологические комплексы рубежа плейстоцена – голоцена, 13–11 тыс. л.н., и раннего голоцена, 9–8 тыс. л.н. [Тетенькин, 2018]. В исследовании применен методический опыт изучения Большого Якоря-I.

В 1993–2011 гг. Е.М. Инешиным и автором исследовалось местонахождение Мамакан-VI, относимое к началу – 1-й половине сартанского оледенения [Тетенькин, 2014]. С 1993 г. ведутся исследования местонахождения Инвалидный-III, содержащего археологические комплексы раннеголоценового возраста [Инешин, Тетенькин, 2005]. В новейшее время автором открыты стоянка Павлова (2012 г.) на Витиме, содержащая два культурных горизонта сумнагинского мезолитического облика [Уланов и др., 2020], и финальнопалеолитический комплекс местонахождения Нирякан (2020 г.) в среднем течении р. Мама, притока Витима.

Эти работы стали основой для формулирования проблемы культурной вариативности – сосуществования технических традиций ассамбляжей типа Авдеихи, Большого Якоря и Большой Северной. Выстроена культурно-хронологическая схема для Нижнего Витима [Тетенькин, 2018]. Развивается начатое Е.М. Инешиным направление исследований связи населения с территориями (ресурсами, населением) Верхней Лены, Среднего и Верхнего Витима, внутренних районов Байкало-Патомского и Станового нагорий [Алексеев и др., 2006; Демонтерова и др., 2014; Тетенькин и др., 2018а–б].

Логика этих исследований привела к необходимости широкого исследовательского фокуса и интеграции в единые научные представления результатов исследований всех четырех районов Северного Прибайкалья. Первые интерпретации специфики развития Северного Прибайкалья прозвучали в работах В.М. Ветрова как идея существования экологических ниш с населением, выработавшим уникальные культурные комплексы (усть-каренгская культура, Нижняя Джилинда), не имеющие аналогов в соседних районах. Корреляция финальнопалеолитических комплексов Северного Прибайкалья с верхоленской культурой Южного Прибайкалья и дюктайской культурой Якутии, селенгинской и студеновской культурами Восточного Прибайкалья и Забайкалья, поиск истока традиции усть-каренгской керамики, проблема начала неолита в Северном Прибайкалье привели сначала к представлениям о контактной зоне культурно-исторических областей Западного Забайкалья, Восточного Прибайкалья и Забайкалья, Якутии [Тетенькин, 1999], а затем и к формулированию проблемы изучения археологических связей [Инешин, Тетенькин, 2011]. Появившиеся данные позволили характеризовать способность населения к доставке ресурсов (охра, пемза, нефрит и др.), отстоящих на сотни километров, к коммуникации с населением соседних районов и к проникновению в удаленные части горных массивов во время существования последнего оледенения. Развитие этого направления ведет к формированию общей картины позднего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья, в которой история развития населения и культуры четырех районов диахронно связана выявленными сюжетами культурной трансляции.

Библиографический список

Абдулов Т.А. Мезолитические горизонты многослойной стоянки Курла-IV // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991.

Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 1.

Алексеев А.Н., Ветров В.М., Дьяконов В.М., Секерин А.П., Тетенькин А.В. Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: Усть-каренгская культура (13000–5000 л.н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Усурийск, 2011.

Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон)-1 в Бамбульской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск, 1993.

Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках Витимского бассейна // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 1.

Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим-II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Ч. 1: Погребально-ритуальные комплексы №1–6 // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, №4.

Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим-II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Ч. 2: Погребально-ритуальные комплексы №7–15 // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, №1.

Демонтерова Е.И., Иванов А.В., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена // Stratum plus. 2014. №1.

Задонин О.В. Палеолитическое местонахождение Алексеевск-1 // Изучение, охрана и использование археологического наследия Байкальской Сибири. Иркутск, 1996. Вып. 1.

Задонин О.В., Дзюбас С.А. Археологический памятник Вешний Ручей на севере Верхней Лены // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск, 2003.

Задонин О.В., Дзюбас С.А. К истории изучения археологических объектов палеолитического возраста на севере Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. Вып. 2.

Задонин О.В., Хомик С.Н., Аксенов М.П., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В. Геоархеологические местонахождения палеолита и мезолита севера верхней Лены Балышово-III и Любавская-I // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. №1 (10).

Задонин О.В., Хомик С.Н., Инёшин А.В. Палеолитическое местонахождение Балышово-III на севере Верхней Лены // Палеоэтнология Сибири. Иркутск, 1990.

Инёшин А.В., Задонин О.В., Инёшина Т.М., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В. Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, №1.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблема определения археологических связей в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье, Байкало-Патомское нагорье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. 1.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь-I. Новосибирск, 2010.

Краснощеков В.В. Место стоянки Бамовская в кругу позднплейстоценовых объектов севера Верхнеленского региона // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск, 2009.

Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А. Техноморфологический анализ каменной и костяной индустрии из культуросодержащего горизонта 2 многослойного местонахождения Курла-I на Северном Байкале // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этноархеология. Антропология. 2019. Т. 28.

Мочанов Ю.А. Стратиграфия и абсолютная хронология палеолита Северо-Восточной Азии (по данным работ 1963–1973 гг.) // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л., 1955.

Свинин В.В. Археологические исследования на Северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 годах // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы. Иркутск, 1966.

Тетенькин А.В. Археология позднего верхнего палеолита и мезолита Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. №2 (100).

Тетенькин А.В. Геоархеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфотипология, периодизация : автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999.

Тетенькин А.В. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан-VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2014. №4 (12).

Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., Пашкова Г.В., Канева Е.В. Аргиллитовые артефакты как источник информации о связях населения бассейна Витима в эпоху финального плейстоцена – среднего голоцена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018а. №2.

Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Канева Е.В., Анри О., Говри Ру Э. Охра в позднепалеолитических контекстах стоянки Коврижка IV на Байкало-Патомском нагорье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, №3.

Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И., Канева Е.В., Сальная Н.В. Фигуры из бивня мамонта и знаково-символический контекст палеолитического жилища на стоянке Коврижка-IV в низовье Витима // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018б. Т. 46. №4.

Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М. Новое археологическое местонахождение эпохи каменного века Балтаханова-V (Северный Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, №1.

Уланов А.А., Канева Е.В., Поплевко Г.Н., Тетенькин А.В. Первые результаты трасологического исследования раннеголоценовой пластинчатой индустрии стоянки Павлова-I на Нижнем Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, №2.

Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1965. Т. 5.

Шмыгун П.Е. Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. М., 1981.

Шмыгун П.Е., Филиппов А.К. Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск, 1982.

Ineshin E.M., Tetenkin A.V. Humans and the environment in the Late Pleistocene of Northern Baikalian Siberia. Newcastle, 2017.

Vetrov V.M., Ineshin E.M. The Most Ancient Ceramics of the Baikal Siberia in the Context of the Traditions of Ceramics of East Asia // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2.

УДК 904«634»(571.122)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.20

А.В. Шмидт

Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ПАМЯТНИКА «НЯКСИМВОЛЬСКАЯ СТОЯНКА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Археологические памятники «Городище Няксимволь-1» и «поселение Няксимволь-2» (Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа) расположены практически вплотную друг к другу. Длительное время неолитический материал с этих объектов рассматривался как единый комплекс – так называемая «Няксимвольская стоянка». Однако более детальный сравнительный анализ каменного инвентаря показал, что для Няксимволя-1 характерно пластинчатое микролитическое

расщепление, а для Няксимволя-2 – получение отщепов и работа с крупными формами. Кроме этого, отличается используемое каменное сырье. Керамический комплекс также несет на себе существенные различия. На Няксимволе-1 посуда орнаментирована гребенчатым штампом. Для соседнего памятника характерны наколы и прочерченные линии. Отличается и внутренний наплыв. На Няксимволе-2 он менее рельефный. Полученные результаты свидетельствуют, что неолитические комплексы обоих объектов имеют между собой ощутимый хронологический разрыв.

Ключевые слова: неолит, каменная индустрия, керамика, сравнительный анализ, датировка

Городище Няксимволь-1 и поселение Няксимволь-2 (Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа) достаточно хорошо освещены в научной литературе, как памятники РЖВ и Средневековья [Няксимволь, 2014]. Однако неолитические материалы, неотъемлемо связанные с этими объектами, всего однажды становились предметом целенаправленного изучения, и то только по результатам одного полевого сезона [Шмидт, Сурков, 2017]. Сейчас с обоих комплексов за несколько лет собрано около 150 каменных артефактов и более двух десятков фрагментов керамики. По относительным меркам, данная коллекция совсем небольшая, однако уже сейчас она дает возможность подведения предварительных итогов.

Впервые о наличии комплекса позднего каменного века в черте населенного пункта Няксимволь заговорил В.Н. Чернецов в 1953 г., когда включил «Няксимвольскую стоянку» в список неолитических памятников бассейна реки Северная Сосьва. Основанием этому послужили сборы с поверхности, сделанные им еще в 1932 г.: два крупных шлифованных «тесла», «небольшое шлифованное долотовидное орудие», «фрагмент шлифованного наконечника стрелы» – всего четыре артефакта [Чернецов, 1953, с. 20–23]. В последующие годы здесь неоднократно побывали профессиональные археологи и «краеведы-любители». Прделанная ими работа позволила уточнить границы и датировку памятников, пополнить коллекцию сборов новыми артефактами (рис. 1.-2).

Оба объекта расположены практически вплотную друг к другу, на левом обрывистом берегу р. Северная Сосьва. Высота террасы в данном месте составляет порядка 10 м от уреза воды. Антропогенное воздействие почти полностью уничтожило древний и средневековый культурные слои. Это обусловлено тем, что территория археологических памятников находится в промышленной зоне современного поселка Няксимволь. В разные годы 2-й половины XX в. там располагались гаражи, лесопилка, котельная, ремонтная мастерская.

Первые полноценные археологические раскопки на городище Няксимволь-1 осуществлялись в 2003 и 2007 гг. под руководством Д.О. Стародумова [2012]. За два полевых сезона на памятнике вскрыто 228 кв. м. Неолитическую эпоху представляют 93 каменных артефакта и фрагменты керамики от одного сосуда.

Сырьем для производства каменных орудий служил преимущественно черный кремь. Кремь других цветов, а также мелкозернистый кварцит, кварц, серый туф, халцедон, сланец, гнейс и другие породы представлены единичными экземплярами или малочисленными сериями. Более половины каменных артефактов отражают пластинчатую технику расщепления (48 экз. – 51,6%), направленную на получение мелкой и средней пластины (табл. 1). Орудийный набор в данной категории представлен резцом (рис. 1.-7), скобелем (рис. 1.-3), двумя острями (рис. 1.-5, 9) и еще восемью пластинами с ретушью (рис. 1.-4, 6). Основная же масса не несет на себе следов вторичной обработки (рис. 1.-13).

В коллекции насчитывается два призматических нуклеуса. Для одного из них заготовкой послужила галька халцедона. Само ядрище одноплощадочное, ударная площадка прямая, подработана плоскими сколами от фронта скальвания заготовок. Поверхность расщепления занимает половину периметра нуклеуса. Контрфронт покрыт галечной коркой. Ширина негатива последнего снятия составила 6 мм (рис. 1.-8).

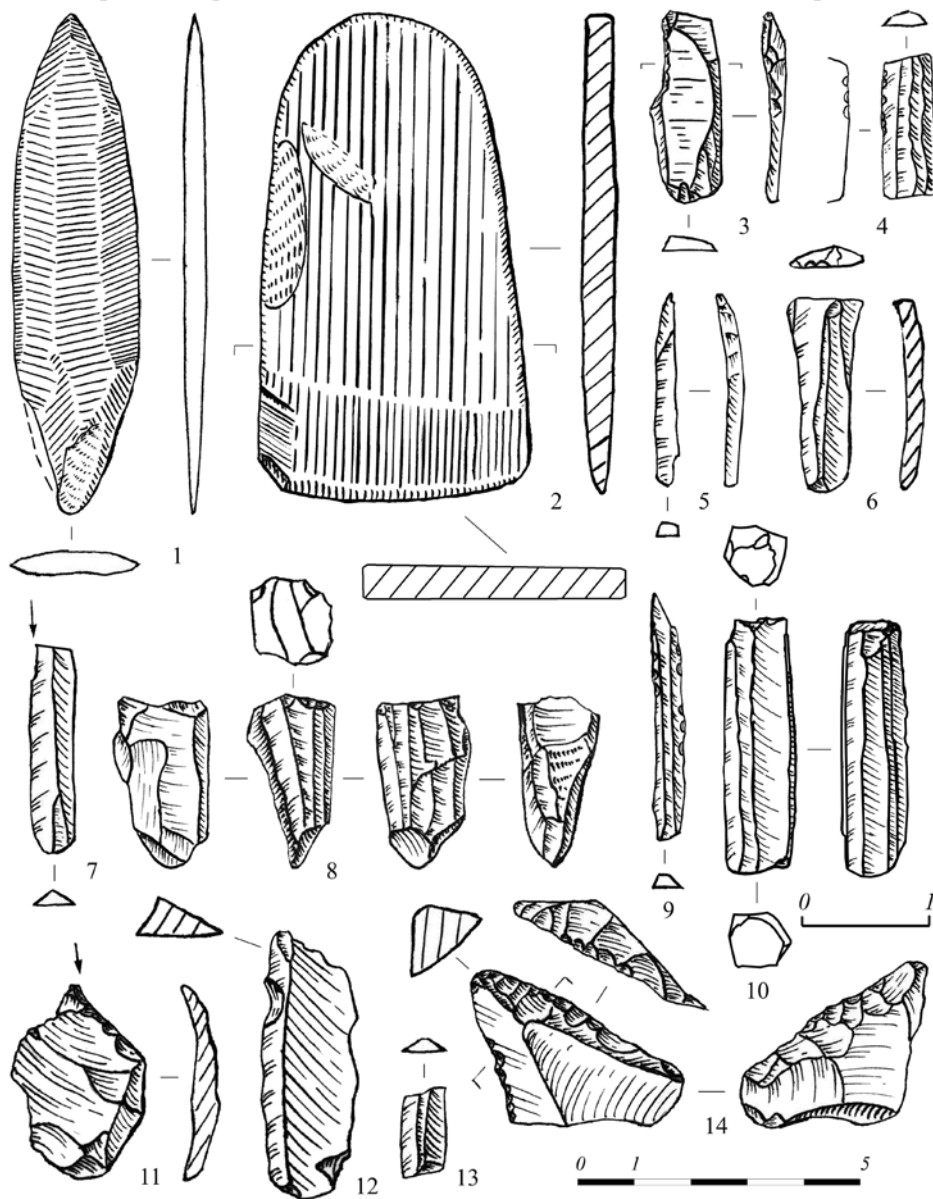

Рис. 1. Каменные орудия «Няксимвольской стоянки»: 1, 11, 12 – памятник Няксимволь-2 (ХМ-16165/351; ХМ-16165/352); 2 – сборы 2005 г. (ХМ-11210/11); 3-10, 13, 14 – памятник Няксимволь-1 (ХМ-13792/470; ХМ-13792/255; ХМ-13792/365; ХМ-13792/185; ХМ-13792/881; ХМ-13792/360; ХМ-13792/469; ХМ-13792/262; ХМ-13792/253; ХМ-13792/791)

Второй нуклеус двухплощадочный, из серо-зеленого кремня. Снятие заготовок круговое, ударные площадки горизонтальные, подработаны сколами. На фронте скалывания фиксируется участок односторонней подработки направляющего ребра. Поражает степень сработанности нуклеуса, диаметр которого менее 5 мм. Ширина негатива последнего снятия составила всего 2 мм (рис. 1.-10).

Таблица 1

Типо-лист каменной индустрии неолитического комплекса с городища Няксимволь-1

№ п/п	Наименование артефактов	Экз.	№ п/п	Наименование артефактов	Экз.
1	Нуклеусы	2	8	Пластинчатый отщеп крупный	1
2	Пластины мелкие	13	9	Отщепы мелкие без обработки	11
	– без обработки	8	10	Отщепы средние	7
	– с ретушью	2		– без обработки	3
	– резец	1		– с ретушью	4
	– острие	2		Осколок мелкий	6
3	Пластины средние	21	11	– без обработки	5
	– без обработки	15		– с ретушью	1
	– с ретушью	5	12	Острие	2
	– скобель	1	13	Скребок	3
4	Пластины крупные	2	14	Обломок шлифованного тесла	1
	– без обработки	1	15	Нож-бифас	1
	– с ретушью	1	16	Абразив	3
5	Реберчатые сколы	4	17	Чоппинг	1
	– без обработки	2	18	Долото (следы шлифовки)	1
	– с ретушью	2	19	Скребло	1
6	Пластинчатый отщеп мелкий	2	20	Ложило	1
7	Пластинчатый отщеп средний	3	21	Чешуйки	6
ВСЕГО:					93

Основная масса отщепов также не имеет следов вторичной подработки. Орудийный набор из данной категории заготовок представляют два острия и три скребка. Особое внимание привлекают два бифасиальных изделия:

1) нож-бифас асимметрично-листовидной формы, обработанный стелющейся ретушью по всей поверхности (рис. 2.-4);

2) орудие, заготовкой которому послужил отщеп средней размерности случайной формы. Изделие сильно напоминает скребок с прямой рабочей гранью. Но оформлена эта грань бифасиальной ретушью – полукрутой с дорсала и стелющейся по вентралу (рис. 1.-14).

Кроме этого, в культурном слое найден скол с рабочей грани шлифованного тесла, абразивы, ложило, скребло, долото, выполненное на обломке шлифованного топора, а также подобие чоппинга – небольшая плоская галька, один край которой обработан бифасиально.

Керамика, обнаруженная на памятнике, имеет красновато-коричневый оттенок. Ее украшают горизонтальные ряды оттисков гребенки. При этом наклон штампа под венчиком составил всего 20°, а ниже, по тулову – 50–60°. С внутренней стороны венчика оформлен рельефный наплыв (рис. 2.-3).

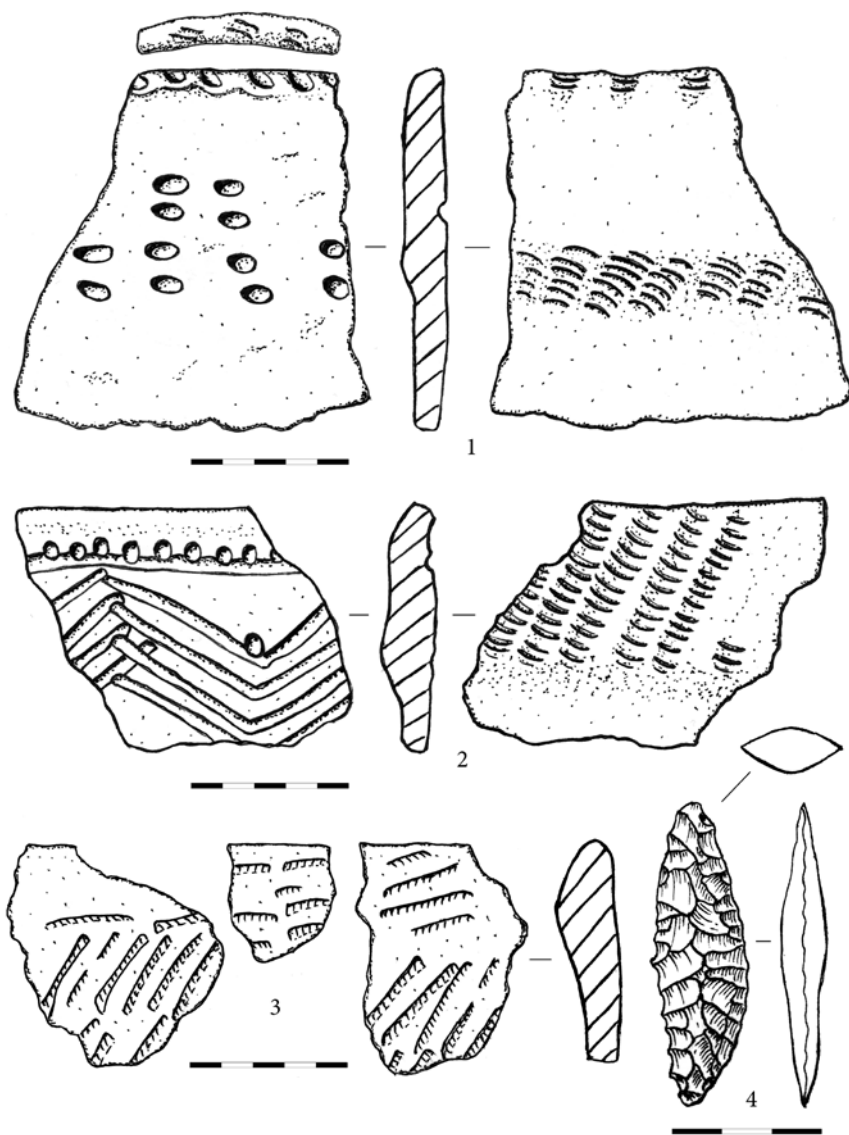

Рис. 2. Керамика и каменный нож «Няксимвольской стоянки»:

1, 2 – памятник Няксимволь-2 (ХМ-16165/378; ХМ-16165/377); 3, 4 – памятник Няксимволь-1 (ХМ-9468/329/1; ХМ-9468/329/2; ХМ-9468/330; ХМ-13792/1050)

Раскопки на поселении Няксимволь-2 производились в 2016 (руководитель Д.А. Сурков) [Шмидт и др., 2017] и 2017 гг. (руководитель Т.Н. Соболевникова) [Соболевникова, Кузина, 2018]. За два года здесь вскрыто 330 кв. м. Неолитический материал представлен 49 каменными артефактами и фрагментами керамики. Основная масса находок залегала на глубине 0,35–0,45 м в слое красновато-коричневого суглинка.

Основными породами для изготовления каменных орудий служили песчаники и кремнистые сланцы, представленные в виде речного галечника, – так называемое

«сырье шаговой доступности». Изделия из темно-зеленого и светло-серого кремня, который приходилось экспортировать, обнаружены единичными экземплярами.

В типологическом составе каменной индустрии (табл. 2) значительно преобладают две категории: 1) отщепы (20 экз. – 40,8%), из которых изготовлены орудие с шипом, наконечник стрелы, резцы (рис. 1.-11), долото, скобель; 2) крупные орудия, оформленные преимущественно из речного галечника: нуклевидные изделия, скребла, лоцило, комбинированное орудие абразива и пилы, чоппер, чоппинги, мотыга, отбойник, наковальня. Всего 22 экз. – 44,9%. Артефакты, отражающие призматическую технику расщепления, представляют всего три предмета (6,1%): нуклеус, рассчитанный на получение широких пластин и два пластинчатых отщепа (рис. 1.-12). Кроме этого, в коллекции присутствуют сколы со шлифованных орудий, а также шлифованный наконечник стрелы (рис. 1.-1), который еще в древности воткнули вертикально, острием вниз.

Таблица 2

Типо-лист каменной индустрии
неолитического комплекса с поселения Няксимволь-2

№ п/п	Наименование артефактов	Экз.	№ п/п	Наименование артефактов	Экз.
1	Призматический нуклеус	1	12	Орудие с шипом	1
2	Пластинчатый отщеп крупный с ретушью	2	13	Комбинированное орудие	1
3	Нуклевидные изделия	5	14	Наконечник стрелы	1
4	Первичные сколы	2	15	Шлифованный наконечник стрелы	1
5	Отщепы мелкие без обработки	6	16	Резцы	2
6	Отщепы средние без обработки	1	17	Чоппер	1
7	Крупный отщеп	3	18	Чоппинг	2
	– без обработки	2	19	Долото	1
	– с ретушью	1	20	Мотыга	1
8	Чешуйки	2	21	Отбойник	2
9	Сколы с шлифованных орудий	3	22	Наковальня	1
10	Скребла	8	23	Скобель	1
11	Лоцило	1	ВСЕГО:		49

В составе керамического комплекса присутствуют крупные фрагменты венчиков как минимум от четырех сосудов. Посуда красновато-коричневого цвета, орнаментирована наколами (рис. 2.-1) и/или почерченными линиями (рис. 2.-2). Исключение составляет только один венчик, не несущий следов орнаментики по внешней поверхности. Вся представленная посуда с внутренней стороны имеет плавно профилированный наплыв. На трех венчиках, включая неорнаментированный фрагмент, на этот наплыв нанесены оттиски широкого штампа (51×9 мм), напоминающего гребенку (рис. 2.-1, 2).

Несмотря на то что памятники расположены практически вплотную друг к другу, их не следует считать единым комплексом. Сравнительный анализ каменного инвентаря показывает значительные расхождения в общем облике индустрии. Это хорошо прослеживается как в принципах расщепления (для Няксимволя-1 ха-

рактрно пластинчатое расщепление; для Няксимволя-2 – отщепы и крупные формы), так и в используемом сырье. Наличие схожих орудий, таких как чоппинги и скребла, могло произойти вследствие механического перемешивания материала из-за близости границ памятников.

Керамический комплекс также несет на себе существенные различия. На Няксимволе-1 посуда орнаментирована гребенчатым штампом. Для соседнего памятника характерны наколы и прочерченные линии. Отличается и внутренний наплыв. На керамике с поселения Няксимволь-2 он менее рельефный.

Полученные в ходе многолетних раскопок материалы позволяют сделать выводы о датировке объектов. Керамика, украшенная гребенкой, находит прямые аналогии в развитом неолите Лесного Зауралья [Старков, 1980, с. 107–112]. Не противоречит этому и общий облик каменной индустрии памятника Няксимволь-1, ориентированный на пластинчатое расщепление. Керамика, украшенная наколами и прочерченными линиями, с Няксимволя-2 имеет достаточно широкие хронологические аналогии. Однако обнаружение здесь шлифованного наконечника стрелы позволяет скорректировать датировку памятника в пределах позднего неолита [Старков, 1980].

Таким образом мы видим, что, несмотря кажущуюся близость, неолитические комплексы обоих объектов имеют ощутимый хронологический разрыв. Материалы городища Няксимволь-1 следует датировать в пределах развитого неолита. Материалы поселения Няксимволь-2, вероятнее всего, относятся к позднему неолиту.

Библиографический список

- Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск, 2014.
- Собольникова Т.Н., Кузина А.В. Археологические исследования в с. Няксимволь в 2017 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск, 2018. Вып. 16.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит Лесного Зауралья. М., 1980.
- Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь-1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953 (МИА. №35).
- Шмидт А.В., Сурков Д.А. Неолитический комплекс памятника Няксимволь-1 (материалы раскопок 2016 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул, 2017.
- Шмидт А.В., Сурков Д.А., Гизбрехт М.Ю., Попкова А.В. Аварийно-спасательные раскопки на памятнике Няксимволь-1 в Березовском районе Ханты-Мансийского АО (2016 год): предварительные результаты // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. Барнаул, 2017.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР И ОБЩНОСТЕЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

УДК 903.5(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.21

В.В. Бобров

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

МОГИЛЬНИК ТАНАЙ-12 СРЕДИ ИДЕНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье дана культурная принадлежность и статистика захоронений как грунтового, так и курганного типа на площади некрополя Танай-12. Это позволило установить его идентичность грунтовому могильнику Еловского археологического комплекса (ЕК-II), что дало возможность подтвердить некоторые выводы, полученные в результате его исследования. В частности о хронологическом соотношении андроновских и андронидных захоронений. Предложена идея о том, что интервал хронологического разрыва между ними еще не привел к разрушению видимых признаков андроновских могил. Поставлен вопрос о типичности для погребальной практики населения андронидных культур Южной Сибири совершать захоронения на андроновских кладбищах. Анализ некрополей Кулундинской степи, Барнаульско-Бийского, Новосибирского и Томского Приобья, северных котловин Среднего Енисея позволил установить, что эта погребальная практика была свойственна только населению северо-восточной периферии бывшего андроновского ареала.

Ключевые слова: андронидная культура, эпоха бронзы, постандроновское время, некрополь, обряд погребения, Кузнецкая котловина, Южная Сибирь

Введение

В западносибирской археологии с 70-х гг. прошлого столетия утвердилось понятие «андронидная культура». Оно характеризовало комплексы, в которых отчетливо был выражен андроновский орнаментальный компонент в разной степени трансформации. Культуры андронидного облика, по мнению М.Ф. Косарева – автора концепции, сформировались на северной периферии андроновского ареала от Южного Урала на западе до Кузнецкого Алатау на востоке. Свиту этих культур составляют черкаскульская, пахомовская, еловская и корчажкинская. По убеждению автора статьи, к ним можно отнести «классический» этап карасукской культуры, но только северный ее вариант. Не исключено, что дополнит андронидную группу бегазы-дандыбаевская культура казахстанских степей. В изучении андронидных культур обозначена одна проблема, на мой взгляд, достаточно существенная в теоретическом и практическом аспекте. Она не получила решения до настоящего времени. Суть ее заключается в том, что в андроновском ареале андронидные комплексы, особенно на северной его периферии, могли составлять одну археологическую культуру. Аргументация сводится не только к пространственному фактору, но и к единству автохтонной основы, выраженной в гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Данный фактор лишь в некоторой степени можно принять в качестве компонента корчажкинской культуры. И бесспорно его несоответствие истокам формирования карасукской культуры.

В рамках андроновско-андронидной проблематики предлагаем рассмотреть планиграфию некрополей, содержащих разные по культурной диагностике погребения. Предпосылкой для исследования этого сюжета послужили материалы могильника Танай-12.

Результаты и обсуждение

Некрополь Танай-12 расположен на пологом склоне гривы западного берега озера Танаево (в обиходе местного населения «Танай»), который административно принадлежит Тогучинскому району Новосибирской области. В настоящее время его местонахождение включено в территорию Калтыракского заказника. Географически он находится на юго-западной периферии межгорной Кузнецкой котловины в предгорьях Салаирского кряжа, а в гидрологическом аспекте относится к бассейну Верхней Оби.

Памятник открыт автором статьи в 1998 г. Его раскопки были начаты В.С. Горяевым (2000–2001 гг.), а завершены В.В. Бобровым (2002–2004 гг.). К сожалению, постоянная распашка склона гривы привела к уничтожению сооружений из дерна («насыпь») над сакрализованной площадью кургана. Всего удалось выявить восемь визуально определимых курганов, еще восемь установлены по организации сакрализованного пространства в виде оград. В пределах памятника исследовано 159 могил. Можно предполагать, что большая их часть связана с бескурганым характером захоронения. Это наглядно подтверждают статистические данные по захоронениям постандроновского времени. Из 97 могил этого историко-хронологического периода 26 относительно достоверно связаны с курганным способом погребения. 40 захоронений (если не считать могилу в виде маленького каменного ящика, в котором не удалось проследить остатки погребения) произведены населением андроновской культуры. Причем умерших сородичей они похоронили преимущественно по обряду ингумации, но известен и обряд кремации с последующим захоронением. Курганный способ захоронения андроновского некрополя определен по круглой форме ограды из сланцевых плит или рваного камня. 18 могил связаны с небольшим участком, на котором было восемь сакрализованных площадок квадратной формы, выделенных рвами. По предварительным данным этот погребальный комплекс может быть датирован эпохой развитой бронзы. Атрибуция культурной принадлежности требует всестороннего анализа и дополнительной информации. В составе памятника Танай-12 обнаружены еще две могилы, расположенные немногим выше материка и представленные деревянными рамами прямоугольной формы. Эти захоронения относятся к ирменской культуре. Наконец, на площади некрополя было выявлено еще одно захоронение – необычное для эпохи бронзы верхнеобского бассейна. Несомненно, над могилой в виде каменного ящика возведено сооружение, вероятнее всего, из дерна, основание которого было укреплено сланцевыми плитами. Идентификация культурной принадлежности этого захоронения проблематична. В публикации отмечены в сопроводительном инвентаре некоторые черты, свойственные материалам окуневской культуры [Бобров, 2006, с. 322–324]. Проверка раскопами местонахождения памятника позволила установить, что он практически полностью исследован. Это создает условия для достоверности в какой-то степени его данных в процессе археологической и исторической интерпретации.

В пределах заданной темы интерес вызывает планиграфия андроновских захоронений и погребений андроновидной культуры. Относительно четко все андроновские курганные захоронения локализуются в западной части древнего некрополя. Грунтовые андроновские захоронения размещены как на межкурганном пространстве, так и в восточной части памятника. Сепаратное размещение погребений представлено преимущественно захоронениями детей, среди которых преобладают младенцы, но не исключаем присутствия единичных захоронений взрослых. Автономные андроновские некрополи

подобного типа известны науке, в частности в бассейне Верхней Оби [Грязнов, 1956, с. 22–25]. Факт неординарной погребальной практики для захоронения младенцев, детей и подростков, бытовавшей в обществе скотоводов андроновской культуры, установлен и достаточно хорошо описан [Молодин, 1984, с. 37–44; 1985, с. 109–113]. Не касаясь вопроса о распространении детских некрополей в ареале андроновской культуры, отметим, что в пространстве Южной Сибири по количественному показателю они преобладают в Барнаульско-Бийском Приобье. Не случайно Ю.Ф. Кирюшин [1995а, с. 47–49; 1995б, с. 58–75] выделяет существование детских кладбищ и специальных мест на кладбищах для взрослых как особенность андроновской культуры Алтая.

Восточную часть некрополя, которая по площади больше западной, преимущественно занимали захоронения населения культуры постандроновского времени. Характерной их особенностью, кроме морфологии и орнаментации посуды, являлась глубина могил. Как правило, она достигала уровня материка или была на несколько сантиметров ниже его. Этот признак погребальной практики имеет немаловажное значение для последующих логических построений. Не касаясь автономного расположения в южном секторе восточной части некрополя погребальных сооружений более раннего времени, констатируем некоторое совмещение в его пространстве андроновских и андронидных захоронений. При этом на запад, вверх по склону гривы, располагались только курганные захоронения андроновской культуры. На незначительном расстоянии от них, к ее вершине, находился могильник ирменской культуры Танай-7 [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004].

Приведенные данные о могильнике Танай-12 в значительной степени совпадают с основными характерными признаками памятника Еловский-II могильник [Матющенко, 2004]. Я даже осмелюсь назвать его уменьшенной копией ЕК-II, особенно в аспекте пространственного соотношения погребений андроновской и андронидной культур. Это позволяет убедиться в достоверности результатов исследования В.И. Матющенко. На площади танайского некрополя не зафиксировано ни одного случая перекрывания андроновской могилы или вплотную пристроенного к ней погребального сооружения андронидной культуры. Идентичный вывод сделан В.И. Матющенко на значительно преобладающих в количественном отношении материалах. Объяснение этому факту он видел в незначительном хронологическом периоде между функционированием андроновского кладбища и временем его использования еловским населением и даже допускал возможность одновременности некоторых захоронений [Матющенко, 2004, с. 327]. Следующий вывод заключается в том, что самусьские, андроновские и еловские могилы ЕК-II составляют единый комплекс. Этот вывод подкреплен результатом анализа распространения предметов сопроводительного инвентаря, ориентации могил, положения погребенного и сосудов в могиле, глубины захоронения [Матющенко, 2004, с. 328–329]. Сущность единого комплекса заключалась в том, что некрополь ЕК-II существовал «...на протяжении доандроновского, андроновского и еловского времени без каких-либо заметных временных разрывов» [Матющенко, 2004, с. 329]. По принадлежности к археологической культуре погребений на могильнике Танай-12 ситуация идентичная: доандроновские (публикация подготовлена к изданию), андроновские и корчажкинские. Но, на мой взгляд, рассматривать их как единый комплекс вряд ли целесообразно. В представлениях андроновских пастушеских скотоводов, также как «ирменцев», обитавших в районах пойменных

лугов р. Ини, своеобразный ландшафт в окрестности озера Танай имел, вероятно, сакральное содержание [Бобров, 2000, с. 199–203]. Расположенный в трех километрах на северном берегу озера курганный могильник Танай-1 также содержал андроновские и курганные захоронения постандроновской культуры. Что же касается населения, то оно достаточно прочно освоило западный берег. Об этом свидетельствуют как стоянки сезонного типа, так и стационарный поселок, остатки сооружений которого находились в 500 м от некрополя Танай-12 [Бобров, Умеренкова, 2010, с. 22–29]. Это также дополняет сходство с Еловским археологическим комплексом, в состав которого входит поселение еловской культуры. Сомневаюсь в том, что мы найдем объяснение в археологической теории или примеры в этнографической среде одновременного использования в качестве общего кладбища населением с разной культурной традицией, даже если они представляли общества гетерогенного характера.

В связи с тем, что население, отчасти сохранившее традиции андроновской культуры, не потревожило погребения предшествующего времени, наиболее простой вариант интерпретации может заключаться в следующем. Андроновские могилы имели обозначения на поверхности каким-либо способом. До наших дней они сохранились в виде камней-obelisks или деревянных столбов. Впервые на эти вертикально установленные объекты в погребальных комплексах эпохи бронзы Евразии, как универсального явления, автор обратил внимание еще в 1989 г. [Бобров, 1989, с. 16–17]. В настоящее время известны многочисленные свидетельства их нахождения в погребальных памятниках на обширных пространствах степи и лесостепи. Но больше всего их зафиксировано в андроновских могильниках. В качестве примера укажу только на памятники Рублево-VIII, Фирсово-XIV, Кытманово, Барсучиха-II [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 41]. Каменный obelisk, установленный в андроновской могиле на памятнике Чесноково-I, имел видимую часть 40 см над поверхностью [Кирюшин, Шульга, 1996, с. 33–38]. Не лишены деревянных столбов и камня-obeliska некоторые захоронения могильника Танай-12. Можно полагать, что их было больше. Недалеко от могильника на краю пахотного поля нередко можно было обнаружить расколотые камни. Но обозначения места погребения могли быть, например, из дерна. В любом случае места андроновских захоронений были видимы жителям поселка андронидной культуры (Танай-4). Но в хронологическом интервале, когда в лесостепи от Кузнецкого Алатау до Среднего Прииртышья появилось население ирменской культуры, следы «андроновской памяти» уже исчезли. На этом пространстве археологически выявлены случаи перекрытия андроновских могил ирменскими [Молодин, 1985, с. 115–116; Матющенко, 2004, с. 327] или могилами позднебронзового времени населения Степного Алтая [Кирюшин и др., 2006, с. 362].

В связи с проблемой хронологического соотношения андроновских и андронидных погребений на пространстве одного могильника возникает необходимость изучения данной ситуации, по крайней мере, в пределах бывшей восточной части андроновского ареала, которая выделялась особенностями в погребальном обряде и практике. Следует выяснить, была она типичной для погребальной практики населения или имела локальный характер.

Так называемые грунтовые могильники эпохи бронзы в большей степени известны на территории Лесостепного и Степного Алтая, чем в других регионах Южной Сибири. Среди них наиболее крупными некрополями, содержащими более 100 анд-

роновских погребений, являются Рублево-VIII, Фирсово-XIV, Чекановский Лог-X. Памятники Степного Алтая – вне ареала андронидных культур, если не рассматривать в этом археологическом статусе бегазы-дандыбаевскую культуру. Но некрополи Рублево-VIII и Чекановский Лог-X с захоронениями разного времени, по мнению специалистов, не содержат могил этой культуры, а погребения поздней бронзы ближе к саргары-алексеевским комплексам [Кирюшин и др., 2006, с. 361–364; Демин, Ситников, 2007; Папин, Шамшин, 2002, с. 72–77]. На памятниках зафиксированы ситуации перекрытия андроновских могил (в основном детских) захоронениями позднебронзового времени, в частности на могильнике Рублево-VIII [Кирюшин и др., 2006, с. 362]. Могильник Фирсово-XIV находится в ареале корчажкинской культуры андронидного облика. А.Б. Шамшиным в течение десяти лет на этом памятнике было исследовано 342 могилы (по некоторым данным). Их дополнили еще 44 могилы, выявленные в процессе раскопок в 2010–2011 гг. [Кирюшин и др., 2015]. В составе могильника немногим более 200 андроновских могил, 11 ирменских и могила корчажкинской культуры [Шамшин, 2002, с. 99]. Небезынтересно то, что единственное захоронение постандроновского времени (м. 76) перекрывало андроновскую могилу (м. 75). А.Б. Шамшин [1995] объясняет это тем, что корчажкинское захоронение относится к позднему этапу культуры, синхронному ирменской культуре. Имеем в виду, что некоторые андроновские могилы фирсовского могильника также были обозначены деревянными столбиками.

В центральной части лесостепного Приобья пока не выявлено некрополей, на площади которых были бы андроновские и андронидные захоронения. Исключение составляет Кузнецкая котловина, где кроме некрополя Танай-12 исследован курганный могильник Танай-1. На его площади андронидные курганы почти вплотную примыкают к андроновским курганам, расширяя кладбище к юго-востоку. В связи с курганным способом погребения обратим внимание на памятники юга Красноярского края. А.В. Поляковым проведен анализ планиграфии могильников «классического» этапа карасукской культуры, в результате которого им установлено, что ядро их составляют андроновские курганы. Эти могильники локализуются в северной части карасукского ареала [Поляков, 2006, с. 10]. Данный факт горизонтальной стратиграфии был досконально проверен им и представлен в ряде публикаций [Поляков, 2009а, с. 451–482; 2009б, с. 90–109; 2013; и др.]. С материалами памятников этой территории сопоставляли керамику андронидных культур Западной Сибири. Достаточно напомнить, что керамика из первых погребений, ныне известных как пахомовские, у специалистов вызывала карасукские ассоциации; карасукский компонент усматривали в орнаментальной традиции сузгунской культуры, наконец, неоднократно обсуждалась возможность взаимосвязи еловского и карасукского населения. Не исключая любой формы контактов, считаю, что эта проблема требует дальнейшего исследования. На основании изложенных археологических фактов пока более определенно можно сделать вывод о том, что в пределах Южной Сибири можно выделить локальную территорию, на которой в постандроновское время у населения существовала погребальная практика совершать захоронения на андроновских кладбищах (северная часть Кузнецкой котловины, Томское Приобье, северные котловины Среднего Енисея). Кроме периферийного расположения, это выделенное явление нуждается в объяснении с помощью комплексного исследования.

Библиографический список

- Бобров В.В. О генезисе оленных камней // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989.
- Бобров В.В. Танайский микрорайон как культовое место эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине // Святнища. Археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000.
- Бобров В.В. Окуневские реминисценции в культуре поздней бронзы Кузнецкой котловины // Окуневский сборник: культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.
- Бобров В.В., Умеренкова О.В. Жилища культуры постандроновского времени Кузнецкой котловины // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск, 2010.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. №48. М.; Л., 1956.
- Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век лесостепного и степного Алтая // История Алтая. Ч. I: С древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 1995а.
- Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // Моя избранница наука, наука без которой мне не жить... Барнаул, 1995б.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул, 2015.
- Кирюшин Ю.Ф. Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2015.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Исследование грунтового могильника Рублево-VIII в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. Ч. 1.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на р. Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Педагогика. Юриспруденция. Экономика. Барнаул, 1996. №2.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004.
- Молодин В.И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. Хроностратиграфия археологических комплексов озера Рублево (Южная Кулунда) // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень, 2002.
- Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Поляков А.В. Относительная хронология памятников раннего периода карасукской культуры // *Stratum plus*. 2009а.
- Поляков А.В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2009б. №4.
- Поляков А.В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-даньбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013.
- Шамшин А.Б. Погребение корчажгинской культуры из Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. 2.
- Шамшин А.Б. Хроностратиграфия памятников бронзового и раннего железного веков из Фирсовского археологического микрорайона (Барнаульское Приобье) // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень, 2002.

И.А. Вальков, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ И ИЗДЕЛИЯ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ КОЛЫВАНСКОЕ-I (Рудный Алтай)

В статье анализируется комплекс предметов из кости и рога елунинской археологической культуры (ранний бронзовый век) с поселения Колыванское-I, расположенного в Змеиногорском районе Алтайского края. Рассматриваются вопросы сырья, технологии изготовления, а также функционального назначения изделий. Анализ коллекции предусматривал использование экспериментально-трасологического метода, позволяющего выявлять и интерпретировать следы обработки, утилитарного и неутилитарного износа на поверхности артефактов. Было выяснено, что основу сырьевой базы косторезного дела составляли кости домашних животных, а сама отрасль была достаточно значимой, несмотря на металлургическую специализацию поселка. Предметы из кости были наиболее востребованы в кожевенном производстве, а также использовались в качестве орудий гончарного дела, охотничьего вооружения, предметов игры и др.

Ключевые слова: Рудный Алтай, ранний бронзовый век, елунинская культура, костяные орудия, косторезное производство

Поселение Колыванское-I находится на северо-восточном берегу оз. Колыванского в Змеиногорском районе Алтайского края и было выявлено в ходе разведочных работ, проводившихся Ю.П. Алехиным в 1982 г. В результате осуществленных исследований с 1984 по 1988 г. раскопок памятника (всего около 1200 кв. м) был получен разновременный материал, основу которого составлял комплекс керамики эпохи раннего металла [Алехин, Кирюшин, 1996, с. 15–16]. Последний был отнесен Ю.П. Алехиным [1999, с. 27] к выделенной им колыванской энеолитической культуре.

Возобновленные одним из авторов статьи работы на памятнике в 2010–2017 гг. (1556 кв. м) позволило расширить имеющиеся сведения о хозяйстве и быте жителей поселения. На основании изучения инвентаря, а главным образом особенностей керамического комплекса материалы эпохи раннего металла были отнесены С.П. Грушиным к елунинской археологической культуре раннего бронзового века [Грушин, 2001; Грушин, Алехин, Шайхутдинов, 2011], выделенной Ю.Ф. Кирюшиным [1985] в 1980-х гг. Полученная к настоящему времени серия из восьми калиброванных радиоуглеродных дат позволяет ограничивать хронологические рамки функционирования поселения XXII–XVII вв. до н.э. [Грушин, Тишкин, Чжан, 2018, с. 111–113].

По своей хозяйственной направленности поселение интерпретируется как своеобразный центр бронзолитейного производства, базировавшийся на богатых источниках полиметаллических руд региона [Грушин, 2012, с. 174–175]. Несмотря на металлургическую специализацию памятника, его жители активно занимались скотоводством и охотой, нередко используя кости животных в качестве сырья для различного рода изделий и орудий труда.

В результате исследования предметного комплекса, а также массового остеологического материала было выявлено 49 артефактов из кости и рога, которые анализировались с применением экспериментально-трасологического метода. К сожалению, для значительной доли предметов он оказался неэффективным ввиду плохой сохранности поверхности, подвергшейся сильному влиянию корневой системы растений. На основании комплексного исследования весь костяной инвентарь был разделен на несколько морфофункциональных категорий.

Тупики. Наибольшая часть предметного комплекса представлена так называемыми тупиками (16 экз.). В качестве заготовки в абсолютном большинстве случаев (15 экз.) выступала подвздошная кость (*os ilium* – элемент строения таза) крупного рогатого скота, имеющая уплощенную, Г-образную форму (рис. 1.-2), что делало ее выгодным сырьем для тупиков. Обработка заключалась лишь в разрубании тела подвздошной кости для вычленения заготовки и оформлении рабочего края на большой седалишной вырезке.

Орудия из подвздошных костей можно считать «визитной карточкой» елунинских памятников. Так, с поселения Березовая Лука происходят более полутора сотен

Рис. 1. Орудия и изделия из кости поселения Кольванское-I:
1 – роговая рукоять; 2 – тупик из подвздошной кости; 3 – изделие неясного назначения;
4 – тупик из нижней челюсти; 5, 6 – «пешни»; 7 – следы использования
на рабочей части тупика из подвздошной кости; 8 – рабочий край «пешни»

целых изделий и фрагментов таких тупиков [Грушин, Вальков, 2014, с. 71]. Наиболее близкими в культурно-хронологическом отношении являются находки тупиков из тазовых костей на поселении кротовской культуры Преображенка-3 [Молодин, 1985, с. 50], в погребальных памятниках чемурчекской культуры Монголии [Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2009, с. 73], а также поселения Черноозерье-VI в Прииртышье [Стефанова, Стефанов, 2007, рис. 10]. В более поздние периоды такие орудия почти не встречаются. Один экземпляр известен в материалах памятника Казенная Заимка и, очевидно, относится к позднему бронзовому веку [Шамшин, 2005, с. 95, рис. 1.-8].

В единственном экземпляре был выявлен тупик из челюсти лошади (рис. 1.-4). Факты употребления таких изделий имели место в степной части Алтая еще в энеолите [Кирюшин, Гайдученко, 2016, с. 36–38, рис. 7.-1], но так и не получили широкого развития в период ранней бронзы. Хотя в позднем бронзовом веке и переходном от бронзы к железу времени встречается несколько изделий из лошадиных челюстей, все же челюсть КРС была более предпочтительной для косторезов. Согласно нашим подсчетам, в материалах всей эпохи бронзы Степного и Лесостепного Алтая лишь около 4% (11 экз.) тупиков выполнено из челюсти лошади, а остальные 274 учтенных нами предмета – из челюстей КРС и тазовых костей. Гипотетически это можно связывать с неудобством жесткого закрепления тупика из нижней челюсти лошади при работе, так как она имеет округлый абрис.

Использование тупиков связано с разминанием шкур и кожаных ремней. От этого процесса на рабочем крае орудий остается очень сильная заполировка с присутствием ей эффектом оплавленности поверхности, а также линейные следы, маркирующие плоскость движения обрабатываемого материала (рис. 1.-7). Рабочий край изношенных тупиков из подвздошных костей достаточно сильно скруглен, в связи с чем не мог быть использован в операциях, требующих остроты рабочей кромки (мездрение, волососгонка).

Двуручные струги. С кожевенным производством также связаны струги из ребер крупных животных (7 экз.). В отличие от тупиков, данные орудия использовались для удаления со шкур мездряного слоя. Сырьем выступали плоские ребра крупных животных, у которых лишь слегка затачивался ножом рабочий край. Есть мнение, что именно заточенные струги использовали для мездрения, а незаточенные – для удаления волосяного покрова [Пряхин, Килейников, 1986, с. 25]. Такие орудия в силу своей простоты широко применялись с каменного века и вплоть до этнографического времени [Семенов, 1968, с. 160–161].

Проколки. Костяные проколки являются неотъемлемым атрибутом памятников бронзового века Алтая. Обнаруженные на поселении Колыванское-I орудия (5 экз.) являются типичными как по своей форме, так и модели наблюдаемого износа. Просматривается два варианта их изготовления: 1) из грифельных костей лошади (рис. 2.-6); 2) из обломков трубчатых костей (кухонных отходов) (рис. 2.-8). Вопросы использования и особенностей износа проколок достаточно полно освещены в литературе [Смирнова, 2000; Поплевко, 2005; и др.].

Модифицированные астрагалы. Одной из наиболее часто освещаемых в литературе категорий костяных артефактов являются астрагалы МРС (3 экз.). Возможные сферы их применения так же широки, как их территориальные и хронологические границы. На предметах из рассматриваемой коллекции каких-либо следов использования зафиксировано не было. Тем не менее каждый артефакт имеет слегка подшлифован-

Рис. 2. Орудия и изделия из кости поселения Колыванское-I: 1 – зубчатый штамп; 2 – следы использования на штампе; 3, 7 – наконечники стрел; 4 – следы строгания на перо наконечника стрелы; 5 – фрагмент заготовки гарпуна; 6, 8 – проколки; 9 – подвеска; 10 – шлифованный астрагал

ную латеральную сторону (рис. 2.-10). Нередко астрагалы являются предметами игрового или культового характера*. Однако находят свое подтверждение и версии об исключительно утилитарном их использовании: в качестве лоцил по коже, шпателей по керамике, растирателей глины и охры [Красильников, 1979, с. 84; Усачук, 2013; с. 347; и др.]. Менее обоснованной кажется нам широко транслируемая в литературе гипотеза о применении их в металлургии [Кунгурова, Удодов, 1997, с. 78]. В изученных нами материалах елунинского поселения Березовая Лука и могильника Телеутский Взвоз-I астрагалы использовались в качестве лоцил по коже, растиральных охры, предметов игры и культа [Вальков, 2015, с. 55; Грушин, Вальков, Волков, 2016, с. 174–175]. Тем не менее в случае с коллекцией Колыванского-I явно недостает данных для уверенной интерпретации изделий, каждый случай использования которых следует рассматривать отдельно.

* Пример такого функционального назначения астрагалов представлен в настоящем сборнике в статье А.Н. Усачука.

«Пешни». Данная категория изделий (4 экз.) (рис. 1.-5, б) является наиболее сложной в плане установления функционального назначения и названа «пешнями» лишь условно, исходя из закрепившегося за ними ранее названия [Молодин, 1985, с. 46; Грушин, 2011, с. 159]. Серия подобных орудий происходит с поселения Березовая Лука [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 57], а также с памятников кротовской культуры [Молодин, 1985, с. 46, рис. 25]. Сырьем, по-видимому, выступали кости предплечья крупных копытных. Изначально они продольно раскалывались на две половины, после чего удалялся один из эпифизов и оформлялся рабочий край. Орудия имеют различную степень его уплощения, при этом следы заполировки наблюдаются лишь на самой кромке рабочего края, а точнее сформированной там фаске (рис. 1.-8). Предполагалось, что орудия использовались для разбивания льда [Косарев, 1984, с. 97]. Однако к настоящему времени данная гипотеза не получила подтверждений. Для подобного воздействия характерной была бы забитость, микровыкрошенность рабочего края, а не скругленная фаска с мягкой заполировкой. А.П. Окладниковым [1955, с. 108, рис. 41] предлагалось считать подобные массивные орудия, но имеющие, впрочем, более кинжаловидную форму рабочего края, орудиями для снятия коры. Проведенные нами эксперименты по снятию бересты с репликами «пешней» показали, что даже менее уплощенный край подобных изделий эффективен для выполнения такой работы. В результате орудия имеют схожую по своему характеру и топографии модель износа, но далеко не идентичную. Дело в том, что уже после получасового использования на экспериментальном орудии появилась гораздо более интенсивная заполировка и слабые линейные следы, чего мы не наблюдаем на археологических образцах. К тому же эксперимент показал необходимость нанесения слабых ударов отбойником по «обуху» (эпифизу) орудия. Забитость этой части на предметах Кольванского-I также отсутствует. В то же время следы от рыхления грунта (еще один возможный вариант) еще более далеки от археологического материала ввиду того, что распространяются на большую от кромки рабочего края длину. Поэтому вопрос о назначении «пешней» не является решенным и требует дальнейшего изучения.

Штампы по керамике. Хотя такие орудия, как свидетельствуют многочисленные орнаментированные «гребенкой» сосуды, имели очень широкое применение на памятниках бронзового века Алтая, находки их крайне малочисленны. С поселения Кольванское-I происходит лишь один экземпляр изделия (рис. 2.-1). Оно изготовлено из обломка плоского ребра, на котором вырезаны три зубца. Визуально признаки износа на предмете не фиксируются. Тем не менее трасологическое изучение позволило выявить слабые следы заполированности как на самих зубцах, так и на прилегающей к ним поверхности (рис. 2.-2). Такой износ характерен для керамических штампов, но слабая его выраженность свидетельствует, очевидно, о разовом использовании орудия. Интересны в этом плане выводы о единичном использовании двух абсолютно аналогичных изделий бронзового века Подонья, сделанные А.Н. Усачуком [Куличков, Смольянинов, 2015, с. 244, рис. 1.-6, 7]. Вероятно, такая модель употребления в хозяйстве была характерна для данного типа гребенчатых штампов.

Наконечники стрел. На поселении было обнаружено пять экземпляров черешковых наконечников стрел. По морфологии выделяются более простые листовидные наконечники, выполненные из стенок трубчатых костей (рис. 2.-7), а также четырехгранные в сечении пера с выделенным плечом-упором при переходе к насаду (рис. 2.-3). Последние являются культурным маркером елунинских древностей [Кирюшин, 2002, с. 60]. На

пере одного из наконечников были зафиксированы технологические следы от строгания (рис. 2.-4). Исходя из крайне малых площадей снятия, фиксируемых на поверхности насада, можно предполагать, что сырье было сухим и слабо поддавалось обработке.

Рукоять. Фрагмент рукояти, расколотой вдоль, изготовлен из ствола роговой ветви, и составляет в диаметре около 4,5 см (рис. 1.-1). Края изделия оформлены косыми срезами, которые, впрочем, могут являться последствием раскроя сырья. Кроме того, на рукояти имеются вырезанные желобки, которые могли использоваться для фиксации составного орудия веревкой. Схожий предмет был обнаружен и на Березовой Луке [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 57, рис. 33.-2].

Подвеска. Среди костяных предметов обращает на себя внимание обнаруженная в единственном экземпляре подвеска (рис. 2.-9). Изделие трапециевидной формы имеет маленькое отверстие (диаметр 1,4 мм) на одном из краев. Сохранность поверхности изделия неудовлетворительная.

Предметы неясного назначения, заготовки. В коллекции костяных предметов поселения выделяются две заготовки для будущих изделий. Одна из них представлена заготовкой наконечника стрелы, другая – гарпуна. Последняя имеет вырез в виде паза, оформленные выступы которого затем должны были стать зубцами или стопорами для закрепления линия (рис. 2.-5). Обе находки имеют прямые аналогии в материалах поселения Березовая Лука [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 55, рис. 33.-4, 6]. Несколько предметов (4 экз.) несут явные следы обработки или использования, но установить даже предположительное функциональное назначение или найти аналогии в известных комплексах не удалось. Интересны, к примеру, два изделия из крупных эпифизов, с аккуратно удаленной губчатой массой и оформленным вырезом (рис. 1.-3).

Таким образом, на основании изучения коллекции костяных предметов можно сделать следующие выводы. Основным видом сырья, использовавшимся в косторезном деле, выступали кости животных. Лишь в одном случае (рукоять) мы имеем дело с рогом. Хотя для ряда предметов не удалось установить видовую принадлежность костей, тем не менее тупики, астрагалы и часть проколов, несомненно, изготовлены из костей домашних животных. Стоит отметить и то, что остеологическая коллекция памятника демонстрирует более чем 80-процентную принадлежность определимых костей домашним видам животных [Грушин, 2015, с. 48].

В технологическом отношении зафиксированы в основном следы строгания, выполнявшегося металлическим ножом. Однако в массовом остеологическом материале фиксируются отходы косторезного производства со следами пиления и рубки. Достоверных следов использования каменных орудий в косторезном деле, в отличие от материалов Березовой Луки, зафиксировано не было.

Выявленные на поселении Колыванское-I костяные артефакты в основном составляют группу орудий кожевенного производства, что является характерным для памятников бронзового века. К таковым уверенно следует отнести тупики, двуручные струги, проколки. В общей сложности отмеченные категории включают 28 орудий, или 57% от общего числа артефактов. Мы вполне разделяем точку зрения об отсутствии строгого разделения в эпоху бронзы косторезного и кожевенного производств [Панковский, 2000, с. 97]. В меньшей степени костяные предметы представлены в гончарном деле (штамп), охотничьем и рыболовном снаряжении (наконечники стрел, заготовка гарпуна), украшениях (подвеска). Однозначно относить к определенной сфере материальной или духовной культуры такие категории, как модифицированные астрагалы

и «пешни», а также несколько не имеющих аналогий предметов не представляется возможным. Дальнейшее решение вопросов их функционального назначения следует связывать с расширением экспериментальных работ или возможным обнаружением аналогичных предметов в некоем археологическом контексте.

Библиографический список

- Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России. Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 1999.
- Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. Памятники археологии Змеиногорского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996.
- Вальков И.А. Костяная индустрия поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука // Новые материалы и методы археологического исследования. М., 2015.
- Грушин С.П. Итоги и перспективы исследования поселения Колыванское-I в Рудном Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12).
- Грушин С.П. К вопросу о культурной принадлежности некоторых памятников эпохи ранней бронзы предгорно-равнинного Алтая // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001.
- Грушин С.П. Особенности обработки трубчатой кости населением елунинской культуры // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень, 2011.
- Грушин С.П. Хозяйственно-культурная вариативность лесостепного Алтая в раннем бронзовом веке // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3.
- Грушин С.П., Алехин Ю.П., Шайхутдинов В.М. Продолжение работ на поселении Колыванское-I // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 7. Барнаул, 2011.
- Грушин С.П., Вальков И.А. Особенности изготовления и использования костяных орудий в коженном деле населения елунинской культуры // Изв. Алт. гос. ун-та. 2014. №4/2 (84).
- Грушин С.П., Вальков И.А., Волков П.В. Трасологические исследования // Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. Барнаул, 2016.
- Грушин С.П., Тишкин А.А., Чжан Л. Серия новых радиоуглеродных дат для памятников периода ранней бронзы Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. №56.
- Кирюшин К.Ю., Гайдученко Л.Л. Изделия из кости в материалах первого горизонта поселения эпохи неолита Новоильинка-VI // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3(15).
- Кирюшин Ю.Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2011. Т. II.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // Советская археология. 1979. №2.
- Куличков А.А., Смольянинов Р.В. Искусственные орнаменты на памятниках неолита – бронзы лесостепного Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. №3.
- Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Часть III: Глазковское время. М.; Л., 1955.
- Панковский В.Б. Подходы к изучению специализации и организационных форм косторезного и коженного производств в эпоху поздней бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000.
- Поплевко Г.Н. К методике определения орудий из кости и рога (проколки и ложила) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Пряхин А.Д., Килейников В.В. Хозяйство жителей Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические вести. 2000. №7.

Стефанова Н.К., Стефанов В.И. О поселении Черноозерье-VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Курган, 2007.

Усачук А.Н. Костяные изделия поселения Устье-1 // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013.

Шамшин А.Б. Комплекс эпохи поздней бронзы с поселения Казенная Заимка в Барнауле // Теория и практика археологических исследований. 2005. №1.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2009.

УДК 904«637»(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.23

А.Е. Гришин¹, Ж.В. Марченко¹, С. Райнхольд²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

²*Германский археологический институт, Берлин, ФРГ*

СМОЛОКУРЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1 (лесостепное Обь-Иртыше)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (РФФИ-ННИО №18-509-12067а) и Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG (RE2688/3-1))

На памятнике Тартас-1 (лесостепное Обь-Иртыше) выделено шесть ям со следами дегтекурренного производства. По данным радиоуглеродного датирования костных остатков травоядного животного (*Ovis/Capra*) и рыбы яма 42 отнесена к раннему бронзовому веку (XXX– XXVIII вв. до н.э.). Все ямы расположены у края террасы, имеют округлый контур, размеры 1,34–1,9×1,22–1,75 м, глубину – 0,59–1,1 м. В них фиксируется специфическое заполнение, а также следы термического воздействия на стенках, дне и в заполнении сооружений. Приведены опубликованные аналогии смолокурренных комплексов периода Средневековья и экспериментальные данные этноархеологических реконструкций дегтекурренного процесса. Предложена реконструкция способа ямного дегтекурнения на материале памятника Тартас-1. Предложена интерпретация как дегтекурренного комплекса аналогичного сооружения с поселения елуинской культуры Березовая Лука (Лесостепной Алтай). Выдвинута гипотеза, о развитии дегтекурнения в связи с распространением скотоводства в регионе.

Ключевые слова: Обь-Иртыше, бронзовый век, Тартас-1, ямы, смолокурение, дегтекурнение

Памятник Тартас-1 в настоящее время является самым крупным археологическим комплексом Западной Сибири по площади исследования и по количеству изученных погребальных комплексов, большинство которых относится к бронзовому веку (рис. 1.-1). [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018; и др.]. В ходе многолетнего изучения этого крупного объекта под руководством академика В.И. Молодина стало очевидно, что площадь памятника использовалась в разное время не только в качестве могильного поля, но и как культовая, жилая и производственная площадка. Часть ям, относящихся к этим горизонтам, уже получила освещение в публикациях и демонстрирует значительный информационный потенциал [Молодин и др., 2019; 2020]. Цель статьи – введение в научный оборот данных о новой категории ям, связанных, на наш взгляд, со смолокурненным производством.

Приведем полное описание одного из наиболее показательных производственных комплексов – *ямы 42*. Она располагалась на южной окраине памятника; была частично нарушена позднекротовским погребением 39. На уровне материка яма имела округлый контур и размеры 2,32×1,7 м (рис. 1.-2, 3). Стенки отвесные, местами наклонные. Размеры по дну – 1,9×1,7 м. Глубина – 0,74 м. Дно субгоризонтальное. На дне ямы, по ее

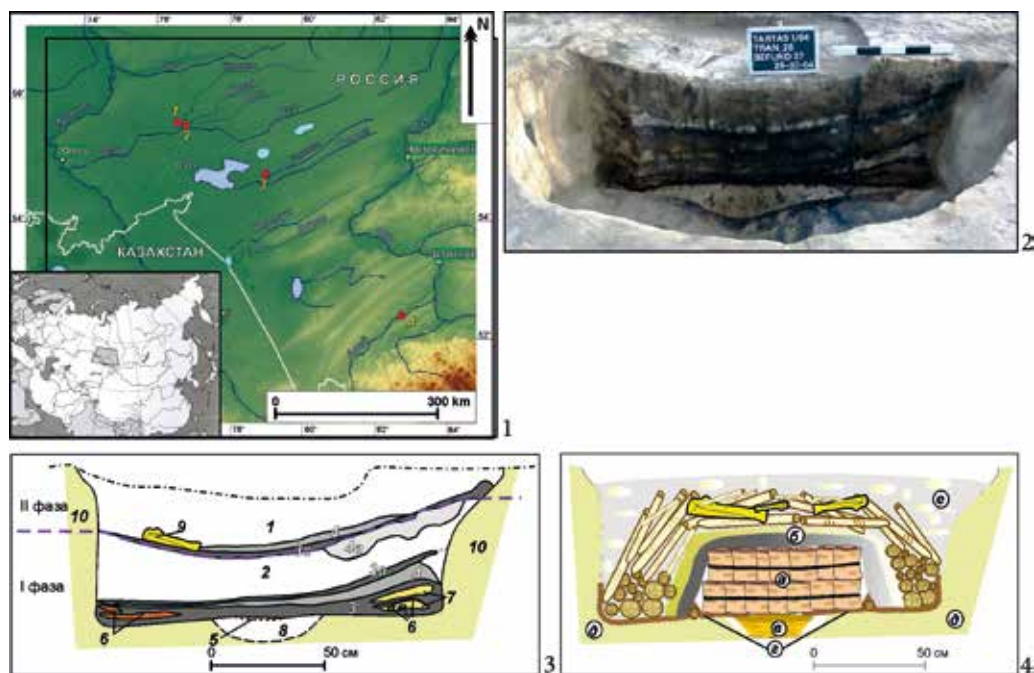

Рис. 1. Местоположение памятников бронзового века и переходного к раннему железу времени, содержащих следы смолокурного производства в рамках Обь-Иртышского междуречья (1), стратиграфия ямы 42 памятника Тартас-1 (2, 3) и реконструкция процесса пиролиза бересты в ней (4): 1 – археологические объекты: 1 – Тартас-1; 2 – Сопка-2; 3 – городище Чича; 4 – поселение Березовая Лука); 2 – Тартас-1, разрез ямы 42 (фото); 3 – Тартас-1, стратиграфия ямы 42 (описание слоев: 1, 2 – сходные пачки слоев – мешаная серая супесь с крупными белесыми, желтоватыми суглинистыми включениями; 3 – насыщенно черная сажистая супесь с мелкими фрагментами прокаленной переотложенной супеси оранжевого цвета (остатки топлива и огнеупорной камеры?); 3а – темно-серая, местами черная супесь; 4 – золистая рыхлая супесь с включениями черной супеси; 4а – мешаная серая золистая супесь (перемещенная зола из центра?); 5 – охристо-розовая супесь (прокаленный участок дна (проекция, в разрез не вошло. – Прим. авт.)); 6 – насыщенно оранжевая супесь (участки прокаленного грунта); 7 – переотложенная желтая супесь, местами прокаленная (возможные остатки огнеупорной камеры для пиролиза); 8 – дополнительное углубление (проекция, в разрез не вошло. – Прим. авт.); 9 – кость животного; 10 – материковый суглинок); 4 – реконструкция технологического процесса (Тартас-1, яма 42): а – береста или древесное сырье; б – огнеупорная камера разложения бересты (блоки из дерна, глиняно-грунтовая смесь, керамический сосуд и др.); в – емкость для сбора дегтя; г – листы бересты для сбора дегтя в дегтеприемник; д – топливо (дрова, кости, камыш, навоз и др.); е – грунтовая засыпка после прогорания топлива для создания условий для длительной возгонки)

центру сооружена дополнительная выемка (диаметр – 50 см, глубина – 16 см) с покатыми стенками и скругленным дном.

Разрез указывает на сложный характер заполнения. Основными слоями были две мощные пачки мешаного грунта в виде серой супеси с крупными белесыми, а также

желтоватыми суглинистыми включениями в виде линз и комков. Мощность слоев – от 13 до 30 см. В подошве каждого слоя залегают тонкие прослойки черной, местами темно-серой супеси мощностью от 3 до 5 см. На дне по всей площади и в дополнительном центральном углублении залегал насыщенно черный, сажистый рыхлый слой супеси мощностью до 14 см. В нижнем слое, особенно у стен, фиксировались мощные включения прокаленного супесчаного грунта ярко-оранжевого и розоватого цвета (мощность от 2 до 5 см), местами залегающие одна над другой. В западной части ямы прокаленный участок зафиксирован на линзе переотложенного материкового суглинка, в центральной части фиксировались незначительные по мощности и площади участки прокала. На стенках основной ямы прокаленные участки не прослеживались. На наш взгляд, яма 42 использовалась для пиролиза дважды (рис. 1.-3).

В верхней пачке заполнения центра ямы на границе с нижележащим слоем темно-серой, местами черной супеси были обнаружены кости: *Ovis/Capra* (n=10, кости конечности, позвонки и ребра), корова (кости конечности, n=7), лошадь (зуб), птица и рыба. Кости имели темную патину, но не были обуглены.

В рамках биоархеологического изучения материалов памятника Тартас-1 [Марченко и др., 2018] в Центре археометрии им. Курта Энгельхорна (Манхайм, ФРГ) были датированы костные остатки травоядного животного (*Ovis/Capra*) и рыбы из ямы 42. Данный комплекс первоначально ассоциировался с ритуальными ямами позднекротовской погребальной традиции (начало II тыс. до н.э.) [Молодин и др., 2004; Молодин, Марченко, Гришин, 2011]. В результате определено, что возраст обоих образцов относится к началу III тыс. до н.э.: XXIX–XXVIII кал. вв. до н.э. (MAMS-41895, 4205±21 л.н.) и XXX–XXIX кал. вв. до н.э. (MAMS-41894, 4250±21 л.н.) (табл. 1).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты из ямы 42 памятника Тартас-1

Лаб. код	Вид	Кость скелета	¹⁴ C возраст, л.н.	¹⁴ C дата, ±2 σ	δ13C, AMS, ‰	C:N _{at}	Коллаген, %
MAMS-41894	Рыба (<i>Carassius Carassius</i>)	Жаберная крышка (> 5–6 лет)	4250±21	2909–2873	–23.8	3.2	8.2
MAMS-41895	Мелкий рогатый скот (<i>Ovis/Capra</i>)	Поясничный позвонок	4205±21	2891–2700	–22.4	3.2	8.0

Анализ материалов памятника Тартас-1 позволил выявить еще пять ямных конструкций (№166, 221, 305, 394 и 1192) сходных по морфологии и стратиграфии с ямой 42 (табл. 2, рис. 2.-1). Ямы приурочены либо к самой кромке террасы – сооружены на расстоянии 5–6 м от нее (4 шт.), либо располагаются на незначительном удалении от ее края (15–17 м) – 2 шт. Все ямы имели округлый или близкий к тому контур. Размеры по нижнему контуру варьируют в диапазоне 1,34–1,9×1,22–1,75 м, глубина – 0,59–1,1 м относительно уровня материкового суглинка. Стенки ям вертикальные или слабо наклонены. Дно, как правило, равномерно углубляется к центру, к дополнительному углублению или ровное. В двух случаях на дне отмечено одно дополнительное углубление, в двух других случаях – два. Заполнение ям сложное, с мощными линзами либо однородной желтой супеси, либо мешаной желто-серой супеси (остатки теплоизолирующей засыпки после завершения процесса горения). Зафиксированы два случая использования ямы для повторного технологического цикла.

Таблица 2

Параметрические и конструкционные характеристики
ям-смолокур на памятнике Тартас-1

Номер ямы	Размеры, м			Контур	Области прокала	Дополнительная яма
	длина нижнего контура	ширина нижнего контура	глубина (от уровня материка)			
42	1,9	1,7	0,74	Округлый	Придонное заполнение, дно	Одна в центре
305	1,6	1,4	0,85	Округлый	Придонное заполнение, на стенках	Две, в центре и у стены
166	1,34	1,22	0,64	Округлый	Придонное заполнение	Одна у стены
1192	1,67	1,65	0,59	Округлый	На стенах и дне	Две в центре
394	1,55	1,64	0,69	Округлый	–	–
221	1,55	1,6	0,97–1,01	Округлый	На стенах и дне	–

Все ямы объединены характерными следами термического воздействия в нижней части заполнения, вдоль стен и реже – на дне и стенках. В двух случаях достаточно отчетливо фиксируются остатки материкового суглинка со следами прокала, переотложенные в заполнение (остатки огнеупорной конструкции). Отметим, что выраженных углистых остатков в ямах не зафиксировано, но сажистый слой мощностью около 5–7 см присутствует.

Непосредственно на дне этих ям находок не обнаружено. Единичные предметы из заполнения могли быть связаны с культурным слоем, нарушенным ямой, и прямо не указывают на функциональное назначение и возраст объектов. Отметим, что эти единичные находки (фрагменты керамики, орнаментированные гладким или гребенчатым штампом, или скребки, отщепы, обломки камня) не противоречат времени функционирования ямы 42, определенного радиоуглеродным методом. Этот хронологический диапазон подтверждается и стратиграфическими наблюдениями: часть ям нарушена кротовскими и позднекротовским погребениями и ритуальными ямами, относящимися к позднекротовским могилам. Кротовский горизонт на некрополе датируется на настоящий момент XXVII–XXIV вв. до н.э. [Марченко, Молодин, 2017], а позднекротовский – XIX/XVIII–XVII вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014]. Таким образом, радиоуглеродные данные, стратиграфические наблюдения и находки не входят в противоречие друг с другом. Конечно, нельзя утверждать, что все интересующие нас комплексы на памятнике Тартас-1 одновременны. Возможно, отличие в деталях указывает на их хронологическую дифференциацию в рамках III тыс. до н.э.

На наш взгляд, совокупность этих археологических следов может соответствовать дегтекурному производству (вариант смолокурения), в основе которого лежит процесс сухого пиролиза березовой коры для получения дегтя. Процесс «сводится к нагреванию бересты до высокой температуры в закрытых аппаратах без доступа воздуха. Под действием температуры 200–300 °С береста разлагается, выделяя деготь, воду и газы; остается ... углистое вещество – отгар» [Таланин, 1981, с. 13–14; см. также: Groom, Schenck, Pedersen, 2013]. Основной частью дегтекурной конструкции является *огнеупорная камера разложения бересты*. Второй важной частью конструкции является *емкость для сбора дегтя* [Таланин, 1981, с. 23–24, рис. 4–6]. При производстве бересту важно укладывать пластинами или рулонами вертикально по направлению к стоку дегтя (деготь должен стекать по пластам) [Таланин, 1981, с. 27].

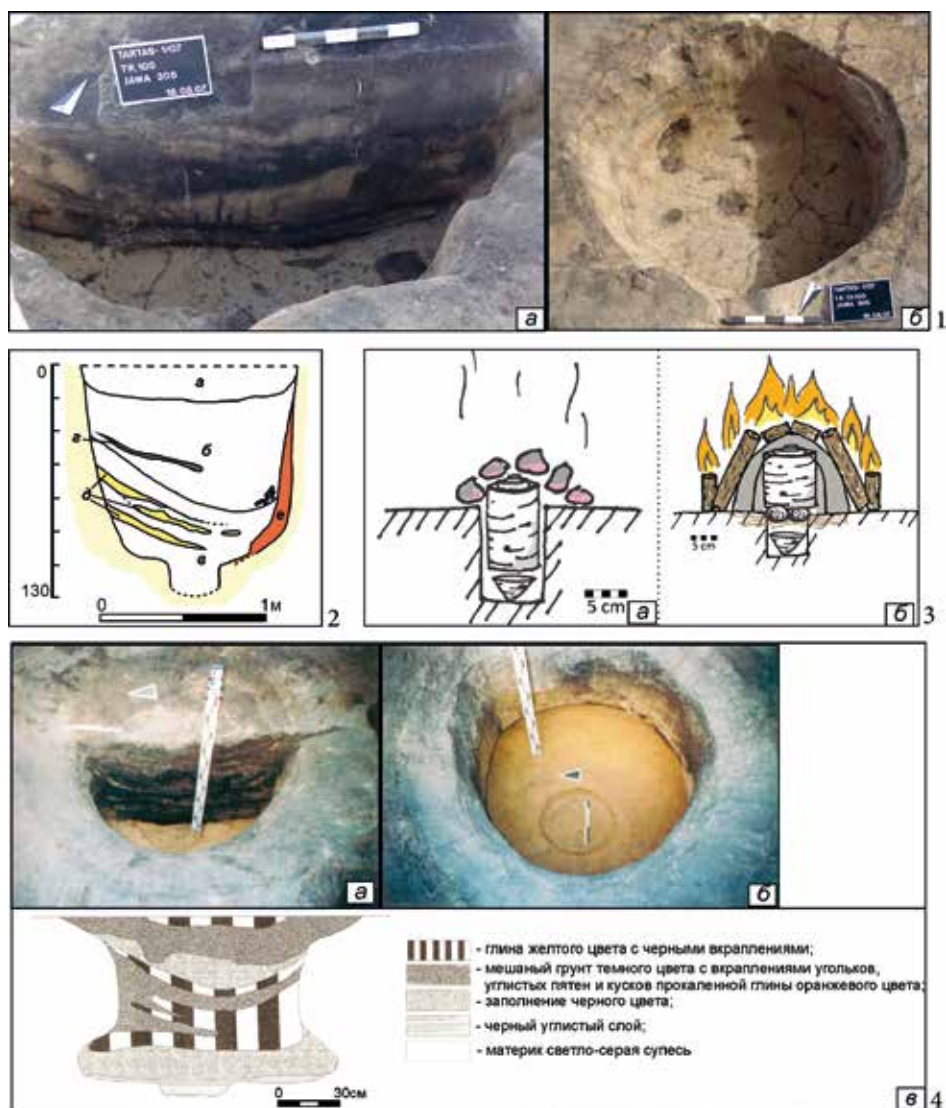

Рис. 2. Археологические примеры смолокурных ям (1, 2, 4) и эксперименты по пиролизу бересты (3): 1 – Тартас-1, яма 305 (а – разрез (фото), б – план после выборки заполнения); 2 – Гнездовский археологический комплекс, X–XI вв., по: [Фетисов, Мурашева, 2008, с. 217, рис. 2 (описание стратиграфии: а – серый суглинок со следами затеков (естественное заполнение ямы); б – слабогумусированная желтая суглинистая засыпка (забутовка отработанной смолокурни); в – мощный угольный слой с материковыми прослойками (остатки от процесса возгонки смолы); г – тонкие углистые прослойки; д – прослойки стерильного суглинка; е – прокол материковой стенки)]; 3 – схема эксперимента при ямном (а) и наземном (б) пиролизе бересты, по: [Kozowuk et al., 2017, p. 4 и suppl. p. 16]; 4 – поселение Березовая Лука, яма-зольник 9, по: [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, цв. вкл., фото 25, 26 и с. 26, рис. 13.-1] (а – разрез (фото), б – план после выборки заполнения, в – разрез (чертеж)

Освоение данной технологии хронологически увязывается в Европе с периодами мезолита и палеолита [Aveling, Heron 1999; Bagolini et al., 1994; Grünberg, 2002; Mazza et al., 2006; Kozowyk et al., 2017; et al.]. Поэтому проявление следов дегтекурения в зоне лесостепи Сибири эпохи бронзы вполне ожидаемо. Для ландшафта Барабинской лесостепи начала III тыс. до н.э. (финал палинозны II) было характерно появление березы и уменьшение количества сосны [Жилич, Рудая, Кривоногов, 2014], что давало ресурсную базу для производства дегтя. Деготь же имеет широкое применение в хозяйстве, ветеринарии и гигиене.

Ямный способ смолокурения считается одним из наиболее древних. Приведем цитату, описывающую углубленные смолокурные сооружения у русского средневекового населения [Очерки..., 1969, с. 219]: «самый древний и простой способ изготовления смолы – ямный. На сухом месте выкапывали яму глубиной 2–3 аршина (1,4–2,1 м. – Прим. авт.) и шириной 5–6 аршин (3,5–4,3 м. – Прим. авт.) и обкладывали ее досками или обмазывали глиной. На дне ямы выкапывали еще подъямник, в который вставляли деревянный ларь с крышкой с отверстием, куда собиралась смола. В яму загружали древесину сосны и ели (смолье), затем клали хворост и поджигали. Когда древесина достаточно разгоралась, яму покрывали дерном и засыпали землей для прекращения доступа воздуха, оставив лишь несколько маленьких отверстий на поверхности. Курение смолы продолжалось 5–7 дней. По окончании процесса в ларе скапливалась смола. Производительность ямного способа была довольно различной, но в среднем из 1 куб. м смолья получалось 2 пуда смолы». К сожалению, данное описание не характеризует морфологию сооружения и уж тем более не содержит описание комплексов после использования.

Близкие методы получения смолы из хвойных пород древесины зафиксированы в средневековых археологических комплексах Скандинавии [Hennius, 2018] и на памятниках Древнерусского государства (рис. 2.-2) (Гнездовский археологический комплекс) [Фетисов, Мурашева, 2008]. Эти средневековые аналогии имеют несколько иную морфологию углублений – конусовидный профиль рабочей камеры, что на наш взгляд, отражает нюансы технологии и характер материала для возгонки. Так, конусовидный характер ямы более подходит для «веерообразной» укладки поленьев для получения смолы из хвойных деревьев. В то же время при пиролизе дегтя в первую очередь важно иметь достаточно широкое ровное горизонтальное основание для устойчивой укладки рулонов бересты (пластами вертикально). Важно отметить, что принцип смолокурения предполагает прямое воздействие огня на сырье, в то время как при дегтекурении термическое воздействие опосредовано огнеупорной камерой. Поэтому реалиям ямы 42 памятника Тартас-1 эти средневековые аналогии соответствуют не полностью. Вместе с тем специфический характер заполнения (темно-серая супесь, фрагменты угля и стерильные прослойки) и наличие дополнительного углубления на дне яме (дегтеприемник) указывает на схожую технологию их использования. Важно также, что эти источники дают представление именно об археологическом отражении процесса.

Больше соответствий мы можем найти в опубликованных результатах серии этноархеологических экспериментов, связанных с моделированием технологий каменного века по получению дегтя [Schenck, Groom, 2016; Kozowyk et al., 2017]. Один из наиболее близких вариантов – *pit roll* («рулон в яме») подразумевал помещение внутрь небольшой ямы емкости из бересты для сбора дегтя (рис. 2.-3а). Самым результативным был признан метод *raised structure* («поднятой конструкции»), когда в небольшой яме устанавливалась только сборная емкость (рис. 2.-3б). Указанные эксперименты прово-

дились на небольших объемах топлива, сырья и в маленьких углублениях и не имели задачи проследить постэкспериментальные следы производства, тем не менее параллели в технологии и конструкции очевидны.

Производство дегтя в яме было призвано обеспечить герметичность камеры для достижения необходимой температуры снизу и со стороны стен. Вероятно, это позволяло обрабатывать большой объем сырья. Например, для меньших объемов сырья, судя по археологическим свидетельствам, в качестве камеры для разложения бересты использовались керамические сосуды (напр. [Perthuison et al., 2020]), сооружались простейшие печи из смеси глины (напр. [Osipowicz, 2005]), а в более позднее время для большого объема сырья – специальные печные конструкции, металлические котлы и другие огнеупорные емкости [Таланин, 1981]. Еще один простейший прием создания огнеупорной камеры сводится к следующему: «уложенная возможно плотнее береста придавливается сверху камнями и засыпается песком. Песок сперва проваливается между камнями, а затем задерживается верхним слоем бересты» [Абаза-Григорьев, 1926, с. 44].

В результате, можно предварительно реконструировать технологический процесс дегтекурения в начале III тыс. до н.э. в Барабинской лесостепи (рис. 1.-4). После сооружения ямы в дополнительное углубление на дне устанавливалась емкость для сбора дегтя (деревянная, берестяная или керамическая). Сырье устанавливалось так, чтобы обеспечить сток дегтя в эту емкость. Поскольку дополнительной глиняной обмазки на дне нами не выявлено, вероятнее всего, само дно ямы было выложено листьями бересты с небольшим уклоном к центру, куда первоначально стекал деготь, а по ним попадал в емкость. Далее сооружалась огнеупорная камера. Это наиболее сложная часть для реконструкции; варианты ее могут быть многообразны (блоки из дерна, грунт, крупный глиняный сосуд или обмазка).

После возведения огнеупорного слоя в яму помещалось топливо и поджигалось. Его остатков в виде крупных фрагментов угля нами не обнаружено, что бывает довольно часто в теплотехнических сооружениях региона [Нестерова, 2019]. Возможные варианты топлива – дрова, камыш, собственно кора, а также кость и навоз. Цикл мог длиться до нескольких дней. После завершения процесса центральная часть камеры разбиралась, емкость с дегтем изымалась. Яма могла использоваться несколько раз.

Собственно продукты смолокурения известны в материалах других памятников эпохи бронзы Барабинской лесостепи: позднекротовский могильник Сопка-2/5 [Молодин, Гришин, 2019, с. 42, 44, рис. 62]; позднебронзовые слои городища Чича-1 [Чича..., 2004, с. 35, рис. 42.-5, с. 64]. На соседних территориях наиболее близка по морфологии и заполнению «яма – зольник» №9» в материалах елунинского поселения Березовая Лука (рис. 2.-4) [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 24–27, фото 24–26], многолетними исследованиями которого руководил профессор Юрий Федорович Кирюшин. Мы предлагаем рассматривать данное сооружение как дегтекуренную яму. Животноводческий характер хозяйства елунинской культуры подразумевает достаточно серьезный спрос на деготь (кожевенное и скорняжное дело, ветеринарная практика и т.п.). Отметим, что коллекция скорняжных костяных орудий с поселения (проколки, струги, тупики, скребки) [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2011, с. 55, 56], может указывать на весьма жесткую связь производства кож и скорняжного промысла с производством дегтя.

Таким образом, приведенные здесь радиоуглеродные данные и фаунистический анализ материала указывают, что наиболее раннее производство дегтя в ямах на территории Барабинской лесостепи на данный момент может быть связано с группами продвинув-

шихся в начале III тыс. до н.э. в лесостепь скотоводов. Другие более поздние примеры дегтекурных ям (Березовая Лука) или следы использования дегтя (Чича) также связаны с социумами, которые владели навыками животноводства, кожевенного и скорняжного ремесла. Конечно, вполне вероятно, что производство смолы/дегтя было известно и востребовано аборигенным населением в эпоху бронзы и в более раннее время. Однако это производство, видимо, могло происходить по иным технологиям, нежели те, что реконструируются нами, и не оставило заметных археологических следов. Следует ожидать открытия смолокурных комплексов в новых сибирских археологических памятниках или их идентификации в уже известных, опубликованных и не опубликованных комплексах.

Благодарности:

Авторы выражают искреннюю признательность канд. биол. наук С.К. Васильеву за фаунистические определения костей животных, а также канд. ист. наук М.С. Нестеровой за участие в обсуждении вариантов реконструкции теплотехнического устройства.

Библиографический список

- Абаза-Григорьев А. Сухая перегонка дерева. М.; Л., 1926.
- Жилич С.В., Рудая Н.А., Кривоногов С.К. Природные условия обитания древнего человека в Барабинской лесостепи в эпоху бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX.
- Кирюшин Ю.Ф., Гришин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2011. Т. 2.
- Марченко Ж.В., Молодин В.И. Погребальные комплексы эпохи бронзы могильника Тартас-1, их стратиграфическая позиция и радиоуглеродное датирование // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. Новосибирск, 2017.
- Марченко Ж.В., Райнхольд С., Молодин В.И., Гришин А.Е., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Батанина О.В. Биоархеологические подходы к решению проблемы адаптации андроновского и андроновидного населения к условиям лесостепи и подтаежной зоны Обь-Иртышья (по материалам погребальных памятников) // Современные решения актуальных проблем Евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.290-292.
- Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. Новосибирск, 2019. DOI: 10.17746/7803-0299-5.2019.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер.: История и филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография.
- Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда в Старой Руссе. СПб., 2011.
- Молодин В.И., Ненахов Д.А., Мильникова Л.Н., Райнхольд С., Пархомчук Е.В., Калинин П.Н., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. №1 (47). DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.1.015-022.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пиесонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. 1.
- Молодин В.И., Селин Д.В., Мильникова Л.Н., Дураков И.А., Ефремова Н.С. Теплотехнические сооружения конца эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (восточный вариант пахомовской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. №1 (48). DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.061-071.

- Нестерова М.С. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). Новосибирск, 2019. DOI: 10.17746/7803-0300-8.2019.
- Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1: Материальная культура. М., 1969.
- Таланин Ф.А. Производство березового дегтя. М., 1981.
- Фетисов А.А., Мурашева В.В. Смолокурное производство в Гнёздове // Стародавній іскоростень і слов'янські гради (Збірка наукових праць). Коростень, 2008. Т. 2.
- Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2004. Т. 2. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 4).
- Aveling E.M., Heron C. Chewing tar in the early Holocene // *Antiquity*. 1999. Vol. 73 (281).
- Bagolini B., Biagi P., Broglio A., Kozłowski J.K., Kozłowski S.K., Lanzinger M. Human Adaptations to the Mountain. Environmenting the Upper Palaeolithic and Mesolithic. Trento, 1994.
- Groom P., Schenck T., Pedersen G.M. Experimental explorations into the aceramic dry distillation of *Betula pubescens* (downy birch) bark tar // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2016. DOI 10.1007/s12520-013-0144-5.
- Grünberg J.M. Middle Palaeolithic birch-bark pitch // *Antiquity*. 2002. Vol. 66.
- Hennius Andreas. Viking Age tar production and outland exploitation // *Antiquity*. 2018. Vol. 92. DOI:10.15184/aqy.2018.22.
- Kozowyk P.R.B., Soressi M., Pomstra D., Langejans G.H.J. Experimental methods for the Palaeolithic dry distillation of birch bark: implications for the origin and development of Neandertal adhesive technology // *Scientific Reports*. 2017. Vol. 7. Article number: 8033. DOI:10.1038/s41598-017-08106-7.
- Mazza P.P.A., Martini F., Sala B., Magi M., Colombini M.P., Giachi G., Landucci F., Lemorini C., Modugno F. A new Palaeolithic discovery: tar-hafted stone tools in a European Mid-Pleistocene bone-bearing bed // *Journal of Archaeological Science*. 2006. Vol. 33. DOI:10.1016/j.jas.2006.01.006.
- Osipowicz G. A method of wood tar production, without the use of ceramics // *EuroREA*. 2005. Vol. 2.
- Perthuisson J., Schaeffer P., Debels P., Galant P., Adam P. Betulin-related esters from birch bark tar: Identification, origin and archaeological significance // *Organic Geochemistry*. 2020. Vol. 139. DOI: org/10.1016/j.orggeochem.2019.103944.
- Schenck T., Groom P. The aceramic production of *Betula pubescens* (downy birch) bark tar using simple raised structures. A viable Neanderthal technique? // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 25.04.2016. DOI 10.1007/s12520-016-0327-y.

УДК 903.5«637»(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.24

С.П. Гришин¹, А.В. Фрибус^{2,3}

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;*

³*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

ИРМЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ

Статья посвящена публикации материалов двух ирменских погребений, исследованных на современном могильнике Чумыш-Перекал, расположенном в Залесовском районе, на северо-востоке Алтайского края, на правом берегу р. Чумыш, в западных предгорьях Салаирского кряжа. Анализируются основные черты погребального обряда и сопроводительный инвентарь. Многочисленные аналогии из памятников Верхнего Приобья позволили отнести комплекс к ирменской культуре периода поздней бронзы и датировать его XIV–X вв. до н.э.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, ирменская культура, могильник, Западное Присалаирье

Введение

Юрий Федорович Кирышин, основатель археологической научной школы в Алтайском государственном университете, на протяжении всей своей научной деятельности особое внимание уделял памятникам бронзового века. Проводимые им археологические

исследования на протяжении нескольких десятилетий в различных районах Западной Сибири и Алтая дали богатый материал. Ю.Ф. Кирюшиным исследовались поселения бронзового века на оз. Тух-Эмтор в Васюганье, на оз. Иткуль в Лесостепном Алтае, погребальные комплексы в Верхнем Приобье и Горном Алтае. Материалы периода поздней бронзы, полученные Ю.Ф. Кирюшиным, легли в основу кандидатских и докторских диссертационных исследований его многочисленных учеников. Среди них А.Б. Шамшин, В.С. Удодов, Г.Е. Иванов, С.А. Ковалевский, С.М. Ситников, А.С. Федорук и др.

В юбилейный год авторам хотелось бы пожелать Юрию Федоровичу крепкого здоровья, оптимизма, новых открытий, реализации всех задуманных научных планов и проектов. Данная статья посвящена публикации ирменских материалов с могильника Чумыш-Перекаат. Необходимость такой работы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, исследования ирменских памятников Ю.Ф. Кирюшина и его учеников были приурочены в основном к р. Обь, зона Причумышья, западного Присалаирья осталась до настоящего времени слабо изученной. Во-вторых, в последнее десятилетие целенаправленных раскопок ирменских некрополей в Верхнем Приобье практически не проводилось. В связи с этим накопление нового материала происходило в основном в результате исследований разновременных погребальных комплексов. Таким объектом является могильник Чумыш-Перекаат, на котором было раскопано два погребения ирменской культуры. В-третьих, полевые исследования данного некрополя с большой долей вероятности были полностью закончены в 2019 г. и появления новых материалов бронзового века в ближайшее время не предвидится, что определяет необходимость введения в научный оборот всех материалов могильника, полученных на данный момент.

Памятник располагается в Залесовском районе, на северо-востоке Алтайского края, на правом берегу р. Чумыш, в западных предгорьях Салаирского кряжа (рис. 1). Там пролегает граница двух ландшафтных зон – лесостепи и горной тайги.

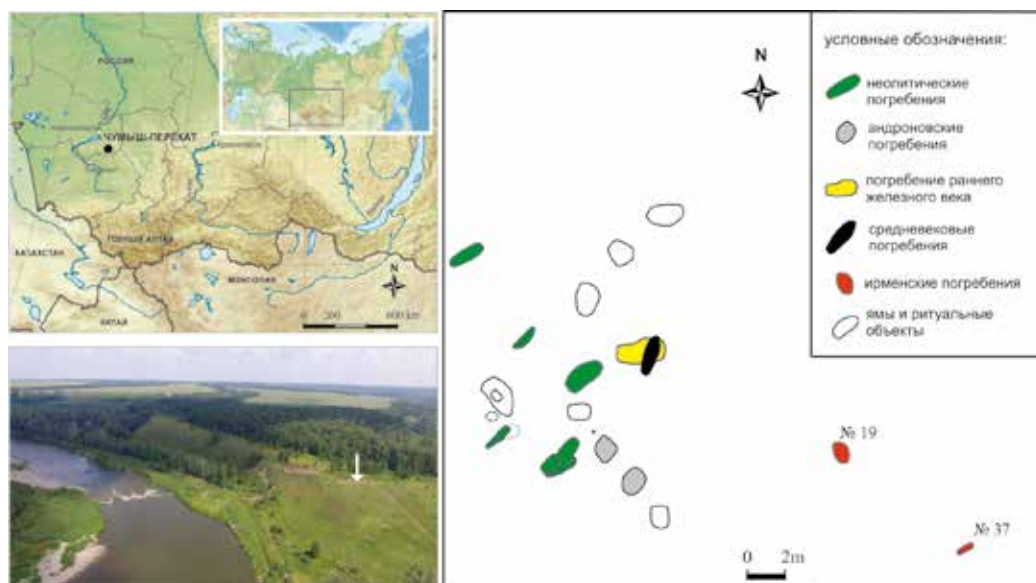

Рис. 1. Местоположение могильника Чумыш-Перекаат и схема расположения погребений на южном участке

Могильник был открыт в 2013 г. и планомерно исследовался совместной Салаирской экспедицией Алтайского и Кемеровского государственных университетов в 2014–2019 гг. Район работ является слабоизученным в археологическом отношении, в нем зафиксировано около десятка археологических памятников. В связи с этим важно отметить, что некрополь Чумыш-Пережат является единственным памятником в западных предгорьях Салаирского кряжа, который демонстрирует культурно-хронологическую колонку – от неолита до раннего Средневековья [Фрибус и др., 2018]. В этом отношении его можно рассматривать как базовый для построения локальной культурно-хронологической шкалы памятников древности и Средневековья региона.

На некрополе исследованы древнейшие погребения, относящиеся к неолиту (12 могил). Материалы бронзового века представлены погребениями ирменской культуры (погребения №19 и 37) и двумя детскими андроновскими захоронениями. На памятнике раскопаны также три захоронения эпохи раннего железа [Фрибус, Грушин, Фролов, 2018] и 17 средневековых погребений.

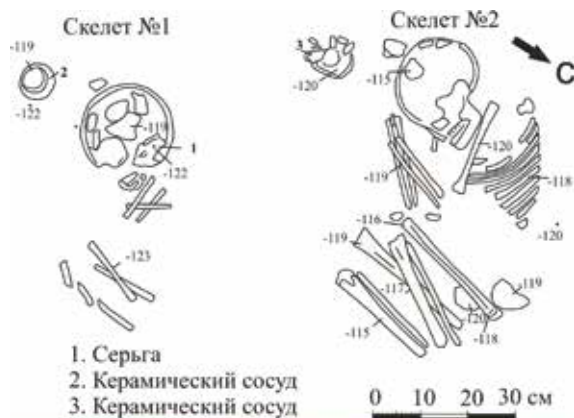

Рис. 2. Могильник Чумыш-Пережат.
План и фото могилы №19

Описание погребений

Исследованные объекты бронзового века располагались в южной части некрополя у кромки террасы (рис. 1). Ирменские погребения занимали несколько обособленное положение к юго-востоку от основного массива разновременных захоронений. Погребения были совершены на древней погребенной почве, без устройства могильных ям, несмотря на то, что курганные насыпи при раскопках не фиксировались, отмеченные выше обстоятельства позволяют предположить их устройство в древности. Погребения расположены по линии СЗ–ЮВ, расстояние между ними 7 м. Можно предположить, что насыпи курганов были небольшими, 3–4 м в диаметре, в результате распашки этого участка в советское время они были полностью нивелированы.

Погребение №19 (рис. 2). Парное погребение располагалось в южной части могильника. Захоронение совершено на уровне древнего погребенного горизонта, поэтому частично пострадало от распашки в XX в. Скелет №1 был потревожен.

Судя по сохранившимся *in situ* костям, погребенный был уложен скорченно на правом боку, головой на юго-запад. Фрагменты тазовых костей найдены в 1,2 м к югу. Справа от черепа найден круглодонный неорнаментированный керамический сосуд (рис. 3.-2) и бронзовая гвоздевидная серьга (рис. 3.-3). Положение второго погребенного скорченно на правом боку, головой на юго-запад, руки согнуты в локтях, кисти помещены перед лицом. Справа от черепа найден целый керамический сосуд, орнаментированный каннелюрами и заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз, с ямками по углам (рис. 3.-1).

Погребение №37 (рис. 4). Погребение располагалось в южной части могильника, в 7 м к юго-востоку от погребения №19. Захоронение совершено на уровне древнего погребенного горизонта. Скелет был потревожен и принадлежал ребенку. Судя по

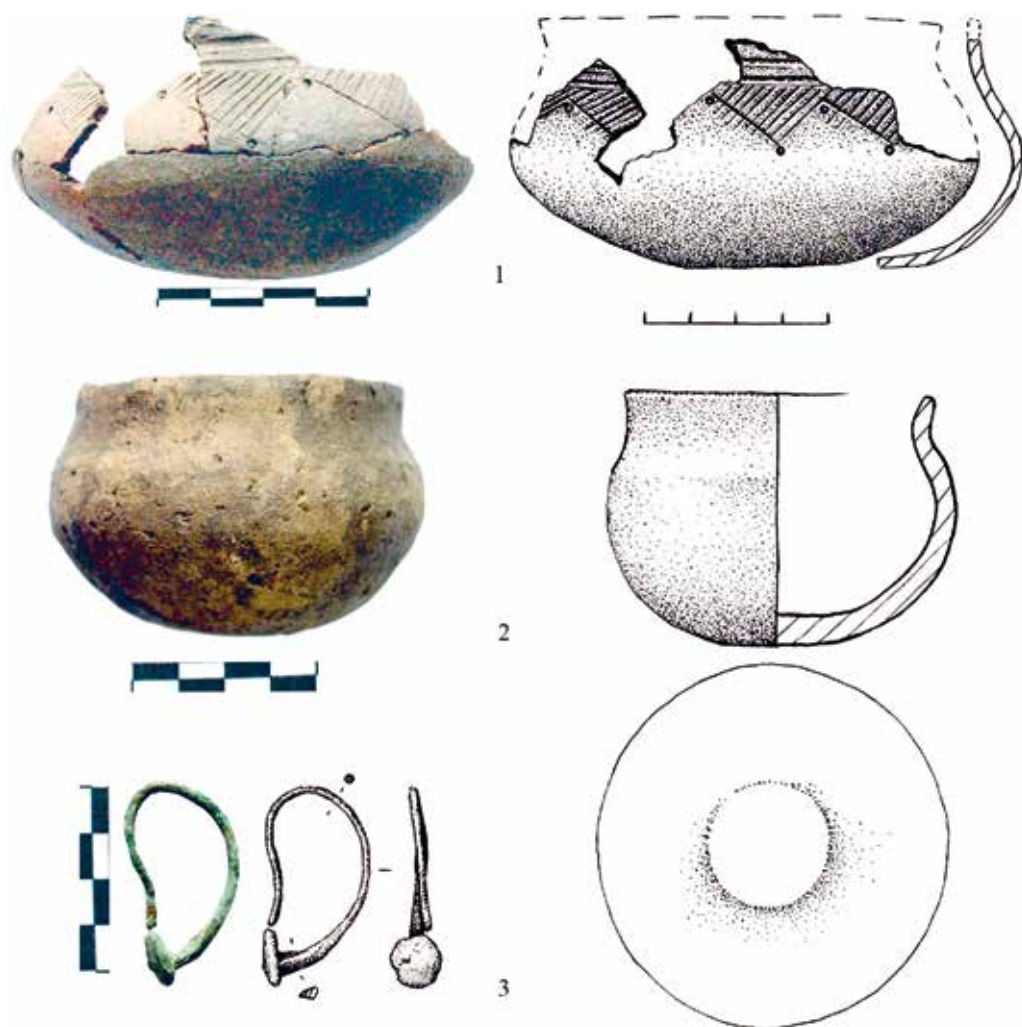

Рис. 3. Могильник Чумыш-Перекаат. Вещи из могилы №19: 1 – керамический сосуд, найденный у черепа скелета №2; 2 – керамический сосуд, найденный у черепа скелета №1; 3 – бронзовая серьга, обнаруженная на черепе скелета №1

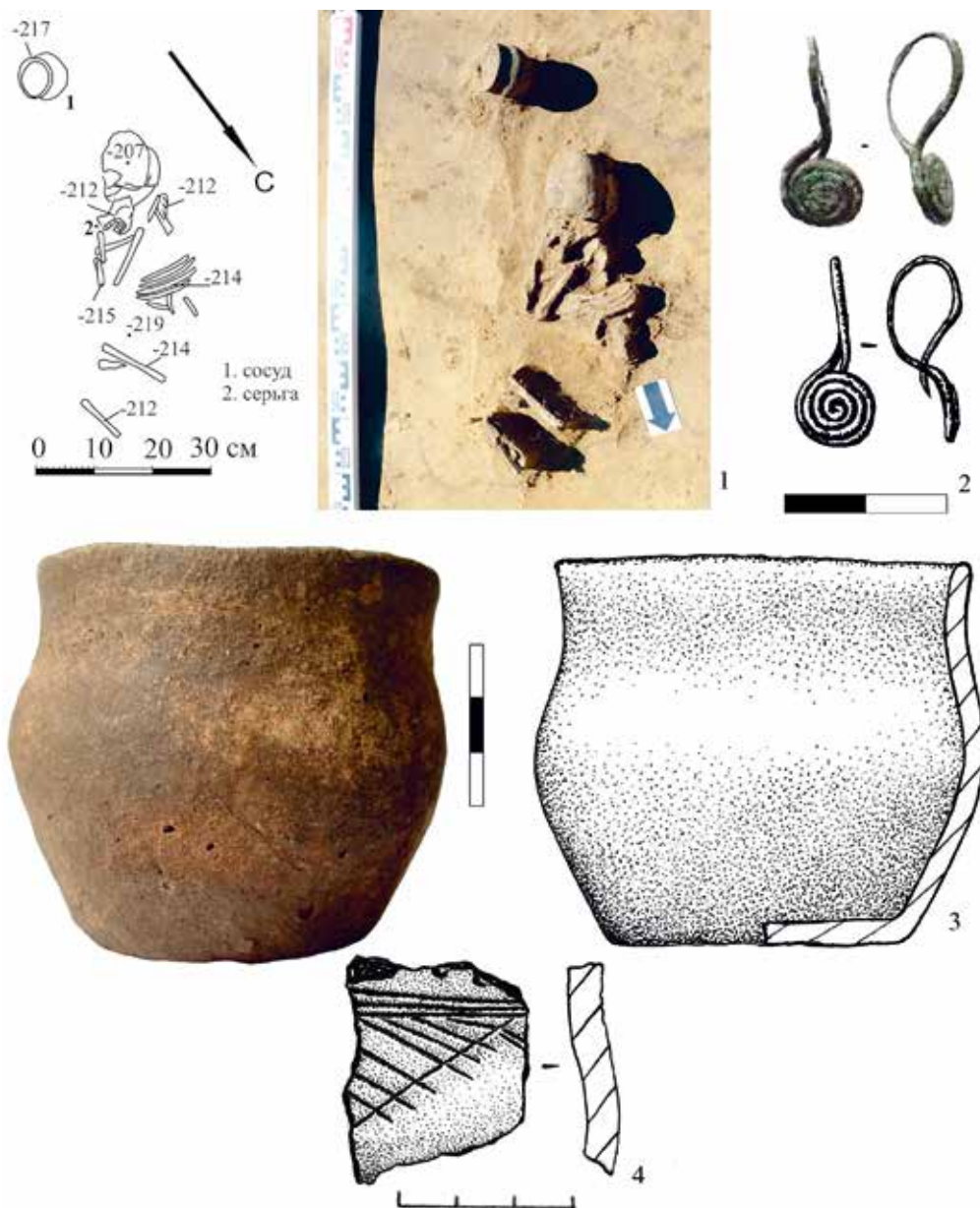

Рис. 4. Могильник Чумыш-Пережат. Могила №37:
 1 – план и фото погребения; 2 – бронзовая серьга; 3 – керамический сосуд;
 4 – фрагмент керамики из межмогильного пространства

сохранившимся *in situ* костям, погребенный был уложен скорченно на правом боку, головой на юго-запад, руки согнуты в локтях, кисти помещены перед лицом. Справа от черепа найден неорнаментированный плоскодонный керамический сосуд (рис. 4.-3), под черепом – бронзовая серьга со спиралевидной шляпкой (рис. 4.-2).

Отметим, что в межмогильном пространстве в 2,5 м к западу от погребения №37 были обнаружены фрагменты керамики, один из них был орнаментирован резными треугольниками (рис. 4.-4). Не исключено, что керамика происходит из полностью разрушенного погребения.

Аналогии и культурно-хронологическая характеристика

Погребальный обряд, зафиксированный при исследовании погребений №19 и 37, типичен для ирменской культуры Верхнего Приобья. Его отличают такие признаки, как захоронения на уровне древнего горизонта, положение погребенных на правом боку в скорченном положении головой в юго-западный сектор. Парные захоронения известны на ирменских памятниках Камышенка, Плотинная-I, Новотроицк-I [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 36] и др.

Инвентарь также типичен для ирменской культуры, оба погребения имеют очевидное сходство между собой, а сочетание «керамический сосуд и бронзовая серьга» встречается в могильниках Суртайка [Членова, 1973], Малый Гоньбинский Кордон-1/5 [Кунгуров, Папин, 2001], Змеевка [Членова, 1976], Ближние Елбаны-IX [Абдулганеев, Егоров, 1995] и др.

Гвоздевидные серьги часто встречаются в погребениях в Лесостепном Алтае и на сопредельных территориях. Аналогичные предметы обнаружены на могильниках Камышенка [Членова, 1981], Малый Гоньбинский Кордон-1/5 [Кунгуров, Папин, 2001], Змеевка [Членова, 1976] и др. Серьги со спиралевидным окончанием встречены в комплексах Плотинная-I [Уманский, 1972; Грушин и др., 2009, с. 114] и Фирсово-I [Папин и др., 2018, рис. 6.-16].

Круглодонный керамический сосуд из погребения №19, орнаментированный каннелюрами и перевернутыми заштрихованными треугольниками, находит аналогии в материалах ирменских памятников Лесостепного Алтая – Цыганкова Сопка-I [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015], Мельничихин Лог-I [Фролов, Папин, 1998]. Два небольших неорнаментированных сосуда находят аналогии на могильнике Староалейка-II [Кирюшин, Шамшин, 1998], а также за пределами Лесостепного Приобья.

Таким образом, погребения №19 и 37 на памятнике Чумыш-Пережат с уверенностью можно отнести к ирменской культуре периода поздней бронзы и датировать их, с учетом имеющихся радиоуглеродных дат, XIV–X вв. до н.э. [Кирюшин, Грушин, Папин, 2007].

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. 5.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Техничко-технологический анализ керамического комплекса поселений Цыганкова Сопка-I, III // Изв. Алт. гос. ун-та. Барнаул, 2015.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Погребение ирменской культуры из могильника Староалейка-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. 9.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001.

Папин Д.В., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Фирсово-1 – погребальный комплекс периода финальной бронзы в Барнаульском Приобье // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2.

Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Фролов Я.В. Могильник Чумыш-Пережат – новый памятник скифского времени на границе Барнаульского Приобья и Присалаирья // Изв. Алт. гос. ун-та. 2018. №2 (100).

Фролов Я.В., Папин Д.В. Коллективное погребение ирменской культуры в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. 9.

Членова Н.Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // КСИА. М., 1976. Вып. 147.

Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. М., 1981. Вып. 167.

Членова Н.Л. Сургайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // КСИА. М., 1973. Вып. 134.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009.

УДК 902«637»(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.25

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

ОБ ИРМЕНСКИХ КЕЛЬТАХ-ТЕСЛАХ С ЛОБНЫМ УШКОМ

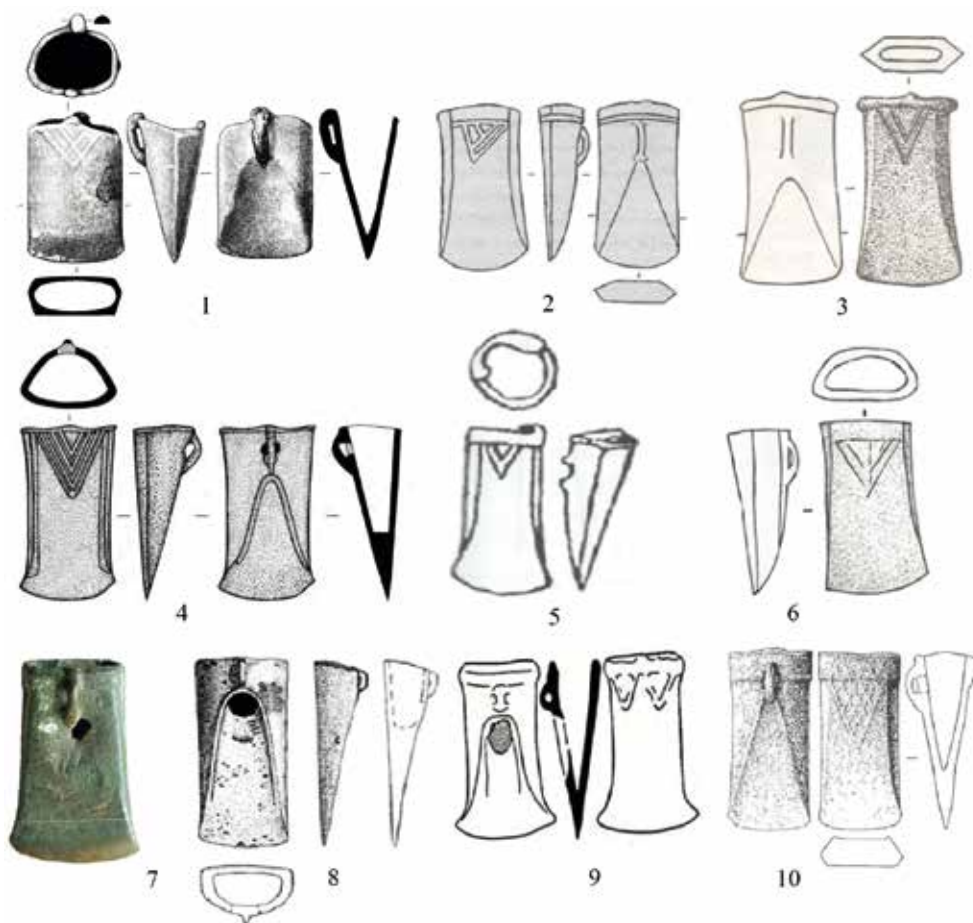
Статья посвящена кельтам-теслам с лобным ушком, которые происходят из поселений эпохи позднего бронзового века юга Западной Сибири (часть из них – случайные находки) и отождествляются большинством специалистов с древностями ирменской культуры. Подобные кельты-тесла являются достаточно редкой находкой в ирменских памятниках. Можно утверждать, что кельты с лобным ушком, а зачастую и «пещеркой», имели достаточно широкое распространение на территории Евразии. Вместе с тем ирменские кельты-тесла выделяются специфической геометрической орнаментацией, восходящей, вероятно, к традициям изготовления и украшения кельтов сейминско-гурбинского типа. В статье делается попытка соотнести данные изделия с классификацией бронзовых кельтов, разработанной Б.Г. Тихоновым, а также показывается их бытование на обширной территории Евразии в последующие исторические эпохи (переходное время от бронзы к железу и ранний железный век).

Ключевые слова: Евразия, юг Западной Сибири, поздний бронзовый век, ирменские памятники, кельты-тесла

В настоящее время к ирменской культурно-исторической общности (в традиционном понимании культуры. – С.К.), специалисты относят кельты-тесла с лобным ушком, известные из материалов поселений Люскус (Среднее Притомье), Чекист (Усть-Киргизка) (Нижнее Притомье), Торопово-VII (Кузнецкая котловина), Фирсово-XVIII (Барнаульское Приобье), Омь-I (Барабинская лесостепь) [Бобров, 1979, рис. 13.-11; Матюшенко, 1974, рис. 13.-12; Илюшин, Борисов, 2016, с. 106, рис. 1.-3; Федорук, Шамшин, Папин, 2008, с. 139, рис. 13.-6; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 21, рис. 11.-4].

Со значительной долей вероятности ирменскими следует считать случайные находки кельтов-тесел с лобным ушком, сделанные на территории распространения древностей данного культурного образования [Герман и др., 2019, с. 9; Матюшенко, 1974, с. 49–50]. Об этом свидетельствует форма и орнаментация этих изделий, а также обстоятельства их местонахождения. Это кельты из д. Мануйлово (Новосибирская область), а также случайные находки из Новосибирской области и из с. Большая

Речка (Барнаульское Приобье) [Герман и др., 2019, с. 9–10, рис. 4; Матющенко, 1974, рис. 22.-11; Грязнов, 1956, с. 41, рис. 14.-4]. Сюда же, по всей видимости следует отнести и бронзовый кельт с лобным ушком, хранящийся в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея (рис.-7), фотографию которого нам любезно предоставила старший научный сотрудник службы Главного хранителя фондов НГКМ А.Л. Автушкова. Данный экземпляр имеет закрытую втулку, овальную в сечении. Ее край имеет небольшое утолщение в верхней части. Форма полотна кельта анфас имеет форму трапеции, а в профиль образует полуклин. На боковых гранях фиксируются продольные ребра. Кромка лезвия выгнута. Обе стороны изделия гладкие, но есть расположенные друг над другом небольшие отверстия, или «пещерки».

Кельты-тесла с лобным ушком с территории юга Западной Сибири: 1 – случайная находка близ д. Мануйлово [Герман и др., 2019]; 2 – пос. Люскус [Бобров, 1979]; 3 – пос. Чекист (Усть-Киргизка) [Матющенко, 1974]; 4 – пос. Торопово-VII [Илюшин, Борисов, 2016]; 5 – случайная находка с территории Горного Алтая [Абдулганеев и др., 1982]; 6, 7 – случайные находки с территории Новосибирской области [Матющенко, 1974]; 8 – пос. Фирсово-XVIII [Федорук и др., 2008]; 9 – случайная находка из с. Большая Речка [Грязнов, 1956]; 10 – пос. Омь-I [Мыльникова, Чемякина, 2002]. Масштаб разный

Не исключено что с ирменским наследием можно связывать и случайную находку кельта из коллекции Н.С. Гуляева. Данный экземпляр был найден на территории Горного Алтая [Абдулганеев, Кирюшин, Кадилов, 1982, рис. 6.-13].

Одну из первых классификаций кельтов-тесел карасукского типа разработал М.П. Грязнов [1941], обосновав принадлежность к карасукской культуре двух типов (безушковые асимметричные кельты-тесла с «пещеркой» на широкой грани и поясковые двушковые кельты). Впоследствии С.В. Хаврин [1999, с. 32–35] пришел к заключению о том, что происхождение позднебронзовых кельтов с «пещеркой» следует связывать с андроновской культурно-исторической общностью. По его мнению, кельты-тесла с «пещеркой» и ушком на широкой грани бытовали в последней четверти II тыс. до н.э. на обширной территории от Забайкалья и Монголии на востоке до Урала на западе.

По классификации Б.Г. Тихонова [Тихонов, Гришин, 1960, с. 46–48] все изучаемые кельты относятся к типу 3 «Асимметричные кельты-тесла» и одной группе I – «Кельты-тесла с лобным ушком». Асимметричная форма орудий, по наблюдению специалиста, определенно свидетельствовала, что мы имеем дело с теслом. Как указывал автор, данный тип изделий был распространен на огромной территории от Алтая до бассейна Днепра. Если же говорить о Сибири, то наибольшая концентрация асимметричных кельтов-тесел связана с территориями, прилегающими к Алтаю. Датировка кельтов-тесел подгрупп А и Б рассматривалась Б.Г. Тихоновым в рамках XI–VIII вв. до н.э. Их происхождение связывалось с древностями карасукской культуры [Тихонов, Гришин, 1960, с. 49].

Группа делится на две подгруппы. Подгруппа А – кельты-тесла с ушком, без «пещерки». Как сообщает Б.Г. Тихонов [Тихонов, Гришин, 1960, с. 46–47], передняя грань у кельтов этой подгруппы плоская и обычно орнаментирована. Наибольшее количество таких изделий отмечалось автором в Приказанском Поволжье и на Нижней Каме, но в единичных случаях они были обнаружены также в Минусинских степях и Средней Азии.

В ирменских древностях лесостепной части Западной Сибири эта подгруппа представлена изделиями из поселений Люскус и Чекист (Усть-Киргизка), случайной находкой из д. Мануйлово, а также с территории Новосибирской области и, вероятно, изделием из коллекции Н.С. Гуляева (Горный Алтай) (рис.-3, 5, 6).

Подгруппа Б – кельты-тесла с ушком и отверстием («пещеркой») на задней стенке. Эта подгруппа кельтов, по наблюдению Б.Г. Тихонова, напротив, наиболее многочисленна для Алтая и в меньшей степени – для Минусинских степей [Тихонов, Гришин, 1960, с. 47]. Среди ирменских древностей сюда относятся кельты-тесла, обнаруженные на поселениях Торопово-VII, Фирсово-XVIII, Омь-I, а также случайные находки из Новосибирской области и из с. Большая Речка (Барнаульское Приобье) (рис.-4, 7–10).

Согласно классификации, разработанной Д.А. Ненаховым [2016а, с. 67–75] все кельты имеют закрытую, или «слепую», втулку. Форма втулок в сечении преимущественно овальная либо асимметричная миндалевидная, за исключением кельта из Горного Алтая, имеющего округлую втулку. Линия устья, как правило, прямая, иногда с небольшим возвышением в средней части, в месте т.н. литникового канала, реже слегка выпуклая. Ряд кельтов имеют на втулке дополнительный морфологический элемент в виде валика либо утолщения, что служило для ее усиления. Форма полотна кельтов в профиль имеет преимущественно асимметричную форму (полуклин), что свидетельствует об их использовании в качестве тесел. Преобладает прямоугольная

с небольшим расширением внизу (либо трапециевидная) форма абриса полотна анфас. Большая часть кельтов-тесел имеет шестигранное (кельты из поселений Люскус, Чекист, Омь-1, близ д. Мануйлово), редко подовальное (Фирсово-ХVIII) сечение полотна. На боковых гранях встречаются продольные ребра. Все кельты имеют лобное ушко и выгнутую кромку лезвия, которая могла сформироваться в процессе проковки (как и расширение формы абриса полотна).

Почти все кельты-тесла (за исключением экземпляров из Фирсово-ХVIII и хранящегося в НГКМ) имеют украшение на широкой лицевой стороне в виде треугольника, обращенного вершиной к лезвию. Треугольники отличаются характером штриховки. В качестве таковой выступали «сетка», разнонаправленные линии, а также фестоны. Все эти мотивы находят прямые параллели в орнаментации зоны плечико-тулова ирменской посуды. Вместе с тем на ирменской посуде такие разновидности треугольников достаточно редки.

Так, например, разнонаправленная штриховка треугольников встречается на ирменской ритуальной посуде Барнаульского Приобья (Фирсово-ХIV) и Кузнецкой котловины (Сапогово-1 и Танай-VII) лишь в нескольких случаях [Ковалевский, 2012, с. 43]. Несколько чаще фиксируются на ирменской керамике Барнаульского Приобья (Камышенка, МГК-1/5), Томского Приобья (ЕК-II/5), Кузнецкой котловины (Журавлево-IV, Сапогово-1, Васьково-V, Танай-VII, Титово) и Барабы (Гандичевский совхоз, Абрамово-IV, Преображенка-III) фестоны, состоящие из треугольников, находящихся один в другом. Более распространена была традиция декорировать треугольники на ритуальной посуде Барнаульского Приобья (Плотинная-1, Змеевка, Камышенка, Староалейка-II, Фирсово-ХIV, МГК-1/5), Новосибирского Приобья (Камень-1, Милованово-1, Ордынское-1), Томского Приобья (ЕК-II/5) и Кузнецкой котловины (Сапогово-1, Танай-VII) «сеткой» [Ковалевский, 2020, с. 62–66], что, однако, также делалось не часто.

Стоит отметить, что вершина одного из треугольников на кельте из материалов поселения Торопово-VII дополнительно украшена рельефной «шишечкой», что также может быть связано с ирменской традицией подчеркивать углы треугольников на керамической посуде ямками или насечками.

Тем не менее напрямую связывать орнаментацию изучаемых культов-тесел с ирменскими традициями металлообработки пока преждевременно. Этому противоречит тот факт, что сходные с ирменскими кельты с лобным ушком хорошо известны на территории Волго-Камья в древностях атабаевского этапа маклашеевской культуры [Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019, с. 99, 103, 107–108, 119, рис.-8].

Кельты-тесла с лобным ушком, но уже без «пещерки» и специфической орнаментации, продолжали бытовать и в переходное время от бронзы к железу, а затем в раннем железном веке на достаточно обширной территории Евразии. Они известны на территории юга Западной Сибири в материалах большебереченской (пункт Ближние Елбаны-VII, Старший Томский могильник) и староалейской культур (могильники Фирсово-ХIV, Тузовские Бугры-1, Староалейка-II) [Грязнов, 1956, табл.-ХVI.-9; Комарова, 1952, с. 44, рис. 26; Фролов, 2008, с. 110; Шмидт, Служак, 1999, с. 109, рис. 1. 21]. Есть они и на территориях Горного Алтая и Среднего Енисея [Суразаков, 1997, с. 129–130, рис. VI; Грязнов, 1941, с. 264, табл. VIII.-5, 8; Ненахов, 2016б, рис. 4].

Достаточно подробный обзор распространения кельтов-тесел данного типа в эпоху раннего железа на территориях Центральной и Северной Евразии дает С.С. Ива-

нов. Согласно его наблюдениям такие кельты известны в Средней Азии, Синьцзяне, Северном Казахстане, Алтае, Минусинской котловине и Туве и должны датироваться концом VIII – V/IV вв. до н.э. В качестве прототипа одноушковым кельтам-теслам минусинского и среднеазиатского типов специалист называет тесла с «пещеркой» эпохи финальной бронзы Южной Сибири. Именно Южную Сибирь С.С. Иванов считает единственным источником происхождения кельтов-тесел данного типа. Интересна и атрибуция кельтов-тесел как в качестве орудий труда, так и в качестве рубящего оружия, применявшегося в ближнем бою [Иванов, 2015, с. 563–575].

Таким образом, несмотря на немногочисленные пока случаи нахождения кельтов-тесел с лобным ушком в материалах ирменских памятников юга Западной Сибири, их можно считать важной составной частью материальной культуры данного культурного образования.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадилов Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982.
- Бобров В.В. Поселение на р. Люскус // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979.
- Герман П.В., Марочкин А.Г., Боброва Л.Ю., Щербакова А.В. Случайные находки бронзовых кельтов в северных предгорьях Кузнецкого Алатау // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 9. Кемерово, 2019.
- Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей. 1. Бронзовые кельты // Тр. ОИПКГЭ. Т. 1. Л., 1941.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М.; Л., 1956 (МИА. №48).
- Иванов С.С. К вопросу о кельтах-теслах эпохи ранних кочевников из Жетысу и Тянь-Шаня // Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015.
- Илюшин А.М., Борисов В.А. Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016.
- Ковалевский С.А. Особенности орнаментации ритуальной посуды ирменской культурно-исторической общности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №1 (16).
- Ковалевский С.А. Использование мотива «сетка» в орнаментации ирменской посуды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI.
- Комарова М.Н. Томский могильник – памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. №24. Т. I. М., 1952.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск, 1974.
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск, 2002.
- Ненахов Д.А. Морфологические признаки кельтов эпохи бронзы и раннего железного века (методический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016а. Т. 44, №4.
- Ненахов Д.А. Особенности изготовления полый втулки кельтов раннего железного века Средней Сибири (технологическая классификация) // Теория и практика археологических исследований. 2016б. №4 (16).
- Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997.
- Тихонов Б.Г., Гришин Ю.С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М., 1960 (МИА. №90).
- Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008.
- Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008.

Хаврин С.В. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 58. СПб., 1999.

Чижевский А.А., Лыганов А.А., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. 2019. №2.

Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999.

УДК 903.27:903.211.3(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.26

И.В. Ковтун

Институт экологии человека ФИЦ угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

ВИСЛООБУШНЫЙ ТОПОР С ГРЕБНЕМ В НИЖНЕТОМСКОМ ОЧАГЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 20-49-420003 р_а
«Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность»

Статья посвящена находке вислообушного топора с гребнем в окрестностях с. Поломошное, вблизи Тутальской и Никольской писаниц. Рассматривается ареал и культурная принадлежность типологически аналогичных изделий. Констатируется использование вислообушных топоров с гребнем представителями собственно андроновской, ряда андронидных и саргаринско-алексеевской культур. Обобщены результаты датировки по ¹⁴C закрытых погребальных комплексов с полноразмерным и вотивными топорами подобного типа. Установлено бытование данных топоров у андроновского населения Северо-Западной Азии в пределах XVII – начала XV в. до н.э. Уточнен нижний хронологический рубеж появления вислообушных топоров с гребнем у саргаринско-алексеевского населения, ограниченный на основании суммы радиоуглеродных датировок XIV в. до н.э. Предложена культурно-хронологическая интерпретация поломошинского топора в составе Нижнетомского ранне- / андронидного комплекса XVI–XIV(XIII) вв. до н.э.

Ключевые слова: вислообушный топор, Томь, андронидные культуры, хронология, наскальное искусство

При проведении сельскохозяйственных работ (уборке картофеля) на территории Поломошинского сельского поселения Яшкинского муниципального округа Кемеровской области 21 сентября 2020 г. был найден бронзовый вислообушный топор с гребнем (рис. 1; 2). Находка вместе с урожаем попала в бункер комбайна, в котором ее доставили к месту сортировки картофеля, а после разгрузки бункера топор на транспортере обнаружил А.Э. Здоровцев. Позднее изделие передали учителю истории и руководителю школьного музея Поломошинской средней школы Ю.В. Тымчак, обнаружившей его для научной общественности, музейного сообщества и всех жителей Кузбасса*. Приблизительное место находки охватывает широкую территорию отдаленного правобережья Томи между Тутальской и Никольской писаницами, на землях, занятых картофельными полями холдинга «КДВ групп».

Максимальная длина топора от обуха до лезвия составляет 22,8 см. Высота втулки-проушины – 7,8 см, а ее ширина по контуру – 3,8 см. Ширина лезвийной части – 4,8 см. Внутренний диаметр овальной втулки-проушины – 4,5×3,2 см.

Данный топор представляет один из характерных типов бронзовых изделий восточной азиатской зоны Евразийской металлургической провинции [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 54]. Ключевые морфологические параметры изделия позволяют от-

* Автор искренне признателен Юлии Викторовне Тымчак, передавшей нам для исследования топор из окрестностей с. Поломошное.

нести его к числу бронзовых вислообушных топоров с выраженным гребнем без отверстия, с укрепляющим эллипсоидную втулку-проушину валиком, окаймленным двумя рельефными ребрами жесткости, и с овальным пяточным выступом, без следов использования. Втулка-проушина выступает над рельефным валиком, переходящим в боковые стенки шестигранного клинка, а также под ним, оканчиваясь утолщенным валиковым ободком вокруг устья втулки. Судя по литейным швам, изделие отлито в двухсторонней форме. Поломошинский экземпляр отличается коллекционной сохранностью и не имеет очевидных признаков употребления в производственных практиках (рис. 1; 2).

Типологически аналогичные топоры выделены Н.А. Аванесовой в тип В. Они обнаружены в северо- и центрально-азиатских ареалах, простирающихся от Южного Урала до Енисея, включая Киргизию, Семиречье, Центральный, Северный и Восточный Казахстан, а также Барабу и районы Лесостепного Алтая [Аванесова, 1991, с. 11; Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294–297, рис. 2; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 59–60; Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, 2015, с. 30–31, фото 4; Тишкин, Фролов, 2016, с. 124–125; Тишкин, Фролов, 2017, с. 75; и др.]. Южный рубеж распространения таких топоров ограничен литейной формой из поселения 16 Кайрак-Кумов в Северном Таджикистане [Аванесова, 1991, с. 16, рис. 14.-72], хотя выраженность гребня этого экземпляра прослеживается слабо. Восточная периферия центрально-азиатской серии подобных изделий представлена случайной находкой вислообушного топора с гребнем на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, в уезде Тачэн (Чугучак) [Бехтер, Хаврин, 2002, с. 75, рис. 11]. Кроме того, известен вислообушный топор из Ховдского музея (Монголия), но с отверстием-петлей на месте гребня (информация и фото предоставлены А.А. Тишкиным). Еще один самый северный экземпляр вислообушного топора с гребнем происходит из окрестностей селькупского поселения Золотье Юрты с притока Парабели р. Кенга [Матющенко, 1973, рис. 6.-1] (рис. 3.-1).

Морфологически и территориально наиболее близким поломошинскому топору представляется изделие из окрестностей пос. Северный Первомайского района Алтайского края [Тишкин, Фролов, 2017, с. 79, рис. 8; 9]. Особенное сходство им придают двойные рельефные ребра жесткости, окаймляющие валик, укрепляющий втулку-проушину (рис. 1.-1, 2; 2.-1–3). Эта почти уникальная инвариантная деталь в стилизованном виде встречается еще на одном алтайском экземпляре из с. Карпова [Тишкин, Фролов, 2017, с. 78, рис. 6; 7] и не повторяется ни на одном из известных вислообушных топоров с гребнем. Экземпляр из окрестностей пос. Северный не только ближайшая территориальная и морфологическая параллель поломошинскому изделию, но и единственный вислообушный топор с правобережья Оби. Совпадение не повторяющейся морфологической детали топоров из окрестностей пос. Северного и с. Поломошное указывает на единую праформу и общность истоков металлургической школы. Находка алтайского экземпляра сделана за пределами ареала корчажкинских памятников, тяготеющих к пойме правого берега Оби, и вне территории левобережных саргаринско-алексеевских комплексов, в степной зоне, занятой андроновским населением. Поэтому культурная принадлежность топора из окрестностей пос. Северного, вероятнее всего, связана с позднеандроновскими древностями.

Поломошинский топор территориально не соотносится с известными металлургическими очагами 2-й трети II тыс. до н.э. и обнаружен за пределами северо- и центрально-азиатских районов концентрации подобных изделий. Он найден на северо-западной

оконечности Кузнецкой котловины и географически «связывает» Центрально-/Северо-Казахстанский, Обь-Иртышский и среднеенисейский ареалы вислобушных топоров с гребнем и без него. В этом качестве топор из окрестностей с. Поломошное уникален и его появление в Нижнетомском очаге наскального искусства нуждается в культурно-историческом объяснении. Такая интерпретация обусловлена культурно-хронологическим контекстом вислобушных топоров с гребнем, бытование которых ранее соотносилось либо с андроновским массивом, либо с периодом поздней или даже финальной бронзы. Исчерпывающий историографический обзор этих культурно-хронологических версий уже выполнен [Тишкин, Фролов, 2017, с. 80–82], что исключает необходимость аналогичного экскурса. Но очевидно, что при отнесении данных изделий к андроновскому [Аванесова, 1991, с. 15] или саргаринско-алексеевскому [Агапов, 1988, с. 85–86; Дегтярева, Нескоров, 2015, с. 38] культурному горизонту, а равно к периодам разви-

Рис. 1. Топор из окрестностей с. Поломошное: 1 – вид справа; 2 – вид слева; 3 – вид сверху; 4 – вид снизу

Рис. 2. Топор из окрестностей с. Поломошное: 1, 2 – валик, гребень и рельефные ребра жесткости; 3 – вид сзади; 4 – пяточный выступ

той и поздней [Кузьмина, 1966, с. 13; Иванов, 2013, с. 487; 2014, с. 91, 95] либо финальной [Бехтер, Хаврин, 2002, с. 75] бронзы преобладали доводы косвенной аргументации. Объективной причиной тому остается исключительно редкое нахождение рассматриваемых изделий в закрытых комплексах с установленной культурной принадлежностью и определенной датировкой. Однако подобные находки известны и должны верифицировать представления о времени бытования вислообушных топоров с гребнем и о культурной принадлежности использовавших их сообществ.

Частью вышеупомянутой аргументации представляется синхронизация подобного типа топоров с периодом бытования восточной зоны культур валиковой керамики. Они были найдены в составе комплексов валиковой керамики на поселении Чаглинка и местонахождении Степняк (см. по: [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 140, 142; Аванесова, 1991, рис. 12.-35, 36]) в Северном Казахстане и отнесены к числу древностей алексеевско-саргаринской культуры, датированной XV/XIV–XIII/XII вв. до н.э. [Дегтярева, Нескоров, 2015, с. 38]. Радиоуглеродные даты валиковых комплексов Южного Урала и лесостепного Притоболья охватывают период с XIV по X (IX) вв. до н.э. [Епимахов, 2010, с. 46], а единичное более древнее значение признано недостоверным [Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006, с. 36]. Даты саргаринско-алексеевских комплексов Лесостепного Алтая не образуют устойчивого диапазона, указывая на время от XIV до IX в. до н.э. [Папин, 2015, с. 135–136]. Следовательно, вероятная сопряженность валиковой саргаринско-алексеевской керамики Северного

Казахстана и вислообушных топоров с гребнем может свидетельствовать лишь о верхнем хронологическом диапазоне данных изделий, начинающемся не ранее XIV в. до н.э. Сведений, удостоверяющих время финала этой разновидности вислообушных топоров, пока нет.

Об обоснованной датировками по ^{14}C нижней дате и о культурной принадлежности вислообушных топоров с гребнем следует судить по их находкам в закрытых комплексах. Они представлены двумя вотивными, т.е. не материалоемкими копиями

Рис. 3. Топор из пос. Золотые Юрты, р. Кенга, правый приток Парабели:
1 – общий вид справа (экспозиция Колпашевского краеведческого музея,
фото А.Я. Труфанова)

таких топоров, и одним полноразмерным экземпляром. Вотивные изделия найдены в андроновском погребении 1 кургана №17 барабинского могильника Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294–297, рис. 2; Молодин, Новиков, Жермерикин, 2002, с. 59–60] и в северо-казахстанском андроновском (нуринском) могильнике Шондыкорасы-II (судя по масштабу, не более 6 см в длину) [Сакенов, 2013, с. 47, рис. 9.-3; Ковтун, 2016, с. 84]. Полноразмерный вислобушный топор с гребнем обнаружен у разваленных стен бегазы-дандыбаевского мавзолея №1 Сангыру-1 [Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, 2015, с. 30–31, фото 4].

Дата барабинского захоронения с вотивным топориком определена 3290 ± 60 ВР, т.е. 1700–1430 (94,2%) гг. до н.э. [Molodin et al., 2012, p. 740, table 1]. Современная калибровка и дифференцированный вероятностный диапазон указывают на более молодые значения: 1692–1438 гг. до н.э. (93%) или 1626–1498 гг. до н.э. (67,2%) (OxCal v4.4.2 Bronk Ramsey (2020)). В последнем случае хронологический период сужается от последней четверти XVII до начала XV в. до н.э. Наряду с другим периферийным курганом – №19, также отстоявшим от основной части могильника, это один из наименее возрастных курганов Старого Тартаса-4.

Датировка мавзолея №1 Сангыру-1, у стен которого найден вислобушный топор с гребнем, не производилась. Но установлены три даты других захоронений этого могильника: мавзолей 7 – 1496–1474 гг. до н.э. или 1461–1427 гг. до н.э. (68,3%), 1505–1408 гг. до н.э. (95,4%); ограда 13 – 1386–1339 гг. до н.э. или 1317–1268 гг. до н.э. (68,3%), 1406–1256 (0,942) гг. до н.э. или 1251–1231 (0,058) гг. до н.э. (95,4%); ограда 2 (или ограда 3 Сангыру-III) – 1494–1479 гг. до н.э. или 1456–1408 гг. до н.э. (68,3%), 1502–1387 (0,952) гг. до н.э. или 1338–1319 (0,048) гг. до н.э. (95,4%) [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 169, табл. 7; Бейсенов, 2015, с. 119]. Приведенные датировки охватывают период с финала XVI–XV вв. до н.э. по XIV – середине XIII в. до н.э.

Таким образом, вислобушные топоры с гребнем бытовали у «андроновцев» либо на всем протяжении XVII в. до н.э., либо с его окончания до начала XV в. до н.э. Этот период совпадает и с установленным по ^{14}C временем андроновского культурного массива на Среднем Енисее [Поляков, 2019, с. 167–171; Поляков, Святко, 2019, с. 19], где найдены такие топоры. При этом в мог. 2, кургана №2 среднеенисейского андроновского могильника Ланин Лог также обнаружен вотивный вислобушный топор, но без гребня [Вадецкая, 1986, с. 49; Аванесова, 1991, с. 14; Ковтун, 2000, с. 118–120, табл. II.-2, 3; 2016, с. 84]. Для

данного могильника известны три радиоуглеродные даты [Аванесова, 1991, с. 14; Poliakov, Lazaretov, 2020, p. 6, table 3]*, две из которых выполнены по дереву из соседнего кургана №1 и условно корректны: кур. 1, мог. 1 – 3390 ± 70 ВР, т.е. 1830–1514 гг. до н.э. (87,6%) или 1767–1609 гг. до н.э. (59,8%); кур. 1, мог. 3 – 3360 ± 65 ВР, т.е. 1777–1501 гг. до н.э. (90,5%) или 1693–1599 гг. до н.э. (41,5%) или 1591–1542 гг. до н.э. (18,8%) (OxCal v4.4.2 Bronk Ramsey (2020)). При сужении вероятностного диапазона эти датировки максимально пересекаются с андроновской эпохой Среднего Енисея от 2-й трети XVIII–XVII вв. до н.э. до середины XVI в. до н.э. Судя по Шамшинскому кладу [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 141–142, рис. 1.-15, 16], подобные протоформы доживают и сосуществуют с вислобушными топорами с гребнем. Поэтому наряду с последними андроновские сообщества могли одновременно использовать и параметрически архаичные экземпляры.

У представителей свиты раннеандроноидных культур, включая бегазы-дандыбаевскую, унаследовавших андроновскую традицию изготовления бронзовых топоров подобного типа, такие изделия появляются не позднее конца XVI в. до н.э. Это время соответствует диапазону переходного периода от развитой к поздней бронзе в Северо-Западной Азии. Он представлен свитой таких раннеандроноидных культур, как классическая карасукская, или «I этап эпохи поздней бронзы», танайская, еловская, позднекротовская (заключительная фаза черноозерского этапа), возможно, корчажкинская (ранний этап) (?) и западная пахомовская (ранний этап) (?), коптыковская (поздний этап), черкаскульская, федоровская и др.

В Нижнем Притомье древности этого периода составляют Нижнетомский ранне- / андроноидный комплекс. Но собственно андроновские памятники там пока неизвестны. Поэтому безусловных оснований для отнесения топора из-под с. Поломошное к числу собственно андроновских древностей, в отличие от его алтайской параллели из окрестностей пос. Северный, также не имеется. Следовательно, поломошинский выгнутообушковый топор с гребнем относится либо к предполагаемому андроновскому, либо (и скорее) к раннеандроноидному времени, представленному Нижнетомским ранне- / андроноидным комплексом. К этому культурному массиву причастны и соответствующие материалы Томских могильников на Малом мысу и отчасти на Большом мысу, поселений Самусь-IV, Самусь-III и, возможно (?), Старого Мусульманского кладбища. В Нижнетомском очаге наскального искусства ранне- / андроноидная керамика, по моему мнению, найдена на поселениях Новороманово-II и Верхняя Санюшка-I (Ивановка-1). Возможно, керамика данного культурно-хронологического комплекса имеется и на стоянке Долгая-I (?). По ножам томского типа и браслету с конусовидной спиралью из Томских могильников на Малом мысу и на Большом мысу [Ковтун, 2016, с. 78–79, 81–82], рассматриваемому выгнутообушковому топору с гребнем и установленному по ^{14}C нижнему рубежу последующей, в целом, ирменской культуры в Нижнетомском очаге наскального искусства (Синеречка-1 – XV в. до н.э. [Марочкин, 2016, с. 86]) Нижнетомский ранне- / андроноидный комплекс датируется XVI–XIV(XIII) вв. до н.э. Данный диапазон удостоверяется и датировкой по ^{14}C древесины из захоронения 47 ЕК-II [Аванесова, 1991, с. 117] с ножом и браслетом указанных типов [Матющенко, 2004, с. 68–71]. Дата этой могилы 3160 ± 65 ВР была откалибрована со значениями 1544–1260 гг. до н.э. (94,5%) или 1504–1387 гг. до н.э. (60,6%) (OxCal v4.4.2 Bronk

* В монографии Н.А. Аванесовой конвенциональная дата дерева из кур. 1, мог. 3 определена 3360 ± 65 ВР, а в статье А.В. Полякова и И.П. Лазаретова – 3660 ± 65 ВР. Очевидно, что у кого-то из авторов ошибка в одной цифре. При калибровке мною использовалось первое значение.

Ramsey (2020)), что соответствует XVI–XIV вв. до н.э. Судя по количеству ранне- / андронидных материалов и немногочисленной серии оглахтинско-томских и иных петроглифов данного времени, с учетом нижнего рубежа ирменских древностей, бытование ранне- / андронидного комплекса в Нижнетомском очаге наскального искусства менее продолжительно. Предварительно этот культурно-хронологический период определяется окончанием 1-й половины – серединой II тыс. до н.э.

В Нижнетомском очаге наскального искусства, а равно во всем Нижнем Притомье (учитывая истолкование М.Ф. Косаревым [1981, с. 118–131] черноозерско-томского варианта андроновской общности) такая транзитивная вежа и раннеандронидный культурно-хронологический период до настоящего момента не выделялись. Поэтому поломошинский топор и одновременные ему древности вышеперечисленных нижнетомских памятников представляют ранее неизвестную здесь переходную историческую эпоху.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Агапов С.А. О культурной принадлежности «топоров с гребнем» // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18).
- Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТГУ. История. 2015. №3 (35).
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай И.К., Ахияров И.К. Исследования в северной Бетпақдале // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015.
- Бехтер А.В., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита, 2002.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Дегтярева А.Д., Нескоров А.В. Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы (культурная интерпретация) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №3 (30).
- Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2010. №2.
- Иванов С.С. Новые находки вислобушных топоров из Прииссыккуля // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013.
- Иванов С.С. Новые находки орнаментированных вислобушных топоров эпохи бронзы из Кыргызстана // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9).
- Ковтун И.В. Андроновские сосуды с подквадратным устьем // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI.
- Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань, 2016.
- Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. №4.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М.; Л., 1966 (САИ. В4-9).
- Марочкин А.Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Вып. 27. Кемерово, 2016.
- Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И. Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье) // РА. 2006. №2.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби // ИИС. Томск, 1973. Вып. 11.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004.

Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е. Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. IV.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3 (11).

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник КемГУ. 2015. №2 (62). Т. 6.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. СПб., 2019. №20.

Поляков А.В., Свято С.В. 2009–2019: новые данные по радиоуглеродной хронологии эпохи бронзы минусинских котловин // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). СПб., 2019.

Сакенов С.К. Алакульские и нуринские комплексы могильника Шондыкорасы II // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук, 2013. №3 (289).

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Проушные металлические топоры Обь-Иртышского междуречья: тенденции изменений форм в конце эпохи бронзы и начале раннего железного века // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №4 (42).

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Топоры эпохи бронзы с территории лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45, №1, 2017.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. 14C chronology of burial grounds of the andronovo period (middle bronze age) in Baraba forest steppe, Western Siberia // Radiocarbon. 2012. Vol. 54, №3–4.

Poliakov A.V., Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports 29 (2020). 102125. P. 1–18.

УДК 903.022«637»

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.27

А.Г. Новиков, О.И. Горюнова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

КЕРАМИКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ОХОТНИКОВ-РЫБОЛОВОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИОЛЬХОНЬЯ

Работа выполнена по гос. заданию Минобрнауки России, проект №FZZE-2020-0021 «Система геоархеологического знания об ископаемых культурах Байкальской Сибири в геологическом времени антропогена и географическом пространстве Северо-Восточной Азии для многокомпонентных геоархеологических исследований»

Проведен морфологический анализ керамических материалов из погребальных комплексов охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья. В основу положены фрагменты 17 сосудов из четырех могильников (Хужир-Нугэ-IV, Хадарта-IV, Улярба-II и Туаханэ-IX). Выявлены характерные черты керамической посуды. Все сосуды круглодонные либо остродонные. Преобладают простые, закрытые формы. Керамика гладкостенная и штриховая. Для орнаментации характерны: «жемчужины»; построения из рядов, выполненных штамповыми вдавлениями или отступающей техникой; сочетания «жемчужин» с рядами штамповых вдавлений или прочерченных линий. Выделяется сосуд из погребения №4 Хадарты-IV, оформленный «жемчужинами» и антропоморфными изображениями, выполненными прочерчиванием. Отмечены единичные сосуды, украшенные ногтевыми защипами. Выделенные группы керамики находят аналогии с материалами мультислойчатых стоянок бронзового века региона. Проведенные сравнения показали, что вся исследованная керамика характерна для бронзового века Приольхонья хронологического диапазона 4430–3590 кал. л.н. Выделяется стратиграфически и типологически комплекс с керамикой, украшенной ногтевыми защипами, датируемый в пределах 3370–3230 кал. л.н.

Ключевые слова: Прибайкалье, Приольхонье, бронзовый век, погребения, керамика, морфологический анализ, радиоуглеродное датирование

Бронзовый век Прибайкалья (и, в частности, Приольхонья) представлен преимущественно материалами глазковских погребений, которые отражают многообразие погребальных практик, выраженных прежде всего в различных способах помещения покойных в могилу. Комплексы содержат единый по набору и типологии инвентарь, позволяющий датировать их, по аналогии с эпохально значимыми предметами, в целом периодом ранней – развитой бронзы. Узко датирующие предметы (характерные изделия из металла и керамические сосуды, являющиеся одним из важных показателей культурно-хронологической принадлежности) в погребениях бронзового века Прибайкалья встречаются крайне редко. Опубликовано менее 10 погребений из Верхнего Приангарья и Верхней Лены, содержащих типологически разнородную керамику [Окладников, 1955, с. 276–279].

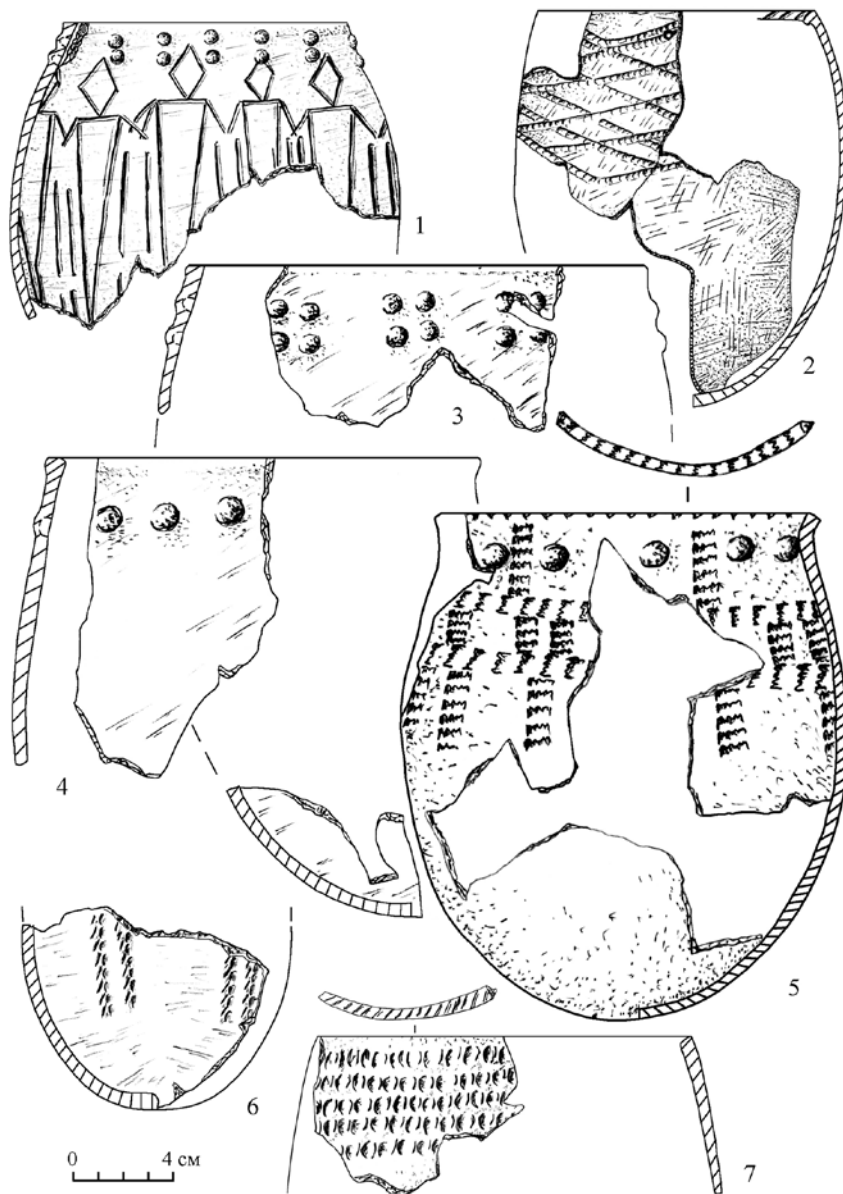
В настоящее время одним из наиболее исследованных районов Прибайкалья является Приольхонье (западное побережье озера Байкал от мыса Елохин на севере до р. Большая Бугульдейка на юге, включая о. Ольхон). На его территории исследовано 19 могильников, включающих 209 погребений, и три мультислойчатые стоянки охотников-рыболовов бронзового века [Хлобыстин, 1964; Новиков, Горюнова, 2014, с. 81; Горюнова, 1984]. В числе исследованных могильников вскрыто 15 погребений, содержащих керамические сосуды, что позволяет провести их анализ и сравнение с материалами стоянок.

Впервые фрагменты керамики обнаружены в комплексах двух погребений бронзового века Приольхонья в 1959 г. на могильнике Улярба-II [Горюнова и др. 2004, с. 14]. Коллекцию керамики пополнили материалы раскопок могильника Хужир-Нугэ-XIV, исследованного в 1997–2001 гг. Российско-Канадской экспедицией Иркутского государственного университета (ИГУ) [Новиков, Вебер, Горюнова, 2010, с. 22, 32, 38, 52–53, 73]. В пяти могилах обнаружены фрагменты керамических сосудов. Фактический материал пополнился благодаря работам отряда экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ в 1994 г. на могильнике Хадарта-IV [Харинский, Сосновская, 2000, с. 72, 74]. Было вскрыто два погребения, в материалах которых обнаружены фрагменты керамики. Работы на этом могильнике были продолжены в 2003 г. отрядом Российско-Канадской экспедиции ИГУ. В разрушенном погребении №4 зафиксирован археологически целый сосуд с антропоморфными изображениями [Горюнова, Новиков, 2009, с. 78–79]. Исследования продолжены отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ в 2010 г. [Горюнова, Новиков, Лбова, 2010]. В четырех могилах обнаружены обломки сосудов. В 2019 г. коллекция керамики пополнилась материалами из погребения №1 могильника Туаханэ-IX, исследованного отрядом экспедиции НИЦ «Байкальский регион» ИГУ (А.Г. Новиков, О.И. Горюнова).

В целом за все годы исследования на территории Приольхонья вскрыто 15 погребений охотников-рыболовов бронзового века из четырех могильников: Улярба-II, Хужир-Нугэ-XIV, Хадарта-IV и Туаханэ-IX, в составе сопроводительного инвентаря которых выявлена керамика.

Наибольшее количество керамики обнаружено в погребениях могильника Хужир-Нугэ-XIV (фрагменты шести сосудов из пяти погребений: №9, 16, 17, 28, 40). Керамика гладкостенная (из погребений №9, 16, 40) и штриховая (№9, 17, 28). В погребении №28 обнаружен практически целый круглодонный сосуд простой, закрытой формы (рис.-2). Срез венчика украшен насечками, тулово – ромбовидно пересекающимися ли-

ниями, выполненными техникой отступающей лопаточки. Орнамент расположен в верхней части сосуда. Диаметр венчика 12 см, тулова – 13 см, высота сосуда – 16 см. В трех нарушенных погребениях (№16, 17, 40) зафиксированы отдельные фрагменты, не позволяющие судить о форме изделий. Отмечено, что в могиле №17 обнаружены обломки круглого дна штрихового сосуда. В двух других могилах зафиксированы гладкостенные фрагменты, украшенные рядами, выполненными отступающей лопаточкой

Керамические сосуды из погребений охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья:
1, 3, 4, 7 – Хадарта-IV, погребения №2, 4, 6, 9; 2 – Хужир-Нугэ-ХIV, погребение №28;
5 – Туаханэ-IX, погребение №1; 6 – Улярба-II, погребение №5

с зубчатым (№16) и овальным (№40) концом. В погребении №9 отмечены фрагменты двух сосудов: гладкостенные, украшенные рядами прочерченных линий и штриховые, оформленные горизонтальными зигзагами, выполненными зубчатыми оттисками.

На могильнике Улярба-II керамика зафиксирована в двух погребениях (№4 и 5). В обоих случаях она обнаружена под плитами надмогильного сооружения. В погребении №4 найдены обломки остродонного сосуда с гладкой поверхностью, тулово которого орнаментировано ногтевыми защипами; венчик украшен таким же способом и вдавлениями пальцев. В погребении №5 обнаружены фрагменты круглого дна штрихового сосуда, украшенного сдвоенными вертикальными линиями ногтевых защипов (рис.-6).

Керамика из погребений могильника Хадарта-IV представлена семью сосудами (погребения №1, 2, 4, 6, 8, 9, 11). Преобладает штриховая керамика (пять сосудов); в двух случаях (№1, 2) – гладкостенная. Преимущественно сосуды простой, закрытой формы (№2, 4, 6, 8, 9); в одном случае (№1) – сложной, закрытой. Сосуды из погребений №6, 9, 11 – круглодонные, вероятно, аналогичная форма дна была и у других сосудов. Диаметры сосудов: по венчику 12–18 см, по тулову 14–21 см. Высота одного графически реконструируемого сосуда (№9) – 26 см. Преобладает орнаментированная керамика (5); в двух случаях (№1 и 8) она без орнамента. Узор располагался в верхней части тулова сосудов. Преобладают простые композиции, состоящие из одного мотива: горизонтальные (№2, 6, 11) и вертикальные (№9) ряды. Выделяется керамика, украшенная «жемчужинами» (рис.-3–4): в виде коротких вертикальных рядов (№9) или горизонтального пояса (№6). Сосуд из погребения №2 украшен по тулову пятью горизонтальными рядами ногтевых защипов, по срезу венчика – наклонными насечками (рис.-7). Керамика из погребения №11 оформлена горизонтальными рядами штамповых вдавлений. Выделяется сосуд из погребения №4, орнаментированный вертикальными рядами «жемчужин», ниже которых нанесены по всей окружности антропоморфные изображения в виде хоровода взявшихся за руки людей или духов (рис.-1). Рисунок выполнен прочерченными линиями.

На могильнике Туаханэ-IX керамика зафиксирована в погребении №1. Она представлена фрагментами от двух гладкостенных сосудов сложной, закрытой формы. Один из них (археологически целый) – круглодонный. Диаметр его венчика 16 см, шейки – 15 см, тулова – 18 см. Высота сосуда – 21 см. Он украшен пояском «жемчужин», ниже которого нанесены построения из вертикальных и горизонтальных линий, выполненных зубчатым штампом (рис.-5). Орнамент занимает верхнюю половину тулова. По срезу венчика – оттиски того же штампа. Венчик второго сосуда орнаментирован только по срезу. Узор состоит из зигзагообразной линии, выполненной прочерченной техникой. Диаметр сосуда по венчику 10 см.

Проведенные исследования керамики из погребений охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья выявили определенные характерные признаки. Преобладают сосуды простой, закрытой формы. В трех случаях (№1 Туаханэ-IX, №1 Хадарты-IV) их форма сложная, закрытая. Практически вся керамика круглодонная; встречается остродонная (№4 Улярбы-II). Диаметры сосудов: по венчику 10–18 см, по тулову 13–21 см. Высота реконструированных сосудов – 16, 21 и 26 см. Вся керамика тонкостенная. Поверхность сосудов гладкая (8 экз.) и штриховая (9 экз.). Орнамент покрывал верхнюю часть тулова (13 экз.). На одном сосуде украшен только срез венчика (№1 Туаханэ-IX); три сосуда – без орнамента. Среди орнаментированной керамики выделяется группа, украшенная «жемчужинами» (4 экз.). На двух сосудах – только «жемчужины», расположенные горизонтальными (№6 Хадарты-IV) и короткими верти-

кальными (№9 Хадарты-IV) рядами. Зафиксировано сочетание «жемчужин»: с рядами вертикальных и горизонтальных линий, оформленных оттисками зубчатого штампа (№1 Туаханэ-IX); с прочерченными антропоморфными изображениями (№4 Хадарты-IV). Отмечена группа, орнаментированная только штамповыми вдавлениями или оттисками отступающей лопаточки (5 экз.). Расположение узора в виде: горизонтальных (№40 Хужир-Нугэ-XIV, №11 Хадарты-IV), наклонных (№16 Хужир-Нугэ-XIV) рядов, горизонтального зигзага (№9 Хужир-Нугэ-XIV) и ромбической решетки (№28 Хужир-Нугэ-XIV). В трех случаях (№2 Хадарты-IV; №4 и 5 Улярбы-II) сосуды украшены горизонтальными или вертикальными рядами ногтевых защипов. Фрагменты одного сосуда орнаментированы рядами прочерченных линий (№9 Хужир-Нугэ-XIV).

Все выявленные группы керамики находят аналогии в стратифицированных комплексах мультислойчатых поселений бронзового века Приольхонья и Прибайкалья в целом. Сосуды, украшенные «жемчужинами», построениями из линий, выполненными различными штамповыми вдавлениями или отступающей лопаточкой, а также сочетающие эти элементы орнаментации, были распространены на этой территории в бронзовом веке вплоть до его позднего периода. Опорными объектами являются комплексы VII–IV слоев Тышкинэ-III, VII–IV слоев Тышкинэ-II, VII–I нижнего слоев Улан-Хады, II слоя Горелого Леса, I слоя Плотбища [Горюнова, 1984; Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 47–49; Хлобыстин, 1964; Савельев, Горюнова, Генералов, 1974, с. 172–173]. Имеющиеся калиброванные радиоуглеродные даты по этим объектам – в пределах 4290–3640 кал. л.н. (табл. 1).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты стоянок раннего–развитого бронзового века Приольхонья

Название объекта	Слой	Образец	Лабораторный номер	Дата ¹⁴ C, л.н.	Калиброванный возраст, л.н.* (95% вероятности)
Улан-Хада	VII	Уголь	ЛЕ-883	3660±60	4150–3840
	I ниж.	Artiodactyla sp.	ОхА-34529	3568±33	3970–3730
	I верх.	Cervus elaphus	ОхА-34591	3086±27	3370–3230
Тышкинэ-III	VII	Уголь	ГИН-4880	3780±40	4290–3990
	V	Уголь	СОАН-2511	3440±20	3820–3640
Тышкинэ-II	IV ниж.	Artiodactyla sp.	ОхА-34603	3508±30	3860–3700
Листвяная Губа	8	Уголь	ГССШ-109	3500±70	3970–3590

* Калибровка дат проведена с использованием калибровочной программы Calib 7.0.2 IntCal 13 [Reimer et al., 2009].

Подобная керамика характерна и для комплекса сосудов из 2-й группы погребений Фофановского могильника на р. Селенге [Герасимов, Черных, 1975, с. 40–41]. Отличия заключаются в наличии на Фофановском могильнике сосудов с полной орнаментацией их поверхностей и с плоским дном. Достоверные даты по этим погребениям отсутствуют. Сосуд из погребения №28 Хужир-Нугэ-XIV по форме, композиции и технике нанесения орнамента аналогичен сосуду из слоя 8 стоянки Листвяная Губа на о. Ольхон, калиброванный возраст которого – в пределах 3970–3590 кал. л.н. [Конопацкий, 1982, с. 74, 167]. Антропоморфные изображения на керамике отмечены в комплексах IV слоя Тышкинэ-III, I нижнего слоя Улан-Хады, I слоя Плотбища [Горюнова, Новиков, 2009, с. 76–82], калиброванный радиоуглеродный возраст которых – в пределах 3970–3730 кал. л.н. (табл. 1). Подобные сюжеты связывают с посудой культового назначения. Керамика, украшенная

ногтевыми защипами, в стратифицированном положении зафиксирована только в слое I верхний Улан-Хады [Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 49]. Радиоуглеродная калиброванная дата по этому комплексу – в пределах 3370–3230 кал. л.н. (табл. 1).

Радиоуглеродные даты по керамике из погребений имеются только по могильникам Хадарга-IV и Хужир-Нугэ-ХIV (табл. 2). Их калиброванные корректированные даты – в пределах 4430–3470 л.н.

Таблица 2

Радиоуглеродные даты погребений раннего – развитого бронзового века Приольхонья

Объект, номер погребения	Лабораторный номер	Дата ¹⁴ C, л.н.	Корректированная дата ¹⁴ C, л.н.*	Калиброванный возраст, л.н. (95% вероятности)	
Хужир-Нугэ-ХIV	9	ОхА-33412	3967±34	3622±62	4145–3726
	16	ОхА-33394	3794±33	3380±61	3826–3470
	17	ОхА-33392	3733±33	3401±61	3830–3483
Хадарга-IV	6	ОхА-26900	4015±30	3494±60	3920–3612
	8	ОхА-26902	4191±30	3714±60	4238–3895
	9	ОхА-26903	4019±31	3745±60	4294–3910
	11	ОхА-26904	4137±31	3868±60	4430–4090

* Коррекция дат проведена по методике [Weber et al., 2016].

Проведенные сравнения показали, что вся исследованная керамика характерна для бронзового века Приольхонья хронологического диапазона 4430–3590 кал. л.н. Выделяется стратиграфически и типологически комплекс с керамикой, орнаментированной ногтевыми защипами, датируемый в пределах 3370–3230 кал. л.н.

Таким образом, проблема культурно-хронологической диагностики бронзового века Приольхонья и в целом Прибайкалья далека от разрешения, что связано прежде всего с малым количеством стратиграфически фундированных поселенческих комплексов бронзового века и их радиоуглеродного датирования; с отсутствием (или малым количеством) керамических сосудов в погребениях, что затрудняет корреляцию материалов погребальных и поселенческих комплексов между собой.

Библиографический список

- Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофоновского могильника в 1959 году // Первобытная археология Сибири. 1975.
- Горюнова О.И. Комплексы раннего бронзового века многослойного поселения Тышкинэ-III // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. 1984.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г. Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №4 (40).
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале. Новосибирск, 2004.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Лбова Л.В. Раскопки могильника бронзового века Хадарга-IV на побережье оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. XVI.
- Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. 1992.
- Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск, 1982.
- Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ-ХIV. Новосибирск, 2010.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Погребальная практика охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. Ч. 1.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1955.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта-IV // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 2.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам Б.Э. Петри) // Краткие сообщения Института археологии. 1964. Вып. 97.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. INTCAL 09 and MARINE09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP // Radiocarbon. 2009. №51 (4).

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. V. 419.

УДК 902«637»(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.28

А.В. Поляков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ РАЗЛИВСКОГО ЭТАПА ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН
по теме государственного задания №0160-2020-0002

В статье излагаются новые данные, подтверждающие обоснованность выделения позднего разливского этапа окуневской культуры. На сегодняшний день к нему могут быть отнесены три кургана: Черновая-XI, Разлив-X и курган №1 могильника Итколь-II. Их объединяет серия уникальных признаков, характеризующих особенности этого периода. Наиболее яркие из них – появление традиции посмертной трепанации черепов в затылочной части, следы которой отмечены у подавляющего большинства погребенных, включая детей, и изображения на плитах в стиле «тощих быков». Кроме того, в погребениях отмечается обилие ритуальных предметов, а также уменьшение до минимума числа бытовых вещей, в первую очередь керамики. Стеатитовые «головки» и костяные пластинки с изображениями несколько видоизменяются и тоже помогают в обособлении этого хронологического горизонта. Возможно, такое же значение имеют захоронения «шкур» быков в небольших каменных ящичках внутри ограды, ближе к восточной стенке. На основании двух радиоуглеродных дат из этих курганов разливский этап окуневской культуры предварительно можно датировать XIX–XVIII вв. до н.э.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинские котловины, эпоха бронзы, окуневская культура, разливский этап

Изучение относительной хронологии памятников окуневской культуры началось сразу же после ее выделения Г.А. Максименковым [1965; 1975]. Однако на начальном этапе серьезным препятствием на этом пути был недостаток источников. Исследователи верно отмечали отдельные памятники, которые можно было относить к наиболее ранним, но их малочисленность, а главное, сильная степень повреждения в ходе позднейших проникновений не позволяли четко сформулировать признаки отдельных этапов [Хлобыстина, 1973]. Серьезный прорыв в этом направлении стал возможен только после исследования новой группы памятников в долине реки Уйбат. Именно на основании этих новых материалов И.П. Лазаретову [1997] удалось выделить и описать ранний уйбатский этап оку-

невской культуры. Продолжающиеся исследования памятников этого периода позволили детально изучить особенности начального этапа сложения культуры и сделать важные наблюдения и выводы [Лазаретов, Поляков, 2018; Лазаретов, 2019; Поляков, 2020а; 2020б].

Вопрос о поздних памятниках окуневской культуры долгое время оставался открытым, пока первую концепцию не предложил Д.Г. Савинов [2005]. К сожалению, пока исследовано недостаточно комплексов этого периода, поэтому очень сложно вычленил критерии отнесения к нему конкретных памятников. Д.Г. Савинов, обособляя их, опирался преимущественно на особенности художественного стиля. Это связано с тем, что в погребениях крайне мало инвентаря, а тот, что присутствует, в основном представляет собой разнообразные ритуальные или художественные изделия, в том числе плиты с изображениями и их фрагменты.

В своей работе Д.Г. Савинов отнес к разливскому этапу три памятника: Разлив-Х, Черновая-ХІ и Стрелка. Справедливость хронологически поздней датировки первых двух не вызывает сомнения. Несколько сложнее с тремя могилами, раскопанными на севере Минусинских котловин (Стрелка) [Савинов, 1981]. Во-первых, нет полной уверенности, что они представляют собой единый комплекс и были сооружены одновременно. Во-вторых, их поздняя датировка базируется исключительно на формах и орнаментации керамики из могилы-2, которая, по мнению Д.Г. Савинова, схожа с андроновскими образцами. Однако необходимо отметить, что эти сосуды не имеют полных аналогий среди памятников андроновской (федоровской) культуры Минусинских котловин, а отдельные элементы орнаментации, которые определяют это сходство (вертикальный зигзаг, тонкие желобки под венчиком и у дна) встречаются на сосудах, датирующихся черновским этапом, например, могильника Уйбат-V [Лазаретов, 1997, табл. XXII.-3, 5, 6; табл. XXIII.-1, 4]. Таким образом, лучше не использовать этот памятник как опорный, до того момента, когда будут выработаны надежные критерии вычленения разливского этапа. Вместо него в список следует включить недавно исследованный курган №1 могильника Итколь-II, который демонстрирует целый спектр признаков его общности с могильниками Разлив-Х и Черновая-ХІ [Поляков, Лазаретов, Есин, 2018, с. 133–135].

Все эти три кургана по конструкции продолжают традиции предыдущего черновского этапа. В их основе лежат подквадратные ограды из вертикально вкопанных плит песчаника. Могилы в виде каменных ящиков располагаются на их площади уже без какой-либо системы, центральное погребение может даже быть повернуто поперек осевой линии [Поляков, 2017а]. Основная группа сконцентрирована в центре ограды, а часть пристроена к стенкам. Развороты могил могут быть самые разные, без какой-либо ориентации на ось запад-восток. Положение тела в могиле также может варьироваться. Наряду с традиционным размещением на спине с поднятыми коленями появляются различные экзотические варианты. Такая же ситуация и с ориентировкой. Очень часто костяки в могиле располагаются «валетом».

Одной из важных особенностей курганов разливского этапа является большое число подзахоронений в уже существующие могилы. Возможно, именно этот процесс объясняет столь малое количество известных курганов этого периода. Если раньше старались для каждого погребенного строить отдельную могилу, пусть и впущенную в насыпь уже существующего кургана, то на новом этапе все чаще встречаются случаи, когда в одну могилу могли подзахоранивать погребенных неоднократно (особенно детей). Например, в 22 могилах кургана №1 могильника Итколь-II было похоронено не менее

52 человек, а, учитывая, что все, кроме одной, подверглись неоднократным ограблениям и большинство костей были при этом выкинуты, возможно, первоначально их было значительно больше. Также нельзя исключать, что часть безынвентарных подзахоронений в курганах черновского времени тоже может относиться к разливному этапу. Установить это можно, только массово используя радиоуглеродный метод датировки.

Вторая особенность – практически полное отсутствие в погребениях бытового массового инвентаря: сосудов, украшений, деталей одежды. Например, в кургане №1 могильника Итколь-II на 22 могилы был обнаружен только один сосуд, а полное отсутствие фрагментов в заполнении могил и его насыпи указывает, что это не является следствием ограбления захоронений. Сосудов в могилах не было изначально. Аналогичная картина и с двумя другими курганами (Разлив-X и Черновая-XI). В них тоже было найдено только по одному сосуду. Очень важно отметить, что все три сосуда, обнаруженные в курганах разливого этапа, на основании их размеров (высота не более 10 см) и контекста местонахождения следует рассматривать как «детские». Именно по этому признаку из общего ряда выпадает Стрелка, где найдено сразу три сосуда «взрослого» размера и иной инвентарь. Точно так же в могилах разливого этапа крайне редко встречаются и другие бытовые вещи, например женские украшения и элементы костюма. В трех курганах были найдены следующие предметы: три игольника с набором игл, челюсть сурка, несколько подвесок, три бронзовые бусины, четыре бусины из позвонков рыб, деревянный «черпачок», кремневый наконечник стрелы, две пряжки из эпистрофея волка, наконечник остроги и каменный скребок. Металлические предметы представлены обломком шила круглого сечения и пронизкой из свернутой спиралью полосы. Такой технологический прием, вероятно, является хронологическим маркером.

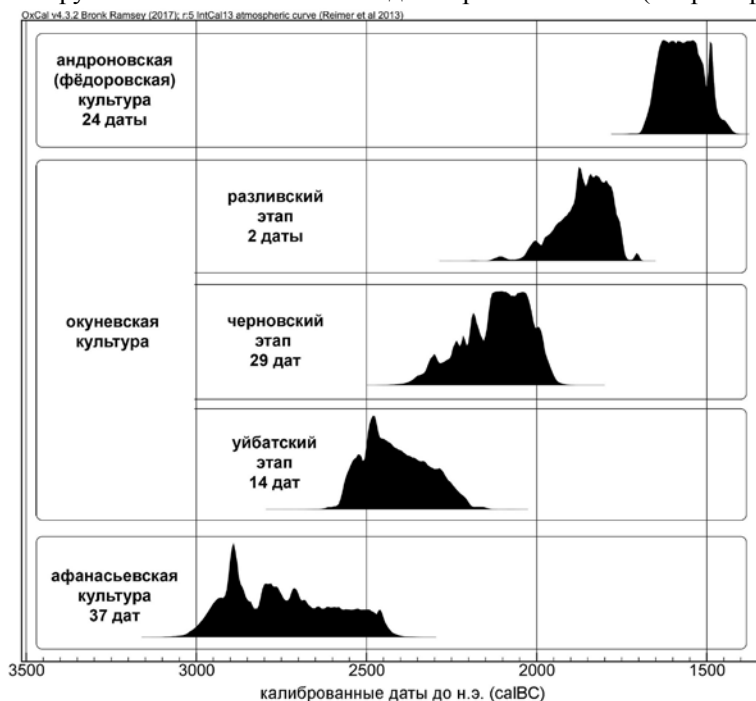
Остальные артефакты носили явно символическую роль и представляли собой амулеты, художественные изделия или ритуальные предметы. В отдельную категорию следует выделить астрагалы овцы, которые в большом числе были найдены в курганах Черновая-XI и Итколь-II к. 1. В первом из них удалось проследить сохранившуюся на астрагалах окраску в черный и красный цвета, а также гравированные геометрические изображения. В погребениях были найдены три стеатитовые «головки». Их главное отличие от более ранних черновских, как верно было отмечено Д.Г. Савиновым [2005], наличие выделенных плечиков. Несколько отличаются стилистически и обнаруженные костяные пластинки с изображением женских лиц с распущенными волосами. Кроме того, были найдены: галечная скульптура в виде бюста человека, амулет из рога лося, подвеска из подъязычной кости животного, крупный мраморный шар с большим отверстием, голова животного, вырезанная из кости. Отдельно следует упомянуть кольцо из бледно-зеленого нефрита, которое пока является единственной подобной находкой и может быть сопоставлено, по мнению автора раскопок, с похожими глазковскими и сейминско-турбинскими изделиями [Леонтьев, 2001, с. 122].

Важнейшее значение для обособления памятников этого периода имеют особенности изобразительного стиля. Во всех трех курганах было обнаружено большое число плит с различными изображениями, в том числе с многочисленными палимпсестами. Некоторые из них являются дальнейшим развитием образов, представленных в более ранних памятниках черновского этапа. Однако есть и новые сюжеты. Например, совершенно справедливо с памятниками Разлив-X и Черновая-XI Д.Г. Савинов [2005;

2006, с. 163–165] связывает изображения в стиле «тощих быков». Аналогичные изображения были также обнаружены в ходе раскопок кургана №1 могильника Итколь-II [Поляков, Лазаретов, Есин, 2018, рис. 23–24]. Эти изображения являются заметным индикатором выделения разливогого этапа. Анализ других изображений из этих памятников позволит в дальнейшем найти и иные образы или их элементы, свойственные исключительно этому хронологическому этапу.

Исследования антропологических особенностей населения разливогого этапа пока еще не проводились специалистами. Однако можно отметить одну крайне важную черту, которая объединяет все три памятника. Практически на всех черепаках, найденных в могилах, прослежена посмертная трепанация в затылочной области [Пшеницына, Пяткин, 2006; Поляков, Лазаретов, Есин, 2018, с. 133, рис. 17]. Причем она встречается не только у взрослых, но и у детей, начиная с самого раннего возраста. Ничего подобного на черепаках из погребений уйбатского и черновского этапов зафиксировано не было. Таким образом, данные трепанации являются наиболее ярким и качественным признаком, наряду с изображениями в стиле «тощих быков», отделяющим разливский этап от более ранних памятников.

Еще один признак был зафиксирован при раскопках двух из трех курганов (Разлив-Х и Итколь-II к. 1). Это каменные ящики с черепами и передними конечностями быков, которые располагались около восточной стенки ограды, внутри нее. Захоронения «шкур» (черепа и передние конечности) известно и для других, более ранних памятников, но все они сделаны в грунтовых ямах и лишь иногда покрыты плитами (например, База Мин-

Сопоставление суммарных вероятностей радиоуглеродных дат афанасьевской, андроновской (федоровской) и окуневской культур Минусинских котловин с разделением последней на хронологические этапы (функции Sum и Boundary)

торга). Размещение их в каменных ящиках на площади ограды отмечено только в двух уже упомянутых случаях. Это позволяет предположить, что данный признак, возможно, характеризует исключительно разливский этап окуневской культуры.

Важным доказательством справедливости выделения разливского этапа являются данные радиоуглеродного анализа. На сегодняшний день исследователями опубликованы две даты из этих памятников: Bln-5279 (3487±25) Черновая-XI, курган №1, могила-1 – 1886–1744 cal BC и UBA-40456 (3584±53); Итколь-II к. 1 м. 5, ск. 1 (Ж) – 2127–1769 cal BC. Их суммарный анализ показывает, что они точно закрывают отрезок между концом черновского этапа окуневской культуры и началом андроновского периода на Среднем Енисее (рис.). На этом основании разливский этап можно предвительно датировать XIX–XVIII вв. до н.э. [Поляков, 20176].

Подводя итог, следует отметить, что разливский этап пока остается наименее четко обособленным хронологическим периодом окуневской культуры. Большинство конструктивных элементов сооружений и бытовых вещей мало изменяются и продолжают традиции черновского этапа. Однако в последнее время накопились новые данные, которые позволяют обнаружить и качественные отличия. В первую очередь стоит отметить традицию затылочной трепанации черепов и изображения в стиле «тощих быков». Среди менее явных признаков выделяется обилие в погребениях ритуальных предметов, а также уменьшение до минимума числа бытовых вещей, в первую очередь керамики. Традиционные стеатитовые «головки» и костяные пластинки с изображениями несколько видоизменяются и тоже помогают в обособлении этого хронологического горизонта. Возможно, такое же значение имеют захоронения «шкур» быков в небольших каменных ящиках внутри ограды, ближе к восточной стенке.

Библиографический список

- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997.
- Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28).
- Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018. №3 (23).
- Леонтьев С.Н. Памятник окуневской культуры курган Черновая-XI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №4.
- Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири // МИА. 1965. №130.
- Максименков Г.А. Окуневская культура : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975.
- Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2017а. Т. I.
- Поляков А.В. Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры // Археологические вести. 2020а. Вып. 26.
- Поляков А.В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020б. №1 (25).
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017б. №16.
- Поляков А.В., Лазаретов И.П., Есин Ю.Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. №8 (охранная археология). СПб., 2018.
- Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Курган Разлив-X – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Хлобыстина М.Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // Советская археология. 1973. №1.

УДК 902«637»(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.29

С.В. Сотникова

ООО «Центр археологических исследований», Надым, Россия

К ВОПРОСУ О СИНТАШТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ ПАРНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ЛОШАДЕЙ

В статье рассматриваются материалы Синташтинского большого грунтового могильника (СМ), расположенного на Южном Урале. Автор обращает внимание на два разных варианта парных захоронений лошадей. Один вариант – выкладки на дне могилы из черепов и костей ног. Именно с этим вариантом связаны находки костяных и роговых псалиев и следы колес, в том числе со спицами, то есть наиболее полный «колесничный» комплекс. Второй вариант – размещение в верхней части могил, как правило, на перекрытии одной или нескольких пар целых костяков лошадей. С этим вариантом на СМ ни разу не встречены псалии. В других могильниках Синташтинского комплекса парные захоронения целых костяков лошадей не обнаружены. В том случае, когда оба варианта встречаются в одной могильной яме, нижнее погребение в той или иной мере потревожено. Автор приходит к выводу, что эта «особенность» СМ может быть интерпретирована как результат появления (переселения, вторжения и т.д.) другого населения, возможно, близкого в культурном отношении. Нельзя полностью исключить и некоторый хронологический разрыв.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха бронзы, синташтинская культура, парные захоронения лошадей

Когда говорят о синташтинской культуре или памятниках синташтинского типа, прежде всего подразумевают неординарные захоронения с «колесничной» атрибутикой (следы колесниц или колес со спицами, парные захоронения целых костяков и/или черепов и костей ног лошадей, псалии и оружие), а также укрепленные поселения с кольцевой планировкой, представленные на эпонимном комплексе памятников – Синташтинском поселении и Синташтинских могильниках на Южном Урале. Наиболее выразительно «колесничная» атрибутика отражена в погребениях Синташтинского большого грунтового могильника (далее СМ). Но материалы этого памятника весьма неоднозначны и вызывают много вопросов.

Прежде всего, это два разных варианта парных захоронений лошадей. Один вариант – выкладки на дне могилы из черепов и костей ног. Именно с этим вариантом связаны находки костяных и роговых псалиев и следы колес, в том числе со спицами, т.е. наиболее полный «колесничный» комплекс. Он выразительно представлен в ненарушенной могиле-30 Синташтинского большого грунтового могильника. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На дне могилы в юго-западной части располагались остатки пароконной запряжки в виде выкладки из черепов и костей ног двух лошадей, расположенных по углам ямы параллельно друг другу. Череп левой лошади располагался на боку, правой – установлен на нижней челюсти. Рядом с левым черепом обнаружена пара костяных псалиев, а также костяная пластина с отверстием и костяной диск с отверстием, по мнению исследователей, от уздечки или упряжи. Между выкладками коней располагались кости человеческого скелета в виде пакета, с юго-западной

стороны которого был уложен череп, рядом с черепом – бронзовый нож. У юго-западной стенки находились сосуд и давящие камни, связанные, как считают авторы публикации, с культом сомы. В могиле обнаружены также бронзовый наконечник копья и колчан со стрелами. В северо-восточной половине ямы зафиксированы ямки от колес со спицами [Генинг и др., 1992, с. 207–214]. Подобные захоронения есть и на других могильниках Синташтинского комплекса. Так, в нарушенном погребении 14 Синташтинского могильника С-I зафиксированы две ямки для колес, два псалия, три каменные плиты и два песта (давящие камни?), большое количество бронзового оружия и орудий [Генинг и др., 1992, с. 266–268]. Подобные захоронения представлены не только на могильниках Синташтинского комплекса. В могильнике Кривое Озеро (курган №10, могила-1) в южной половине камеры обнаружены два углубления для колес со спицами, остатки колесницы, в северной – два черепа лошадей, поставленных на нижние челюсти по углам погребальной камеры, рядом с черепами коней – по паре псалий, оружие/орудия из бронзы, каменные и костяные наконечники стрел. В соседней могиле-2 этого же кургана в южной половине найдены два черепа и кости ног лошадей, а в заполнении грабительского вкопа – щитковый псалий [Виноградов, 2003, с. 82–93].

Второй вариант – размещение в верхней части могил, как правило, на перекрытии одной или нескольких пар целых костяков лошадей. С этим вариантом на СМ ни разу не встречены псалии. В том случае, когда оба варианта встречаются в одной могильной яме, нижнее погребение потревожено. В других могильниках Синташтинского комплекса парные захоронения целых костяков лошадей не обнаружены. Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова считают парные захоронения целых костяков лошадей особенностью Синташтинского большого грунтового могильника, которая обусловлена смешением нескольких культурных традиций. Они отмечают, что в целом для синташтинской традиции такие жертвенники не характерны. Эти авторы, вслед за Е.Е. Кузьминой, А.А. Ткачевым и рядом других исследователей, считают, что в керамике СМ, наряду с синташтинским, присутствует «андроноидный» протофедоровский комплекс, и именно с ним связывают парные захоронения целых костяков лошадей [Зданович, Куприянова, 2010, с. 140]. С этим сложно согласиться по ряду причин.

Прежде всего, сосуд «протофедоровского» облика присутствует в погребении 30 СМ, где кости лошадей представлены в виде черепов и костей ног, а захоронения целых костяков лошадей отсутствуют.

В расположении парных захоронений целых костяков лошадей прослеживается определенная закономерность. В том случае, когда оба варианта парных захоронений коней размещаются в одной яме, целые костяки всегда занимают верхний ярус могилы, они не нарушены, в отличие от нижних погребений, которые в той или иной мере потревожены.

Например, могила-5 СМ [Генинг и др., 1992, с. 126–135, рис. 56]. Нижнее погребение сильно потревожено, однако некоторые закономерности в размещении костей и инвентаря можно проследить. В северной половине зафиксированы два углубления для колес. У южной стенки размещались остатки двух черепов и кости ног лошадей. Здесь имеются небольшие разночтения с планом могилы и ее описанием. В юго-восточном углу лежала, по плану могилы [Генинг и др., 1992, рис. 56], нижняя челюсть лошади VIII (по описанию – череп, с. 130). Рядом с ней – бронзовое шило, три кремневых наконечника стрел, две подвески из клыков кабана, костяной диск с отверстием, просверленный хвостовой позвонок лошади. В 60 см западнее – череп второго коня IX

(по описанию – нижняя челюсть, с. 130), мордой на запад. Под ним – берцовая кость. Между стенкой камеры и черепом – два костяных псалия (по плану – один, рис. 56.-3) и костяной стержень, «вероятно, от уздечки». Второй костяной псалий лежал с другой стороны черепа. Еще один псалий находился между черепом коня IX и нижней челюстью коня VIII. Четвертый псалий находился у западной стенки, несколько в стороне от нижней челюсти лошади. Рядом с этим псалием – копыто лошади, бронзовый нож, кремневый наконечник стрелы, восемь астрагалов барана. Западнее найдено скопление из 16 кремневых наконечников стрел.

На дне могилы находились, по мнению исследователей, кости не менее пяти человек (скелеты А, Б, В, Г, Д, Е), все они сильно потревожены. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые скелеты представлены единичными костями. Так, костяк Е – фрагмент черепа, В – череп, кость руки и несколько мелких костей, Д – кости ног, кости одной руки, тазовая кость. Все кости разрознены, находились в разных частях ямы, но их как бы взаимодополняющий состав невольно подводит к предположению, что это могли быть кости от одного скелета. Наибольший интерес представляет скелет Г, кости которого находились в северной половине ямы рядом с углублением для колеса. Остатки скелета лежали компактно. В отличие от других костяков, здесь были почти все кости скелета. По мнению исследователей, кости были захоронены в могиле «уже после того, как отделились от мягких тканей (нижняя челюсть лежала отдельно от черепа, крестец отделен от тазовых костей и т.д.)» [Генинг и др., 1992, с. 132]. Рядом с этим скоплением располагались бронзовый нож и 39 астрагалов барана. Кроме того, авторы публикации связывают с этим костяком находку колчана с 16 стрелами и считают, что костяк Г имеет отношение к колесничному комплексу [Генинг и др., 1992, с. 132]. Вероятно, к костяку Г следует отнести также кремневый наконечник стрелы и восемь астрагалов барана, расположенные на незначительном расстоянии от колчана. Таким образом, обряд нижнего захоронения могилы-5 аналогичен тому, который был зафиксирован в ненарушенном погребении 30 СМ: ориентация ямы по линии С–Ю с небольшим отклонением, в северной половине – два углубления для колес, в южной – черепа и кости ног пары лошадей, псалии. Кости погребенного помещены в могилу уже очищенными от мягких тканей, инвентарь – бронзовые ножи, колчан со стрелами. Не исключено, что человеческие кости, обозначенные как костяки В, Д, Е, представляли второй «пакет», который был рассеян по всей могильной яме. Следует отметить, что в могиле-30 СМ костяк погребенного в виде пакета был положен не в центре, он занимал северо-западную часть ямы, а рядом, в северо-восточной части, оставлено пустое пространство [Генинг и др., 1992, рис. 111]. Это позволяет предполагать, что в могиле 30 было оставлено место для второго погребенного.

Костяки А и Б располагались в юго-восточном углу ямы. Костяк А представлен только верхней частью скелета. Он лежал на левом боку в несколько неестественно согнутом положении с сильно отброшенными вперед руками, согнутыми в локтях. Череп отсутствовал. На грудной части ребер зафиксирован толстый слой кожи (?), сильно пропитанной окисью меди, но сами украшения отсутствовали. К северо-востоку от костяка А с той же ориентировкой головой на восток находился костяк Б, также в неестественной позе. Он располагался на левом боку, череп повернут лицом к спине, руки прижаты к груди, ноги согнуты. Авторы публикации отмечают, что уже после возведения настила и захоронения в верхнем ярусе трех пар лошадей юго-восточный угол

могилы был раскопан, перекрытие здесь разрушено и в могилу впущен костяк женщины, на груди которой был кожаный нагрудник [Генинг и др., 1992, с. 135]. Почему-то этот костяк в разделе реконструкция погребального ритуала значится уже как костяк Б [Генинг и др., 1992, с. 135]. Вероятно, это опечатка, так как из предыдущего описания и плана могилы следует, что это костяк А. Костяк Б, по мнению исследователей, был сдвинут в сторону, чтобы освободить место для костяка А [Генинг и др., 1992, с. 135]. Но расположение обоих костяков в нарушенном юго-восточном углу могилы на незначительном расстоянии друг от друга, их ориентация головой на восток, неестественное положение костей обоих скелетов заставляют предполагать, что не один, а оба костяка были впущены в могилу позже.

Уже после того, как нижнее погребение могилы-5 было нарушено, над ним возвели настил, на который положили три пары целых костяков лошадей. Два костяка находились в южной половине ямы, на левом боку, головами к южной стенке. Два других костяка – в северной половине, на левом боку, головами к северной стенке. Еще одна пара лошадей, буквально «втиснутых в оставшееся пространство», занимала северо-восточную часть ямы. Они были положены на правый бок. «При этом их ноги находились у северной стенки могилы, а головы были заломлены назад и оказались рядом друг с другом», один из черепов оказался под позвоночником. Между костями этих коней найдены два сосуда, еще один – у середины северной стенки [Генинг и др., 1992, с. 127–128, 135].

Таким образом, могильная яма 5 полноценно использовалась дважды (третий раз яма использована лишь частично – для совершения впускного перезахоронения (?) в юго-восточном углу). Во-первых, для совершения вполне самостоятельного синташтинского погребения с колесничной атрибутикой. Во-вторых, для совершения захоронений трех пар целых костяков лошадей. Между этими событиями произошло нарушение нижнего погребения, так как перекрытие и костяки лошадей оказались ненарушенными. Оно могло быть нарушено тем населением, которое устроило перекрытие и совершило захоронение трех пар лошадей. Но, возможно, это погребение оказалось потревоженным в более раннее время. Однако поскольку парные захоронения лошадей достаточно четко вписаны в пространство могильных ям, после разрушения нижних погребений, вероятно, прошло не так много времени и эти могилы были заметны на поверхности по следам вторжения. Либо над погребениями имелись какие-то надмогильные знаки.

Нельзя полностью исключать вариант, что синташтинцы СМ сами грабили свои могилы (ритуальное ограбление?), а затем над ними размещали несколько пар лошадей. Но тогда этот ритуал должен был присутствовать и на других могильниках, в том числе и на могильниках Синташтинского комплекса, однако этого нет.

На СМ парные костяки лошадей размещались над погребениями как с колесничной атрибутикой, так и без нее. Нижние погребения, как правило, нарушены. Но в некоторых погребениях следы нарушения носят не столь явный характер. Таким образом, каждая могила СМ с захоронениями целых костяков лошадей достаточно уникальна и требует отдельного рассмотрения.

Создается впечатление, что население, которое совершало захоронения коней над синташтинскими погребениями на СМ, интересовали прежде всего крупные могильные ямы, в которые они стремились поместить как можно больше пар коней. В том же

погребении 5 в северо-восточную часть буквально была втиснута третья пара, так что пришлось заломить головы коней. В погребении 2 три лошади положены в ряд, а четвертая – у них в ногах [Генинг и др., 1992, рис. 45.-1].

Закономерно возникает вопрос: кому принадлежали парные захоронения целых костяков лошадей? Находка трех сосудов синташтинского типа рядом с целыми костяками коней в могиле-5 не может служить убедительным ответом, так как эти сосуды могли происходить из разрушенного нижнего погребения. Кроме того, при других парных захоронениях целых костяков лошадей на СМ сосуды не обнаружены.

Это, возможно, могло быть население, отчасти синхронное синташтинскому, где практиковались парные захоронения целых костяков лошадей в пространстве могилы или в отдельных ямах. В этом плане представляют интерес парные захоронения лошадей внутри могильных ям на могильнике Бестамак в Северном Казахстане, который С.С. Калиева и В.Н. Логвин определяют как синташтинско-петровский. Известно, что в ямах 1, 22А, 26, 35, 45 найдено по два целых костяка лошадей [Калиева, Логвин, 2009, с. 48–49, 57; Зданович, Куприянова, 2010, с. 139]. В погребении 5 этого могильника – три целых костяка лошадей. В то же время на этом памятнике имеется погребение 20, которое можно сопоставить с материалами СМ. Нижнее погребение с синташтинской керамикой, но без колесничных атрибутов, сильно разрушено. В верхнем ярусе – две пары полных костяков лошадей [Калиева, Логвин, 2012, с. 77–82]. Но материалы могильника Бестамак опубликованы выборочно, поэтому говорить что-либо определенное пока преждевременно.

В то же время не исключено, что материалы СМ отражают результаты столкновения между разными группами синташтинского населения, когда объектом борьбы выступали не только реальные материальные ресурсы (скот, пастбища, металл и т.д.). Захоранивая на чужом кладбище своих лошадей, новое население таким способом, возможно, утверждало свои права на завоеванную территорию, превращая «чужих» предков в «своих».

Вопросов, связанных с характером материалов Синташтинского большого грунтового могильника, гораздо больше, чем ответов. Можно воспринимать погребения СМ как единый в культурном и хронологическом отношении комплекс, где взаимодействовали нескольких культурных традиций, и считать парные захоронения целых костяков лошадей его особенностью. Но можно объяснить эту «особенность» Синташтинского большого грунтового могильника как результат появления (переселения, вторжения и т.д.) другого населения, возможно, близкого в культурном отношении. Нельзя полностью исключить и некоторый хронологический разрыв.

Библиографический список

- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск, 2010. Ч. 1.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. 2009. №9.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Погребение 20 могильника Бестамак // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012». Актобе, 2012.

НАБОР АСТРАГАЛОВ КАК ЖЕРТВА ОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩА НА ПОСЕЛЕНИИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ПРИАЗОВЬЕ

Во время раскопок поселения позднего бронзового века Макри Хая в Северо-Восточном Приазовье в начале 1980-х гг. был исследован своеобразный ритуальный комплекс: в углу постройки на полу найдено скопление астрагалов (таранных костей) мелкого рогатого скота с каменной круглой плиткой неподалеку. Комплекс трактуется как жертва оставления жилища, а плитка рядом воспринимается как бита – принадлежность игры на выбивание. Изучение набора *de visu* позволило выявить и устранить ошибки, связанные с этим комплексом, уточнить детали изготовления и использования найденных таранных костей и подойти к ответу на вопрос – действительно ли в углу жилища был положен ритуально/игральный набор, и может ли каменный диск быть битой. В процессе изучения материалов раскопок поселения обнаружен целый ряд плоских каменных дисков, что заставляет более внимательно присмотреться к этому типу изделий. Каменные изделия же иных форм, найденные на поселении, могли, наряду с возможной «битой» возле астрагалов, служить принадлежностями каких-то игр, где использовались не только астрагалы, но и каменные фишки, так называемые «крем'яхи».

Ключевые слова: астрагалы, каменные диски, поселения, жертва оставления жилища, Северо-Восточное Приазовье, период поздней бронзы, игра, «крем'яхи»

В 1981–1982 гг. археологическая экспедиция Донецкого областного краеведческого музея и областного Общества охраны памятников под руководством О.Я. Приваловой и А.И. Привалова провела охранные раскопки разрушаемого поселения позднебронзового века Макри Хая (с греческого: «Длинная скала» [Отин, 2002, с. 99]) в Северо-Восточном Приазовье, в 2,4 км на север–северо-запад от северной окраины с. Стыла (Старобешевский р-н, Донецкая обл.), на мысу левого берега балки Сухая, являющейся левым притоком р. Сухая Волноваха, в урочище Макри Хая (бассейн р. Кальмиус) [Список..., 1988, с. 90–91; Ромашко, 2013, с. 267]. Размеры памятника 200×150 м. Исследована площадь 185 кв. м. Раскопана однокамерная полуземлянка прямоугольной формы площадью около 22 кв. м. Цоколь этой постройки из плит песчаника, сланца и доломита сохранился на высоту до 0,5 м. Вход находился в северо-восточной части полуземлянки. Пол жилища глинобитный, в центре выявлены очаг и яма от опорного столба с каменными плитками, заклинивавшими этот столб. В керамическом комплексе преобладают типичные для позднебронзового времени горшки и банки, в т.ч. орнаментированные налепным и оттянутым валиками. Часть керамики украшена прочерченными линиями и оттисками шнура. Собрана небольшая обычная для памятников позднебронзового периода коллекция костяных орудий и довольно значительное количество каменных изделий.

Слева и справа у выхода из полуземлянки на дне были установлены два сосуда (один из них: рис. 1.-11, 1). В восточном углу постройки на полу – скопление из лежащих кучкой астрагалов мелкого рогатого скота (МРС) (рис. 1.-11, 2) с каменной круглой плиткой неподалеку (рис. 1.-11, 3). Эти комплексы давно обратили на себя внимание. Сосуды у входа и набор астрагалов с плиткой трактуются как жертвы оставления жилищ [Горбов, Мимоход, 1999, с. 27, 28]. Сама же плитка в наборе воспринимается, как бита («битка») – принадлежность игры на выбивание [Цимиданов, 2015, с. 62].

Зная о наборе, мы с В.В. Цимидановым предпринимали попытки увидеть его вочию, но за давностью лет всеми забылось, куда он делся. Это привело, например,

к тому, что о каменной плитке пришлось говорить предположительно [Цимиданов, 2015, с. 62]. Осенью 2017 г. материалы раскопок поселения были вновь «найжены». Появилась возможность сделать новые рисунки вещей и предметно изучить комплекс (использовался микроскоп МБС-2).

Набор состоит из девяти астрагалов МРС (рис. 1.-1-9): четыре правых (рис. 1.-1, 2, 6, 8), пять левых (рис. 1.-3-5, 7, 9). Все кости относятся к *Ovis aries*, причем использованы таранные кости только баранов (определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН). Заметим, что в работах говорится о 29 астрагалах в наборе [Горбов, Мимоход, 1999,

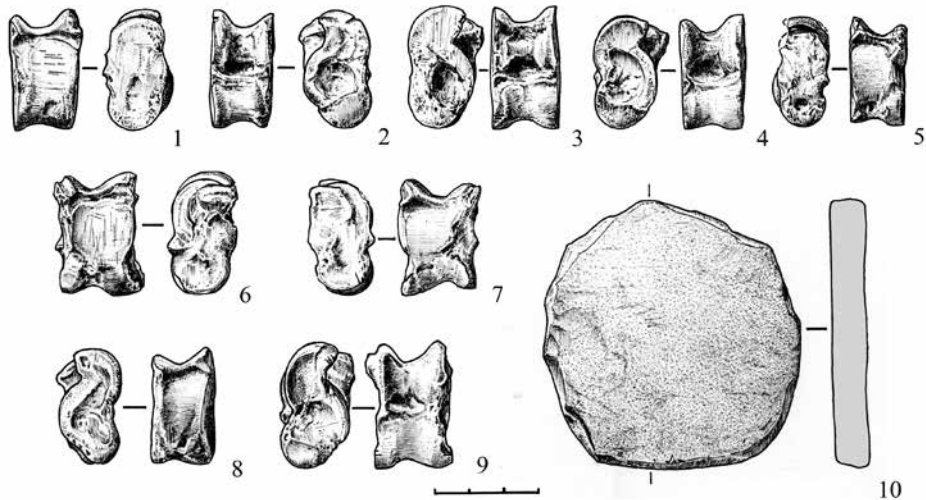

Рис. 1. Поселение Макри Хая (Северо-Восточное Приазовье): 1-9 – набор астрагалов (таранных костей МРС) из восточного угла постройки; 10 – каменный диск, лежащий недалеко от набора астрагалов; 11 – ситуация с положением жертв оставления жилища (1 – придонная часть одного из сосудов у входа; 2 – набор астрагалов; 3 – каменный диск)

с. 27; Ромашко, 2013, с. 116] – это ошибка, связанная с исправлениями в машинописи отчета, откуда исследователи брали информацию о комплексе.

Сохранность костей хорошая. Чуть хуже остальных – компакта одного экземпляра (рис. 1.-5). На двух астрагалах (рис. 1.-2, 5) – свежие утраты мелких участков компакты, на четырех (рис. 1.-2, 4, 8, 9) – кое-где следы разрушения компакты микроорганизмами. На шести экземплярах замечены короткие следы поперечной резки металлическими лезвиями (рис. 1.-1, 3, 4, 6, 7, 9). Иногда след резки диагональный (рис. 1.-2, 7) или группа тонких поперечных следов накладываются на продольные (рис. 1.-1, 6). Следы оставлены более (рис. 1.-1, 3, 4, 6, 7) или менее (рис. 1.-2, 9) острыми лезвиями. Такие следы встречаются на астрагалах различных животных от разделки туш и свидетельствуют о целенаправленном вычленении таранных костей из конечностей [Антипина, 2004, с. 191; 2011, с. 195–196; Усачук, 2013, с. 347; Панковский, 2013, с. 454; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014, с. 42–43; Евгеньев и др., 2016, с. 139; Sabori et al., 2016, p. 211; Кузьмина и др., 2017, с. 173; Рафикова, Федоров, Усачук, 2019, с. 106; Усачук, Бахшиев, 2019, с. 13; и др.]. Боковые грани шести астрагалов (рис. 1.-1–5, 8) сточены. Там сохранились слабые продольные или чуть диагональные следы мелкого и очень мелкого абразива.

На следы вычленения костей и их частичной обработки наложились следы использования. Все астрагалы залощены: в очень небольшой (рис. 1.-1, 3–6, 7, 9) или значительной (рис. 1.-2, 8) степени.

Обратим внимание на одинаковое сырье: в наборе таранные кости только от самцов. Это отличает комплекс из Макри Хая от многих погребальных наборов астрагалов того времени, где предпочитали использовать кости нескольких животных, т.е., по интересному замечанию В.В. Цимиданова [2015, с. 65], «преднамеренно составлялся «текст», который с языка вещей может быть переведен как «стадо». Лево- и правосторонность, скорее всего, не учитывались. Возможно, для использования девяти астрагалов в качестве жертвы оставления жилища совместили остатки каких-то первоначальных наборов. На это могут указывать как необработанные экземпляры среди астрагалов со сточенными гранями (обработка граней позволяет считать эти астрагалы игральными костями [Цимиданов, 2001, с. 224; подборка литературы см.: Панковский, 2013, с. 454]; противоположное мнение см.: [Carè, 2013, p. 92]), так и разная степень залощенности астрагалов [ср. Усачук, Панасюк, 2014, с. 40; Усачук, 2018, с. 104–105].

В комплексе с астрагалами на полу полуземлянки найден небольшой каменный диск (рис. 1.-11, 3) – плоская круглая плитка из алевролита весом 112 г с очень слабо залощенными неровными торцами и необработанными плоскостями (рис. 1.-10). В отчете указывается, что плитка находилась рядом с астрагалами, и именно так подана информация о комплексе в публикациях [Горбов, Мимоход, 1999, с. 27; Ромашко, 2013, с. 116]. Судя по фото (рис. 1.-11), каменный диск лежал в 34 см от кучки астрагалов – вроде бы «рядом», но правильнее сказать – «недалеко». Однако разбор всего материала поселения показал, что в культурном слое в различных местах обоих раскопов найдена целая серия небольших плоских каменных изделий: несколько дисков (рис. 2.-5–7), близких к дискам (рис. 2.-3, 4) и иных форм (рис. 2.-1, 2, 8). В качестве сырья использовался известняк (рис. 2.-1–3, 7), мелкозернистый известняк (рис. 2.-8), алевролит (рис. 2.-4, 5) и мергельный известняк (рис. 2.-6). Все подобные изделия более или менее аккуратно оббиты по торцам, иногда торцы об-

работаны на абразиве (рис. 2.-1-3, 5) и залощены. Орудием среди них – абразивом – можно назвать трапециевидную плитку (рис. 2.-8) по наличию на ней одной рабочей поверхности с шлифовкой и тонкими длинными разновеликими следами. На остальных плитках следов нет, но может быть немного заглажена одна (рис. 2.-4) или обе (рис. 2.-2, 3, 5, 6) стороны. Интересная сработанность на самом большом и массивном (вес 178 г) диске с поселения (рис. 2.-7): известняк слоится и обе плоскости достаточно неровные, но одна из плоскостей чуть-чуть залощена по этим неровностям рельефа, а на второй плоскости фиксируются локальные участки довольно сильной залощенности. Во время изучения каменного изделия оказалось, что, когда оно удобно лежит в ладони, подушечка большого пальца, которым придерживается диск сверху, часто оказывается на одном из этих участков.

Каменные диски, подобные найденным на Макри Хая, встречаются на поселениях периода поздней бронзы огромной территории [Кривцова-Гракова, 1948, с. 121; Сериков, 1977; Привалова, Привалов, 1987, с. 104; Обыденнов, 1991, с. 63; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 162–163; Ткачев, 2002, с. 71, 95, 113, 121, 142, 151; Бровендер,

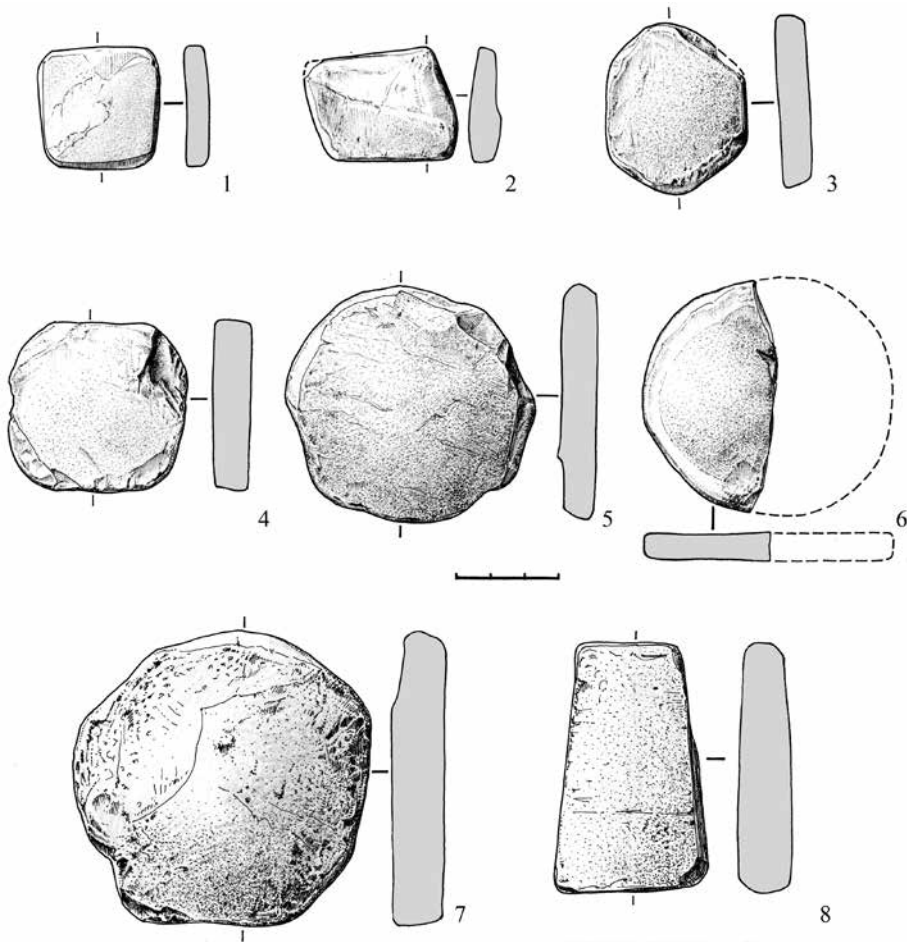

Рис. 2. Поселение Макри Хая (Северо-Восточное Приазовье): 1–8 – каменные изделия

Загородняя, 2009, с. 257; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 65; Корякова и др., 2011, с. 68; Бровендер, 2012, с. 57, 63, 70, 73, 81, 85, 87; Кунгурова, 2013, с. 319; Загородняя, 2014, с. 67, 117, 118; 2017, с. 311; Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 66; Сергеева, 2018, с. 120–124, 126, 128, 133, 136; и др.]. Мнения об их использовании различны: скребла по коже, терчонники, крышки, орудия металлообработки (абразивы, наковаленки), орудия, используемые в процессе металлопроизводства (из-за находки дисков в развалах металлургических печей), пробка литейной формы, биты, подставки в керамическом производстве [Сериков, 1977, с. 210; Привалова, Привалов, 1987, с. 104; Обыденнов, 1991, с. 63; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 162; Зах, 1995, с. 63; Привалова, 2000, с. 107; Бровендер, Загородняя, 2009, с. 257; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 65; Кунгурова, 2013, с. 319; Загородняя, 2012, с. 162; 2014, с. 118; Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 66; Сергеева, 2018, с. 136]. В некоторых случаях исследователи подтверждают свои выводы трасологическими данными. При этом отмечу, что группа подобных дисков с южноуральского синташтинско-петровского поселения Устье-I помещена Н.Ю. Кунгуровой в категорию «предметы неизвестного назначения» [Кунгурова, 2013, с. 319]. Не устанавливается «функциональное назначение» и дисков с елунинского поселения Березовая Лука в Верхнем Приобье [Волков, 2011, с. 113], а О.Н. Загородняя и Ю.М. Бровендер говорят о многочисленных дисках с целого ряда позднебронзовых поселений Донецкого края и Подонцовья как о функционально неопределенных изделиях [Бровендер, Загородняя, 2009, с. 257; Загородняя, 2012, с. 161–162; 2014, с. 117; 2017, с. 311]. Трасологические данные по дискам нескольких поселений периода поздней бронзы Центрального Казахстана не дают ответа о функциональном назначении этих изделий [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 13–14, 66, 118]. Во всех случаях это происходит из-за того, что на значительной части каменных дисков признаки утилизации на поверхностях отсутствуют (ср. с выводами по подобным изделиям Кента: «Самая многочисленная группа – диски ... Признаков изношенности ни на одном из них не обнаружено» [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 66]). Таким образом, каменные диски поселения Макри Хая – не единственные, у которых неясна их функция. Возвращаясь к диску, найденному недалеко от набора астрагалов (рис. 1.-10), попробуем понять: может ли он быть связанным с набором и называться «битой»?

Общие размеры и вес найденного недалеко от астрагалов каменного диска не противоречат тому, чтобы считать его битой. Неровные плоскости диска покрыты локальной неоднородной легкой залощенностью, которая вполне могла образоваться из-за того, что диск часто брали в руки. Еще более на роль «биты» подходит второй диск (рис. 2.-7), следы на котором свидетельствуют, что его неоднократно и во вполне определенной позиции (почти параллельно земле) держали в ладони. Не обращаясь к многочисленной этнографической литературе, фиксирующей игры на выбивание, обратимся к материалам эпохи бронзы, где наборы астрагалов сопровождают какие-либо предметы, которые можно считать битами. Таких случаев очень мало [ср. Цимида-нов, 2001, с. 226–227; 2015, с. 59–61, 62, 63–64], причем среди возможных бит нет плоских каменных дисков [Епимахов, 2005, с. 15, 159; Епимахов, Берсенева, 2015, с. 26; Сотникова, 2014, с. 31; 2015, с. 26, 27] (ср.: «...подобные изделия ни разу не встречены в срубных погребениях с астрагалами. Если бы астрагалы из срубных захоронений являлись наборами для игр на выбивание, их корреляция с округлой каменной плиткой хоть раз бы, но проявилась в контексте погребального обряда» [Ци-

миданов, 2015, с. 62]). Обратим внимание и на то, что на астрагалах из набора Макри Хая нет забитости, т.е. их не выбивали при помощи каменной или костяной биты. Вопрос об отсутствии забитости на астрагалах срубной культуры уже поднимался [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014, с. 44; Цимиданов, 2015, с. 62]. Существуют только два срубных погребения 5 и 10 кургана №1 Николаевского могильника (юго-западный Башкортостан), где наборы астрагалов МРС и свиные были со сбитыми в той или иной степени краями [Исмагил, Морозов, Чаплыгин, 2009, с. 16, 19, 141, 142; ср. Цимиданов, 2015, с. 62]. Следовательно, какие-то игры на выбивание с применением бит в период поздней бронзы практиковались, но вряд ли повсеместно. Отсутствие же следов забитости на астрагалах из набора на Макри Хая говорит в пользу того, что эти таранные кости не применялись в каких-либо манипуляциях с выбиванием, тем более что положение диска, найденного недалеко от кучки астрагалов, не позволяет на 100% связать его с набором. Против того, чтобы считать каменный диск, найденный недалеко от астрагалов, деталью набора, свидетельствует и факт того, что в рамках жилища – на полу и в заполнении – найдена целая серия подобных изделий. Сравним находки дисков на Макри Хая с интересным наблюдением при изучении поселения Каменный Амбар (Ольгино): «В коллекции много каменных дисков диаметром от 7–8 до 13–14 см ..., происходящих в основном из котлованов построек» [Корякова и др., 2011, с. 68] (возможно, то же можно сказать и по поводу жилищно-хозяйственного комплекса 5 поселения Степановка [Бровендер, 2012, с. 85]). Но плоские каменные диски встречаются далеко не на каждом поселении. Например, на исследованных в приморской зоне того же Северо-Восточного Приазовья большими площадями поселения периода поздней бронзы Широкая Балка-II, Безыменное-I и Безыменное-II (примерно в 100 км южнее Макри Хая) таких дисков не обнаружено. В свою очередь, одно из наиболее изученных поселений периода поздней бронзы Донецкого края, Степановка, дало целую коллекцию подобных дисков – 141 экз. [Загородняя, 2014, с. 32–33; Бровендер, 2012, с. 57, 63, 70, 73, 81, 85, 87]. На позднесрубном поселении Ребриковское-I в Нижнем Подонье каменных дисков найдено 29 экз. [Сергеева, 2018, с. 136], в то время как на некоторых поселениях срубной культуры того же региона диски отсутствуют. Поселения поздней бронзы Нуринского археологического микрорайона (Центральный Казахстан) дают разные результаты по количеству каменных дисков: Икпень-I – 80 экз., Икпень-II – 27 экз., Икпень-III – 18 экз., Майоровка – 17 экз., Энтузиаст-I – 12 экз., Энтузиаст-II – 2 экз. [Ткачев, 2002, с. 71, 95, 113, 121, 142, 151] (разумеется, на памятниках раскопана разная площадь, но, исключая поселение Икпень-I, остальные поселения по этому параметру более-менее сопоставимы).

Таким образом, даже беглый обзор ситуации с каменными дисками показывает их неравномерное распространение и то, что они, очевидно, являлись изделиями с разными функциями. Следы на дисках из Макри Хая не противоречат тому, чтобы считать их битами (по крайней мере – два изделия), но с учетом вышесказанного это, скорее всего, исключение, чем правило. Может быть при использовании астрагалов в качестве жертвы оставления жилища требовалось только обозначить возможность существования игры на выбивание, и потому были не только совмещены остатки каких-то первоначальных наборов таранных костей, о чем говорилось выше, но и брошена «недалеко» от кучки астрагалов круглая плитка, маркирующая редко применяемую на практике биты?

Впрочем, игровая составляющая жителей Макри Хая шире возможных набора астрагалов и биты. Небольшие по размерам с тщательно обработанными торцами плоские изделия из известняка (рис. 2.-1–3) и алевролита (рис. 2.-4) (это изделие из-за размера в меньшей степени) вполне могут быть своеобразными фишками для игры в «камушки» («крем’яхи», «кремешки», «креймахи», «черепочки», «кремашки», «крамушки», «камінці» и пр.) [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 63; Гейко, 2015, с. 41–42, 45–47]. Эти игры связаны с использованием не только обработанных камешков, но и обточенных фрагментов разбитых сосудов и астрагалов [Гейко, 2015, с. 83]. Возможно, на фоне каменных фишек Макри Хая можно все-таки воспринять набор астрагалов и каменный диск в углу жилища как нечто маркирующее игровую практику на поселении. Использование же набора для игры в ритуальных действиях (жертва оставления жилища) еще раз подчеркивает давно доказанную неразрывность культового характера игры в кости в эпоху поздней бронзы.

Библиографический список

- Антипина Е.Е. Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III. Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. М., 2004.
- Антипина Е.Е. Археозоологические коллекции из поселений эпохи поздней бронзы на территории Тульской области // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М., 2011.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009.
- Бровендер Ю.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск, 2012.
- Бровендер Ю.М., Загородняя О.Н. Орудия металлопроизводства поселения Червонэ Озеро-3 Картамышского комплекса горно-металлургических памятников эпохи бронзы // Матеріали та дослідження з археології України. Вип. 9. Луганськ, 2009.
- Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана, 2017.
- Волков П.В. Функциональные определения каменных и костяных орудий с поселения Березовая Лука // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 2. Барнаул, 2011.
- Гейко А. Гра «Крем’яхи» як джерело наукових студій. Опішне, 2015.
- Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.
- Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево-I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург, 2016.
- Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005.
- Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Homo ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, №2 (62).
- Загородняя О.Н. Каменные и керамические изделия Степановского поселения // Ю.М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск, 2012.
- Загородняя О.Н. Орудия металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры (по материалам Картамышского археологического микрорайона) : дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2014.
- Загородняя О.Н. Основные результаты изучения орудий металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул, 2017.
- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Sterля в Башкортостане. Уфа, 2009.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата, 1992.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 2. Барнаул, 2011.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №4 (48).

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник / Труды ГИМ. Вып. XVII. М., 1948.

Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А. Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжинка-V // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара, 2017.

Кунгурова Н.Ю. Результаты исследования каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье-I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013.

Обыденнов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Вторая половина II тысячелетия до н.э. Саратов, 1991.

Отин Е.С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий). Донецк, 2002.

Панковский В.Б. Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки // Котова Н.С. Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков, 2013.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10).

Привалова О.Я. Староласпинское поселение эпохи поздней бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000.

Привалова О.Я., Привалов А.И. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости и рога поселения Новобайрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7. Самара, 2019.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев, 2013.

Сергеева О.В. Раскопки поселения эпохи поздней бронзы «Ребриковское-I» в Ростовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 14. Саратов, 2018.

Сериков Ю.Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков // Советская археология. 1977. №2.

Сотников С.В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №2 (25).

Сотникова С.В. Детские погребения с наборами астрагалов как отражение половозрастной стратификации в обществах эпохи бронзы на территории евразийских степей (по материалам памятников синташтинско-петровского, потаповского, покровского типов) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. №1 (28).

Список памятников археологии Украины. Донецкая область / сост. О.Я. Привалова, А.И. Привалов. Киев, 1988.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень, 2002.

Усачук А.Н. Костяные изделия поселения Устье-I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013.

Усачук А.Н. Набор астрагалов из срубного погребения могильника Таловый-I // Р.А. Мимоход. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 23. М., 2018.

Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Археология евразийских степей. 2019. №2.

Усачук А.Н., Панасюк Н.В. Некоторые аспекты использования астрагалов в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. 2014. №4.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. №10. Донецк, 2001.

Цимиданов В.В. Погребения срубной культуры с астрагалами из Новопокровки-2 (Нижнее Поволжье): «игроки» или медиаторы? // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11).

Carè B. Knucklebones from the Greek Necropolis of Locri Epizefiri, Southern Italy (VIth-IIIth century BC): Typological and Functional Analysis // The Sound of Bones. Proceedings of the 8th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group in Salzburg 2011. Salzburg, 2013.

Sabori H., Basafa H., Hejininezhad E., Bolandi R., Norouzi Khorasani M. Game Pieces of Knucklebones: Evidence about the Continuation of Local Games in Khorasan, Iran // The Silk Road. 2016. Vol. 14.

УДК 903.211.3(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.31

Я.В. Фролов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ГРЕБЕНЧАТЫЙ ВИСЛООБУШНЫЙ ТОПОР ИЗ БАРНАУЛЬСКОГО ОКРУГА

С накоплением археологических материалов давно опубликованные случайные находки приобретают новое значение. Это относится и к металлическому топору, который хранится в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. В статье осуществлена его идентификация и дана краткая история изучения, а также впервые отражена всесторонняя демонстрация в виде фотоснимков и графических прорисовок. Кроме этого, уточнены и дополнены отдельные сведения, а также приведен круг ближайших аналогий, которые позволяют определить культурно-хронологический контекст топора. Имеющаяся к настоящему времени сводка вислообушных топоров дает возможность очертить ареал их распространения и рассматривать причины зафиксированной ситуации. Перспективными являются определение состава сплавов этих металлических изделий, реконструкция технологии их изготовления и вариантов использования.

Ключевые слова: Барнаульский округ, топор, Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского

Изображения отдельных предметов эпохи бронзы с территории Западной Сибири, приведенные дореволюционными и советскими исследователями в обобщающих работах в сводных таблицах, часто представлены недостаточно точно выполненными рисунками. Это затрудняет возможность более точной их атрибуции, использования находок в классификационных и других построениях. К таким недостаточно полно опубликованным древним изделиям относится топор, найденный около с. Лянино (Лялино) Барнаульского округа, хранящийся в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ №ОФ 2822). Данный артефакт был опубликован неоднократно и во всех случаях представлен разными изображениями. Иллюстрация предмета приведена в хорошо известной монографии М.П. Грязнова [1956, с. 20, рис. 5.-1]. Похожий рисунок представил В.И. Матющенко [1973, рис. 2.-1]. Позднее изделие было продемонстрировано Н.А. Аванесовой [1991, рис. 13.-52]. Такое доработанное изображение отражено в сводной таблице топоров с территории юга Обь-Иртышского междуречья в наших публикациях [Тишкин, Фролов, 2016, рис. 1.-3; 2017, рис. 10.-3]. Во всех указанных случаях опубликованные рисунки древнего изделия, обнаруженного около с. Лянино

(Лялино), имеют ряд искажений. На них даны не все ракурсы, а приведенные описания находки нуждаются в уточнении.

Кроме обозначенных проблем имеются неясности, связанные с локализацией места обнаружения рассматриваемого топора. В каталоге «Археологического музея Томского университета», опубликованном В.М. Флоринским [1890, с. 167], дана следующая географическая привязка: «Найден при раскопке земли, близ деревни Лялиной, Барнаульского округа». При изучении списков населенных пунктов на картах Томской губернии 2-й половины XIX в. деревни с названием Лялино не встречено. Наиболее близким по написанию является название села Лянино (Лянинской волости, Барнаульского округа). В настоящее время это село находится в Здвинском районе Новосибирской области. Все имеющиеся в России обозначения Лялино и Лянино имели двойные созвучные наименования. По всей вероятности, данная ситуация имела место при указании аналогичного населенного пункта в Барнаульском округе, что зафиксировано в каталоге собраний Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Возможно, к такому же выводу пришли Ю.С. Гришин [1971, с. 48] и В.И. Матющенко [1973, с. 114], которые в качестве места обнаружения топора обозначили «дер. Лянина».

Изделие, найденное около с. Лянино (Лялино), является одним из достаточно распространенных вариантов гребенчатых вислообушных топоров. Оно имеет длинный массивный клинок, крупную втулку и слегка изогнутое лезвие (рис. 1–2). Общая длина предмета составляет 22,3 см, максимальная ширина клина – 3,7 см, длина клинка (от втулки до лезвия) – 15,2 см, ширина на стыке втулки и клинка – 3,5 см, а толщина – 4,1 см. Шестигранный клинок постепенно уплощается и расширяется ближе к лезвию (рис. 2.-4). Ширина клинка к лезвию уменьшается равномерно. Верхний торец клинка (спинка) имеет две грани. Слабо выраженное ребро там маркирует литейный шов (рис. 1.-1, 3; 2.-1, 3). Форма отверстия втулки топора (проушина) овальная. Размеры этой части такие: сверху – 4,7×3,3 см, внизу – 5×3,6. На внутренней стороне поверхности втулки (со стороны обуха) имеется выемка округлой формы глубиной около 1 см (рис. 1.-3), по-видимому, связанная с особенностями технологии изготовления изделия. Внешние размеры втулки топора внизу – 8×5,1 см, высота (по центру) – 6,2 см. Верхний край втулки имеет слабый скос к обуху (рис. 1.-2, 4; 2.-2, 4).

Орнамент на втулке нет. Внизу и сверху по краям ее боковых сторон (щёк) проходят два валика-утолщения. Их подпрямоугольный профиль у клинка ближе к обуху оформлен в округлый. Валик с верхнего края втулки постепенно переходит на клинок топора, тем самым образуя и усиливая его боковую грань. Обух топора представляет собой характерный выступ-«гребень», который является продолжением валиковых утолщений на щеках втулки, формирующих край обуха. Отверстия на обухе нет, но имеются углубления с двух сторон. Толщина «гребня» в середине заметно меньше, чем по краям. По центру обуха выделяется пяточный выступ – округлый боек (рис. 1.-5; рис. 2.-5). Лезвие имеет следы заточки (рис. 1.-5). Поверхность изделия покрыта слоем патины грязно-зеленого и светло-зеленого цвета. Предмет отлит в двухстворчатой форме. На изделии хорошо видны литейные швы, проходящие в виде тонких валиков по центру клина и по обуху (рис 1–2).

Как уже отмечалось выше, представленный вариант гребенчатого вислообушного топора является наиболее широко распространенным типом изделий подобного рода. Такие находки известны в Казахстане, Минусинской котловине, Обь-Иртышском

междуречье [Аванесова, 1991, с. 11–15; Тишкин, Фролов, 2017, с. 94]. Данные типы изделий демонстрируют переходные формы от гладкообушковых топоров с усилением втулки к классическому варианту гребенчатых и петельчатых вислообушных топоров. Подобные переходные формы между типами Б и В (по А.Н. Аванесовой) демонстри-

Рис. 1. Топор, найденный у с. Лянино (Лялино) Барнаульского округа
(фотоснимки сделаны Я.В. Фроловым)

руют ряд других топоров из серии находок из Лесостепного Алтая (рис. 3). Аналогичные изделия найдены в окрестностях сел Тюменцево и Ключи [Тишкин, Фролов, 2015, с. 135–144; 2017, с. 94]. Отметим общие сходные черты их морфологии: слабо выраженные, без четких граней в рельефе, валики по краям втулки и небольшой гребень округлой формы без отверстия, являющийся продолжением этих валиков. На топоре из Лянино (Лялино) видно сочетание двух типов валиков – округлых и реберчатых.

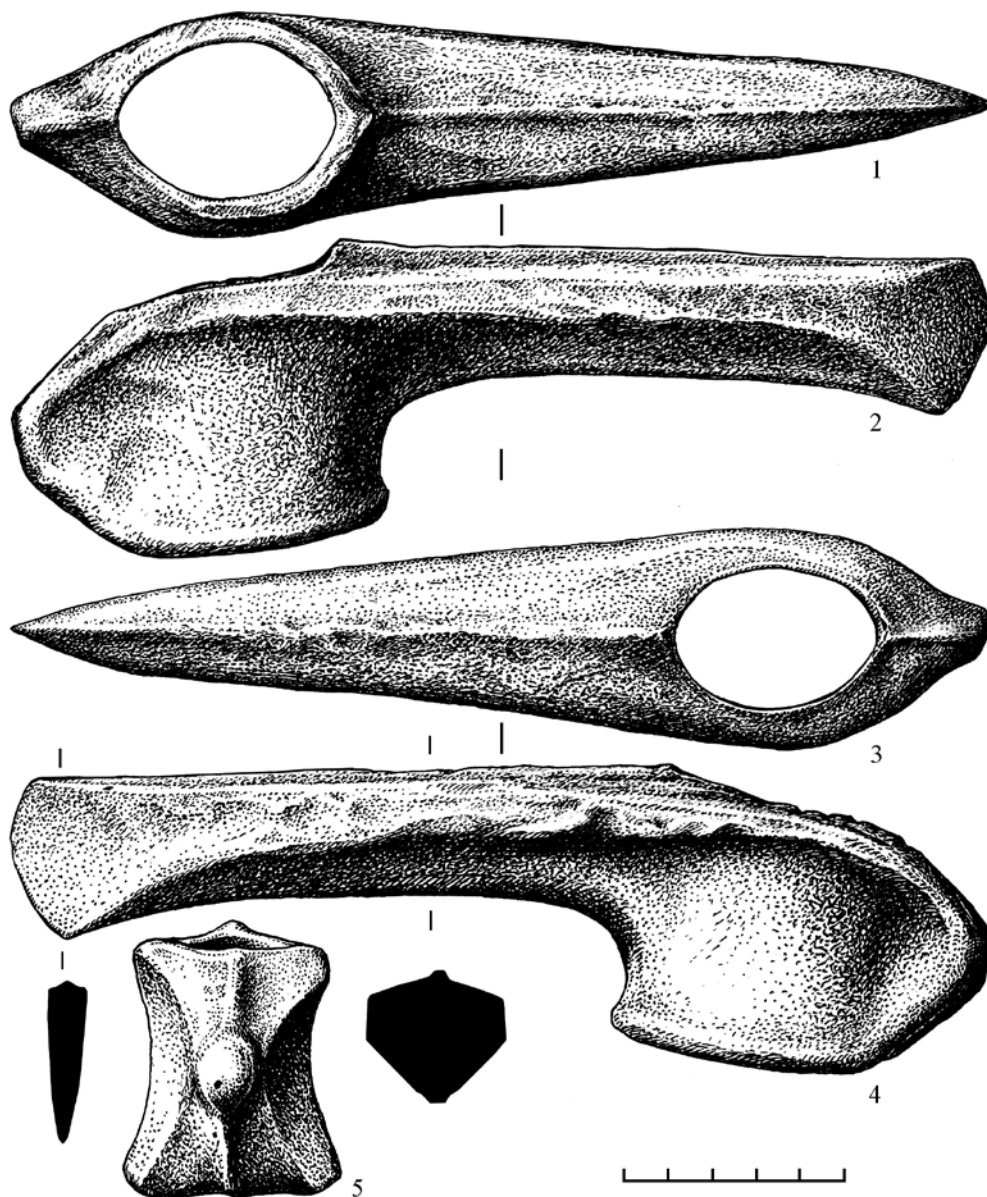

Рис. 2. Металлический топор из Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ (прорисовки выполнены И. Чудилиным)

Данный тип топоров переходных форм может встречаться как в андроновских, так и в саргаринско-алексеевских памятниках [Тишкин, Фролов, 2017, с. 94].

Определенное своеобразие формы топора из Лянино (Лялино) определяет наличие слабовыраженного округлого бойка на обухе, оформленного, по-видимому, из остатков литника изделия. Из близких аналогий вислообушных топоров с бойками следует привести изделие, найденное на р. Оми около бывшего с. Седово (Старо-Боро-

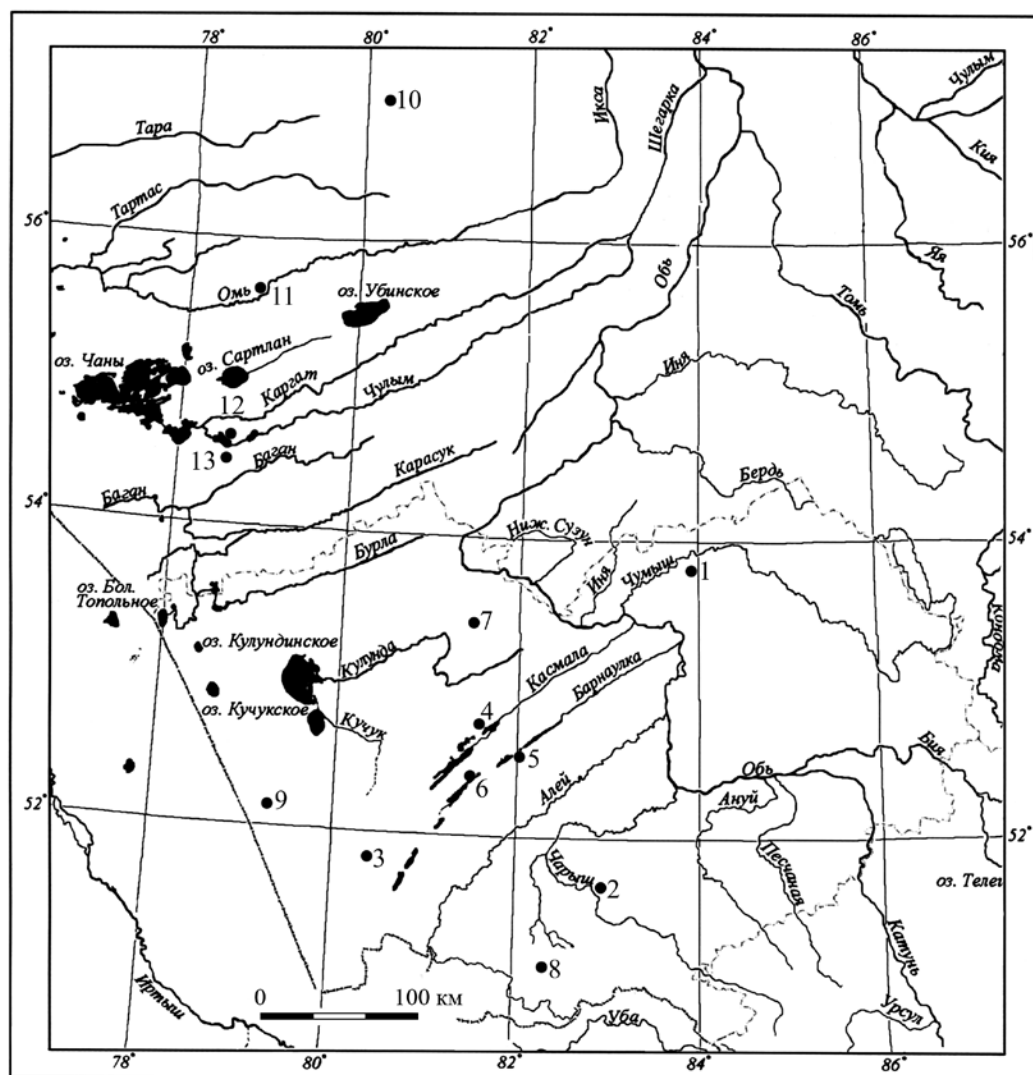

Рис. 3. Карта-схема с обозначением мест нахождения металлических топоров на территории Обь-Иртышского междуречья: 1 – пос. Северный; 2 – с. Карпово; 3 – с. Бор-Форпост; 4 – с. Мамонтово; 5 – с. Урлапово; 6 – поселение Крестьянское-IVa; 7 – с. Тюменцево; 8 – Змеиногорский рудник; 9 – с. Ключи; 10 – бывшее с. Золотые Юрты; 11 – бывшее с. Седово (Старо-Бородино); 12 – оз. Урюм (с. Михайловка); 13 – с. Лянино (Лялино)

дино) Куйбышевского района Новосибирской области, имеющее выраженный молотовидный грибовидный боек [Молодин, Ермакова, 2009, с. 335–336].

Из того же Здвинского района Новосибирской области, что и топор из с. Лянино (Лялино), происходит еще одна находка бронзового гребенчатого вислообушного топора. Этот предмет был найден в районе оз. Урюм [Молодин, Новиков, Софейков, 2000, с. 162; Молодин, Шатов, Софейков, 1999, с. 462–466]. Данный вислообушный топор демонстрирует формы позднего этапа развития гребенчатых вислообушных топоров с выраженными гранеными валиками. Находки вислообушных топоров в Здвинском и Куйбышевском районах Новосибирской области в северной зоне лесостепи маркируют северо-восточную границу распространения данного типа изделий, совпадающую с ареалом проникновения в периоды развитой и поздней бронзы в Западную Сибирь населения из степной зоны Казахстана и Кулунды. Известна пока единственная находка вислообушного топора, локализованная еще дальше на северо-восток, у бывшего поселка Золотые Юрты Бакcharского района Томской области в подтаежной зоне на р. Кенга [Матющенко, 1973, рис. 6.-1; Аванесова, 1991, рис. 13.-56]. Такой артефакт, с одной стороны, может свидетельствовать о процессах обмена, а с другой стороны – маркировать границу лесостепной зоны в эпоху бронзы, которая по данным палеоклиматологов в тот отрезок времени могла смещаться к северу от существующей в настоящее время.

Несмотря на имеющиеся обзоры, следует отметить дальнейшие перспективы изучения медных и бронзовых топоров на территории Западной Сибири (см. статью И.В. Ковтуна в данном сборнике). В этом процессе важное значение имеют находки, связанные с конкретными археологическими объектами, а также определение состава сплава, технологии изготовления таких показательных изделий и способов их применения.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971 (САИ. Вып. В3-12).
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. (МИА. Вып. №48).
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. III. Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Вып. 11. Томск, 1973.
- Молодин В.И., Ермакова Н.В. Бронзовый вислообушный топор из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск, 2009.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Софейков О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 4. Новосибирск, 2000.
- Молодин В.И., Шатов А.Г., Софейков О.В. Проушный топор с «гребнем» из Южной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск, 1999.
- Тишкин А.А., Фролов Я.В. Новая находка бронзового топора с территории Лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11).
- Тишкин А.А., Фролов Я.В. Проушные металлические топоры Обь-Иртышского междуречья: тенденции изменений форм в конце эпохи бронзы и начале раннего железного века // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №4 (42).
- Тишкин А.А., Фролов Я.В. Топоры эпохи бронзы с территории лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, №2.
- Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890.

О КУЛЬЁГАНСКОМ ТИПЕ ПАМЯТНИКОВ

Рассматривается кульёганский тип археологических памятников Сургутского Приобья (1–2-я трети II тыс. до н.э.), относящийся к одному из ранних локальных вариантов КИО керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией. В Среднеобье известно ок. 40 памятников. Раскопаны остатки 19 построек, в том числе укрепленные жилища. Керамика – открытые и закрытые плоскодонные толстостенные банки удлинённых пропорций, украшенные в основном гребенчатым штампом. Орнаментальные композиции состоят из монотонных поясков вертикальных или наклонных оттисков «гребенки», прямых линий, зигзагов, чередующихся с рядами ямок разной формы или зонами каннелюров. Есть пальцевые вдавления. Геометрические фигуры редки. Наиболее близки кульёганским поздние полымьятские сосуды, а также с Большеларьянских поселений. Есть параллели с посудой ташковской, кротовской, степановской, одиновской культур и тух-эморского типа. На памятниках найдены также невыразительные каменные изделия, глиняные грузила, обломки литейных форм, тигли, сопла, капли металла, обломки изделий.

Ключевые слова: бронзовый век, кульёганский тип памятников, Сургутское Приобье

Кульёганский тип археологических памятников характеризует начало бронзового века Сургутского Приобья (1–2-я трети II тыс. до н.э.) и относится к одному из ранних локальных вариантов культурно-исторической общности (КИО) керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией этой эпохи. Впервые гребенчато-ямочная керамика была обнаружена в урочище Барсова гора (на правом берегу Оби в 5–12 км к западу от г. Сургута) разведкой Уральской археологической экспедиции в 1968 г. Несколько фрагментов с таким орнаментом были найдены в 1971 г. при раскопках кулайского жилища 109 на поселении Барсова Гора-III. Небольшая коллекция гребенчато-ямочной керамики собрана на городищах Барсов Городок-I/1 и I/2 в 1973 г. Тогда же на средневековом городище Барсов Городок-II/14 были выявлены остатки углубленного жилища с гребенчато-ямочной керамикой (селище Барсова Гора-II/36). Долгое время эта коллекция была самой представительной, позволявшей судить о посуде, бытовавшей в Сургутском Приобье в середине II тыс. до н.э. Последующими раскопками и разведками обнаружено около 20 памятников с ранней гребенчато-ямочной керамикой на Барсовой горе и почти столько же за ее пределами, но большинство коллекций были малопредставительны. Первое хорошо сохранившееся жилище этого периода было вскрыто на поселении Барсова Гора-II/8в [Зыков, 1987]. Позднее два жилища исследованы на поселении Чернореченское-I, расположенном в черте Сургута [Косинская, 1998].

Как оригинальный культурный тип сургутские памятники с ранней гребенчато-ямочной керамикой были охарактеризованы автором на VII Уральском археологическом совещании в Ижевске (1980) и VI Международном конгрессе финно-угроведов (1985), а впоследствии описаны [Чемякин, 1989; 1994; 2008 и др.]. Однако недостаток топонимов на Барсовой горе не позволил дать им (как и неолитическим памятникам, позднее названным быстринскими) собственное имя. В 1995 г. после открытия подобных древностей на реках Быстрый Кульёган и Моховая В.И. Стефановым и В.А. Борзуновым был предложен для них термин «кульёганский тип» [Борзунов и др., 1995, с. 4]. Сегодня количество раскопанных в разной степени сооружений на 11 (13) памятниках достигло 16 (19), однако и новые материалы не

отражают возможное разнообразие существовавших в тот период построек. Мало пока данных и о планировке поселений.

На Барсовой горе практически все кульёганские материалы получены с многослойных памятников, насчитывающих до нескольких десятков впадин. И хотя древние объекты хорошо выражены в рельефе местности, определить без раскопок их хронологию, а, соответственно, и планировку поселков нельзя. Памятниками, дающими представление о характере застройки в рассматриваемую эпоху, являются поселения Чернореченское-1 и Малая Моховая-1. На первом выявлено 17 беспорядочно расположенных впадин размерами от 3,5×2,6 до 7,6×7,5 м и глубиной 0,1–0,5 м [Косинская, 1998], на втором – две впадины подчетырёхугольной и округлой формы размерами 6,0×5,0×0,4–0,5 и 4,5×4,0×0,8 м, соответственно [Стефанов, 2002]. Существовали и иные типы застройки, а также большие одиночные жилища, подобные известным в бассейне р. Конды. К ним относятся укрепленные жилища Быстрый Кульёган-38 [Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011], Барсова Гора-II/22 [Борзунов и др., 2010] в Сургутском Приобье, Щетнмато-лор в бассейне р. Пур (ЯНАО) [Косинская, 2000]. Памятники этого времени занимают как высокие береговые террасы, так и побережья озер, к настоящему времени нередко превратившиеся в болота.

Абсолютное большинство раскопанных жилищ реконструируются как прямоугольные или квадратные постройки каркасно-столбовой конструкции с углубленным на 0,4–0,8 м котлованом площадью от 30 до 50 кв. м, с очагом в центре. Жилище с котлованом размером 9,3–11,0×7,9–10,3×0,5 м (площадью ок. 110 кв. м) исследовано на пос. Барсова Гора-II/8в, а маленькая полуземлянка площадью 16 кв. м – на поселении Малая Моховая-1 [Стефанов, 2002, с. 99–103]. Изученные укрепленные жилища также имели каркасно-столбовую конструкцию, углубленные на 0,3–0,9 м котлованы размерами от 10×11 до 20×13 м, вертикальные стенки которых обшивались деревом. Ровные полы, вероятно, имели деревянное покрытие. Внутри котлована или вокруг него располагались нары. В самих котлованах зафиксированы очаги и хозяйственные ямы. Наклонные или вертикальные стены, укрепленные снаружи завалинкой высотой до 1,0–1,5 м, находились на некотором расстоянии от краев котлованов. Постройки были окружены рвом и валом (возможно, деревянной стеной) [Борзунов и др., 2010, с. 189–193; Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011, с. 61–63]. На поселении Коим-1 выявлена большая группа подпрямоугольных ям и, возможно, захоронение (остатки костяка не сохранились или отсутствовали изначально) [Сергеев, Погодин, 2008].

Кульёганская посуда – плоскодонная, удлиненных баночных, реже горшечно-баночных форм. Среди них есть как открытые, так и закрытые (со слабым загибом плечика внутрь) емкости. Встречаются открытые чаши. На поселении Барсова Гора-II/8 найдены очень большие сосуды, с диаметром по венчику до 42 см и высотой до 54 см. Венчики емкостей плоские, редко округлые, иногда скошены наружу. На большинстве памятников встречены сосуды с волнистым краем. Средняя толщина стенок ок. 10 мм, толщина днища больше. Наружная поверхность чаще всего тщательно заглаживалась, внутренняя – обработана щепой или гребенчатым штампом. Глиняное тесто рыхлое, с большим содержанием крупных зерен шамота, иногда песка. Вероятно, были и какие-то органические добавки. Примесь жидкой органики определена в рецептуре формовочных масс на поселении Чернореченское-1 [Косинская, 1998, с. 99]. Обжиг керамики часто плохой.

Внешняя поверхность сосудов декорирована полностью. В большинстве случаев украшались венчики и днища. Преобладают оттиски гребенчатого штампа, чередующиеся с различными ямочными наколами. Гребенчатые штампы разнообразны: двузубые, короткие (трех-четырёхзубые), длинные (до 7–8 и более зубцов), с треугольными зубцами. Оттиски гребенки делались плотно, иногда с отступанием. Орнаменты вдавливались как перпендикулярно, так и под углом к поверхности. Изредка применялись прокатывание и «шагающая» гребенка. Среди ямок и вдавлений есть круглые (различающиеся диаметром и глубиной), овальные, квадратные, а также пальцевые. Иногда ямки заменялись глубокими вдавлениями короткого гребенчатого штампа. Редко встречаются другие штампы (струйчатые, в виде змейки, гладкие), а также резная техника (прочерчивание). Некоторые сосуды украшены широкими или узкими желобками – прямыми, волнистыми или зигзагообразными. Единично встречаются валики, как выдавленные, так и наклепные.

Орнаментальные композиции состоят из монотонных горизонтальных прямых или зигзагообразных (волнистых) поясков, разделенных ямками (в т.ч. спаренными), глубокими вдавлениями короткого штампа или желобками. Пояски образованы вертикальными или наклонными оттисками штампов. В небольшом количестве представлены геометрические фигуры (ромбы, треугольники), фестоны. Иногда углы фигур и зигзагов подчеркивались ямками. Ямочными вдавлениями выполнены и некоторые элементы узоров, в их числе треугольники, ромбы, короткие зигзаги и др. Есть сосуды, в орнаменте которых ямки отсутствуют. На посуде из укрепленного жилища Быстрый Кульёган-38 широко представлены зоны горизонтальных оттисков штампа, поставленных в шахматном порядке [Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011, с. 65, рис. 10.-2–4; 12.-2–5, 7–8]. Венчики украшены наклонными оттисками гребенчатого или мелкоструйчатого штампа, гребенчатым зигзагом, пальцевыми вдавлениями. Орнамент на днищах наносился аналогичными орнаментами или вдавлениями пальцев (рис.-9, 11, 12). Как правило, это концентрические полосы оттисков штампа или ямок (вдавлений), параллельные или радиальные ленты, перпендикулярно заштрихованные секторы.

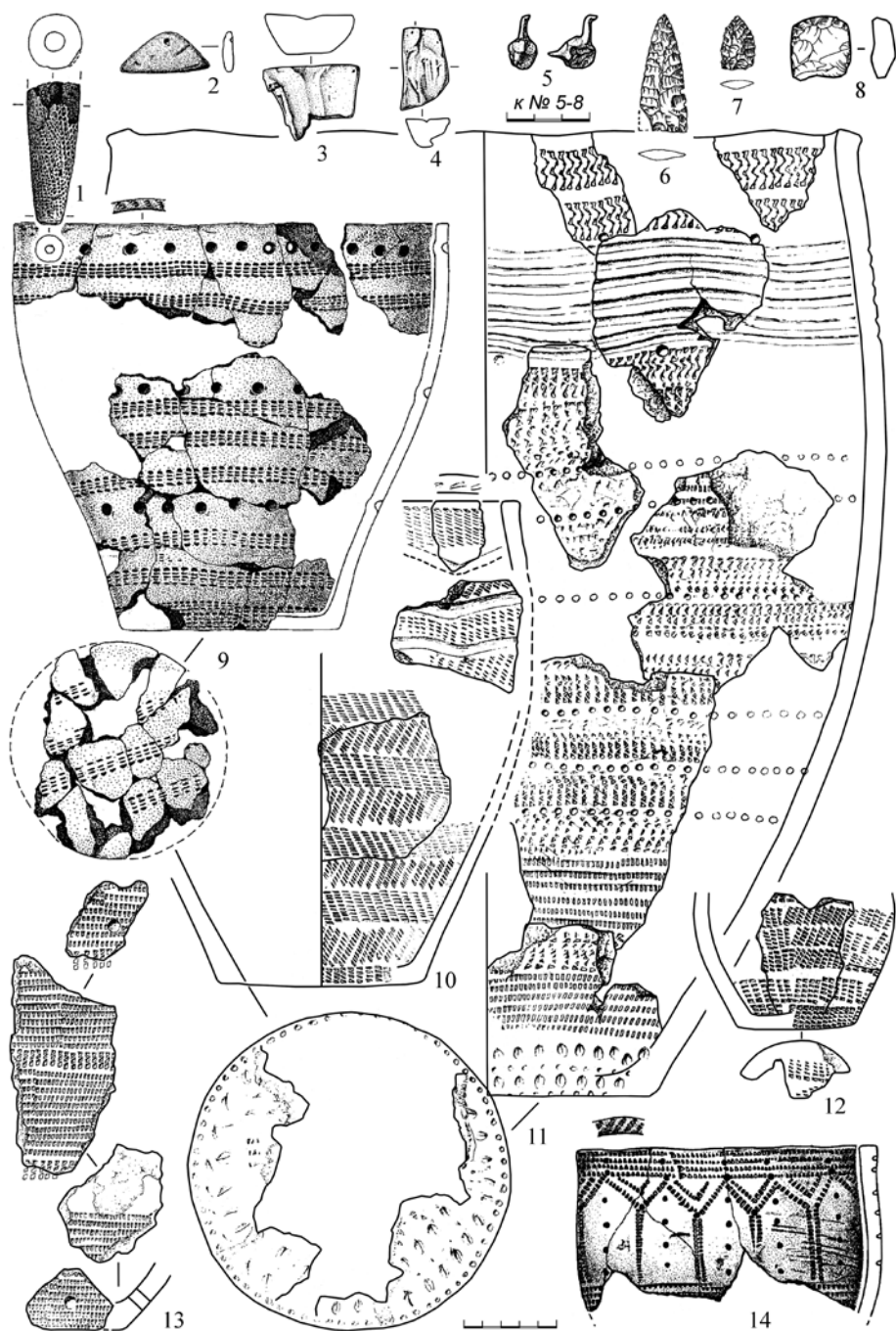
Во многих коллекциях есть шпатели, ложила и скребки, сделанные из обломков сосудов. Глиняные грузила найдены на поселении Коим-1. Там же обнаружены обломки керамической рыбки. Глиняное изображение водоплавающей птицы происходит с поселения Чернореченское-I (рис.-5). Каменные изделия и отходы их производства малочисленны и сделаны в основном из местного сырья невысокого качества: кварцитов, кремневых пород, сланцев, лимонита. Это отбойники, молотки, наковальни из галек, абразивы, шлифовальники, ножи, скребло, скребки (рис.-8), резец и резчики, сверло, долотовидное орудие, шлифованные топор и тесло. Кремневые наконечники стрел разных форм найдены на комплексе памятников Нёх-Урий в бассейне Агана (рис.-6, 7), на поселениях Щетнмат-лор в бассейне Пура и Коим-1 на одноименной левобережной протоке Оби в Нижневартовском р-не ХМАО. На последнем памятнике они сделаны из качественного розового кремня и находят аналогии в сейминско-турбинских и ташковских комплексах. Сегментовидные подвески-лунницы из сланца (укрепленное жилище Быстрый Кульёган-38, рис.-2) близки подвескам кротовской и самусьской культур. Костяные предметы из-за плохой сохранности материала единичны – проколки, тесла-лопатки, нож, обломок рога с нарезками.

С местной цветной металлообработкой связаны капли металла, обломки изделий, глиняные сопла (рис.-1) и тигли, обломки литейных форм и сердечников (?), ошлагованные фрагменты керамики. Фрагменты литейных форм известны на поселениях Савкинская Речка-I [Мызников, Косинская, Стефанов, 2012], Нёх-Урий-5.1 [Стефанов, Данилова, 2013], Балинское-1 (культурная принадлежность последнего решается неоднозначно [Кокшаров, Баранов, 2017]). Возможно, обломки сердечников (?) найдены на поселениях Чернореченское-I и Малая Моховая-I, однако однозначно трактовать их нельзя [Косинская, 1998, рис. 4.-4; Стефанов, 2002, рис. 7.-3]. Шесть обломков глиняных литейных форм с поселения Барсова Гора-II/8в настолько малы и невыразительны, что по ним нельзя реконструировать отливавшиеся вещи (рис.-3, 4). Можно лишь отметить, что литье производилось в двусторонних формах. Как замечает С.Ф. Кокшаров, «вряд ли выявленная традиция (литья в двусторонних формах. – Ю.Ч.) привнесена сейминско-турбинскими мигрантами Южной Сибири ... или андроновским населением, поскольку памятники тех и других появляются позднее. Для решения проблемы следовало бы обратиться к составу металла, поступавшего к кульгганскому населению, но пока его находки единичны. Изучение примесей позволило бы локализовать рудные источники и проследить пути, по которым металл и изделия из него попадали на север Западной Сибири и, в частности, в Сургутское Приобье» [Кокшаров, Баранов, 2017, с. 48]. И с этим трудно не согласиться.

Собраны на кульгганских памятниках и фаунистические коллекции. Они свидетельствуют о занятии населения рыболовством и охотой, но судить о соотношении этих промыслов по ним нельзя. Среди объектов охоты – северный олень, лось, росомаха, соболь или куница. Последние виды добывались ради меха, в т.ч. для меновой торговли. На Чернореченском-I поселении найдена кость утки. Рыболовство документировано костями щуки, окуня, карповых.

По форме и орнаментальным композициям кульгганская керамика близка посуде позднепольмьятского и одиновского типов, некоторым сосудам степановского и отчасти тух-эмторского этапов бронзового века Васюганья, а также (в меньшей степени) ташковской и кротовской культур. В то же время нельзя не отметить и ее специфичность, проявляющуюся в абсолютном доминировании печатно-гребенчатой техники, малой доле геометрических орнаментов. К оригинальным кульгганским признакам следует отнести использование длинного гребенчатого штампа с широкими прямоугольными зубцами. В сравнении: для ташковской посуды характерно разнообразие технических приемов нанесения орнамента, причем преобладает отступающе-накольчатый [Ковалева, 1997, с. 29–31]. На поселении Ташково-II довольно много емкостей с валиками по основанию шейки, очень редкими на кульгганской керамике. Кротовские сосуды украшались, как правило, гребенчатым штампом, но преимущественно в шагающей технике. Декорировались они и валиками [Молодин, 1977, табл. LIV, LVII; Косарев, 1993, с. 87–88, рис. 33; Стефанова, 1988, рис. 2, 3]. На посуде степановского этапа (культуры) многие узоры выполнялись гребенчатым штампом в отступающей манере; встречаются многоугольные сосуды [Кирюшин, 2004, с. 75–76; рис. 84–90]. В декоре посуды тух-эмторского этапа в сравнении с кульгганской более многообразны и часты геометрические узоры [Кирюшин, 2004, рис. 110–119].

Пожалуй, больше всего сходства между кульгганской и поздней польмьятской керамикой бассейна Конды (поселения Пашкин Бор-1, Волонча-1 и др.) [Стефанова,

Кульёганский тип памятников. Керамика и вещевой инвентарь:

1, 9 – селище Нёх-Урий-5.1; 2, 14 – укрепленное жилище Быстрый Кульёган-38;
3, 4, 10–13 – селище Барсова Гора-II/8в; 5 – поселение Чернореченское-I; 6, 7 – селище
Нёх-Урий-3.2; 8 – поселение Малая Моховая-I (2, 6–8 – камень, остальное – глина)

Кокшаров, 1988, рис. 4, 5; Кокшаров, 1991, рис. 2.-10–18], а также большеларьякской бассейна Ваха [Посредников, 1978, рис. 1.-6]. Видимо, эти комплексы синхронны. Еще недавно они датировались серединой – 3-й четвертью (или 2-й третью) II тыс. до н.э. [Кокшаров, 1991, с. 96–98; Васильев, 1978; 2005]. Сегодня наметилась тенденция к их удревнению, базирующаяся в первую очередь на радиоуглеродных датах [Кокшаров, Баранов, 2017, с. 46–47]. Однако большой разброс в имеющихся датах, в том числе на одном памятнике, а также большой интервал допустимых значений требуют их осторожного использования.

Кульёганские древности – достаточно сложное образование, в рамках которого со временем могут быть выделены хронологические стадии и статус которого (как барсовогорского, полымьятского и ряда других типов памятников) может быть повышен до уровня археологической культуры. Процесс этот бесконечен, и материалы каждого нового исследованного памятника могут дополнить, уточнить характеристику типа, его датировку, а иногда и изменить некоторые представления о нем.

Резкая смена орнаментальной традиции в бронзовом веке, наблюдаемая по имеющимся материалам, не позволяет выводить кульёганские комплексы непосредственно из поздних барсовогорских. Но хотелось бы отметить два момента в исследовании древностей конца III – 1-й половины II тыс. до н.э. таежного Обь-Иртышья. Малочисленность источников этого периода делает невозможным составление полной стратиграфической колонки практически на всей обозначенной территории. В то же время многие исследователи отмечают постоянное присутствие в памятниках доандроновской эпохи плоскодонной слабопрофилированной баночной посуды, украшенной оттисками гребенчатого штампа и ямочными вдавлениями. Данное обстоятельство, а также редкие случаи сочетания гребенчато-ямочных узоров с выполненными в отступающе-накольчатой манере на сосудах из памятников с гребенчато-ямочной керамикой (Барсова Гора-I/6, Большой Ларьяк-III) позволяют предполагать, что смена культур не явилась результатом миграции и вытеснения (дальше на север?) или уничтожения аборигенного населения Среднеобья. Изменения могли произойти под воздействием эпохальных сдвигов в таежном обществе в конце III – начале II тыс. до н.э. Они связаны с возрастанием роли металла, изменением (?) и активизацией торговых контактов; вероятно, с появлением новых культов, какими-то иными переменами в обществе, вызвавшими в том числе распространение укрепленных жилищ [Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011, с. 67], а также с климатическим оптимумом конца III – начала II тыс. до н.э. При этом мы не отрицаем внешнее влияние и даже миграции отдельных коллективов, входивших в общность керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией и обитавших западнее и южнее Средней Оби. Вероятно, роль последних в какой-то степени может быть сравнима с ролью атлымских групп в сложении общности керамики с крестово-струйчато-ямочной орнаментацией периода поздней бронзы.

Библиографический список

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.

Борзунов В.А., Ковригин А.А., Погодин А.А., Сергеев А.С., Стефанов В.И. Археологическая разведка в зонах нефтепромыслов Сургутского района и ее основные итоги: Рукопись полного варианта статьи, представленной в сборник «Археологические открытия 1995 г.». // Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. IV. Д. 42.

- Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы Сургутского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №2 (46).
- Васильев Е.А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.
- Васильев Е.А. Культурно-историческая общность гребенчато-ямочной керамики эпохи бронзы // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 4. Ханты-Мансийск, 2005.
- Зыков А.П. Отчет об исследовании археологических памятников в урочище Барсова гора у пос. Барсово Сургутского района Тюменской области летом 1987 г. Т. II // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. №12344.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.
- Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково-II. Екатеринбург, 1997.
- Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.
- Кокшаров С.Ф., Баранов М.Ю. Следы металлопроизводства бронзового века с поселения Балинское-1 (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) // РА. 2017. №2.
- Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. М., 1993.
- Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 годов) // Научный вестник. Салехард, 2000. Вып. 3.
- Косинская Л.Л. Чернореченское-I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск, 1998.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
- Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка-1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. Вып. 3 (18).
- Посредников В.А. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларьяка // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978.
- Сергеев А.С., Погодин А.А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим-1 // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008.
- Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002.
- Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кульёганские древности Среднего Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 11. Ханты-Мансийск; Томск, 2013.
- Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. №3.
- Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.
- Чемякин Ю.П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994.
- Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье во II–I тысячелетиях до н.э. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989.

КОЧЕВНИКИ СТЕПЕЙ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 903.25«638»

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.33

Н.Н. Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

УКРАШЕНИЯ-РЕПЛИКИ В РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда грантов
Президента Российской Федерации №20-1-001753 «Наука в школу»

Статья освещает результаты использования украшений-реплик при создании обобщенных гипотетических фото-натурных реконструкций костюма населения Верхнего Приобья 2-й половины I тыс. до н.э. В качестве прототипов для реплик послужили наиболее яркие находки из Новотроицких курганов – золотое изображение лошади с вывернутым крупом, поясная пряжка со сценой терзания, гешировая плакетка и элементы поясной фурнитуры. Реплики данных изделий были использованы в качестве составляющих реконструируемых наборных поясов. Применение реплик в археологической реконструкции костюма обладает рядом плюсов с точки зрения образовательной, туристической и популяризационной составляющих, связанных главным образом с их репрезентативными возможностями, но в то же время имманентно несет в себе ряд качеств (несоответствие материала и технологии изготовления оригиналу), отрицательно сказывающихся на научной характеристике создаваемых образов.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Новотроицкий некрополь, ранний железный век, украшения-реплики, реконструкция

На протяжении уже нескольких десятилетий стабильно высоким остается интерес к историческому костюму, который воспринимается то как художественная ценность, то как информационный код своей эпохи, то просто как источник развития прикладного творчества. Подобная широкая сфера применения исторического костюма вызвала к жизни и его реконструкцию – как способ воссоздания аутентичного образа ушедшей эпохи.

В наши дни под реконструкцией в области как духовного, так и материального наследия при изучении истории, религии, письменности, архитектуры, искусства понимают воссоздание по фрагментам, с разной степенью приближения, цельного образа объекта. Н.М. Калашниковой [2020, с. 125–135] было предложено воссоздание одежды ранних периодов именовать археологической реконструкцией, костюма периода Средневековья – исторической реконструкцией, а изготовление костюмов и украшений к ним на основании изучения существующих памятников этнической культуры – этнографической реконструкцией. Археологическая реконструкция ввиду специфики лежащей в ее основе крайне фрагментарной источниковой базы, безусловно, является самой субъективной, спорной и гипотетической.

Археологическая реконструкция довольно часто предлагается в работах специалистов в качестве графического рисунка, где восстанавливается по фрагментам найденных предметов целое, например, изображение керамического сосуда, чертеж поселения или погребения, рисунок костюмного комплекса с обозначением расположения украшений и т.п. При этом зачастую производится реконструкция не всего объекта, а лишь некоторых его элементов, т.е. реконструкция в очерченных исследователем границах.

В качестве примера успешных археологических реконструкций костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, в которых важную роль играют украшения и предметы вооружения, можно привести работы П.И. Шульги [2003, рис. 36, 37], А.И. Соловьева [2003, с. 6] и О.С. Лихачевой [2020, рис. 84, 86, 91, 92]. В этих случаях следует констатировать использование при реконструкции сохранившейся фрагментарно группы артефактов, украшений и остатков органики, которую мы предлагаем называть предметным комплексом одежды [Головченко, 2019, с. 15].

Не вызывает сомнения, что реконструкция одежды, аксессуаров и украшений определенной эпохи должна выполняться на основании тщательного изучения различных типов источников, для чего должна быть разработана правильная технология изготовления старинной одежды, требующая наличия соответствующих тканей, выполненных с соблюдением традиционных способов изготовления и окрашивания, воспроизведения соответствующего кроя и пошива костюмов реконструируемого времени, а также изготовления разнообразных аксессуаров и украшений к ним. Однако применительно к археологическим материалам это не всегда возможно. В частности, климатические условия Верхнего Приобья не способствуют сохранению в погребениях эпохи раннего железа изделий из тканей, войлока, кожи и дерева. Поэтому любая попытка реконструкции костюма по материалам данных памятников носит некий умозрительный и собирательный характер, с опорой на массу аналогий [Головченко, 2017, с. 264–265].

Сейчас в экспозициях многих музеев Алтайского края в освещении эпохи раннего железа существует ощутимый пробел, вызванный объективной причиной – плохой сохранностью находок. Особенно это касается районных музеев, лишенных возможности экспонировать выявленные при исследовании окрестных памятников артефакты. Между тем интерес краеведческой общественности на местах к археологии малой родины довольно высок. Реализовать потребность заинтересованной публики в знакомстве с известными археологическими находками на базе Тальменского района и материалах раскопок новотроицких курганов призван проект «Наука в школу» реализуемый в 2020–2021 гг. Алтайской региональной краеведческой общественной организацией «Наследие Алтая» и сотрудниками лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета.

В рамках данного проекта из кожи, войлока и тканей был создан ряд фотонатурных стилизованных реконструкций костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа по материалам раскопок Новотроицкого некрополя. В состав сборных образов вошли гипотетически реконструированные на основании изобразительных и палеоэтнографических источников рубахи, штаны, юбки, головные уборы, наборные пояса, обувь (рис. 1). Аутентичность воссоздаваемым образам была придана украшениями – репликами подлинных находок. Созданные образы были представлены при открытии фотовыставки «Сокровища Новотроицких курганов» организованной в р.п. Тальменка и приуроченной к августовскому совещанию педагогов района, проведенной также в стенах Алтайского государственного педагогического университета в начале учебного года.

Предпринятая комплексная реконструкция ориентирована прежде всего на создание обобщенного образа костюма населения второй половины I тыс. до н.э. оставившего курганы в окрестностях с. Новотроицк. Решающую роль в реализации данной задачи играют украшения-реплики (рис. 2): похожие на настоящие артефакты предметы,

Рис. 1. Фотонатурные реконструкции одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа на открытии фотовыставки «Сокровища Новотроицких курганов»

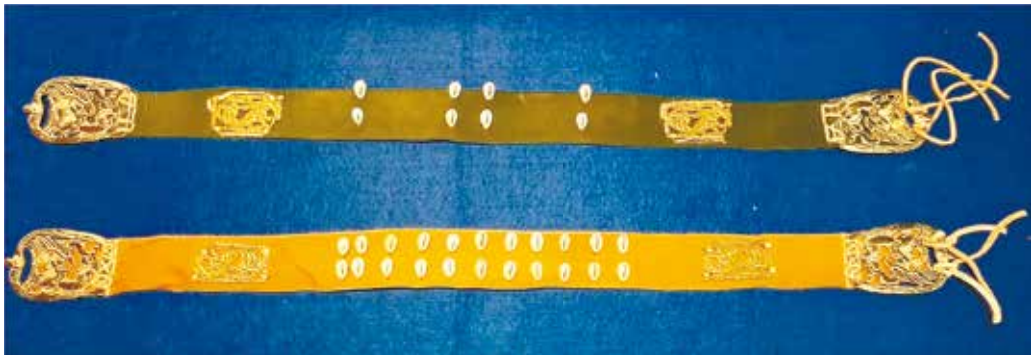

Рис. 2. Украшения-реплики в реконструкции наборного пояса

но выполненные по современным технологиям, из других материалов и в несколько измененном масштабе.

Реплики были созданы с применением станков с числовым программным управлением, и представляют собой стилизованные сувенирные копии археологических находок. Процесс изготовления реплик состоял из нескольких этапов: были подготовлены 3D-модели аналоговых артефактов, осуществлена отливка и нарезка заготовок изделий, их патинизация, после чего на образцы, содержащие рисунки, была нанесена соответствующая гравировка, объемные изделия были отлиты и патинизированы. Реплики изготовлены из бронзы и латуни, в несколько увеличенном масштабе. Подобный ход оказался необходимым для более наглядной демонстрации презентуемых реконструкций, в том числе при фотосъемке.

В качестве наиболее ярких находок из Новотроицких курганов нами были отобраны золотое изображение лошади с вывернутым крупом, поясная пряжка со сценой

терзания, гешировая плакетка и элементы поясной фурнитуры. Реплики данных артефактов украсили реконструкции одежды и наборных поясов.

Проведенные работы явились нашим первым опытом по использованию реплик в фотонатурной реконструкции костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, показавшей явную перспективность их применения в образовательных и популяризационных целях.

В образовательных целях ощутимыми плюсами украшений-реплик является возможность их изготовления школьниками на уроках технологии в учебных заведениях, обладающих необходимой техникой: 3D-принтером, станками с ЧПУ; применения в качестве учебных пособий на уроках истории в общей школе и на занятиях с детьми с ОВЗ; в качестве объектов визуализации при создании графических реконструкций.

Популяризаторский эффект украшений-реплик состоит в создании ярких образов, связанных с историей конкретного региона и потенциально применимых в роли сувенирной продукции в туристско-экскурсионной работе.

Вместе с тем необходимо отметить, что с научной точки зрения данные украшения-реплики обладают рядом ощутимых минусов: оригиналу не соответствует сырьевая база и технологии изготовления и т.п. Работы в данном направлении необходимо продолжать согласно предлагаемой нами программе реконструкции костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, в том числе в плане восстановления палеотехнологий производства украшений.

Библиографический список

Головченко Н.Н. Программа художественной реконструкции костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. 2017.

Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019.

Калашникова Н.М. Об использовании украшений-реплик при реконструкции костюмных комплексов // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...». Кишинев, 2020.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.

УДК 903.022«638»(571.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.34

Г.Л. Иванов

Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, Россия

КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И СТОЯНОЧНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КУДИНСКОЙ ДОЛИНЫ (западная часть Байкальской Сибири)

В работе анализируются керамические материалы из археологических объектов эпохи железа Кудинской долины. На основе стратиграфических наблюдений, а также исследования погребальных комплексов и радиоуглеродных дат выделяются четыре последовательных этапа: ранний железный век, елгинский период, курумчинский период, монгольский период. В силу ряда особенностей наиболее многочисленной категорией археологических источников эпохи железа в Кудинской долине является

керамика, которую следует рассматривать как важный археологический источник. В раннем железном веке происходит параллельное бытование гладкостенной керамики и керамики с оттисками шнура (в качестве технического декора). В елгинский период технический декор постепенно исчезает, появляются сосуды с растительным орнаментом. В курумчинскую эпоху появляется керамика, украшенная пальцевыми защипами. Монгольская эпоха приносит два нововведения – округлое дно у сосудов и сосуды с s-видным фигурным профилем. На всем протяжении железного века сохраняется лепная техника и целый ряд орнаментальных мотивов – в частности декорирование сосудов налепными валиками.

Ключевые слова: керамика, сосуд, культурный слой, керамический тип, венчик, дно, технический декор, налепный валик

Западная часть Байкальской Сибири (именуемая также Предбайкальем и попадающая в границы Иркутской области) – обширный регион, примыкающий к северной оконечности Евразийского степного пояса. Большая его часть имеет таежный ландшафт, что во многом определяет культурный облик расселенных здесь человеческих коллективов. Аналогично это распространяется и на археологические материалы, которые учеными чаще всего связываются с сообществами охотников-собирателей и рыбаков.

Однако наряду с тайгой в Западной части Байкальской Сибири имеется три крупных степных региона, природная среда которых тяготеет к различным областям Центральной Азии. Это Аларская степь (в среднем течении р. Ангары, ныне побережье Братского водохранилища), Приольхонье и долина реки Куды. Перечисленные территории традиционно являются районами скотоводства и имеют соответствующий культурный облик. В археологическом отношении их часто рассматривают как очаги кочевой культуры на периферии степного пояса Евразии и одновременно своеобразные «коридоры», связывающие между собой таежные области

Таким образом, Кудинская долина – территория бассейна реки Куды (крупнейший правый приток р. Ангары) – крупный степной регион, выступающий в качестве естественного коридора, связывающего долину реки Ангары с бассейном реки Лены и частично западным побережьем озера Байкал. Культурное значение расположенных там археологических объектов традиционно высоко оценивается исследователями.

Начало археологического изучения Кудинской долины совпало с началом археологических исследований в Предбайкалье и относится к началу 1880-х гг. Причем первыми зафиксированными археологическими объектами были как раз памятники железного века [Агапитов, 1882].

Затем на материалах комплексных археолого-этнографических исследований, проведенных в 1912–1916 гг. именно в долине реки Куды, петербургский ученый Б.Э. Петри [1913, 1914, 1916, 1923] выстроил первую концепцию культур железного века Западной части Байкальской Сибири.

После этого в Кудинской долине работал ряд крупных археологических экспедиций, зафиксировавших несколько десятков разноплановых памятников эпохи железа и собравших значительное количество материалов. Среди полученных артефактов самой многочисленной категорией являются фрагменты керамических сосудов (наряду с фаунистическим материалом), что позволяет рассматривать керамику как важный археологический источник для реконструкции динамики культурно-хронологических процессов в эпоху железа в Кудинской долине.

Необходимо отметить, что большая часть керамики сильно фрагментирована (на данный момент известно два археологически целых сосуда), поэтому аналитическим процедурам в первую подвергались декор, форма венчика и днища, а также по возможности технология лепки.

На основании доступных абсолютных дат, а также стратиграфических и типологических фактов эпоха железа Кудинской долины разделяется на четыре последовательных этапа.

Ранний железный век (1-я половина I тыс. до н.э. – конец I тыс. до н.э.) – соотносится с существованием культуры плиточных могил (памятники известны также в Забайкалье, Монголии и Северном Китае). Кудинская долина на сегодняшний день – крайний восточный рубеж территории данной культуры.

В долине реки Куды к раннему железному веку относятся 13 погребальных комплексов и три стоянки с четко стратифицированными слоями. По одному погребению имеется абсолютная дата – 2640±110 л.н. (ГИН-7631) [Харинский, Зайцев, Свинин, 1996, с. 76].

Характерной особенностью плиточных могил является крайне малое количество фиксируемого инвентаря, что существенно ограничивает простор для аналитики. В плиточных могилах Кудинской долины керамика зафиксирована в единственном случае – среди заполнения могильной ямы комплекса 1 могильника Урлэхэ-Хушун-I [Туркин, 1995, с. 83]. находка представляет собой фрагмент гладкостенного керамического сосуда, декорированного «жемчужинами», а находка в надмогильном сооружении не позволяет соотносить ее с данным погребальным комплексом.

Среди материалов стоянок фрагменты керамических сосудов – самая многочисленная категория находок.

Наиболее выразительными являются фрагменты сосудов с оттисками шнура (в качестве технического декора), сочетающиеся с наlepными валиками. Сосуды описываемого облика получили название тышкинэ-сеногдинского типа, который является одним из наиболее ярких и информативных культурных индикаторов раннего железного века в Предбайкалье [Харинский, 2005; Горюнова, Пудовкина, 1995, Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008; Кичигин, 2013; 2014].

В Кудинской долине подобные сосуды известны как среди подъемного материала, так среди артефактов *in situ*.

Форма венчиков у шнуровых сосудов – острая симметричная (стоянка Шохтой-1) и прямая симметричная и грибовидная внешнеасимметричная (стоянка Капсал-6). Декор – сочетание наlepного валика (расположенного горизонтально и по диагонали) и округлых вдавлений, нанесенных в шахматном порядке. Форма доньшка – плоская. Кроме того, фиксируются фрагменты поддонов [Харинский, 2020, с. 25, 104, р. 55].

Необходимо так же отметить, что фрагменты шнуровой керамики известны как в среднем, так в верхнем течении реки Куды, что может говорить о повсеместном распространении данного способа технического декора керамических сосудов.

Наряду с керамикой, декорированной оттисками шнура, в памятниках Кудинской долины фиксируются и фрагменты гладкостенных сосудов.

Так, среди инвентаря стоянки Балин-1 (4–1 к.с.) обнаружен фрагмент сосуда с венчиком прямой внешнеасимметричной формы, орнаментированным рассеченными наlepными валиками и горизонтальными рядами прямоугольных вдавлений [Иванов и др., 2017]. Среди инвентаря стоянки Манхай-4 известны фрагмент венчика скошенной внешнеасимметричной формы, с этого же объекта происходит фрагмент гладкостенного сосуда, декорированного рассеченным наlepным валиком.

Подводя итог, следует сказать, что большая часть керамических комплексов Кудинской долины эпохи раннего железа находит аналогии среди инвентаря памятников

других регионов Предбайкалья. Некоторое отличие наблюдается среди облика тыш-кинэ-сеногдинского типа – так, в Приольхонье и на северо-западном побережье озера Байкал сосуды имеют дно округлой или уплощенной формы, доньшки плоской формы на сегодняшний момент не фиксировались, поддоны же встречаются повсеместно [Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008, с. 40; Кичигин, 2013; Уланов, Бердников, 2015, с. 58–59, рис. 8]. Главная же особенность керамических сосудов того времени – наличие технического декора: негативов шнура на внешней поверхности сосуда. Исследователи интерпретируют их как результат финальной технологической операции процесса формовки сосуда – выбивания или выколачивания стенки при посредстве деревянной лопатки, обмотанной шнуром, и наковальни. Цель этой операции – придание монолитного вида керамической емкости [Кичигин, 2014, с. 28].

Период с конца I тыс. до н.э. – середина – конец I тыс. н.э. соотносится с бытованием елгинских погребений в Приольхонье, верхнем течении р. Лены и в бассейне р. Ангары, в контексте истории и археологии Евразийского степного пояса – с формированием и расцветом империи Хунну [Горюнова, Пудовкина, 1995; Харинский, 2005; 2014]. В Кудинской долине погребения того времени на настоящий момент не обнаружены, но имеется ряд стояночных комплексов с культурными слоями данного периода. В первую очередь, это третий культурный слой стоянки Манхай-4. Керамические сосуды имеют следующие формы венчиков: грибовидная внешнеасимметричная (два сосуда), округлая форма (шесть сосудов), форма доньшек – исключительно плоская. Орнамент представлен налепными валиками (рассеченными и гладкими), в том числе расположенными перпендикулярно друг другу, вдавлениями серповидной и округлой формы, а также елочным декором. Ярким хронологическим индикатором данного времени выступают фрагменты керамики сосновоостровского типа (сочетание растительного декора и рассеченного налепного валика). Один сосуд был зафиксирован в культурном слое в сравнительно больших размерах, что позволило реконструировать его приблизительные габариты: диаметр – 12 см, форма – простая закрытая сферическая. Технический декор на керамике в это время практически отсутствует, за исключением керамики борисовского типа (с оттисками ромбической формы на тулове), единственный фрагмент которой известен в качестве подъемного материала [Харинский, 2018, с. 21, рис. 32.-1]. Подобные сосуды датируются в рамках описываемого периода. На наш взгляд, технический декор в период конца I тыс. до н.э. – середины – конца I тыс. н.э. (оттиски ромбовидной формы, оставались на стенках сосудов в результате выколачивания их лопаткой с соответствующим рисунком) следует рассматривать как рудимент периода поздней бронзы – раннего железа, не имевшей серьезного технологического значения.

Подводя итог, можно сказать, что весь керамический материал из Кудинской долины, датируемый концом I тыс. до н.э. – серединой – концом I тыс. н.э., во многом аналогичен керамике елгинского периода, зафиксированной в погребально-ритуальных объектах Приольхонья и на островах верхнего и среднего течения р. Ангары [Горюнова, Пудовкина, 1995; Харинский, 2005; 2014]. Различия – отсутствие некоторых характерных орнаментальных приемов – на наш взгляд, можно объяснить отсутствием в Кудинской долине погребально-ритуальных комплексов елгинского типа.

Период с конца I тыс. н.э. – начала II тыс. до н.э. описывается археологами как «курмчинская эпоха» (термин введен Б.Э. Петри в 1923 г.). В Кудинской долине погребений указанного времени не обнаружено. Имеется также ряд стоянок и одно городище.

Сосуды имеют округлую симметричную (три сосуда) и грибовидную внешнеасимметричную форму. Сосуды декорированы наклепными валиками (гладкими и рассеченными), а также округлыми вдавлениями (часто расположенными друг над другом). Форма дна сосудов – плоская. Кроме того, из всего керамического материала выделяются фрагменты сосудов со срезанной нижней гранью внешнего бортика венчика (стоянки Манхай-4, Шохтой-1, городище Манхай-1) [Дашибалов, 1995; Николаев, 2016].

Одновременно предполагается, что в тот период в Кудинской долине появились керамические сосуды уту-елгинского типа (открытой формы, декорированные пальцевыми зажимами и ногтевыми вдавлениями), которые, однако, на данный момент известны лишь в материалах раскопок Б.Э. Петри из стоянки Шохтой-1, в связи с чем их стратиграфическая и планиграфическая характеристика не ясна и их следует рассматривать как подъемный материал [Дашибалов, 2001; Харинский, 2001, с. 48–52; 2010, с. 196–197].

На данный момент можно говорить о том, что керамика «куручинской эпохи» также схожа с материалами других регионов Предбайкалья.

Период начала II тыс. н.э. – середины II тыс. н.э., соотносящийся с периодом образования, существования и распада Великого монгольского государства. В Предбайкалье этот период часто связывают с Усть-Талькинской культурой [Николаев, 2004]. К этому времени относятся пять погребальных комплексов и, как минимум, две стоянки [Авраменко, Харинский, 1995; Асеев, 1980]. Керамика продолжала бытовать повсеместно и встречается в большинстве погребений и в стоянках. В погребениях фиксируются два археологически целых сосуда. Первый сосуд происходит из могильника Хабсагай, имеет плоское дно, сложную открытую форму и декорирован по верхней поверхности венчика косыми вдавлениями [Дашибалов, 2005; 2009, с. 189, рис. 1]. Второй сосуд происходит из детского погребения Сухая Куяда-3 и имеет сферическую простую закрытую форму, аналогичные сосуды были обнаружены на западном побережье Байкала, а именно из детского погребения №5 могильника Ангинский Комплекс-3 [Асеев, 1980, с. 74, рис. 58].

В совокупности материалы данного периода из Кудинской долины демонстрируют два нововведения. Во-первых, появляется округлое дно у сосудов (фиксируется и в материалах верхней Лены и юго-западного побережья Байкала) [Николаев, 2004; Савельев, Хуторянская, Харинский, 1996]. Во-вторых, придание сосуду s-видного фигурного профиля с венчиком грибовидной внешнеасимметричной формы. Керамику подобного облика предложено объединить понятием «сэгэнутский тип», и необходимо отметить, что на сегодняшний день она фиксируется только в погребениях [Иванов и др., 2017]. Одновременно продолжали изготавливаться керамические сосуды уже известного облика с доньшком плоской формы и декором, принятым в предыдущие эпохи: наклепный валик, прочерченные линии и т.д. Предполагается бытование уту-елгинского типа, который описывался выше. Можно сказать, что аналогичная ситуация фиксируется и в других районах западной части Байкальской Сибири [Харинский, 2001, с. 93–94].

Подытоживая, можно говорить о чрезвычайном консерватизме керамической техники, принятом у скотоводческих сообществ Кудинской долины. Внешний облик сосудов на различных временных отрезках демонстрирует сходные черты как в орнаменте, так и в форме сосудов. Нововведения фиксируются в финале раннего железного века (постепенное исчезновение технического декора) и начале II тыс. (появление округлого дна и грибовидного венчика). Два выше описанных обстоятельства, по нашему

мнению, можно с безраздельным господством лепной техники изготовления керамических сосудов (общепринятой в изолированных кочевых коллективах степного пояса Евразии). Кроме того, мы считаем возможным допускать возможность гипотетической преемственностью основной части населения на различных этапах.

Библиографический список

- Авраменко В.Н., Харинский А.В. Предбайкальские погребения в колодах: ареал распространения и хронология // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995.
- Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности. Изображения на утесах. Городища // Изв. ВСОИРГО. 1881. Т. XII, №4–5. Иркутск, 1882.
- Асеев И.В. Прибайкалье в Средние века (по археологическим данным). Новосибирск, 1980.
- Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г. Многослойное поселение Катунь-I – основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск, 2008.
- Горюнова О.И., Пудовкина Е.А. Могильник Елга-VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995.
- Дашибалов Б.Б. Археологические коллекции Б.Э. Петри из поселения Шохтой // Краеведческие записки. 2001. Вып. 8.
- Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995.
- Дашибалов Б.Б. О самодийском субстрате в средневековых культурах Юго-восточной Сибири // Сибирский сборник. 2009.
- Дашибалов Б.Б. Средневековые захоронения саянтуйской культуры на р. Куде // ИЛДТ. 2005. Вып. 3.
- Иванов Г.Л., Харинский А.В., Лозей Р.Дж., Номоконова Т.А., Клементьев А.М. Балин-I – стоянка железного века в долине реки Куды // ИЛДТ. 2017. Т. 13, №2.
- Кичигин Д.Е. Керамика с отгисками шнура Западного побережья озера Байкал: некоторые вопросы формовки сосудов // ИЛДТ. 2014. №4 (13).
- Кичигин Д.Е. Сеногдинская керамика стоянки Балтаханова-III (Северо-западное побережье Байкала) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита, 2013.
- Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-галькинская культура. Владивосток; Иркутск, 2004.
- Николаев В.С. Городище Манхай в Предбайкалье // Средневековые древности Приморья. Вып. 4. Владивосток, 2016.
- Савельев Н.А., Хуторянская О.В., Харинский А.В. Захоронение в бересте с мыса Соболева (озеро Байкал) // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Ч. II. Иркутск, 1996.
- Туркин Г.В. Новые данные по плиточным могилам Предбайкалья // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995.
- Уланов И.В., Бердников И.М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия ИГУ. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12.
- Харинский А.В. Елгинские погребения Предбайкалья // ИЛДТ. 2014. №3 (12).
- Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // ИЛДТ. 2005. Вып. 3.
- Харинский А.В. Курумчинская культура Прибайкалья в свете новых археологических данных // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье). Улан-удэ, 2010.
- Харинский А.В. Отчет об археологической разведке на территории Эхирит-Булагатского и Ольхонского районов Иркутской области в 2018 г. Иркутск, 2018.
- Харинский А.В. Отчет об археологической разведке на территории Эхирит-Булагатского и Ольхонского районов Иркутской области в 2019 г. Иркутск, 2020.
- Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск, 2001.
- Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995.

А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов

*Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛУКИ ИЗ МОГИЛ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

В статье исследуются остатки луков, найденные в средневековых погребальных комплексах на территории Кузнецкой котловины. Целью работы является обобщение информации и типолого-хронологический анализ функционирования этих предметов в VIII–XIV вв. Находки описываются и датируются по материалам памятников, на которых они были обнаружены. Осуществляется типологическая классификация находок. Проводится типолого-хронологический анализ луков. Осуществляется поиск аналогий выделенных типов по материалам сопредельных территорий Центральной Азии. Делаются наблюдения за эволюцией выделенных типов лука на территории Кузнецкой котловины в периоды раннего и развитого Средневековья. Отмечается малое количество типов лука в конце I тыс. и большое типологическое разнообразие этих изделий в развитом Средневековье. Наибольшее количество типов лука фиксируется в конце XII в.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Средневековье, лук, тип, датировка, эволюция

Лук был главным средством ведения дистанционного боя у кочевников Центральной Азии в эпоху Средневековья. В могилах средневекового населения Кузнецкой котловины встречаются остатки луков, которые в комплексе предметов вооружения этой эпохи занимают свою нишу. Описание и исследование этих изделий проводились, как правило, в контексте публикации материалов раскопок и специальному изучению не подвергались. Цель настоящей работы – обобщить информацию об этих находках, классифицировать их, провести типолого-хронологический анализ и проследить эволюцию этих изделий на территории Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья.

В настоящее время остатки средневековых луков в Кузнецкой котловине были найдены при раскопках 16 погребальных памятников: Шабаново-1, Саратовка, Есаулка, Ваганово-1, Шестаки-2, Шестаково, Шабаново-9, Ур-Бедари-1, Камысла, Танай-8, Конево, Озерки-5, Ишаново, Усть-Канда, Торопово-1 и Тарасово-2, датированных авторами публикаций в интервале с VIII по XIV в. [Илюшин, Сулейменов, 1994, с. 91; 1995, с. 210–211; 2008, с. 65, рис. 1.-2–4; 2.-2–4; Илюшин, 1997, с. 14, 16, 49–56, рис. 24.-6; 25.-17, 18; 1998, с. 25–27; 1999а, с. 49–68, рис. 10.-8–28; 31.-10–12; 36.-1–3; 48.-7–17; 64.-28; 69.-1–4, 24–31; 1999б, с. 37, рис. 6.-1; 50.-2, 7–9; 2005, с. 35–38, 40–41, 120–126, табл. 3.-1; 16.-1–6; 2008, рис. 8.-2; 2010, с. 97–106; рис. 3.-9; 5.-3; 2012, с. 17, 35, рис. 36.-12; 2014, с. 26, 41–42, 70, 93, рис. 72.-2–4; 2016, с. 13–15; 2016а, с. 44–47; 2016б, с. 175–178; Кузнецов, 2003, с. 103; 2005, с. 46–77, рис. 4.-3–5; 9.-9; 16.-1–7; 17.-3–4; 2014, с. 59–60, рис. 5.-1–8; Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 186, рис. 27.-11, 11а; 42; 45.-32, 33, 50; 47.-29–32; 51.-11, 12, 13; 58.-1, 2, 12; 59.-1–3, рис. 60.-17; 73.-9; Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971, рис.-22, А, 9, Б, 6; 26.-3; Савинов, Бобров, 2011, с. 60–72, рис.-6, 3; Васютин А., Васютин С., Онищенко, 2012, с. 28–30, 170–185, табл. 2, рис. 56.-24; Митько, 1991, с. 10, рис. 1.-8]. Эти находки позволяют провести первичную типологическую классификацию луков. За основу берется типология луков, построенная на отсутствии и наличии разного количества крепежных накладок и их взаиморасположении на кибити лука, предложенная Ю.С. Худяковым [1980; 1986; 1991; 1997; и др.] при исследовании средневековых

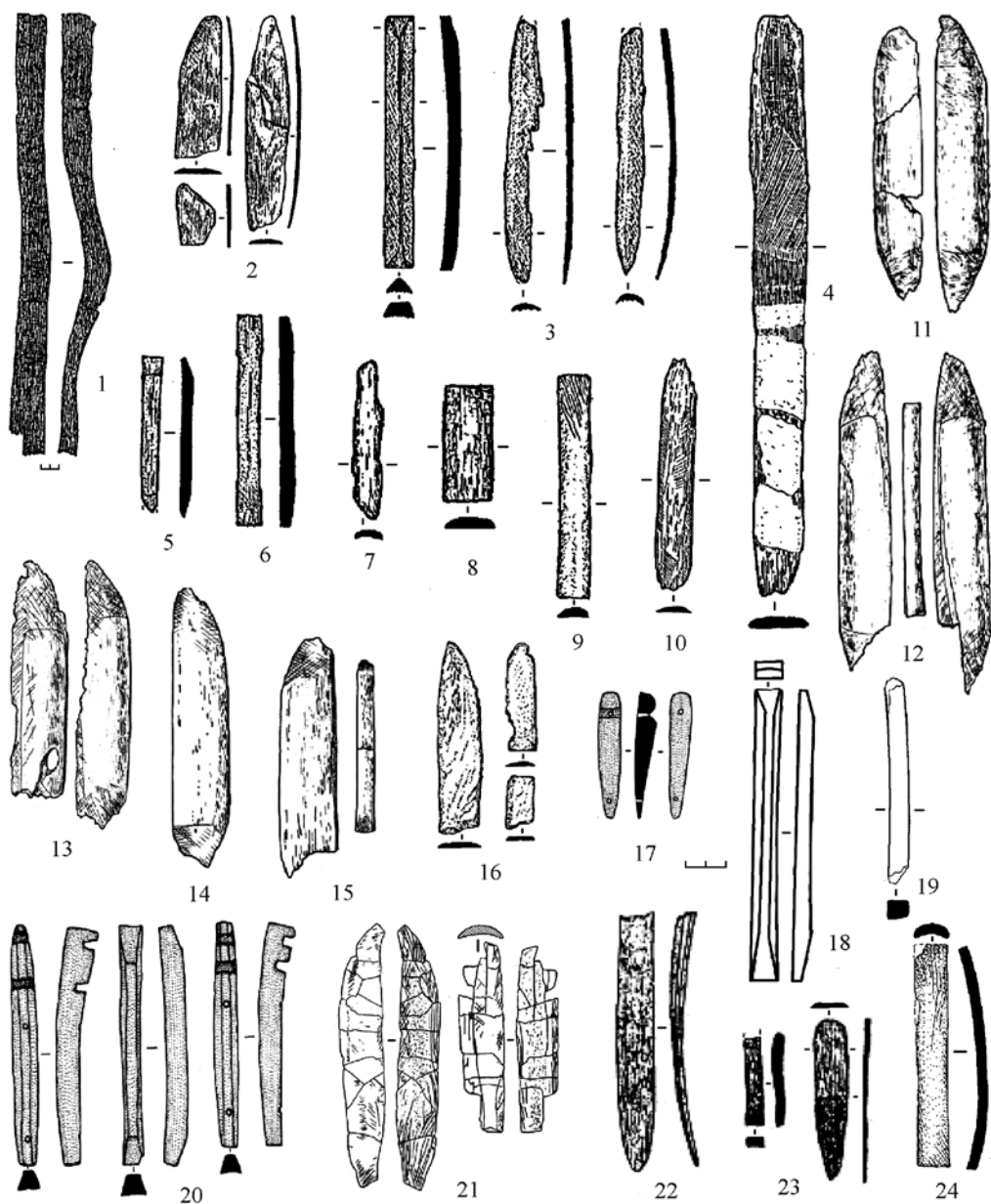
луков кочевников Центральной Азии. Это позволяет использовать накопленный опыт для типологической классификации средневековых луков из Кузнецкой котловины. В типологической классификации задействованы только те источники, которые по степени сохранности соответствуют этому виду работы. Такой подход позволяет выявить при классификации восемь типов луков, которые использовались средневековым населением Кузнецкой котловины.

Тип 1. С двумя срединными боковыми накладками (рис.-2, 11, 13, 16, 21). На территории Кузнецкой котловины этот тип лука бытовал в VIII–IX вв. Он был найден во впускном погребении «Е» кургана №1 на могильнике Шабаново-1 (1-я половина VIII в.), в могиле-1 кургана №29 могильника Саратовка (VIII–IX вв.), в могиле-5 кургана №3 на курганной группе Есаулка (VIII–IX вв.), в погребении А могилы-1 кургана №6 и в погребении А кургана №7 на могильнике Ваганово-1 (2-я половина IX в.). Этот тип лука имеет широкие аналогии на памятниках тюркской культуры Центральной Азии в VIII–X вв., на Алтае в V–XII вв., в Новосибирском Приобье в VIII–X вв., а также у кыргызов и кимаков в IX–X вв. и у восточных кыпчаков в XI–XIV вв. [Горбунов, 2006, с. 25; Троицкая, Новиков, 1998, с. 35; Худяков, 1980, с. 71; 1986, с. 141, 181; 1997, с. 107; 2011, с. 42; и др.].

Тип 2. С одной срединной фронтальной и двумя боковыми срединными накладками (рис.-1, 3, 12). В Кузнецкой котловине известно две находки этого типа, что позволяет предварительно датировать его в интервале 2-я половина IX – XIII–XIV вв. Лук этого типа был найден в погребении «В» могилы-1 кургана №6 могильника Ваганово-1 (2-я половина IX в.) и в могиле-8 кургана №9 могильника Торопово-1 (XIII–XIV вв.). Этот тип лука имеет аналогии на памятниках тюркской культуры Центральной Азии в VIII–X вв., Алтая V–XII вв.; Новосибирского Приобья VIII–X вв., а также известен у кыргызов в IX–XII вв., у кимаков в IX–X вв. и уйгуров в XI–XIV вв. [Горбунов, 2006, с. 25; Троицкая, Новиков, 1998, с. 35; Худяков, 1980, с. 71; 1986, с. 141, 170, 181; 1993, с. 135].

Тип 3. С одной массивной срединной фронтальной накладкой (рис.-4, 6, 9, 18, 19, 24). В Кузнецкой котловине известно шесть находок этого типа, что позволяет предварительно датировать его в интервале XI–XIV вв. Эти предметы были найдены в могиле-2 одиночного кургана Шабаново-9 (начало II тыс.), на могильнике Ур-Бедари-1 (XI–XIII вв.), в погребении кургана №2 на курганной группе Усть-Канда (XIII–XIV вв.), в кургане №1 на курганной группе Озерки-5 (конец XII–XIII вв.), в могиле-3 кургана №1 на курганной группе Танай-8 (XI–XII вв. или рубеж XII–XIII вв.) и в могиле-1 кургана №3 могильника Камысла (конец XII–XIII вв.). Необходимо отметить, что самая массивная накладка на лук этого типа была изготовлена из дерева, обмотана и проклеена материей и берестой, что является уникальной находкой (рис.-4). Этот тип лука имеет аналогии на памятниках Центральной Азии, относимых к уйгурам XI–XII вв., восточным кыпчакам XI–XIV вв., кармацкой культуре XIII–XIV вв., кыштымам XI–XIV вв. и монголам XI–XIV, а также в материалах басандайской археологической культуры XII–XIV вв. Томского Приобья [Горбунов, Тишкин, 2011, с. 63; Плетнева, 1997, с. 82, 118; Худяков, 1991, с. 99; 1997, с. 27, 62, 79].

Тип 4. С одной короткой срединной фронтальной накладкой (рис.-5, 7, 8). На территории Кузнецкой котловины известно три находки этого типа, что позволяет предварительно датировать его в интервале XI–XIV вв. Они найдены в могиле-1

Фрагмент лука (1) и накладки на кибитах луков (2–10): 1, 3, 7 – Торопово-1; 2 – Шабаново-1; 4 – Усть-Канда; 5, 6 – Шабаново-9; 8 – Тарасово-2; 9, 10 – Ур-Бедари-1; 11–15 – Ваганово-1; 16 – Саратовка; 17 – Конеево; 18 – Озерки-5; 19 – Танай-8; 20 – Ишаново; 21 – Есаулка; 22, 23 – Сапогово-2; 24 – Камысла (1, 3, 5–7, 16, 17, 20, 22, 23, 24 – по А.М. Илюшину; 2 – по А.М. Илюшину, М.Г. Сулейменову; 4, 9, 10 – по М.Г. Елькину; 8 – по О.А. Митько; 11–15 – по В.В. Боброву, А.С. Васютину, С.С. Онищенко; 18 – по А.С. Васютину, С.А. Васютину, С.С. Онищенко; 21 – по Н.А. Кузнецову; 19 – по Д.Г. Савинову, В.В. Боброву); 1 – дерево, 2, 3, 5–22 – кость, 4 – дерево, ткань, береста

одинокую кургана Шабаново-9 (начало II тыс.), на курганной группе Тарасово-2 (XI–XIII вв.), в могиле-5 кургана №1 на могильнике Торопово-1 (XIII–XIV вв.). Подобные находки известны на памятниках кимаков в IX–X вв., Алтая в X–XIV вв., верхнеобской культуры Новосибирского Приобья в VIII–X вв. и у восточных кыпчаков XI–XIV вв. [Горбунов, 2006, с. 26; Троицкая, Новиков, 1998, с. 35; Худяков, 1986, с. 181; 1997, с. 107].

Тип 5. С одной срединной и двумя концевыми фронтальными накладками (рис.-20). Этот тип лука был найден в одном экземпляре при раскопках могилы-3 кургана №9 на могильнике Ишаново, датированном концом XII – XIII в. Этот тип лука имеет аналогии в памятниках Горного Алтая 1-й трети II тыс. и Алтая в XI–XIV вв., в том числе в кармацкой археологической культуре XIII–XIV вв. на территории лесостепного Алтая [Горбунов, Тишкин, 2011, с. 63; Худяков, 1993, с. 141].

Тип 6. С одной срединной боковой и одной срединной фронтальной накладками (рис.-15, 23). Насчитывается два экземпляра находок. Они найдены в погребении «А» могилы-1 кургана №9 могильника Ваганово-1 (2-я половина IX в.) и в могиле-9 кургана-кладбища Сапогово-2 (XI–XII вв.). Датировка этих находок позволяет предварительно определить время использования этого типа луков на территории Кузнецкой котловины 2-й половиной IX–XII вв. На сопредельных территориях Центральной Азии аналогии этому типу луков нам не известны.

Тип 7. С одной срединной боковой накладкой (рис.-10, 14, 22). Насчитывается три экземпляра. Этот тип лука был найден в погребении «Б» кургана №9 могильника Ваганово-1 (2-я половина IX в.), в могиле-1 кургана-кладбища Сапогово-2 (XI–XII вв.) и на курганном могильнике Ур-Бедари-1 (XI–XIII вв.). По датировке памятников, на которых были сделаны находки, этот тип лука можно датировать 2-й половиной IX–XIII вв. Аналогии этому типу лука на сопредельных территориях Центральной Азии нам не известны.

Тип 8. С одной концевой фронтальной накладкой (рис.-17). Насчитывается один экземпляр – в могиле-3 кургана №3 на курганной группе Конево (рубеж XII–XIII вв.).

Этот тип лука имеет аналогии на памятниках кочевников Алтая в XI–XII вв., в материалах IX–XI вв. из Барабы и на памятниках Новосибирского Приобья XIII–XIV вв. [Адамов, 2000, с. 41–42, 215–216; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 141; Худяков, 1997, с. 62].

При сравнении интервалов бытования различных типов луков на территории Кузнецкой котловины видно, что в I тыс. населением региона использовались луки четырех типов (типы 1, 2, 6 и 7), а во II тыс. количество используемых типов (типы 2–7) увеличивается до семи. Наибольшее разнообразие луков фиксируется в конце XII в., когда были в употреблении семь типов лука, используемых в развитом Средневековье. Лишь три типа лука имеют неширокий интервал бытования. В их числе тип 1 (с двумя срединными боковыми накладками), тип 5 (с одной срединной и двумя концевыми фронтальными накладками) и тип 8 (с одной концевой фронтальной накладкой), которые использовались в VIII–IX вв., в конце XII – XIII в. и на рубеже XII–XIII вв.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000.
Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в При-салаирье. Кемерово, 2010.
Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово, 2012.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Военное дело населения Лесостепного Алтая в золотоордынское время // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1.

Илюшин А.М. Кузнецкая котловина в период развитого средневековья (к вопросу об этногенезе тюркоязычных аборигенов Сибири) // Сибирские татары: Матер. I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. Кемерово, 1997.

Илюшин А.М. Курганная группа Озерки-5 (классификация и типолого-хронологический анализ материалов) // Интеграция современных научных исследований в развитие общества. Т. I. Кемерово, 2016.

Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А.Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология Степной Евразии. Кемерово, 2008.

Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 8. Кемерово, 2014.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. Кемерово, 2012.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999а.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999б.

Илюшин А.М. Систематизация и типолого-хронологический анализ материалов раскопок курганной группы Танай-8 в Кузнецкой котловине // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты. Т. I. Кемерово, 2016а.

Илюшин А.М. Типолого-хронологический анализ материалов раскопок кургана на могильнике Камысла (Промышленная-1) // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты. Т. II. Кемерово, 2016б.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Впускные погребения Шабаново-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс вооружения предмонгольского времени из кургана-кладбища Сапогово-2 // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Погребение конного лучника в Кузнецкой степи (к вопросу о развитии военного дела в эпоху средневековья) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/2.

Кузнецов Н.А. Есаульская курганная группа // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2005. Вып. 7.

Кузнецов Н.А. Оружие дистанционного боя из курганного Могильника Шестаки-II // Из Кузнецкой старины. Новокузнецк, 2014. Вып. 5.

Кузнецов Н.А. Предметы вооружения из курганов Верхнеобской культуры в Кузнецкой котловине (Могильник Шестаки-II) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I.

Мартьянов А.И., Мартьянова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971.

Митько О.А. Средневековые игольники // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Погребения раннесредневекового могильника Танай-VIII // Историко-культурное наследие Кузбасса. Вып. III. Кемерово, 2011.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Худяков Ю.С. Комплекс вооружения восточных кыпчаков в эпоху развитого Средневековья // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

УДК 903'1:39

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.36

Б.А. Коников

Радиозавод им. А.С. Попова, Омск, Россия

КЫПЧАКИ И ЮЖНО-ТАЕЖНОЕ ПРИИРТЫШЬЕ (конец X – XIV в.)

В статье анализируется роль кочевников Казахстана и Алтая в этнокультурных процессах, протекавших в южно-таежном Прииртышье в конце X – XIV в. Проникновение туда предметов тюркского вида началось, по меньшей мере, с эпохи Второго Тюркского каганата (могильник Окунево-III на р. Тара). В течение VII–X в. лесостепная часть Омского Прииртышья была зоной постоянных контактов кочевников – тюрков и южно-хантыйского и, возможно, самодийского населения, т.е. фронтиром. В конце I – начале II тыс. процессы ассимиляции лесостепным и южно-таежным южно-хантыйским населением степных пришельцев и параллельно тюркизация какой-то части аборигенов обрели осязаемые черты. Однако до XIII и, возможно, до начала XIV в. южно-таежное Прииртышье не было северной провинцией сrostкинской культуры, как считают омские исследователи С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов (2019); присутствие предметов вооружения, поясной гарнитуры и конского снаряжения степного облика в южно-таежных памятниках объясняется в основном, торговлей и результатами военных столкновений (трофеями). Только с появлением в степях монголов (XIII в.) движение кыпчаков в сторону южно-таежного Прииртышья приобретает археологически выраженный характер.

Ключевые слова: южно-таежное Прииртышье, средневековье, тюрки, кыпчаки, усть-ишимская культура, фронт

Впервые роль кочевников Казахстана и Алтая в этнокультурных процессах, протекавших во 2-й половине I – начале II тыс. в Омском Прииртышье была компетентно рассмотрена В.А. Могильниковым [1981]. Впоследствии к этой теме обращались Д.Г. Савинов [1984], Ю.С. Худяков [2011], Е.М. Данченко [2011] и другие исследователи. Интерес объясним: получить ответы на ключевые вопросы по этногенезу и ранней этнической истории сибирских тюрков, обских угров и отчасти северных самодийцев.

Поводом для обращения к заявленной выше теме явилась статья омских исследователей С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова, в которой, помимо представления, как они пишут, «художественных бронз» из курганного могильника у д. Айткулово Омской области, изложен новый взгляд на культурно-этническую ситуацию в Омском Прииртышье развитого Средневековья: «Среднее Прииртышье (синоним Омского Прииртышья. – Б.К.) с начала I тыс. н.э. (надо II тыс. – Б.К.) стало частью кимако-кипчакского мира, который генетически связан со сrostкинской культурой» [Татауров, Тихонов,

2019, с. 111]. Уточню. В основу вывода положены материалы южно-таежного памятника (подчеркнуто мною. – *Б.К.*), расположенного примерно в 200 км к северо-востоку от г. Омска. Их точка зрения кардинально отличается от заключений В.Н. Чернецова, В.А. Могильникова и других исследователей. Так, В.А. Могильников [1987, с. 202] считал, что часть лесостепного и все южно-таежное Прииртышье в раннем и развитом Средневековье входили в ареал формирования южно-хантыйского этноса. Это мнение разделяет автор статьи [Конигов, 2007, с. 253].

Пересмотр научной парадигмы, утвердившейся в конце 1930-х гг., требует серьезной аргументации. На наш взгляд, в статье С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова она отсутствует. Начну с того, что материалы могильника, как, равным образом, и остальных средневековых памятников в районе д. Айткулово, прежними их исследователями включались в контекст местных оседлых культур [Чагаева, 1970; 1973; Скандаков, 1988]. И действительно погребальный обряд (группировка, размеры и устройство насыпей, характер расположения под ними могил, исключительно обряд трупоположения, поза и ориентация умерших людей головой, да и прочие детали ритуала (остатки жертвоприношений: челюсти и зубы лошади, остатки кострищ в насыпях) не дает оснований для зачисления Мурлинских-I и II могильников (так в литературе принято именовать курганы у д. Айткулово) в некрополи сrostкинской культуры. Добавим к этому следующее. Глиняная посуда, как из курганов, так и из близлежащих синхронных и однокультурных городищ по большинству своих параметров идентична посуде кинтусовского и сайгатинского этапов/культур Обь-Иртышской культурно-исторической общности или, по нашему мнению, усть-ишимской культуры [Федорова и др., 1991, рис. 3А; Зыков, 2012, рис. 57–63; Конигов, 2007, рис. 123]. Бронзовые украшения и антропо-зооморфные подвески из д. Айткулово находят соответствие в памятниках Северо-Западной Сибири, Прикамья и лесов Восточной Европы, что декларируют и авторы статьи. Да, в айткуловской коллекции представлены железные плоские и трехгранные наконечники стрел, бронзовые и костяные пряжки с железными язычками и детали конской амуниции; они имеют параллели в кимако-кыпчакском инвентаре. Однако аналогии им обнаружены и за пределами расселения кыпчаков, например, в культурах Севера – Западной Сибири, Приуралья, Прикамья и Восточной Европы [Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987; Крыласова, 2007]. В айткуловских курганах, как, впрочем, и в остальных южно-таежных могильниках, не обнаружено захоронений головы и ног лошади с человеком, что отмечено, например, для половины погребений могильника Чулым-2 VIII–IX вв., свидетельство проникновения в Барабинскую лесостепь тюркоязычного населения [Троицкая, 2002, с. 93]. В аннотации к статье С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов упоминают ровики вокруг насыпей, но из ее текста неясно, были ли они зафиксированы А.С. Чагаевой и каково их устройство. Ровики характерны для кыпчакских курганов, но заметим, в Прииртышье они известны со времени саргатской общности раннего железного века.

Переоценка этнокультурной ситуации в южно-таежном Прииртышье рассматриваемого времени требует анализа коллекций с других южно-таежных памятников: поселений Верхнее Аксеново-II, Кипо-Кулары-III, Красноярского археологического комплекса, могильников Иванов Мыс-I, Ильчибага-I, Кипы-III, Малая Бича-IV, Малая Тебендя-I, Усть-Ишим-I и т.д. [Конигов, 1993; 2007; 2019; 2020; Данченко, 2008]. В них, помимо всего, в большом количестве представлена глиняная посуда, за малым

исключением – круглодонная, ее декор состоит из оттисков гребенчатого и уголкового штампа, оттисков шнура, ямок и «жемчужин», он покрывает от одной до двух третей поверхности сосудов; кочевническая керамическая посуда бедна орнаментом и чаще всего плоскодонная [Могильников, 1981, рис. 27.-8, 26, 35, 42]. По логике С.Ф. Тагаурова и С.С. Тихонова, все вышеназванные памятники оставлены кыпчаками!

К сказанному добавлю, что с лесостепных и южно-таежных памятников раннего и развитого Средневековья имеется и антропологический материал [Багашев, 2017; Пошехонова, 2011а–б]. Согласно заключению специалистов, в конце I – середине II тыс. южно-таежное Прииртышье населяли жители, тяготевшие по физическому облику к северным территориям и не связанные с антропологическими типами лесостепного Прииртышья [Багашев, 2017, с. 244].

Исследователи по-разному истолковывают культурную принадлежность южно-таежных древностей развитого Средневековья. Автор относит их к усть-ишимской южно-хантыйской культуре, другие специалисты – к кинтусовскому и сайгатинскому этапам/культурам Обь-Иртышской общности [Федорова и др., 1991; Зыков, 2012]. Однако в любом случае они отражают этапы формирования южно-хантыйского этноса, и айткуловские курганы являются памятниками южно-хантыйского круга.

Вкратце об усть-ишимской культуре. Ее городища располагались, как правило, на высоких мысах и прилегающей к ним территории, укрепления состояли из глубоких и широких рвов, системы земляных валов с частоколами по гребню. Люди жили в долговременных каркасно-столбовых жилищах с открытыми очагами и хозяйственными пристройками. Мощный (до двух метров) культурный слой был насыщен костями домашних и диких животных, рыбьими костями. Большая часть инвентаря изготовлена из кости и рога, развиты металлургия железа и бронзы. Характерен курганный способ погребения, наличие, помимо центрального материкового и, как правило, парного погребения, и периферийных – парных или одиночных, под одной насыпью обнаружено от одного до восьми погребений, нередко могилы со следами обжига, обряд – только труположение, поза умерших стандартна – на спине, руки вдоль туловища или согнуты в локтях и кисти на поясе, преобладающая ориентация – головой на северо-запад, большая часть инвентаря находилась там же, где и при жизни. Глиняные лепные сосуды, как правило, ставились в ноги и чаще всего кверху дном; предварительно они приводились в негодность. Насыпи содержали разное количество остатков поминально-жертвенных ритуалов: глиняные сосуды, кострища, черепа, челюсти и зубы лошади, редко – кости таза или конечности, практиковалась подсыпка углей к глиняным сосудам, черепам и челюстям лошадей.

Какова же роль тюркоязычных кочевников, и в частности кыпчаков, в процессах, имевших место на территории Омского Прииртышья? Начнем с того, что в состав земель Первого и Второго тюркских каганатов входила степная и отчасти лесостепная его часть. Тюркам принадлежат курганные могильники Рамантеевка и Изылбаш VIII–X вв. в степном [Конилов, 1992, с. 19–21; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 298] и могильник Ирча X в. в лесостепном Прииртышье [Могильников, 1981, рис. 25.-19]. В грунтовом могильнике Окунево-III (южно-таежное Прииртышье, левобережье р. Тара), помимо местных типов вещей (бронзовых зоо-антропоморфных подвесок, украшений, глиняной посуды), обнаружена железная панцирная пластина, стремя, бронзовые детали поясного набора и украшения тюркского типа VIII–IX вв. [Могильников, Конилов, 1983, рис. 4, 5; 6, 8 и др.].

Полагаю, что в VII–X вв. лесостепное Прииртышье являлось зоной контактов тюркоязычных кочевников и оседлого южнохантыйского населения. Не случайно там расположены как потчевашские поселения (Ростовка-II) и курганные могильники усть-ишимской культуры (Стрижево-III, устное сообщение А.В. Полеводова, 2020 г.), так и памятники тюркоязычных кочевников (могильник Ирча-I). В указанные выше века лесостепное Прииртышье становится регионом, где чересполосно проживали и кимаки-кыпчаки, и потчевашско-усть-ишимское население. Такие территории соседства и контактов обозначают понятием «фронтир», а историками получены интересные результаты его функционирования в Сибири в XVII–XVIII вв. [Хромых, 2012; Резун, Шиловский, 2005]. Их наработки ценны и для нашей темы.

Очевидно, что продвижение степняков в непривычную таежную обстановку, их встречи и столкновения с представителями по многим признакам иных сообществ – все это требовало предварительной подготовки: надо было провести разведку новой страны, прощупать военный потенциал, изучить тактику и манеру ведения боя ее обитателями. Следует учитывать и то, что южным пришельцам противостояли не только пешие и конные ополченцы, но и профессиональные воины, оснащенные совершенным по тому времени наступательным и защитным вооружением [Конилов, 2019; 2020]. Уязвимым местом было отсутствие централизованного руководства, и к тому же, судя по легендам и сказаниям [см. Патканов, 1891], таежные сообщества раздирали межобщинные и межэтнические схватки, что оборачивалось, как хорошо известно, трагедией для обороняющейся стороны.

С начала II тыс. кыпчаки стали проникать в южно-таежное Прииртышье. Это документирует курганный могильник Кыпы-III в Тевризском районе Омской области. Некогда он включал в свой состав свыше 110 курганов (данные краеведа А.Ф. Палашенкова, 1959 г.), экспедициями Омского пединститута было исследовано 28 уцелевших к 1979 г. насыпей. 26 курганов относятся к местным культурам раннего железного века и развитого Средневековья. Для нашей темы особо важны курганы №6 и 13. Курган №6 содержал центральное материковое погребение, на втором горизонте (10 см от уровня материка) которого откопан потревоженный скелет лошади, положенной на левый бок, головой на северо-запад, под ним – скелет мужчины, уложенного на спину, головой также на северо-запад; человека сопровождали железные стремяна и кольчатые удила. В кургане №13 обследованы две центральные материковые параллельные могилы, в одной, №1, находилось захоронение человека по обряду трупосожжения (сожжение было совершено на стороне, инвентарь огнем не затронут), во второй, №2, – по обряду трупоположения. Первое погребение было снабжено двумя железными стремянами, кольчатыми удилами, наконечником копья, бронзовой пряжкой с остатками кожаного ремня, бляхами – распределителями ремней конской упряжи, парными фигурными застежками и двумя глиняными сосудами с характерной для северных культур орнаментацией [Конилов, Шван, 1983, с. 47–48]. Замечу, что иные случаи трупосожжений в южно-таежных могильниках конца X – XIV в. мне неизвестны: сочетание трупоположения и трупосожжения характерно для сrostкинской погребальной традиции [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 293].

Что представляла собою этнокультурная ситуация в южно-таежном Прииртышье в XII–XIV вв.? Обратимся к материалам южно-таежных могильников этого времени – Иванову Мысу-I и Паново-I [Конилов, 2019; 2020]. Первый расположен на левом бе-

регу Иртыша, вблизи с. Иванов Мыс Тевризского, второй – на правом, вблизи д. Паново Усть-Ишимского района Омской области. В составе первого около 50 курганов, изучено три, во втором – 77, исследовано 11 курганов. Для их погребального обряда характерны черты, присущие некрополям предыдущих веков: курганный способ захоронения, нахождение под одной насыпью центральной и периферийных могил от одной до восьми, исключительно обряд труположения, укладка умерших людей на спину, головой преимущественно: в Иванов Мысу-I – на северо-запад, в Паново-I – на запад. Инвентарь традиционен, разве что намного больше стало предметов вооружения, а в Паново-I обнаружены железные чеканы, аналогичные топорам из Пермского Предуралья. Глиняная посуда стояла как в могилах, так и в насыпи. Она прежней формы: круглодонная, ее орнаментальный декор аналогичен усть-ишимскому, кинтусовскому и сайгатинскому. В насыпи найдены черепа, челюсти и зубы лошади, редко – кости таза или фрагменты конечностей ног, возле некоторых черепов и челюстей отмечены скопления углей. Также в разных местах насыпи или вокруг центральной могилы обследованы остатки кострищ. В составе инвентаря много импорта – оружия, конского снаряжения, деталей поясного набора и украшений, аналоги которым встречаются как в культурах юга Западной и Южной Сибири, так и в Волжской Булгарии, Пермском Предуралье, Древней Руси, на Северо-Западе Сибири. В обоих могильниках встречены местные бронзовые культовые подвески – антропоморфные, антропо-зооморфные и зооморфные.

Зададимся вопросом: что в материалах Иванова Мыса-I и Паново-I можно соотносить с кыпчакской культурой? Оружие, поясные наборы и конское снаряжение? Однако если взять, например, железные плоские и граненые наконечники стрел, то в рассматриваемое время их выковывали не только в мастерских юга, но и, такой же формы, в ремесленных центрах Пермского Предуралья [Белавин, 2001]. И действовал Великий торговый путь, соединявший Сибирь и Восточную Европу, по которому в обоих направлениях двигались караваны [Кызласов, 2006].

Далее, результаты изучения антропологического материала из усть-ишимских могильников показывают преобладание местного, идущего от культур раннего железного века, антропологического типа. Вместе с тем в незначительной степени в нем присутствуют и южно-сибирские антропологические черты [Пошехонова, 2011б, с. 153–154]. Однако последнее не меняет общей картины.

Начиная с XIII в. в процессе активного проникновения в южно-таежное Прииртышье кыпчаков и, вероятно, части монголов происходит то, что отслежено археолого-этнографическими и антропологическими исследованиями последних десятилетий: преимущественно на местной антропологической основе оформляется к XV в. новая этническая общность – тоболо-иртышские татары.

Библиографический список

- Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск, 2017.
- Белавин А.М. Ремесленные мастерские Пермского Предуралья в системе средневековой торговли // Древние ремесленники Предуралья. Ижевск, 2001.
- Данченко Е.М. К изучению процессов тюркизации в Среднем Прииртышье по данным археологии // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011.
- Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск, 2008.
- Зыков А.П. Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург, 2012.

- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Конилов Б.А. Иванов Мыс-1, курганный могильник. Тевризский район. Омская область. Омск, 2019.
- Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007.
- Конилов Б.А. Паново-1, курганный могильник. Усть-Ишимский район, Омская область. Омск, 2020.
- Конилов Б.А. Рамантеевский и Изылбашский могильники степного Прииртышья (по материалам раскопок В.П. Левашовой) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 1.
- Конилов Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. Омск, 1993.
- Конилов Б.А., Шван Ф.Д. Исследование кипских курганов (о времени тюркизации таежного Прииртышья) // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983.
- Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007.
- Кызласов И.Л. Великий Сибирский путь // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006.
- Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20 томах. М., 1981.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20 томах. М., 1987.
- Могильников В.А., Конилов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. №2.
- Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
- Пошехонова О.Е. К средневековой палеоантропологии южно-таежного Прииртышья (по материалам могильника IX–XVIII вв. на территории Красноярского археологического комплекса) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2011а. №2.
- Пошехонова О.Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры на рубеже I и II тыс. н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011б. №4.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Скандаков И.Е. Потчевашские жилища на Мурлинском городище // Источники и историография. Археология и история. Омск, 1988.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР в 20 томах. М., 1981.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, №1.
- Троицкая Т.Н. Некоторые из путей тюркизации населения Западной Сибири // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР в 20 томах. М., 1987.
- Хромых А.С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века). Красноярск, 2012.
- Худяков Ю.С. Контакты тюркских и монгольских кочевников с народами таежных районов Сибири в эпоху развитого средневековья // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011.
- Чагаева А.С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 5.
- Чагаева А.С. О хронологии памятников Чувашского Мыса // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

НАХОДКИ МОНЕТОВИДНЫХ АМУЛЕТОВ В СИБИРИ

В монгольское время на территории Сибири появилась новая категория бронзовых украшений – монетовидные амулеты. Традиционные для китайской культуры изделия, они маркируют важный процесс включения периферийных районов Сибири в сферу влияния Монгольской империи. Известно 17 монетовидных амулетов, большая часть которых происходит из случайных сборов. Можно выделить три группы амулетов. Первая – с восточным календарем на реверсе и легендарными даосскими сюжетами на аверсе. Наиболее многочисленны ажурные амулеты с изображением пары змеевидных драконов, есть также ажурные изделия с двумя львами, играющими монетами. Все эти группы амулетов появляются еще во время династии Сун и продолжали изготавливаться и в эпоху Цзинь – Юань. Выбор сюжетов может быть обусловлен вкусовыми предпочтениями населения северных земель.

Ключевые слова: Сибирь, Китай, Средневековье, Монгольская империя, монетовидные амулеты

Формирование в начале XIII в. Монгольской империи стало важнейшим моментом средневековой истории Евразии. Объединение под властью монголов обширных территорий привело к распространению на всем пространстве единой державы новых видов оружия, украшений, предметов домашнего обихода и костюма. Чингисхан положил начало созданию системы властных атрибутов, которые выступали как система кодов, понятная всему разноэтничному населению кочевой империи [Юрченко, 2013, с. 87, 159]. Нужно отметить, что выстроенная знаковая система была вполне устойчивой, даже после распада Монгольской империи на отдельные государства (Золотая Орда, Юань, государство Хулагидов) она продолжила свое существование. Целый ряд значимых символов был заимствован в традиционной китайской культуре. В тюркитике этого времени широкое распространение получили дальневосточные сюжеты: львы, феникс, лани под деревом, цилинь, изображения смоковниц, лотоса и многие другие [Крамаровский, 2002, с. 59].

Широкое распространение за пределами Китая в предмонгольское и монгольское время получают разнотипные монетовидные амулеты. В Поднебесной они бытовали еще в эпоху Хань и активно использовались в религиозной и обрядовой жизни различных слоев китайского общества [Шевцов, 2019, с. 30]. На территорию Сибири подобные изделия проникли не ранее 20–30-х гг. XIII в., после того как монголы захватили значительную часть империи Цзинь, что привело к распространению вещей оттуда на северо-запад [Харинский, Орфинская, Портнягин, 2020, с. 84].

Монетовидные амулеты отливались в Китае на протяжении двух тысяч лет, и за это время возникало великое множество типов и вариантов этих изделий. В средневековых сибирских археологических комплексах монетовидные амулеты встречаются редко и ранее они не становились темой отдельного исследования. В русскоязычной литературе наиболее детальный и подробный анализ этой категории находок предпринят С.Н. Шевцовым, но в данном исследовании не учитываются археологические материалы. Им же предложена классификация металлических амулетов [Шевцов, 2019, с. 52].

На сегодняшний день известно 17 монетовидных амулетов, найденных в различных районах Сибири, происходят они из закрытых археологических комплексов, есть они и в музейных, и частных собраниях. Большая часть этих находок депаспортизирована, что делает невозможным их точную географическую привязку.

В Сибири найдены календарные монетовидные и ажурные амулеты. По изображениям на них можно выделить три группы, при этом изделия существенно отличаются по качеству отливки, что связано с многократным тиражированием оригинальных предметов.

Группа 1. Представлена календарными монетовидными амулетами, на реверсе которых изображены 12 зодиакальных животных традиционного китайского календаря. По сюжету изображения на аверсе можно выделить два варианта амулетов. На первом справа присутствует человек, сидящий под раскидистым деревом, и тигр. На втором справа изображен старец с нимбом, также сидящий под деревом; слева – прислужник меньшего размера, ниже находятся журавль, змея и черепаха, изрыгающая благовещие тучи. Диаметр амулетов этого типа – 5–6 см.

В Сибири известны находки не менее трех изделий первого варианта. Один из этих амулетов был зафиксирован в погребении №1 кургана №42 Басандайского курганного могильника (Томское Приобье) [Басандайка, 1947, с. 171]. Украшение было найдено в центральной части могильной ямы на дне, на слое бересты [Басандайка, 1947, с. 113]. Практически полное отсутствие костей в погребении не позволяет определить положение амулета относительно останков. В других погребениях этого кургана зафиксированы изделия (пояс с бляхами-обоймами, бусы и др.), которые позволяют датировать комплекс монгольским временем. Еще два экземпляра аналогичных амулетов хранятся в фондах Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова и происходят из случайных сборов. Одно из украшений сломано.

На аверсе амулетов этой группы изображен сюжет притчи о враче Дун Фэне из царства У, известном своим бескорыстием. Однажды Дун Фэн вылечил тигра, который после исцеления в знак благодарности стал охранять абрикосовый сад врача. Амулеты этого типа датируются династией Сун, хотя известны копии амулета меньшего размера, датируемые периодом Юань [Шевцов, 2019, с. 675].

Амулет второго варианта найден в погребении 1 могильника Будун 2 на западном побережье оз. Байкала. Он располагался в районе таза погребенного и был завернут в несколько слоев ткани, вероятно,шит в какое-то изделие [Харинский, Орфинская, Портнягин, 2020, с. 82]. На этом амулете изображен Син-гуань, или Дух Благовещей звезды, популярное даосское божество, определяющее судьбу человека. Широкое распространение поверья об этом духе получило в эпоху Сун, тогда же началось массовое изготовление подобных амулетов. Журавль и черепаха – традиционные символы долголетия, на поздних этапах бытования сюжета к нему стали добавлять изображение змеи. Черепаха и змея в тот период ассоциировались с Сюань У, божеством Севера, и защищали владельца амулета от демонов и других напастей [Шевцов, 2019, с. 152]. Датируются такие вещи сунским временем, хотя могли их делать и во время династии Юань.

Бронзовый ажурный амулет с изображением драконов, памятник Проспихинская Шивера-II, Нижнее Приангарье

Группа 2. Ажурные амулеты с изображением двух извивающихся змеобразных драконов, расположенных друг за другом (рис.). На наиболее качественных отливках хорошо видны лапы, длинный хвост, головы драконов, на их телах обозначена чешуя. В распахнутых пастьях драконов находятся жемчужина или цветок. Иконографические особенности изображения драконов позволяют соотнести их

с китайским Лу-ваном, драконом – покровителем водной стихии [Крамаровский, 2002, с. 61]. Диаметр амулетов около 4 см.

В Сибири найдено не менее семи экземпляров изделий этой группы, два из которых зафиксированы в погребальных комплексах. Один амулет найден на Нижней Ангаре в погребении, выполненном по обряду кремации на стороне, на стоянке Проспихинская Шивера-II [Мандрыка, Сенотрусова, 2015]. Такой же амулет отмечен в погребении женщины на местонахождении Рябчиков Ключ-1 в Канско-Рыбинской котловине [Выборнов и др., 2015]. Аналогичные амулеты хранятся в фондах Музея археологии и этнографии им. М.В. Флоринского Томского госуниверситета, в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова, в Музее археологии им. Е.С. Аннинского (п. Подгорный, Красноярский край). Происходят эти амулеты из сборов на территории Минусинской котловины и Красноярской лесостепи и к закрытым археологическим комплексам не привязаны. Аналогичный амулет, но более высокого качества отливки, был найден экспедицией под руководством С.В. Киселева при раскопках Каракорума [Elikhina, 2010, Fig. 4-h].

Ажурные амулеты с изображением двух драконов стали очень популярны в китайской торевтике, начиная со времени династии Сун, и отливались вплоть до эпохи Мин. Подобные изделия широко использовались в среде северных кочевников и изготавливались не только в самом Китае, но и на территории царств Цзинь и Ляо [Шевцов, 2019, с. 197]. Сибирские находки наиболее близки к отливкам царства Ляо, но РФА-анализ сплава амулета из погребения на стоянке Проспихинская Шивера-II показал, что он отлит из оловянно-свинцовой бронзы, используемой и в сунском литье [Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2014, с. 76].

Группа 3. Ажурные амулеты с изображением двух львов в движении, играющих с монетами. В Сибири известно не менее шести таких амулетов из случайных сборов. Пять из них найдены в Хакасско-Минусинской котловине, еще один – в Нижнем Приангарье.

В Китае лев выступал как элемент благопожелательной символики, а изображение двух хищников подразумевает выражение «Пусть все дела успешно осуществляются» [Шевцов, 2019, с. 752]. Амулеты с подобным сюжетом датируются эпохой Сун, хотя не исключено и более широкое время их использования в периоды Цзинь – Юань [Шевцов, 2019, с. 703].

Таким образом, было учтено 17 монетовидных амулетов, которые делятся на три группы. Большая часть находок происходит из степных и таежных районов Енисейской Сибири (Хакасско-Минусинская котловина, Канско-Рыбинская котловина, Нижнее Приангарье), единичные изделия известны в Прибайкалье и Томском Приобье. По всей вероятности, распределение монетовидных амулетов отражает статус территории Сибири как северной периферии Монгольской Империи [Сенотрусова, Мандрыка, 2016].

Монетовидные амулеты появились в Сибири после 20–30-х гг. XIII – в середине XIV в., когда Монгольская империя оказывала влияние на далекие северные земли. В культуре лесного населения они могли использоваться и существенно позднее, несмотря на это, важно отметить, что монетовидные амулеты являются маркерами комплексов монгольского и, вероятно, послемонгольского времени как в степной, так и в лесной зоне Сибири.

Библиографический список

- Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947.
Выборнов А.В., Грачев И.А., Зольников И.Д., Картозия А.А., Марковский Г.И., Славинский В.С., Слепченко С.М., Цыбанков А.А. Спасательные археологические раскопки на местонахождении

хождении Рябчиков Ключ-1 под городом Канском в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани. Казань, 2002.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Позднесредневековое погребение стоянки Проспихинская Шивера-II на Ангаре // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск, 2015.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Приенисейская Сибирь – северная периферия Монгольской империи // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Казань; Ялта; Кишинев, 2016.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Находки китайских изделий в средневековых памятниках нижнего течения Ангары // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10).

Харинский А.В., Орфинская О.В., Портнягин М.А. Захоронение саянтинского типа могильника Будун-2 (западное побережье озера Байкал) и некоторые аспекты формирования погребального ритуала у населения Прибайкалья в XIII–XIV вв. // Поволжская археология. 2020. №2.

Шевцов С.Н. Китайские монетовидные амулеты. Надписи, сюжеты, символы. М., 2019.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2013.

Elikhina I. The most Interesting Artefacts from Karakorum in the Collection of the State Hermitage Museum, St. Petersburg // Mongolian-German Karakorum Expedition. 2010. Vol. 1.

УДК 902(571.151)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.38

Н.Н. Серегин¹, А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2}, Т.С. Паршикова¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦУРОК В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам археологического комплекса Чобурак-I)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ
(проект №19-59-15001 «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая
и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции»)

Статья посвящена введению в научный оборот и интерпретации серии костяных (роговых) цурок (застежек пут для сдвуноживания или стреноживания коня) из объектов жужанского времени погребально-поминального комплекса Чобурак-I (Чемальский район Республики Алтай). Представлено морфологическое описание шести находок, обнаруженных в трех мужских захоронениях с лошадью (курганы №30, 30а, 31). Данные предметы отнесены к двум типам изделий. Определен круг аналогий подобным находкам из археологических объектов обозначенного региона и сопредельных территорий. Установлено, что материалы некрополя Чобурак-I впервые демонстрируют сосуществование у населения Алтая на заключительном этапе развития булан-кобинской культуры (2-я половина IV – V в. н.э.) костяных (роговых) цурок с разным оформлением петли для ремня – с сомкнутой и несомкнутой прорезью. Публикуемые материалы расширяют источниковую базу для изучения эволюции амуниции лошади у народов Азии на рубеже поздней древности и раннего Средневековья.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, цурки, погребение, конское снаряжение, хронология, жужанское время

Амуниция верхового коня народов Евразии периода поздней древности и эпохи Средневековья отличается большим разнообразием функциональных и декоративных гарнитур. Среди предметов, использовавшихся при езде на лошади, обнаружены различные застежки. К числу приспособлений другого назначения относятся так называемые цурки, являвшиеся застежками пут для сдвуноживания или стреноживания животного [Кирпичников, 1973, рис. 45]. В археологических материалах Алтая они представлены серией на-

ходок из памятников булан-кобинской и тюркской культур. Если изделия 2-й половины I тыс. н.э. хорошо известны широкому кругу специалистов, то подобные предметы из комплексов предшествующего периода в своем большинстве не опубликованы. Данное обстоятельство определяет актуальность введения в научный оборот как можно большего количества таких элементов конского снаряжения для их комплексного изучения.

Показательная коллекция из шести цурок получена в результате раскопок могильника булан-кобинской культуры на погребально-поминальном комплексе Чобурак-I, расположенном в Чемальском районе Республики Алтай [Серегин и др., 2018; 2019]. В составе группы из 12 подкурганых погребений изделия обозначенного функционального назначения присутствовали в трех мужских захоронениях с верховым конем. Данные предметы зафиксированы на ребрах лошади (курган №30 – 2 экз.; курган №31 – 3 экз.) и за головой животного (курган №30а – 1 экз.). Все цурки выполнены из кости (рога) и представляют собой подобие трапеции с широким основанием, плавно изогнутыми боковыми сторонами, скругленными углами, имеющей одну прорезь. Длина их варьирует в пределах 6,8–7,8 см, а максимальная ширина в центральной части составляет 1,5–1,7 см. Рассматриваемые застежки по оформлению прорези для ремня подразделяются на два типа. К первому относятся 3 экз. с несомкнутой прорезью арочной или овальной формы шириной 0,8–1 см из курганов №30 и 30а (рис. 1.-1–3), ко второму – 3 экз. с сомкнутой прорезью вытянуто-овальной формы размерами 1,5–1,7×0,5–0,6 см из кургана №31 (рис. 1.-4–6).

Костяные (роговые) цурки первого типа в памятниках булан-кобинской культуры Алтая количественно преобладают. Они обнаружены при раскопках погребений на могильниках Верх-Уймон (3 экз.), Дялян (10 экз.), Степушка (5 экз.), Яломан-II (5 экз.) (рис. 2.-1–10) [Тетерин, 1991, с. 156; Матренин, Тишкин, 2015; Давыдов, Половников,

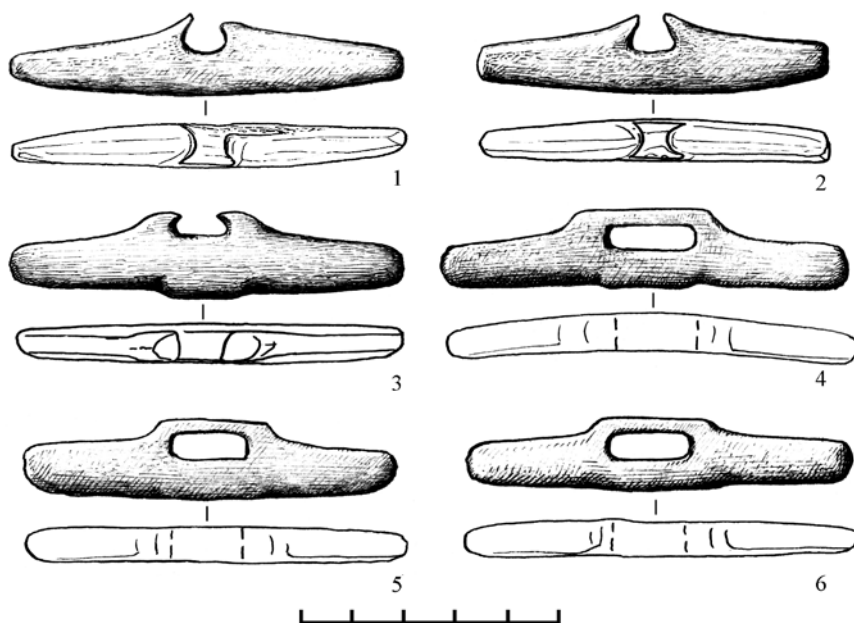

Рис. 1. Костяные (роговые) цурки из могильника Чобурак-I: 1–2 – курган №30; 3 – курган №30а; 4–6 – курган №31. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

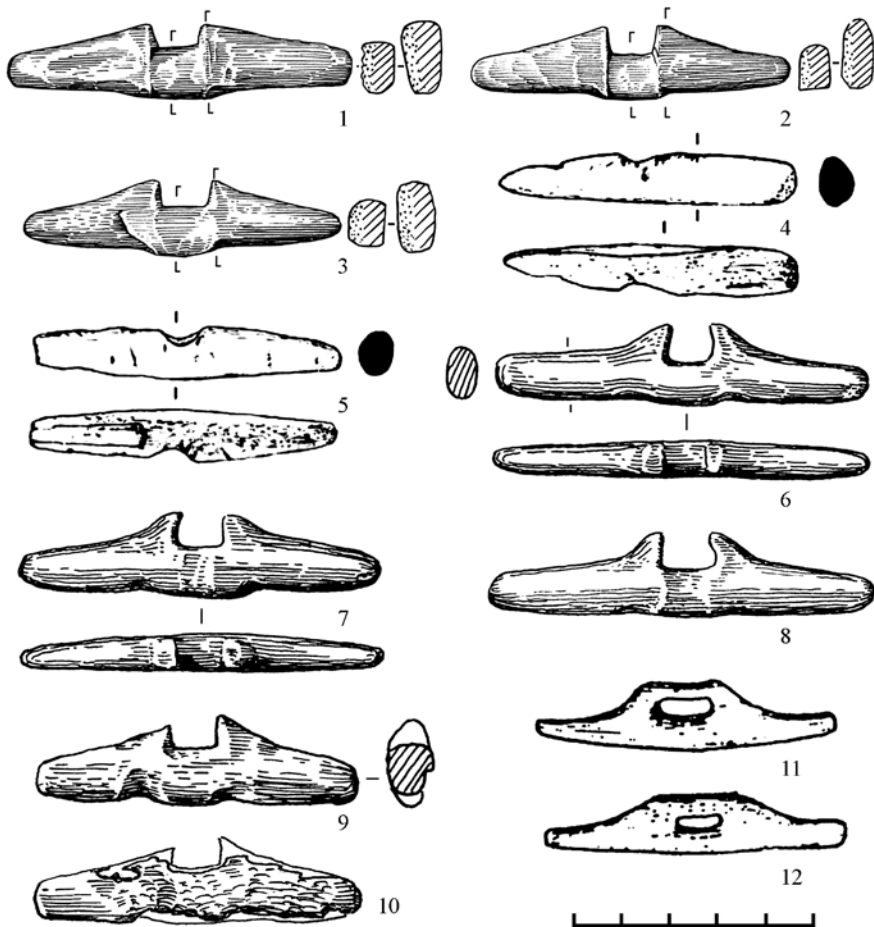

Рис. 2. Костяные (роговые) цурки из памятников булан-кобинской культуры:

1–3 – Степушка-I, курган №19 (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018]);

4–5 – Степушка-2, объект №3 (по: [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018]);

6–10 – Яломан-II, курганы №31 и 32 (по: [Матренин, 2018]; раскопки А.А. Тишкина);

11–12 – Кок-Паш, курган №7 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003])

2018, рис. 3–4; Соенов, Константинова, 2015, с. 125; Матренин, 2018, рис. 2.-22–25; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018]. В захоронении могли находиться от одной до четырех таких застежек, размещавшихся обычно на ребрах, ближе к позвоночнику или рядом с конечностями лошадей. Нельзя исключать, что населением Алтая жужанского времени использовались также деревянные цурки, которые не сохранились.

Точные аналогии рассматриваемым изделиям с несомкнутой прорезью зафиксированы в археологических комплексах Восточного Туркестана и Восточного Приаралья середины IV – V в. н.э., а также в раннесредневековых материалах (2-я половина V – VI в.) курумчинской культуры Прибайкалья [Левина, 1996, рис. 94.-4; Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей..., 2003, рис. 2.-2; 8.-10, 11; Дашибалов, 2011, с. 26, рис. 58.-7]. В Восточной Европе похожие предметы происходят из памятников гуннского времени и раннего Средневековья [Дмитриев, 1979, с. 212, рис. 1.-1; Обломский, 2013,

рис. 11.-9, с. 212–214]. Костяные (роговые) цурки с несомкнутой прорезью выступают одним из маркеров конского снаряжения населения Алтая жужанского времени и датируются 2-й половиной IV – V в. н.э. [Матренин, 2018, с. 193]. Следует отметить, что на сегодняшний день подобные изделия пока не обнаружены в комплексах раннего кызылташского этапа культуры тюрок (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.). Вместе с тем образцы костяных (роговых) и деревянных цурок с несомкнутой петлей иногда встречаются в более поздних погребениях эпохи Первого Тюркского каганата (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.) [Гаврилова, 1965, табл. XIX.-19; Худяков, Кочеев, 1997].

Костяные (роговые) цурки второго типа имеют сомкнутую прорезь. В памятниках булан-кобинской культуры такие изделия представляют большую редкость. До раскопок могильника Чобурак-I были найдены всего два аналогичных экземпляра, происходящие из кургана №7 погребально-поминального комплекса Кок-Паш в Восточном Алтае [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 175, рис. 4, 6.-8, 9] (рис. 2.-11–12). Вероятно, от «булан-кобинцев» такие застежки попали к носителям майминской культуры северных предгорий Алтая [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 72.-10, 12]. Судя по всему, данный тип цурок являлся производным от образцов с несомкнутой прорезью и стал основной модификацией костяных (роговых) застежек от пут в снаряжении раннесредневековых тюрок Алтая уже в период до создания каганата [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 3.-28–31]. Цурки с сомкнутой петлей представляют массовую категорию находок в памятниках обозначенного региона и сопредельных территорий, относящихся ко 2-й половине V – XI в. н.э. [Овчинникова, 1990, рис. 51].

Важно подчеркнуть, что материалы могильника Чобурак-I впервые демонстрируют сосуществование у населения Алтая на заключительном этапе развития булан-кобинской культуры (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) костяных (роговых) цурок с разным оформлением петли для ремня. Судя по имеющимся данным, они происходят из синхронных погребений. Рассматриваемые изделия косвенно являются подтверждением уже сложившихся представлений о том, что формирование некоторых категорий снаряжения верхового коня тюрок происходило на основе материальных традиций поздних «булан-кобинцев». Публикуемые материалы расширяют источниковую базу для изучения эволюции амуниции лошади у народов Азии рубежа поздней древности и раннего Средневековья.

Библиографический список

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск, 2003.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Давыдов Р.В., Половников И.С. Серебряные серьги из могильника Дялян (Горный Алтай): технологический и сравнительно-морфологический анализ // Поволжская археология. 2018. №4.
- Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2011.
- Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи Великого переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. №4.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. Л., 1973. (САИ. ЕИ-36).
- Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. Барнаул, 2019.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М., 1996.
- Матренин С.С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры Алтая) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-1 // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2. №4 (88).

Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV – V в. н.э.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-1 (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4.

Синьзян-Уйгурский автономный районный музей, Управление культурного наследия Баянгуолэнского монгольского автономного округа, Управление культурного наследия Чиемоского округа. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагуньлука в 1998 году // Синьзянское культурное наследие. 2003. №1. (на кит. яз.).

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3.

УДК 902(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.39

С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов

*Институт археологии и этнографии СО РАН, омская лаборатория,
Омск, Россия*

ТЮРКИЗАЦИЯ ЮЖНОЙ ТАЙГИ И СЕВЕРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В КОНЦЕ I – НАЧАЛЕ II ТЫС. Н.Э.

Статья посвящена изучению процесса тюркизации северной лесостепи и южной тайги Среднего Прииртышья. Источниками послужили материалы раскопок памятников конца I – начала II тыс. н.э., проведенных в этом регионе в 1970–2010-х гг. Изучив результаты исследований серии курганных могильников, авторы делают вывод о неоднократном проникновении тюрков из степей Алтая и Восточного Прииртышья в изучаемый район и сложении там достаточно многочисленного населения в первых веках II тыс. н.э. Д.Г. Савинов сделал абсолютно верное предположение о формировании в Прииртышье среднеиртышского варианта кимако-кипчакской культуры. О многочисленности и военной мощи данного образования можно судить по большому количеству бронзовых украшений с низовьев Оби, куда они периодически совершали военные походы, и по отсутствию на данной территории памятников, связанных с монголо-татарским нашествием. Только после переселения части данного населения в Среднюю Азию в середине XV в. под предводительством чингизида Абулхайр-хана данные районы стали более открытыми, и там стало формироваться новое население, которое

встретили русские в XVI в. Оседание тюрок маркирует погребальный обряд, связанный с полным или частичным трупосожжением на стороне или в могиле, захоронением с человеком лошади или ее частей и сопроводительным инвентарем – предметами конского снаряжения, оружия, наборных поясов, антропо- и зооморфных бронзовых блях, керамики. Материалы могильников позволяют проследить изменения в использовании огня в погребальном обряде от полного трупосожжения до поджога надмогильных сооружений и имитации огня.

Ключевые слова: Сибирь, Алтай, миграции, этнос, погребальный обряд, пояса, зооморфные бляхи

Введение

Во 2-й половине I тыс. н.э. в евразийских степях шли мощные процессы образования государств, приведшие к появлению I Тюркского, Тюргешского, Уйгурского каганатов, государств у енисейских кыргызов, карлуков, кипчаков и т.д. [Степи Евразии..., 1981, с. 29–31; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 8–9, 93–95]. Основные политические, этнические и культурные процессы, связанные с деятельностью кочевников в раннетюркское время, проходили в степном поясе Евразии. Их влияния не избежали территории западносибирской лесостепи и южной тайги, где в 3-й четверти I тыс. начался, а к его концу стал глобальным процесс тюркизации местного населения и формирования многочисленного (тюркского в своей основе) населения, имевшего местные особенности в различных районах лесостепного и южнотаежного пояса Западной Сибири. Археологически это фиксируется в распространении погребального обряда с конем и сожжениями, наличием в могилах предметов конского снаряжения, оружия, поясов или их частей.

Цель статьи – проанализировать археологические свидетельства о сложении среднеиртышского варианта кимако-кипчакской культуры на рубеже I и II тыс. н.э., рассмотреть взаимоотношения его населения с более северными народами и с тюркской общностью Южной Сибири.

Источниками стали материалы могильников Айткулово, Алексеевка-I, Алексеевка-XX, Алексеевка-XXV, Окунево-III, Окунево-X в Среднем Прииртышье на границе северной лесостепи и южной тайги. Памятники конца I – начала II тыс. н.э. были раскопаны в 1970–2010-х гг. Б.А. Кониковым, В.И. Матющенко, В.А. Могильниковым, С.Ф. Татауровым, С.С. Тихоновым, А.С. Чагаевой [Здор, Татауров, Тихомиров, 2000, с. 68–70; Могильников, Коников, 1983, с. 162–182; Татауров, Тихонов, 2019, с. 103–112; Татауров, Тихонов, Чудаков, 2001, с. 114–127; Тихонов, 1995, с. 16–23; Чагаева, 1973, с. 103–118].

Обсуждение

В конце I тыс. н.э. в исследуемом районе остался ряд могильников, где наряду с погребениями по обряду трупоположения были могилы с трупосожжениями (серия могильников у д. Айткулово, Алексеевка-I, Окунево-III). Анализ погребений показывает, что обряд трансформировался от сожжения в могиле (Алексеевка-I) в первоначальный момент миграции тюрок на эту территорию к трупосожжению на стороне (Айткулово, Окунево-III, Окунево-X) и сожжению надмогильных конструкций для поздних памятников (Бергамак-II).

Могильник Алексеевка-I насчитывает 22 кургана. При своем единстве (как по планиграфии, так и по сопроводительному инвентарю: оружие, украшения и т.д.) он по материалам разбивается на две части. В северной части могильника зафиксированы четыре кургана, которые насыпаны над площадками, где были совершены трупосожжения с лошадьми со снаряжением, оружием и в одном случае с наборным поясом. Площадки были окружены ровиками, причем следует отметить, что погребения были

совершены зимой, так как сохранились следы прокалов для отогрева почвы по всему периметру ровиков [Татауров, Тихонов, Чудаков, 2001]. На одной из площадок найден пояс, который состоял из бронзовой пряжки с растительным орнаментом на щитке и железным язычком, прямоугольными и полуовальными бляхами с прорезями, сердцевидной бляшкой и наконечника ремня (рис.-12-13, 15-22). Он почти аналогичен (и по пряжке, и по набору поясных блях с прямоугольными прорезями) поясам из памятников VII-IX вв. из Горного и Степного Алтая: Узунтал, Нечунаево, Туэкта [Добжанский, 1990, с. 8, табл. XXVIII.-2-4]. Бляхи были укреплены на ремне шириной 2,3-2,4 см.

Наборные пояса и бляхи из Среднего Приуртышья: 1-7 – Алексеевка-I, курган №18, могила-1: широкий пояс с зооморфной бляхой; 8-11 – Алексеевка-I, курган №18, могила-1: узкий пояс; 12-22 – Алексеевка-I, курган №19, могила-1; 23-24 – могильник Айткулово

Интересно, что они состояли из двух частей, соединенных между собой штифтами. Это позволяет определить и толщину кожи, из которой сделан ремень: 0,3–0,4 см.

Вместе с поясом найдена бронзовая плоская фигурка всадника (рис.-14), завернутая в бересту и стянутая в верхней части витой веревочкой. Фигурка всадника имеет одновременно и тюркские (трехрогая шапка), и местные элементы (раздвоенные, как у лося, копыта ездового животного, а также небольшие рога на его голове). Подобные изделия широко известны в тайге Западной Сибири. Но мы полагаем, что находка более всего близка к предмету из памятника Верхний Сузун-Х Новосибирской области (VI–VIII вв.) [Дети неба...: эл. ресурс].

Вторая часть могильника состоит из курганов с достаточно глубокими могильными ямами, в которых умершие погребены по обряду труположения. В погребениях фиксируются следы огня на перекрытиях и уголь в заполнении могильной ямы. В могиле-1 кургана №18 был найден еще один сложный пояс. Он состоял из застёжки и колец для закрепления ремня, щитовидной бляхи, двух блях с прямоугольными прорезами (рис.-2–7). Аналогии ему мы видим в уже упомянутых памятниках Горного и Степного Алтая. Поскольку бляхи имели невысокий (0,3–0,4 см) бортик и на них сохранились штифты, можно говорить о ширине ремня (2,4–2,5 см) и толщине кожи, из которой он был сделан (0,3–0,4 см). Другой пояс из этой могилы состоял из пряжки, двух круглых блях и обоймы (рис.-8–11). Его ширина составляла 0,9 см, а толщина сохранившегося кусочка кожи – 1,5–2 мм. Пряжка имеет аналоги в могильниках 1-й трети II тыс. в Тарском Прииртышье Алексеевка-XX и Алексеевка-XXVI [Татауров, 2003, с. 69]. Но подобные обоймы, по форме напоминающие тренчик современных ремней, были распространены с раннего железного века (например, могильник Нурмамбет-IV, тасмолинская культура) до конца VII – VIII в. (дюна у с. Подстепного, Павлодарский акимат, Казахстан) [Добжанский, 1990, с. 21, 38, табл. V-2, с. 112, табл. XXXIII.-3, с. 140].

Вместе с ремнем была найдена литая бронзовая плоская бляха – свернутая в кольцо змея с человеческой личиной в центре кольца (рис.-1). Изделие со сходным сюжетом, датированное VII–VIII вв., найденное на р. Ухта (Коми), опубликовали В.А. Оборин и Г.Н. Чагин [1988, с. 94, рис. 72].

В могильнике Айткулово-1 (старое название памятника – Мурлинские курганы на Иртыше) в 20 изученных курганах, в которых погребения были совершены по обряду труположения с сожжением перекрытий, был найден только один сложный пояс, состоящий из орнаментированного удлиненного наконечника ремня и накладок с изображениями расходящихся листьев (рис.-23–24), но зато имелись почти десяток костяных и металлических пряжек для узких ремней и остатки одного ремня, украшенного простыми круглыми бляхами [Татауров, Тихонов, 2019, рис. 6.-1, 3, 5]. Авторы статьи находят аналогии сложному ремню на Алтае в материалах могильника Балтарган IX–X вв. [Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 1], а ремню с круглыми бляхами – в могильнике VII–VIII вв. Сабинка-1 в Хакасии [Добжанский 1990, с. 40, табл. XXXI, с. 138]. В погребениях могильника найдено большое количество усть-полуйского бронзового литья, бронзовых изделий, характерных для Приобья, и отливок, копирующих среднеазиатские и алтайские изделия [Татауров, Тихонов, 2019].

Анализ погребальных памятников Прииртышья позволил проследить большую миграцию тюркского населения в IX в. н.э. со стороны Алтая и Верхнего Иртыша. Для этой волны переселенцев характерно трупосожжение на площадках и оформле-

ние над ними курганов. Известны случаи (могильник Окунево-II), когда погребения по обряду трупосожжения делались в насыпях больших курганов раннего железного века [Могильников, Колесников, Куйбышев, 1976, с. 225]. Мигранты вошли в контакт с местным населением, о чем свидетельствуют бронзовые бляхи в погребениях. В ряде могильников зафиксированы парные захоронения, в которых мужчина погребен по одному обряду, а женщина – по другому. Например, на кургане №13 могильника Кипы-III: «Под земляной насыпью в двух смежных материковых могилах находилось по одному захоронению: в первой могиле – погребение мужчины, совершенное по обряду кремации. Его сопровождал типичный южносибирский погребальный инвентарь: железный наконечник копья, детали конского убранства и пояса; во второй – погребение женщины по обряду трупоположения, которое сопровождалось местными глиняным сосудом и бронзовыми украшениями» [Конилов, Шваан, 1983, с. 52].

Через достаточно короткий промежуток времени (возможно, в течение 1–2 поколений) наблюдается откат с севера этой миграции. В захоронениях обряд трупосожжения заменяется трупоположением с «обилием огня», т.е. он фиксируется в виде полусгоревших деревянных погребальных конструкций, скоплений угля и золы от сожженных на стороне предметов. Маркирует эту обратную волну северное бронзовое литье, вероятнее всего, захваченное во время этого похода. Количество могильников с подобными захоронениями значительно больше, чем при движении на север. Они существенно выделяются по количеству курганов. Например, на оз. Ирча памятник насчитывает более 150 курганов. Фиксируется серия городищ, материалы которых позволяют утверждать о единстве этих комплексов с погребальными памятниками.

Вероятно, некоторые группы тюрков вернулись в степи. Об этом свидетельствует шлейф предметов усть-полуйского литья на памятниках того времени в верхних течениях рек Тобол, Ишим, Иртыш. Оставшаяся часть мигрантов остановилась на границе лесостепи и тайги. Она ассимилировала местное население, проживавшее по долинам крупных рек, и стала определенным буфером для потоков степняков с юга. Через некоторое время с ростом этого населения проход по долинам рек на север был закрыт настолько, что даже мощные передвижения населения в монгольскую эпоху практически не оставили следов в этой зоне. Следует заметить, что миграции с юга степняков не прекращались, но они либо поглощались в этой зоне, либо пропускались за определенную плату.

Заключение

Д.Г. Савинов [1984, с. 110] помещал на рассматриваемую территорию среднеиртышский вариант кимако-кипчацкой культуры, тем самым напрямую указывая на формирование там достаточно единого населения, управляемого на уровне раннегосударственных образований. Если исходить из этого посыла, то станет понятным то единство в материалах начала II тыс. н.э., которое прослеживается почти по всему поясу лесостепи Сибири и по долинам рек – Иртыша, Ишима и Оби на юг до Алтая и Средней Азии.

Ситуация меняется только к середине XV в., когда чингизид из джучидской ветви, потомок Шибана Абулхайр, провозглашенный ханом в Западной Сибири со столицей в Чимги-Туре в 1428 г., собрал на подвластных ему сибирских землях, в том числе в Прииртышье, почти полумиллионную орду, захватил большие территории в Средней Азии и в 1446 г. перенес свою столицу в Сыгнак [Ахмедов, 1965, с. 32–70]. Только после этого оттока начинается расселение народов, которых встретили русские, пришедшие в Сибирь в последней четверти XVI в.

Библиографический список

- Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков при Абу-л-хайр-хане // Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Здор М.Ю., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н. Археологическая карта Муромевского района Омской области. Омск, 2000.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Конигов Б.А., Шваан Ф.Д. Исследование Кипских курганов // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983.
- Могильников В.А., Колесников А.Д., Куйбышев А.В. Работы в Прииртышье // Археологические открытия 1976. М., 1977.
- Могильников В.А., Конигов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // Советская археология. 1983. №2.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль: Альбом. Пермь, 1988.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Татауров С.Ф. Археологические памятники на р. Кунлук // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2003.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2019. Т. 47. №1.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001.
- Тихонов С.С. Возможные миграции с бассейна Оби на Тару // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов ВМ. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1996. №3.
- Чагаева А.С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973.
- Дети неба: древний клад Верхнего Сузуна. URL: <https://nat-geo.ru/science/history/deti-neba-drevnij-klad-verhnego-suzuna/> (дата обращения: 27.09.2020).

УДК 903.5:39(517)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.40

В.В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан Удэ, Россия

К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии:
междисциплинарное историко-археологическое исследование»)

Автор статьи обращается к рассмотрению вопросов погребальной обрядности у кочевнического населения Монголии древнетюркского времени в связи с привлечением малоизвестных сведений китайских источников. Кроме упоминания известных данных о погребальных обычаях у тюрков (кит. *ту-цзюэ* 突厥), на которых автор не останавливается, он обращает специальное внимание на свидетельства китайских авторов касательно погребальных практик у соседствовавших с тюрками других кочевых племен. Несмотря на то что относительно племен, искусственно объединенных китайскими хронистами под названием *те-лэ* 鐵勒 / *тэ-лэ* 特勒, в источниках в целом упоминается, что они, в отличие от тюрков, практиковали трупоположение, имеется два свидетельства касательно племен *се-ань-то* 薛延陀 / 薛延陀 и *ту-гу* 僕骨 / 僕固, что представители их элиты после смерти

подверглись трупосожжению. Свидетельство касательно второго племени коррелирует с недавними результатами археологических раскопок кургана Майхан-Уул (Шороон Бумбагар-II), где были обнаружены погребенные сожженные человеческие кости. По мнению автора, эти сведения, относящиеся к трем разным племенам, позволяют предполагать, что обряд трупосожжения практиковался не только у тюрков, но и среди других племен и, вероятно, в отношении прежде всего представителей элиты.

Ключевые слова: древние тюрки, Тюркский каганат, кочевники, погребальная обрядность, китайские источники

Вопрос о погребальной обрядности кочевого населения древнетюркского времени (VI–X вв.) давно обсуждается в науке, поскольку имеет принципиальное значение для понимания этногенетических процессов в истории региона в рассматриваемый исторический период. Эта эпоха, начавшаяся с возвышения племени *тюрк* (кит. *туцзюэ 突厥*), возглавившего крупное политическое объединение, характеризуется доминированием на пространствах Центральной Азии носителей тюркских языков. Об этом мы можем судить, в частности, по оставленным ведущими племенными группировками (тюрки, уйгуры, кыркызы) первым письменным источникам кочевых народов, известным как памятники древнетюркской рунической письменности. Хотя мы не можем быть уверены, что все остальные известные из источников населявшие Центральную Азию племена также говорили на тюркских наречиях, нельзя пока что-то уверенно сказать и о том, насколько значительно они отличались в культурном плане.

Период господства племени *тюрк*, как известно, характеризуется прежде всего распространением на территории Центральной Азии и в сопредельных регионах погребений по обряду трупоположения с конем. Китайские источники, описывая погребальный обряд, присущий собственно представителям этого племени, говорят о трупосожжении, не сообщая никаких достоверных сведений об обрядности других племен, при этом никаких убедительных признаков такой практики на тех памятниках, которые могли бы быть соотнесены с тюрками, археологически не зафиксировано. Попытки примирить возникающие таким образом противоречия письменных источников с данными археологических раскопок предпринимались неоднократно, и, разумеется, ключевое значение имел вопрос об атрибуции погребений с конем (см.: [Трифонов, 1973, с. 354–361; Нестеров, 1990, с. 67–70]). В настоящее время принято считать, что последние характеризуют именно погребальную обрядность, присущую тюркам.

В настоящей работе мы не можем углубляться во все многократно дискутировавшиеся проблемы, однако ставим себе цель вернуться к вопросу о практике трупосожжения у тюрков.

Из таких китайских источников, как «Чжоу шу» 周書 (цз. 50) и «Суй шу» 隋書 (цз. 84), несколько расходящихся в деталях, а также «Бэй ши» 北史 (цз. 99), объединяющем оба повествования, мы в целом знаем, что тюрки изначально сжигают (*фэнь 焚*) умершего с его конем, затем оставшийся пепел в определенный день предают земле (*цзан 葬*) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 501, 504, 518–519]*. Информация этих источников аутентична [Ecsedy, 1984, p. 279–281] и не может быть подвержена никакому сомнению.

Хорошо известны и другие свидетельства о трупосожжении у тюрков.

Так, «Суй шу» 隋書 (цз. 53) содержит сообщение, помещенное под 582 г., когда после одной не завершившейся для них успешом военной операции тюрки «на ме-

* Здесь и далее источники цитируются нами, в основном, по книге Цэнь Чжун-мянь, при этом мы удаляем знаки препинания, расставленные китайским исследователем. В иных случаях, когда специально указывается страница китайского источника, нами используется издание «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» 欽定四庫全書薈要.

сте боевых действий предали огню (*фэнь* 焚) трупы, оплакали и ушли» (*юй чжань-чу фэнь ши тун-ку эр* 於戰處焚屍慟哭而去) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 49].

В «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 (цз. 125) и «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 215а) содержится эпизод, когда осенью 628 г. сам император Тай-цзун 太宗, рассуждая о начавшихся среди тюрков бедствиях из-за внезапных холодов и падежа скота, отметил: «их обычай [в том, что] умерших следует предавать огню (*фэнь* 焚), с этого дня строят могилы (*фэнь-му* 墳墓), отвернулись от их предков предписаний, это то, что называется неуважение к душам покойников» (*ци су сы-цзэ фэнь чжи цзинь ци фэнь-му бэй ци фу-цзу чжи мин цы со-вэй бу-цзин гуй-шэнь е* 其俗死則焚之今起墳墓背其父祖之命此所謂不敬鬼神也) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 178–179, 614]. В «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 215а), характеризуя ситуацию после поражения тюрков в 630 г., китайский хронист отмечает, что «тюрки прежде столкнулись с мором, от Великой стены к югу, оставшиеся непогребенными (*пу-гу* 暴骨) [лежат] подобно холмам, компетентные власти их посредством вина и мяса приносят жертву, чтобы они были погребены (*и-цан* 瘞藏)» (*ту-цзюэ ван фэн-ли и чан-чэн чжи нань, пу-гу жу цю ю-сы ци и цзю ту цзи вэй и цан чжи* 突厥往逢癘疫長城之南暴骨如丘有司其以酒脯祭為瘞藏之) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 616].

Эти два эпизода получили различное толкование. Одни видят здесь указание на то, что сообщение о трупосожжении относится к элите, впоследствии перешедшей также к характерному для рядового населения обряду трупоположения с конем [Кызласов, 1960, с. 52–53, прим. 2; Кызласов, 1969, с. 18, 181, прим. 5]. Другие говорят о ситуативном вынужденном изменении обряда, характерного для всех слоев общества, отмечая, в частности, касательно второго эпизода, что «трупы не успевали сжигать, и только» [Гумилев, 1967, с. 260–261, прим. 9]. Ю.И. Трифонов [1973, с. 364–365] уже обращал внимание на то, что любая из этих интерпретаций имеет право на жизнь, при этом не отрицая распространения у тюрков именно обряда трупосожжения. Касательно первого эпизода И. Эчеди допускала оба варианта – и то, что отмеченные непогребенные кости могли характеризовать какие-либо другие племенные группировки, входившие в состав армии тюрков, и то, что произошедшее масштабное происшествие не дало возможности кочевникам похоронить своих собратьев. По замечанию венгерской исследовательницы упоминание в отношении тюрков трупосожжения и возведения холмов или курганов не вызывает противоречия [Ecsedy, 1984, p. 277], и когда танский император говорит об отступлении тюрков от обычаев предков и начале практики возводить холмы или курганы, здесь подразумевается тот факт, что жившие на границе с Танской империей тюрки уже переняли китайский обычай возведения храмов, вероятно, для каких-то важных лиц, что даже в самом Китае практиковалось в исключительных случаях [Ecsedy, 1984, p. 280–281]. Д.Г. Савинов [1984, с. 56] склонился к первой точке зрения, отметив, однако, что смена обряда у тюрков, если она и имела место, не могла произойти внезапно, и здесь, вероятно, наблюдается длительный процесс взаимного культурного влияния тюрков, чья элита еще сохраняла обряд трупосожжения, и покоренных телэских племен, практиковавших трупоположение с конем (ср.: [Stark, 2008, s. 102–103]).

Последним сообщением касательно тюрков является упоминание в «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 215а) обряда погребения умершего в 634 г. в Танской империи Се-ли 頡利 кагана: «...приказано знати (*го жэнь* 國人) похоронить (*цзан* 葬), следуя их правилам, сжечь (*хо* 火) труп, воздвигнуть (*ци* 起) [могильный] курган (*чжун* 冢) к вос-

току от реки Ба» (*чжао го-жэнь чжан чжи цун ци ли хо ши ци-чжун ба дун* 詔國人葬之從其禮火屍起冢灞東) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 617].

Между тем имеются еще сведения о других племенах.

Племена *те-лэ* 鐵勒 (или в позднем варианте записи *тэ-лэ* 特勒) представляли собой достаточно разношерстный конгломерат.

Большую путаницу в понимание исторических процессов внес тот факт, что посттанские историки, хотя и знали о многочисленности различных степных племен, объясняя наименование *те-лэ* 鐵勒, которых сами никогда не видели, следуя летописной традиции, и провели искусственную связь с древними *чи-лэ* 敕勒 и позднейшими *те-лэ* 鐵勒, информацию в «Цзю Тан шу» 舊唐書 о которых наравне отдельной главой (цз. 199б) поместили в главу об уйгурах (цз. 195). Они объединили между собой разнородные сообщения. Уже в «Вэй шу» 魏書 (цз. 103) говорится о преемственности между *гао-чэ/цзюй* 高車 и *чи-лэ* 敕勒; затем последних «Тун дянь» 通典 (цз. 197) осмысляет как правильный вариант написания *те-лэ* 鐵勒, а их самих при этом возводит к *сюн-ну* 匈奴; «Цзю Тан шу» 舊唐書 (цз. 195) не упоминает о варианте *чи-лэ* 敕勒, но наравне с *те-лэ* 鐵勒 использует еще форму *тэ-лэ* 特勒, что ближе к позднесреднекитайскому произношению. В итоге составители «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 217а) вовсе объединили несколько сообщений, включив к тому же в раздел об уйгурах повествование о *те-лэ* 鐵勒, что вслед за «Тун дянь» 通典 трактуется ими как ошибочное написание *чи-лэ* 敕勒. Таким образом, получилась линия преемственности *сюн-ну* 匈奴 – *гао-чэ/цзюй* 高車 – *чи-лэ* 敕勒 – *те-лэ* 鐵勒/*тэ-лэ* 特勒 – *хуэй-хэ* 回紇 [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 682, 715; Малявкин, 1981, с. 28, 84, комм. 29], что в последующем запутало многих историков.

Об обычаях племен *те-лэ* 鐵勒, впервые фиксирующихся в «Суй шу» 隋書 (цз. 84) и «Бэй ши» 北史 (цз. 99), в этих источниках говорится, что при общем сходстве обычаев с тюрками некоторое отличие состоит в том числе в том, что «умерших предают земле (*букв.* ‘хоронят в гробу’) (*сы-чжэ май бинь-чжи* 死者埋殯之) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 677–678, 679]. В «Тун дянь» 通典 (цз. 199) и «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 (цз. 198), где, как и в указанных более ранних источниках, отмечается обычай новобрачного пребывать в семье его жены до рождения ребенка, однако, ничего не говорится об отличиях в погребальной обрядности [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 683, 693].

Следующий пример хорошо иллюстрирует тот факт, что эти племена не нужно рассматривать как какое-то гомогенное сообщество, а скорее именно собирательное название племен, объединенных искусственно китайскими авторами на основе как общности образа жизни и хозяйственного уклада, так и того факта, что все они оказались под властью тюрков [Боровкова, 1992, с. 101].

Так, источники описывают обычай одного из таких племен – *ду-бо* 都波/都播. Согласно «Тун дянь» 通典 (цз. 199), «умер когда кто-то, деревянный сундук наполняют трупом, оставляют в горах, возможно, подвешивают на дереве, провожая в последний путь, тихо плачут, в некоторой степени на тюрков похоже» (*сы-ван и му-гуй шэн ши чжи шань-чжун хо сюань юй шу шан сун-цзан ку-ци люэ юй ту-цзюэ лэй* 死亡以木櫃盛尸置山中或懸於樹上送葬哭泣略與突厥類). Не сильно отличается описание в «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 (цз. 198), но здесь вместо иероглифа *шэн* 盛 ‘наполнять; набивать; накладывать’, ‘заключать (содержать) в себе, вмещать’, начертан *чэн* 乘 ‘садиться в.../на...; ‘грузиться в.../на...’, ‘подниматься (взбираться) на...; восхо-

дить на...», что позволяет своеобразно интерпретировать иероглиф *зуй* 櫃. В «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 2176) такое описание: «Умерших в деревянном гробу хоронят, помещают среди гор, либо привязывают на дерево; провожая в последний путь, тихо плачут, в некоторой степени с тюрками одинаковы» (*сы и му-ду лян чжи шань-чжун хо си юй шу сун-цзан ку-ци юй ту-цзюэ тун* 死以木櫃斂置山中或系於樹送葬哭泣與突厥同) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 744, 745, 747].

Нам известны два случая обряда трупосожжения у степных племен Монголии.

Так, «Тан хуэй яо» 唐會要 (цз. 96) содержит упоминание о похоронах правителя *се-янь-то* 薛延陀 / 薛延陀 Чжэн-чжу Пи-цзя 真珠毗伽 кагана, который умер в 645 г., не ранее чем в 9-й месяц (26.09 – 25.10.645) (см.: [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 238, 1002]). Когда это случилось, «все прибыли, чтобы принять участие в похоронах, сожгли труп (*фэнь ши* 焚屍) и оплакивали (*цзу-ку* 卒哭) (*цзе лай хуэй цзан фэнь ши цзу ку* 皆來會葬焚屍卒哭) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 216].

Согласно версии биографии Пу-гу Хуай-энь 僕固懷恩 в «Цзю Тан шу» 舊唐書 (цз. 121, с. 17а), после того как он умер, «подчиненные в соответствии с родными обычаями предали огню (*фэнь* 焚) и похоронили (*цзан* 葬) его» (*бу цюй и сян фа фэнь эр цзан чжи* 部曲以鄉法焚而葬之).

Это сообщение о представителе племени *пу-гу* 僕骨 / 僕固 важно, поскольку первым археологическим свидетельством существования обычая кремации у элиты номадов древнетюркского времени стала находка в кургане Майхан-Уул (Шороон Бумбагар-II), вероятно, также связанном с представителем этого племени. Там при раскопках был обнаружен деревянный гроб, содержащий обернутый шелковой тканью короб 80×40 см, в котором находились шелковая сумка с сожженными остатками человеческих костей и обернутые шелком золотые предметы [Erdenebold, 2017, p. 31].

Ничего определенного нельзя сказать о погребальных обрядах уйгуров. Единственное известное нам описание обычаев уйгуров встречено в зороастрийском тексте «Айādгār ū Джāmāспūг», где рассказано о «тюрках» (*Turkān*), являющихся манихеями: ‘When they die, they throw (their dead) in forests’ (*Ka mīrēnd ō wēšag abganēnd*) [Cereti, 2013, p. 198, 199]. Однако, этот эпизод требует специального рассмотрения.

Мы не могли углубиться в ряд затронутых вопросов, заслуживающих более подробного обсуждения в деталях, однако, как кажется, приведенные сведения о погребальной обрядности различных племен демонстрируют тот факт, что обряд трупосожжения имел место не только среди тюрков, но, по меньшей мере, также у *се-янь-то* 薛延陀 / 薛延陀 и *пу-гу* 僕骨 / 僕固. При этом такая практика, как вытекает из цитированных источников, имела место в отношении представителей элиты. Такое соображение не противоречит тому, что другие слои общества могли использовать иные практики захоронения, даже в рамках одной племенной общности. Хотя сегодня достоверно имеется лишь одно археологическое подтверждение существования практики трупосожжения представителей элиты, оно не может отрицаться только на основе того факта, что другие подобные случаи археологам неизвестны.

Библиографический список

- Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским источникам). М., 1992.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник МГУ. Сер. IX: Исторические науки. 1960. №1.

- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981.
- Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
- Cereti C.G. Some Passages on Turkic Peoples in Zoroastrian Pahlavi Literature // Journal of Persianate Studies. 2013. Vol. 6 (1–2).
- Ecsedy I. Ancient Turk (T'u-chüeh) Burial Customs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1984. T. XXXVIII. Fasc. 3.
- Erdenebold L. Preliminary Excavation Findings from Shoroon Bumbagar, Ulaan Kherem, Mongolia // Interaction in the Himalayas and Central Asia: Processes of Transfer, Translation and Transformation in Art, Archaeology, Religion and Polity: Proceedings of the Third International SEECHAC Colloquium, 25–27 Nov. 2013, Austrian Academy of Sciences, Vienna. Vienna, 2017.
- Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008.
- Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин, 1958.

УДК 903.53

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.41

А.В. Харинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

ЗАХОРОНЕНИЯ САЯНТУЙСКОГО ТИПА В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ УЛУСА ДЖУЧИ

В XIII в. у населения южной части Байкальского региона формируется единая погребальная практика, которую можно определить как монгольский погребальный ритуал имперского периода, или захоронения саянтуйского типа. Его характеризуют несколько элементов: могильная яма с вертикальными стенками; сооружение над могильной ямой каменной конструкции (плоские овалы кладки, круглые курганообразные насыпи); индивидуальные захоронения; труположение вытянутое на спине, руки вдоль туловища; наличие деревянной внутримогильной конструкции (колода, ящик, рама); ориентировка ориентация погребенных на север или северо-восток. Вместе с монгольскими завоевателями этот погребальный обряд проникает в Восточную Европу, где становится одним из отличительных элементов их культуры. Незначительное количество на территории Восточной Европы захоронений XIII–XIV вв., выполненных по саянтуйским канонам, свидетельствует о небольшом количестве непосредственно монголов, оставшихся на территории Улуса Джучи после завоевательных походов. Наличие в этих захоронениях богатого сопроводительного инвентаря позволяет судить о высоком социальном статусе его владельцев.

Ключевые слова: Байкальский регион, монголы, имперский период, Золотая Орда, погребальный ритуал, культурное влияние, захоронения саянтуйского типа

В начале XIII в. в долинах Селенги, Онона и Аргуни формируется единая погребальная практика, которую можно определить как монгольский погребальный ритуал имперского периода. К середине XIII в. он уже распространяется по значительной части степного ареала Евразии, становясь в некоторых районах или доминирующим, или оказывающим существенное влияние на местные погребальные традиции. Его характеризуют несколько элементов: сооружение могильной ямы с вертикальными стенками; каменные надмогильные кладки овальной или круглой формы; индивидуальные захоронения; труположение вытянутое на спине, руки вдоль туловища; деревянная

внутримогильная конструкция (колода, ящик, рама); ориентировка погребенных на север или северо-восток; наличие в погребениях костей овцы (кости голени, лопатка, позвонки) [Харинский, 2013]. За захоронениями, имеющими подобные характеристики, закрепилось погребения саянтуйского типа» [Хамзина, 1970, с. 82; Коновалов, 1989; Именохоев, 1989, 1992; Харинский, 2015].

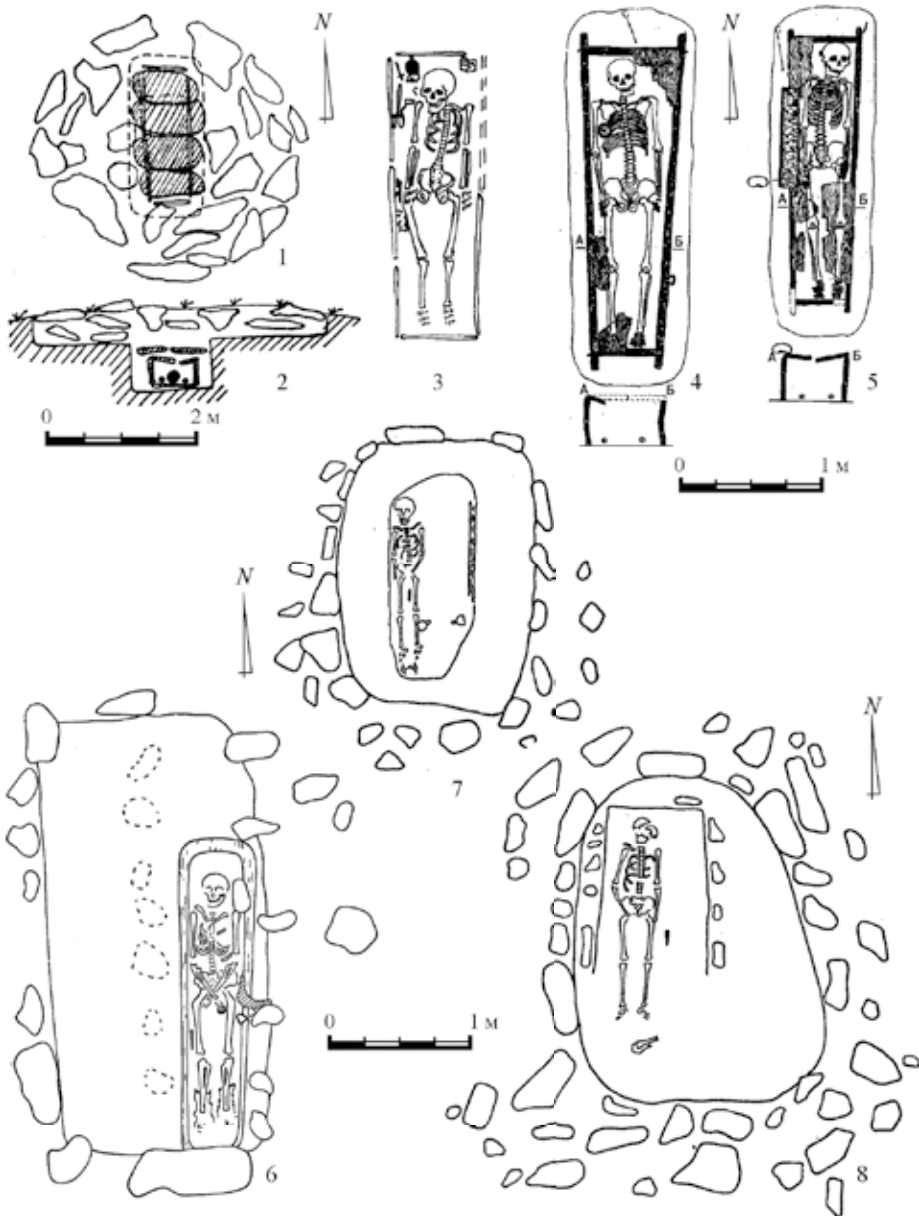

Рис. 1. Сибирские захоронения XIII–XIV вв.: 1–3 – Чиндант-1, мог. 11 [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984]); 4 – Малая Кулинда, мог. 19; 4 – Малая Кулинда, мог. 20 [Ковычев, 2004]; 6 – Кудыргэ, мог. 17; 7 – Кудыргэ, мог. 19; 8 – Кудыргэ, мог. 20 [Гаврилова, 1965]

Наиболее устойчиво перечисленные элементы погребального ритуала проявляются в могильниках, где захоронены люди, относящиеся к одной социальной группе, – свободные скотоводы, имевшие свои пастбищные угодья и скот. Они составляли большинство в монгольском обществе. Примером таких захоронений могут служить могильники Чиндант [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 49–56], Улан-Хада-3 [Ухинов, 2014] и Малая Кулинда [Ковычев, 2004; 2004а; Ковычев, Душечкина, 2004] (рис. 1.-1–5), расположенные в долине реки Онон – районе, где формировалась монгольская общность и который после раздела империи оставался в составе Коренного юрта великого хана. Особенности погребального ритуала и сопроводительный инвентарь, зафиксированный в захоронениях этих некрополей, позволяет предположить, что они являлись родовыми кладбищами монголов.

Выделенные элементы погребального ритуала не всегда в полном объеме присутствовали в захоронениях даже в той части Байкальского региона, где происходило непосредственно формирование монгольского народа, – в Юго-Восточном Забайкалье. Это объясняется несколькими причинами: половой, возрастной и социальной дифференциацией, которая отражалась и в погребальной практике, а также наличием среди монголов представителей иных этнических групп, у которых были иные погребальные традиции [Харинский и др., 2019].

Во время завоевания Восточной Европы в середине XIII в. войско под командованием Бату-хана включало в свои ряды представителей различных кочевых сообществ, среди которых монголы не составляли большинство [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 209; Кольцова, Кольцов, 2016]. Вместе с их появлением в европейских степях и лесостепях фиксируются определенные культурные изменения, в том числе в области погребальной практики. С монголами и их союзниками, пришедшими с Востока, исследователи связывают появление на покоренных территориях таких элементов погребального ритуала, как захоронение умершего в деревянной внутримогильной конструкции (колода, гроб, рама) [Яминов, Яминова, 2011], присутствие в могиле загробной пищи в виде ноги, лопатки, позвонка или ребер овцы [Потемкина, 2012], наличие простых могильных ям (иногда с подбоем), северной ориентировки покойных, головных уборов (бокка), височных подвесок в виде знака вопроса, берестяных трубочек для волос, части деревянных колес [Кольцова, Кольцов, 2016], каменных надмогильных конструкций [Иванов, 2016]. По поводу новых тенденций в погребальной практике жителей Восточной Европы XIII в. А.Г. Федоров-Давыдов писал: «С пришедшим с монголами из Сибири этносом можно, видимо, связать погребения с северной ориентировкой, подбойные могилы, встречающиеся иногда в могилах вырезанные из листовой бронзы идольчики и головные уборы типа описанной Карпини шапки-бокки. Но эти черты пришлого восточного этноса не образуют устойчивого комплекса и распространены среди половецких погребений» [Федоров-Давыдов, 1981, с. 231].

Процесс изменения погребального ритуала после монгольских завоеваний хорошо фиксируется на материалах из Западного Казахстана – восточной части Дешт-и-Кыпчак. По сравнению с предшествующим периодом для погребений XIII – начала XIV в. отмечается смена восточной ориентировки на западную и северную. Курганные насыпи, как и в предшествующий период, сооружаются с применением камней; так же, как и раньше, прослеживаются следы тризны. Упрощается форма могильных ям. Исчезает обычай помещения в могилу лошади. Вместо этого наблюдается его «символизация»,

выраженная в сопровождении покойника предметами конского снаряжения [Бисембаев, 2019, с. 231]. Достаточно устойчивую группу в это время составляют могилы, схожие по целому ряду элементов погребального ритуала с захоронениями саянтуйского типа. Погребенные в них люди располагались в деревянных внутримогильных конструкциях, вытянуто, на спине, головой на север–северо-восток. Могильные ямы этих захоронений узкие с вертикальными стенками. Сверху они перекрывались круглыми невысокими насыпями, состоящими из земли и камней [Бисембаев, 2019, рис. 1.-II, IV].

Представители покоренных народов западной части Дешт-и-Кыпчак, подчиняясь монголам, в основном сохраняли свой погребальный ритуал. Рассматривая кочевнические погребения XIII–XIV вв. Восточной Европы, можно отметить, что в них фиксируются погребальные традиции, которые сформировались в регионе еще до начала монгольского нашествия. Захоронения сооружались под курганными насыпями, умерших ориентировали преимущественно головой на запад. Часто в одну могилу вместе с умершим человеком укладывали убитую лошадь.

К настоящему времени в Восточной Европе известно небольшое количество захоронений с монгольскими чертами. Часть из них исследована на могильниках Высокая Гора и Олень-Колодезь в средней части течения р. Дон. В.В. Кравец [2005, с. 94] предлагает объединить их в отдельную группу золотоордынских захоронений – погребения высокогорского типа. Важным этносоциальным признаком, фиксируемым в этих захоронениях, по его мнению, является «широкая яма» (рис. 2.-1–5). Подобные ямы исследователь отмечает и у позднекудыргинских погребений Алтая (рис. 1.-6–8), отнесенных к часовенногорскому типу [Гаврилова, 1965, с. 44–45], что позволяет ему говорить об этнокультурной близости этих захоронений. Наличие широкой ямы связывается с существовавшей ранее на Алтае традицией помещать в могилу вместе с погребенным человеком лошадь. На дне могилы между покойником и лошадью сооружалась перегородка из каменных плит или листовенных досок. Обычай помещать в могильную яму лошадь в монгольское время на Алтае исчезает [Могильников, 1981, с. 194], но традиция сооружать широкую могилу, рассчитанную на лошадь и человека, сохраняется. При этом остается и традиция разделять могилу на две части с помощью каменной выкладки. Одна из частей остается пустой, а вторая занята человеческим захоронением, ориентированным головой на север. Подобные перегородки отмечены как у кудыргинской могилы №17 [Гаврилова, 1965, табл. XXVI.-А], так и у погребений Высокая Гора-2/1 и Высокая Гора-3/2 [Кравец, 2005, рис. 23.-III; рис. 26.-II].

Среди других элементов погребального ритуала, сближающих поздние захоронения Кудыргэ и Высокой горы, В.В. Кравец выделяет использование камня при сооружении насыпи, северную ориентацию погребенного, а также некоторые особенности вещевого комплекса. По целому ряду параметров однотипным с погребениями Высокой Горы являются захоронения некрополя Олень-Колодезь. По мнению исследователя, отсутствие деревянной перегородки в могилах Олень-Колодезь едва ли отрицает их типологическую аналогичность с погребениями Высокой горы [Кравец, 2005, с. 94].

Объединяя в одну группу захоронения Высокой горы и Олень-Колодезь, В.В. Кравец указывает, что основным объединяющим элементом этих захоронений является широкая яма. В первом из могильников этот показатель действительно присутствует, но во втором он не фиксируется. Могила кургана 7 (рис. 2.-6, 7) узкая, правда, на высоте 50 см от дна она расширяется с северо-западной стороны за счет уступа шириной

40 см. Погребение кургана №9 (рис. 2.-8, 9) вообще никакого расширения не имеет, дно могильной ямы узкое [Ефимов, 2000, рис. 1]. Следовательно, наличие широкой могильной ямы не может быть объединяющим элементом захоронений этих двух некрополей. Акцент в сопоставлении их погребального ритуала необходимо сделать на

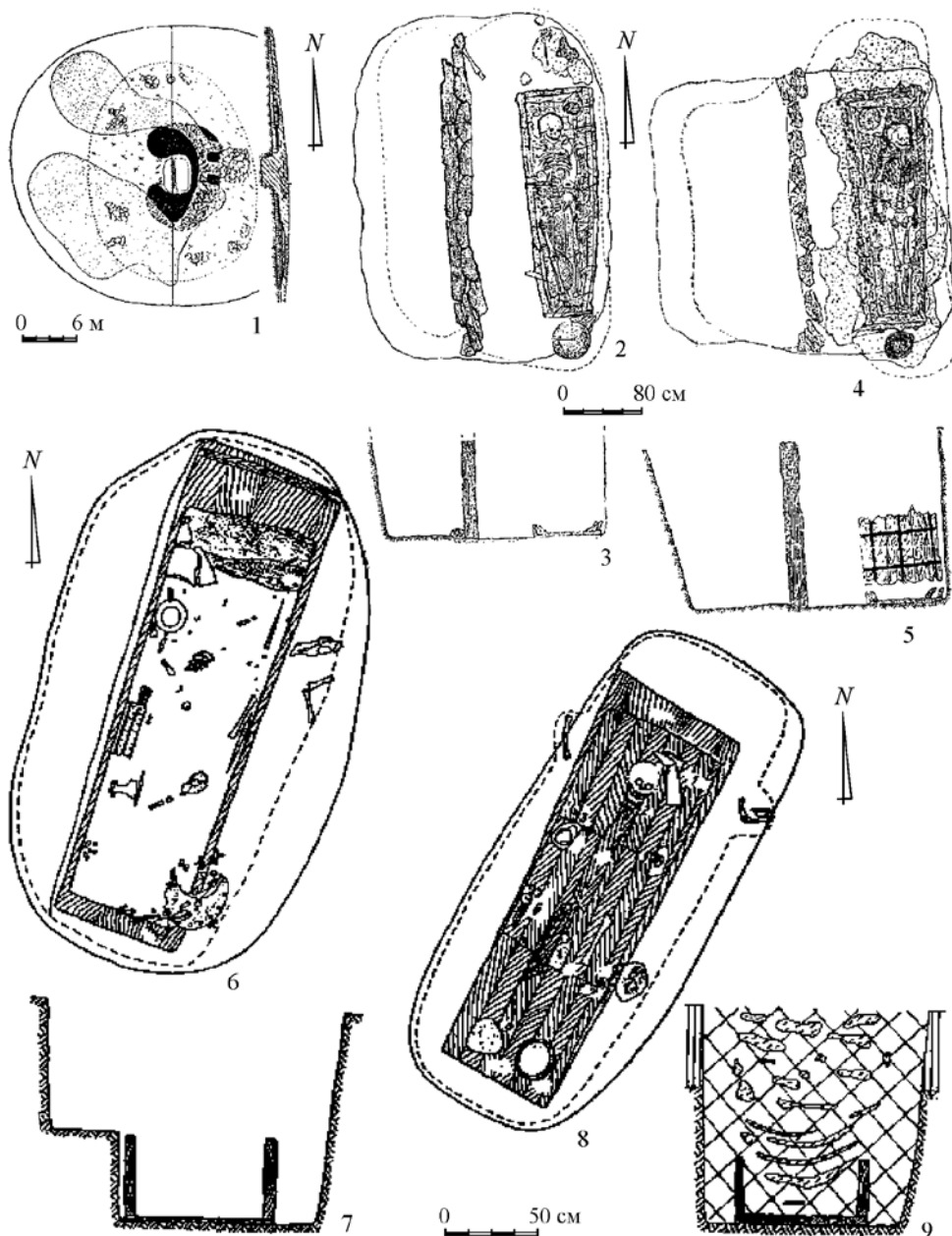

Рис. 2. Захоронения со Среднего Дона XIII–XIV вв.:
 1–5 – Высокая Гора: 1–3 – мог. 1/3; 4, 5 – мог. 3/2 [Кравец, 2005];
 6–9 – Олень-Колодезь: 6, 7 – курган №7; 8, 9 – курган №9 [Ефимов, 2000]

других компонентах. Среди общих культуроопределяющих элементов этих могильников резоннее выделить следующие: индивидуальное захоронение; положение умершего вытянуто, на спине, головой на север – северо-восток; наличие деревянной внутримогильной конструкции – гроба; могильная яма с вертикальными стенками (в одном случае фиксируется уступ); надмогильная конструкция в виде земляного кургана. Еще одной характерной чертой этих захоронений является наличие рядом с гробом, в котором располагались останки человека, костей ноги барана. У погребения кургана №7 они находились между средней частью юго-восточной стенки гроба и стенкой могилы. В захоронении кургана 9 они локализовались с двух сторон от северо-восточной части длинных стенок гроба в специально вырытых в стенках ямы нишах радиусом около 15 см [Ефимов, 2000, с. 167, 177]. В погребении Высокая Гора-2 кости барана располагались в подбое, устроенном в юго-восточной стенке ямы. Сверху они были накрыты бронзовым казаном [Кравец, 2005, с. 110].

Реконструируя ситуацию, сложившуюся на Среднем Дону во 2-й половине XIII в., В.В. Кравец указывает, что на фоне сохранения местного половецкого элемента придонские маршруты кочевков занимают группы с чертами культуры алтайских кочевников. Эти группы оставили памятники высокогорского типа. Как известно, представителей знати было принято хоронить на собственной территории. И на юге (Высокая Гора), и на севере маршрута (Олень-Колодезь) отмечены аристократические некрополи. Более чем вероятно связь с этими памятниками и погребений с северной ориентировкой Новомеловатка и Новый Буравль [Кравец, 2005, с. 98].

Непосредственно с монголами связывают ряд захоронений из Восточного Приазовья В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружинина. В их число входят два грунтовых захоронения из курганного могильника Коллекторский. В погребении Коллекторский-1/1 человеческий скелет обложен деревом или корой (сохранился темно-коричневый тлен). Остатки древесины зафиксированы в средней части могилы и частично на стопах погребенного. Деревянные плашки были положены вдоль скелета. Тлен от дерева сохранился и под скелетом. И в заполнении ямы, и под погребенным (в верхней части) постоянно встречались угольки. Погребенный ориентирован головой на север. Его левая рука была вытянута вдоль тела ладонью вверх, правая – согнута в локте (кисть у таза). Ноги вытянуты и широко раздвинуты. Под тазовыми костями погребенного обнаружены позвонки барана, у правой берцовой кости – ребро. К югу от погребения человека, под общей курганной насыпью, захоронен конь, обращенный головой на север [Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 117–120].

Второе погребение, Коллекторский-2/14, аналогично захоронению Коллекторский-1/1. Умерший располагался в прямоугольном деревянном гробу (сколочен железными гвоздями) размером 2,10×0,55×0,3 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Ноги вытянуты и широко расставлены. Руки, скорее всего, были вытянуты. Юго-западнее могилы человека располагалось связанное с ним погребение лошади, ориентированное верхней частью на северо-восток. К юго-востоку от захоронений человека и лошади располагались комплексы X, XV, X с останками лошадей. Погребения человека и лошадей находились под общим земляным курганом. Захоронения 1/1 и 2/14 могильника Коллекторский датируются 1-й половиной XIV в. По мнению исследователей, оба «монгольских» погребения являлись родственными друг другу, о чем позволяет говорить близость их расположения, идентичность погребального обряда, высокий социальный статус погребенных [Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 122].

Создание Монгольской империи привело к тому, что с середины XIII в. в Восточном Приазовье проживали чересполосно монголы (причем достаточно состоятельные и, вероятно, знатные) и половцы, также состоятельные и знатные. Такая же картина с половцами наблюдается и в других регионах Восточной Европы [Горелик, 2010]. При этом известные к настоящему времени захоронения, соотносимые с монголами, принадлежали людям с высоким социальным статусом. Это в очередной раз подчеркивает особенности этнического состава улуса Джучи, в котором монголы были представлены преимущественно элитой. «Монгольские» воинские контингенты, участвовавшие в завоевании Восточной Европы, бесспорно, включали и «средние» слои кочевнического населения, составлявшие большую часть войска, но после завершения активных боевых действий они, вероятно, вернулись в степи Центральной Азии. В отличие от них, часть «монгольской» элиты осела в Восточной Европе, получив в управление новые земли с проживавшим на них местным населением. Она сохранила свои культурные традиции, в том числе касающиеся погребальной практики. Пришедшие в Восточную Европу представители «монгольской» элиты не были едины в этническом отношении и представляли различные тюркско-монгольские общности, что нашло отражение и в некоторых особенностях их погребальной обрядности.

Из рассмотренных выше некрополей со Среднего Дона и Восточного Приазовья лишь захоронения Олень-Колодезь не отличаются по погребальному ритуалу от могил саянтуйского типа Байкальского региона. Хотя и у них есть свои специфические черты. Оба захоронения, как и все другие золотоордынские погребения этого региона, сверху перекрывались курганной насыпью. Захоронения Высокой Горы и Коллекторского в общих чертах не отличаются от саянтуйского погребального ритуала, но обладают дополнительными особенностями. У захоронений Высокой Горы это наличие широкой могильной ямы и деревянная перегородка, разделяющая ее на две части. В могильнике Коллекторский под одним курганом в разных ямах захоронены человек и конь, что тоже не свойственно саянтуйскому погребальному ритуалу. Отмеченные элементы погребальной практики встречаются в захоронениях представителей кыпчакской общности, расселившейся в XIII в. от Северного Причерноморья на западе до Ангары на востоке. И хотя в их захоронениях также фиксируется влияние саянтуйского погребального ритуала, прежде всего связанное с использованием деревянных внутримогильных конструкций, наблюдается и сохранение индивидуальных особенностей. Они заключаются в захоронении вместе с человеком в отдельной могиле лошади или в наличии широкой могилы, иногда разделенной перегородкой, отделяющей погребение человека от той части могилы, где должна находиться лошадь, но ее туда не поместили, как это делалось в предшествующие века.

Формирование в середине XIII в. на территории Евразии единого политического пространства во главе с монгольской элитой способствовало развитию в его пределах схожих культурных традиций. Покоренные народы, и прежде всего их элита, старались подражать своим завоевателям, что способствовало становлению единых тенденций в одежде, прическе, украшениях, вооружении, конском снаряжении и т.д. Все это привело к формированию единой для Великого Монгольского государства имперской культуры [Горелик, 2014], нашедшей отражение и в погребальной практике. В XIII–XIV вв. на территории от Причерноморских степей до гор Тянь-Шаня проходит унификация как в комплектации, так и в типологии погребального инвентаря. Мужские захоронения сопровождают берестяные колчаны с несколькими массивными желез-

ными черешковыми наконечниками стрел, ножи и кинжалы, изредка сабли. В женских погребениях фиксируются копии с китайских бронзовых зеркал, серьги в виде знака вопроса. Стремена с расплющенной верхней частью дужки и пробитой в ней петлей для ремня, двусоставные удила, мелкая металлическая посуда – все это признаки рассматриваемого периода [Бисембаев, 2019, с. 232, 233].

Завоевание монголами значительной части Восточной Европы, которая стала частью улуса Джучи, привело к проникновению в среду обитавших там половцев восточных элементов погребального ритуала. Увеличивалось количество захоронений с северной ориентацией умерших, распространились каменные надмогильные кладки и деревянные внутримогильные конструкции. Но помимо захоронений местного населения во 2-й половине XIII в. появились и типично монгольские погребения саянтийского типа, оставленные осевшими в Восточной Европе завоевателями.

Библиографический список

- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984.
- Бисембаев А.А. Западный Казахстан в XIII–XIV вв. Историко-географическая ситуация. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинэу; Казань, 2019. Т. 2.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Горелик М.В. Золотоордынские латники Восточного Приазовья. Батыр // Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. №1.
- Горелик М.В. Монгольские, черкесские и половецкие воины золотоордынского Предкавказья конца XIII – XIV вв. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. М., 2014.
- Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения могильника «Олень-Колодезь» // РА. 2000. №1.
- Иванов В.А. Археологические памятники кочевников Центральной Азии в Восточной Европе в XIII–XIV вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, №4. Ч. 2.
- Именохоев Н.В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989.
- Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Ковычев Е.В. Далекое прошлое Поононья. История и география Оловянинского района. Чита, 2004.
- Ковычев Е.В. Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ, 2004а.
- Ковычев Е.В., Душечкина Т.А. Монгольские погребения Поононья (новые данные по погребальному обряду древних монголов) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Кемерово, 2004.
- Кольцова К.П., Кольцов П.М. Северо-Западный Прикаспий в золотоордынский период (вторая треть XIII – конец XV вв.) // Вестник Калмыцкого университета. 2016. №3 (31).
- Коновалов П.Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989.
- Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005.
- Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Потемкина Т.М. Золотоордынские кочевнические захоронения с западной ориентировкой: признаки монгольского погребального обряда // Историчні і політологічні дослідження. 2012. №1 (49).
- Ухинов З.Ч. Погребения XII–XIV вв. могильников Улан-Хада-I и III в Восточном Забайкалье // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. Красноярск, 2014.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монгольские завоевания и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

- Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970.
- Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XIII–XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита, 2013. Ч. II.
- Харинский А.В. Монгольские погребения XIII–XIV вв. на территории Байкальского региона // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Т. 2.
- Харинский А.В., Рыкун М.П., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Монгольский могильник середины XIII – начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинэу; Казань, 2019. Т. 2.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья. Батыр // Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. №1.
- Яминов Л.Ф., Яминова С.Л. Башкир-беркутовский тип курганов Волго-Уралья и монголы // Проблемы востоковедения. 2011. №1 (51).

УДК 903.22(571.151)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.42

Ю.С. Худяков^{1,2}, А.Ю. Борисенко²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

²*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

МОДЕЛЬ БРОНЗОВОГО КИНЖАЛА И КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ КУРГАНА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ УСТЬ-ЭДИГАН В ГОРНОМ АЛТАЕ

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания
Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект №FSUS-2020-0021)

В статье исследуются находки модели бронзового кинжала и двух костяных наконечников стрел из состава сопроводительного инвентаря погребения взрослого мужчины в групповом захоронении в кургане пазырыкской культуры на могильнике Усть-Эдиган в Чемальском районе Республики Алтай. Рассмотрены основные события и результаты предшествующих исследований погребальных памятников пазырыкской культуры на территории Горного Алтая и Северо-Западной Монголии. Проанализированы конструктивные особенности археологической находки модели бронзового кинжала. Прослежены аналогии этой модели кинжала в составе предметных комплексов с изученными в прошлом археологическими памятниками пазырыкской культуры. Близкие по своей форме кинжалы были найдены в Южной Сибири и на сопредельной территории Центральной Азии. Хронология этой находки определена по аналогиям из ранее изученных археологических памятников позднего этапа пазырыкской культуры. Изучены аналогии находкам костяных наконечников стрел из сопроводительного инвентаря исследуемого археологического памятника.

Ключевые слова: модель бронзового кинжала, костяные наконечники стрел, курган пазырыкской культуры, могильник Усть-Эдиган, Горный Алтай

Среди актуальных научных проблем в изучении древних культур Западной и Южной Сибири, в исследование которых значительный научный вклад внесли труды Ю.Ф. Кирюшина, его коллег и учеников из Алтайского госуниверситета, необходимо особо отметить работу, посвященную исследованию памятников пазырыкской культуры раннего железного века Горного Алтая [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003]. Эта монография существенно дополнила важные научные результаты предшествующих исследований особенностей погребальной обрядности и предметных комплексов из курганов пазырыкской культуры.

Научное исследование пазырыкских погребальных памятников было начато известным в России ученым В. Радловым [1989, с. 442–451] во 2-й половине XIX в. В дальнейшем, в середине XX в., в течение ряда лет целенаправленные и результативные археологические раскопки курганов, изучение предметного комплекса и декора-

тивно-прикладного искусства пазырыкской культуры в Горном Алтае было продолжено С.И. Руденко [1960]. В последующий период курганы, разнообразные изделия предметного комплекса и декоративно-прикладного искусства пазырыкской культуры на территории Горного Алтая изучались многими другими известными археологами: Д.Г. Савиновым, В.Д. Кубаревым, П.И. Шульгой, В.А. Кочеевым, А.А. Тишкиным [Савинов, 2002; Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев, Шульга, 2007; Кочеев, 1999; Тишкин, 2019].

В те же годы исследования на плоскогорье Укок в Горном Алтае и в Северо-Западной Монголии проводились в течение нескольких лет ведущими исследователями памятников данной культуры скифского времени из Новосибирского научного центра, В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак, с привлечением известных и авторитетных ученых из Германии и Монголии [Полосьмак, 1994; 2001; Полосьмак, Молодин, 2004, с. 66–87; Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012]. Однако наряду с широко известными погребальными комплексами скифского времени, в которых хорошо сохранились мумифицированные останки погребенных и их коней, а также разнообразные предметы сопроводительного инвентаря, изготовленные из различных органических материалов, в некоторых из раскопанных курганов пазырыкской культуры встречаются вполне обычные по своей сохранности захоронения скифского времени, совершенные по обряду ингумации, а также различные керамические, бронзовые, костяные и железные изделия в качестве помещенного в могилу сопроводительного инвентаря. Некоторые локальные особенности памятников пазырыкской культуры на территории северной окраины Горного Алтая были в предшествующие годы отмечены в работе А.П. Бородовского [2011, с. 29–35].

В начале 1990-х гг. курган пазырыкской культуры был исследован одним из авторов настоящей статьи на могильнике Усть-Эдиган, который находится на правом берегу р. Катунь, неподалеку от устья р. Эдиган, правого притока Катуни, в 8 км от с. Кунос, в Чемальском районе Республики Алтай [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 119–120]. В дальнейшем, в течение нескольких полевых сезонов могильник Усть-Эдиган был полностью исследован. В процессе раскопок и последующего изучения археологических материалов из данного памятника определено, что подавляющее большинство из раскопанных курганов на данном памятнике представляют собой захоронения булан-кобинской культуры первых веков I тыс. н.э. [Худяков, 2006, с. 90–96]. Однако, судя по результатам изучения материалов отдельных курганов на данном памятнике, могильник Усть-Эдиган начал формироваться еще в период существования позднего этапа пазырыкской культуры. Как было отмечено выше, один из таких курганов был исследован в полевом сезоне 1993 г. [Худяков, 1993, с. 8–10].

Курган №74. До раскопок данный курган представлял собой пологую, неправильной округлой формы, интенсивно задернованную западину, окаймленную широким уплотненным насыпанным кольцевым развалом из валунов и мелкой гальки. Диаметр развала каменной насыпи составлял 8,4 м, высота – 0,28 м. После снятия дерна и зачистки насыпи были выявлены очертания надмогильного сооружения в виде уплощенного кольцевого каменного сооружения. С южной стороны насыпь данного кургана была значительно меньшей мощности, чем с северной. В северной части насыпи среди камней найден небольшой фрагмент лепной керамики. В центральной части могильной конструкции выявлена пологая западина. После выборки верхней части заполнения обозначились очертания могильной ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами, площадью 2×1,4 м,

ориентированную длинной осью по линии запад-восток. Могильная яма в верхней части оказалась заполнена супесью. После выборки заполнения могильной ямы и зачистки, на глубине 1 м от нивелировочной отметки, выявлено перекрытие могилы, которое находилось на том же уровне. Оно сложено из массивных валунов, среди которых обнаружены обломки костей человека и животных. Среди определимых костей взрослого человека зафиксированы фрагменты бедренных костей, а также ребер и фаланги конечностей. Вполне возможно, что эти кости могли относиться к более раннему захоронению, которое было нарушено во время совершения основного, группового погребения в данном кургане.

После выборки заполнения и зачистки на дне могильной ямы обнаружено коллективное погребение четырех человек по обряду ингумации. Среди них два скелета взрослых людей и два костяка подростков. Взрослый человек, вероятно, судя по сопроводительному инвентарю, лежал на спине вдоль южной стенки могильной ямы. Его череп был повернут на правую сторону. Руки согнуты в локтевых суставах. Ноги согнуты в коленных суставах. Рядом с левой бедренной костью находилась уменьшенная копия бронзового кинжала. У костей голени левой ноги и костей кисти правой руки располагались два костяных наконечника стрел. В центральной части могильной ямы лежал скелет взрослого человека, вероятнее всего, женщины, на правом боку. Череп располагался на правой стороне. Руки согнуты в локтевых суставах, ноги согнуты в коленных суставах и поджаты пяточными костями к тазовым костям. У костей правой кисти погребенной находился фрагмент сильно расплющенной бронзовой пластины с отверстием для подвешивания. Вполне возможно, что эта металлическая пластина представляет собой имитацию бронзового зеркала. Вдоль северной стенки могильной ямы находились скелеты двух подростков, лежавших на спине. Кости рук у них были согнуты в локтевых суставах, а кости ног согнуты в коленных суставах. У всех погребенных раздавлены черепа, часть костей смещена. Все погребенные были ориентированы головами на восток. Вдоль северной стенки находились позвонки двух овец и железный стержень. Вдоль восточной стенки могильной ямы, за головами погребенных, стояли четыре лепных керамических сосуда. Три из них представляют собой плоскодонные кувшины. У них высокие горловины, раздутые тулова и плоские днища. Четвертый сосуд имеет плоское дно, раздутое тулово. На горловине имеются два арочных валика, направленных в сторону горловины, внутри которых находится по одному округлому отверстию [Худяков, 1993, с. 8–10].

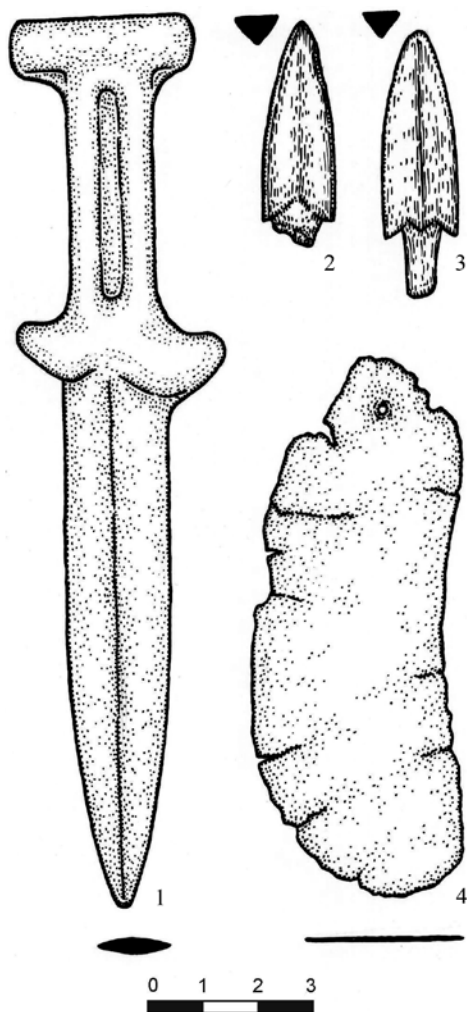
Найденная в составе сопроводительного инвентаря мужского захоронения модель короткоклинкового колющего оружия ближнего и рукопашного боя представляет собой уменьшенную копию реального бронзового кинжала. У него выделяется двулезвийный, уплощенно-ромбический в сечении, прямой клинок со слегка затупленным, удлиненно-треугольным острием. Клинок данного кинжала является цельнолитым с рукоятью, перекрестьем и навершием. Вероятнее всего, он был выполнен в двустворчатой разъемной форме. Перекрестье кинжала изогнутое. Оно включает два боковых выступа, оформленные под тупым углом в сторону острия клинка, окончания которых слегка отогнуты в противоположном направлении, в сторону навершия. Рукоять укороченная, прямая. Она состоит из двух овальных в сечении вертикальных стержней, соединенных между собой утонченной литой пластиной. Навершие кинжала цилиндрическое в сечении, расположено горизонтально, перпендикулярно рукояти. Оно завершает окончание рукояти, выступая по обе стороны от нее. Длина клин-

ка – 9,5 см, ширина – 2 см, высота рукояти с перекрестьем и навершием – 7 см. При этом рукоять между перекрестьем и навершием, в месте хвата ладонью руки, не превышает 4,5 см. Такие размеры рукояти дают основания предполагать, что это не настоящий боевой кинжал, использовавшийся для нанесения колющих ударов по противнику, а votивная модель кинжала, вероятнее всего, изготовленная для использования в качестве сопроводительного инвентаря для совершения захоронения (рис.-1).

По конструктивным особенностям, включая форму перекрестья и навершия, у данной модели кинжала наблюдаются определенные элементы сходства с некоторыми кинжалами скифского времени из Чандманьского могильника, исследованного в предшествующие годы на территории Северо-Западной Монголии [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 136]. Кинжалы подобной формы ранее были обнаружены в составе сопроводительного инвентаря памятников культур раннего железного века в степном поясе Евразии. Подобные, близкие по конструктивным особенностям изучаемой находке из кургана №74 на могильнике Усть-Эдиган, бронзовые кинжалы были найдены на обширной территории Южной Сибири [Членова, 1976, с. 8].

Костяные наконечники стрел, обнаруженные в рассмотренном погребении в раскопанном кургане позднего скифского времени, вероятнее всего, были выполнены в натуральную величину. Они изготовлены из роговой основы. Перо каждого из наконечников трехгранное в сечении, вытянуто-пятиугольной формы, с остроугольным острием. У одного из наконечников острие слегка затуплено. Плечики пера у обоих наконечников оформлены в виде небольших, выступающих в сторону черешка треугольных шипов. У одного из наконечников черешок обломан, сохранилась лишь его небольшая часть. У другого наконечника короткий, уплощенный черешок сохранился полностью. Длина пера обоих наконечников – 3,5 см, ширина – 1,3 см, длина сохранившегося у одного из наконечников черешка – 1,3 см (рис.-2, 3).

Близкие по конструктивным особенностям костяные наконечники стрел с трехгранным в сечении шипастым пером, но с раздвоенным насадом представлены в составе

Модель бронзового кинжала, костяные наконечники стрел и бронзовая пластина из кургана №74 на могильнике Усть-Эдиган: 1 – модель бронзового кинжала; 2, 3 – костяные наконечники стрел; 4 – бронзовая пластина

набора наконечников у лучников, относящихся к тесинскому этапу тагарской культуры в Южной Сибири [Худяков, 1986, с. 56]. Костяные наконечники с трехгранным шипастым пером и черешковым насадом представлены в составе предметного комплекса таштыкской культуры в Минусинской котловине [Худяков, 1986, с. 95]. Костяные наконечники стрел с трехгранным в сечении пером и приостренными шипастыми плечиками, но со втульчатым насадом имеются в наборе подобных предметов вооружения дистанционного боя в период существования булан-кобинской культуры в Горном Алтае [Худяков, 2005, с. 36]. Прослеженный круг аналогий находкам костяных наконечников из памятника Усть-Эдиган свидетельствует о том, что подобные, близкие по конструктивным особенностям стрелы были распространены в культурах скифского и хуннуско-сяньбийского времени в Горном Алтае и Минусинской котловине. Они не противоречат вероятной датировке модели бронзового кинжала из кургана №74 могильника Усть-Эдиган поздним скифским периодом. Вполне вероятно, что население Горного Алтая позднего этапа пазырыкской культуры могло составить основу носителей булан-кобинской культуры.

Библиографический список

- Бородовский А.П. Горная долина нижней Катунь в скифское время // *Terra Scythica*. Новосибирск, 2011.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // *Древности Алтая*. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М., 2012.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. №4.
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.
- Тишкин А.А. Пазырыкская культура // *История Алтая*. Барнаул; Белгород, 2019. Т. I.
- Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск, 2006.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в II–V вв. н.э. // *Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху*. Новосибирск, 2005.
- Худяков Ю.С. Отчет о работе Южносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭ СО РАН в зоне затопления Катунской ГЭС в Чемальском районе Республики Алтай в полевом сезоне 1993 года. Новосибирск, 1993.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // *Археологические исследования на Катунь*. Новосибирск, 1990.
- Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб., 2011.
- Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М., 1976.

ИСКУССТВО ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

УДК 903.27(5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.43

А.В. Варенов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЦЕН ОХОТЫ НА «СТИЛИЗОВАННЫХ ОЛЕНЕЙ» В ПЕТРОГЛИФАХ СИБИРИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КИТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557:
«Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

На территории КНР петроглифы «в стиле оленных камней» открыты в горах Алтая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в горах Иньшань и степи Уланьчаб на юге Внутренней Монголии и в лежащих южнее горах Хэланьшань в Нинся-Хуэйском автономном районе. Среди особенностей китайских петроглифов можно отметить более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариабельность фигур – в частности, довольно часто изображались безрогие олени (самки). Считается, что в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и каменных изваяний. По мнению автора, каждый «оленный» камень монголо-забайкальского стиля олицетворял Вселенную и в то же время Первопредка древнего коллектива (племени?), а фигуры оленей соответствовали входившим в него социальным группам, имевшим дуально-экзогамную родовую организацию. Изображение отдельного стилизованного оленя свидетельствовало о желании члена древнего социума обозначить свой род.

Ключевые слова: Китай, петроглифы «в стиле оленных камней», семантика

На территории Китайской Народной Республики петроглифы «в стиле оленных камней» (далее также «стилизованные олени») открыты в трех административно-территориальных единицах провинциального уровня: 1) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), лежащем к западу от Монголии; 2) в южной части автономного района Внутренняя Монголия, лежащем к югу от нее; 3) в Нинся-Хуэйском автономном районе, находящемся еще дальше на юг. В Синьцзяне петроглифы «в стиле оленных камней» встречаются в китайской части Монгольского Алтая, во Внутренней Монголии – в горах Иньшань и степи Уланьчаб к северу от них, а в Нинся – в горах Хэланьшань.

К настоящему времени в Синьцзяне обнаружено порядка 50–60 «оленных» камней, всех трех основных типов – монголо-забайкальского, саяно-алтайского и общеевразийского стилей. Во Внутренней Монголии и в горах Хэланьшань нет вообще никаких «оленных» камней – ни общеевразийских, ни монголо-забайкальских, ни саяно-алтайских. В Синьцзяне известно не менее 15 пунктов с наскальными изображениями стилизованных оленей, в Нинся – не менее восьми и во Внутренней Монголии – порядка шести-семи, в зависимости от степени их стилизации [Варенов, 2018б, с. 12–22]. В целом с монгольскими и горноалтайскими изображениями стилизованных оленей больше всего схожи рисунки из Синьцзяна и Внутренней Монголии, территориально наиболее близкие к ним, а район китайского Алтая представляется очень перспективным для дальнейшего поиска изображений стилизованных оленей.

Среди особенностей китайских петроглифов «в стиле оленных камней» можно отметить, как и для стилизованных оленей из иных регионов, более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариабельность фи-

гур, наличие изображений не только самцов, но и самок. Считается, что в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и для каменных изваяний. В их основе, по мнению Д.Г. Савинова [1994, с. 139–142], лежит представление о жертвенных оленях-тотемах, чья смерть обеспечивает обновление природного мира и социума. Вслед за ним Д.В. Черемисин [1998, с. 614] еще 20 лет назад писал, что «с идеей жертвенного оленя в стиле оленных камней связаны гигантские (до двух метров) фигуры» из ряда пунктов Горного Алтая. Позже он отмечал: «наиболее часто повторяющийся сюжет с участием стилизованных оленей в петроглифических композициях – это включение их в качестве преследуемых или атакуемых хищниками животных или как добычи охотника (возможно, жертвы)» [Черемисин, 2012, с. 312].

На территории КНР из 30 известных на данный момент пунктов с изображениями стилизованных оленей есть только два со сценами охоты на них лучников, но без участия собак. Это Толиньгоу из уезда Дэнкоу (рис. 1.-1) и Цзигунхайлэсытай из хошуна Улатэчжунци (рис. 1.-2), обе композиции расположены во Внутренней Монголии [Варенов, 2018б, с. 22]. Однако наскальные сцены охоты на стилизованных оленей могут быть и результатом добавления в более позднее время фигурок лучников и/или собак к уже существовавшим ранее композициям. Аргумент Э.А. Новгородовой [1984, с. 98–100], что «воин (охотник) всегда пеший (что важно для определения даты рисунка), вооружен луком и стрелами» не кажется убедительным. Д.В. Черемисин [2012, с. 312] приводит пример, когда «на памятнике Кара-Оюк на юго-востоке Российского Алтая зафиксировано включение стилизованного “клювовидного” оленя в сцену, где в него стреляет лучник, удерживающий лошадь за повод». Впрочем, вопрос, одновременно ли со стилизованным оленем появился на скальной плоскости этот лучник и сразу ли он «взял под уздцы» лошадку, также изображенную «в стиле оленных камней», так и остается без ответа (рис. 1.-4). Кроме того, манеры изображения фигурок охотников на стилизованных оленей заметно различаются между собой даже в рамках одной композиции (см. рис. 1.-1).

Идеальным способом определить, какие именно из наскальных изображений охотников на стилизованных оленей синхронны своим объектам охоты и синхронны ли они вообще, стало бы открытие среди гравировок на поверхности «оленных» камней монголо-забайкальского стиля небольших антропоморфных фигурок с луками в руках. Но на стелах, за одним-единственным исключением (рис. 1.-5), никаких антропоморфных изображений нет, если, конечно, не считать самих «оленных» камней [Волков, 2002, с. 61]. Однако путь сравнения наскальных сцен охоты на стилизованных оленей с рисунками на «оленных» камнях нельзя признать полностью тупиковым. Сами по себе фигурки лучников мы так датировать не можем, но зато можем датировать их оружие. Нам уже приходилось указывать, что правильный способ получения даты наскального изображения методом аналогий – это сравнение одного рисунка с другим, «а не с реальной вещью – оружием, животным, повозкой или чем-то еще» [Варенов, 2018а, с. 35]. Поэтому для датировки фигурок охотников на стилизованных оленей (вернее, их оружия) так важны рисунки луков, которые встречаются на «оленных» камнях монголо-забайкальского стиля. Имеются в виду не луки, спрятанные в налучья, а небольшие рисунки луков с наложенной на тетиву стрелой. Таких рисунков известна целая серия, причем луки на них все однотипные – сигмовидной формы, с загибающимися вперед на концах кибити рогами (рис. 1.-6).

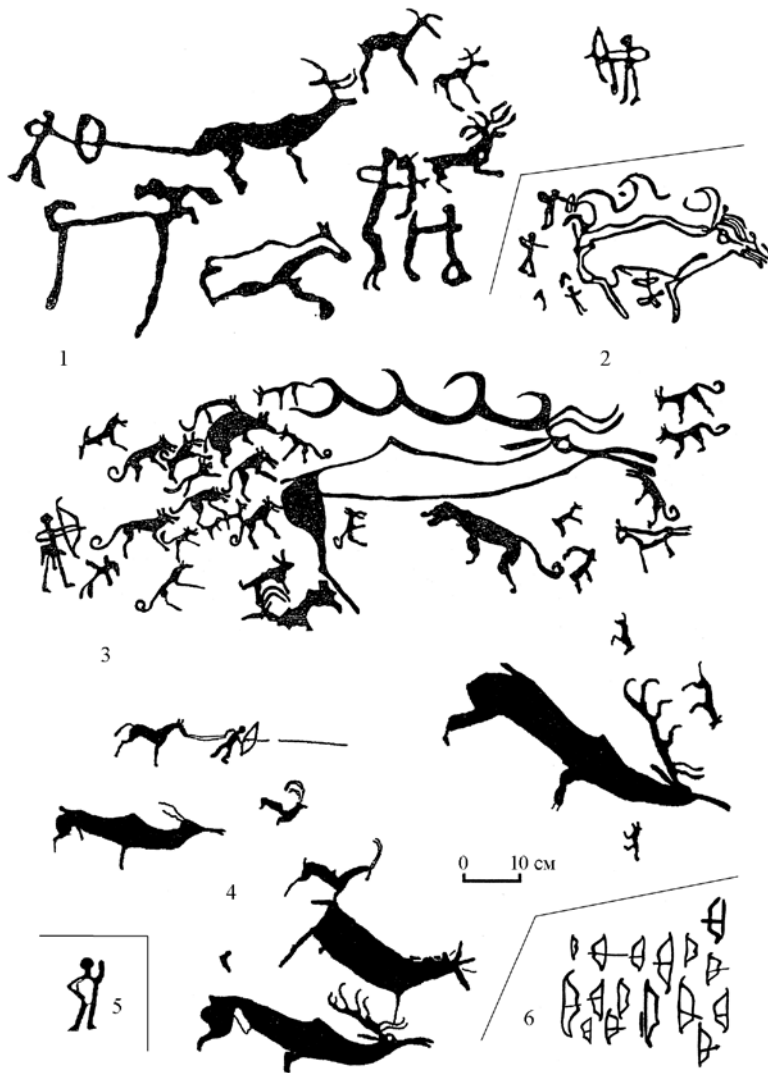

Рис. 1. Сцены охоты на «стилизированных» оленей в наскальном искусстве и изображения луков на «оленных» камнях монголо-забайкальского стиля: 1 – из Толингоу (уезд Дэнкоу, Внутренняя Монголия); 2 – из Цзигунхайлэсытай (хошун Улагэчжунци, Внутренняя Монголия); 3 – с р. Чулуут (Монголия); 4 – из Кара-Оюка (Горный Алтай, Россия); 5 – с «оленного» камня №2 из Орхон сомона Булганского аймака; 6 – изображения луков с наложенной на тетиву стрелой на «оленных» камнях. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В. Вареновым по: [1, 2 – Гай Шаньлинь, 1986, с. 24, 268; 3 – Новгородова, 1984, с. 100; 4 – Черемисин, 2012, с. 312; 5 – Волков, 2002, с. 166; 6 – Новгородова, 1989, с. 194]

Увы, таких луков у охотников на оленей из Внутренней Монголии нет. Но это не значит, что их вообще не существовало. У стрелка на приводимой Э.А. Новгородовой наскальной сцене охоты с реки Чулуут (Монголия) лук именно сигмовидный, как и на

«оленных» камнях (рис. 1.-3). Такие особенности иконографии чулуутского лучника, как «профильное» изображение направленных в одну сторону ступней широко расставленных ног, дополнительное снаряжение на поясе (колчан? налучье?) и, возможно, отчетливо выраженный признак мужского пола (?) следует рассматривать в качестве вероятных хронологических маркеров «эпохи оленных камней монголо-забайкальского стиля» для других фигурок воинов и охотников. Это означает, что для всех не похожих на лучника с р. Чулуут охотников на стилизованных оленей верхняя граница возраста последних окажется *terminus post quem*.

Кроме лучника в сцене охоты с р. Чулуут участвуют многочисленные собаки с закрученными на конце длинными хвостами. Только вот стилизованного ли оленя они преследуют? Помимо очень крупной (поистине «космического» масштаба) фигуры оленя в композиции присутствует и сопоставимое с собаками по длине, но гораздо более широкое (толстое) животное с коротким хвостом, изображенное чуть выше и левее крупа оленя, на уровне кончика его рогов. Возможно, это кабан. Именно его и окружают собаки, бегущие выше крупа оленя не вслед или параллельно, а навстречу «кабану», и даже те, что изображены под брюхом оленя или близ его морды. Да и лучник нацелил свою наложенную на тетиву стрелу (если продолжить ее траекторию по линейке) выше фигуры оленя, куда-то в район его рогов. Так что не исключено, что сцена охоты на кабана на р. Чулуут появилась все же не одновременно с крупной фигурой стилизованного оленя, а несколько позже нее.

На самих «оленных» камнях, как и в наскальных композициях, стилизованных оленей никто из хищников не терзает и не разрывает на части. В сценах терзания там фигурируют иные персонажи. В ущелье Суюйкоу (у Хэлань) стилизованные олени окружают сцену терзания (рис. 2.-2), где два хищника приготовились вцепиться в человеческую фигурку (рис. 2.-1). Композиционно близкая сцена терзания обнаружена в верхней части «оленного» камня №15 из Ушкийн-Увэра в Хубсугульском аймаке МНР (рис. 2.-3). В.В. Волков и Э.А. Новгородова [1975, с. 81] описали ее как «сцену с кошачьими хищниками, съедающими коня», возможно, из-за пятен, покрывающих шкуры животных. На «оленном» камне №4 из этого же местонахождения изображена стая из пяти подобных зверей, преследующих лошадь. Первые исследователи камня №4 назвали бегущих за конем зверей «пятнистыми хищниками, скорее всего, барсами». Они писали: «Очевидно, это стая барсов, представленная в момент охоты на бегущего перед ними коня» [Волков, Новгородова, 1975, с. 82]. В.В. Волков и Э.А. Новгородова воспроизводили фразы о «барсах» и «кошачьих хищниках» и гораздо позже, в индивидуальных монографиях [Новгородова, 1989, с. 206; Волков, 2002, с. 79, 83]. Но из крупных кошек никто (кроме гепардов) не преследует свою добычу и никогда (кроме львов, вернее, львиц) не охотится группами, предпочитая индивидуальную охоту из засады. Преследование добычи стаями характерно для собак и других канисовых. В исторически известное время, начиная с конца плейстоцена, ареалы распространения львов и гепардов никогда не включали Монголию.

По мнению Д.Г. Савинова [1994, с. 132], анализировавшего рисунки хищников на «оленных» камнях, «особого внимания заслуживают изображения фантастических животных, сочетающих признаки различных хищных зверей, в первую очередь, кошачьих хищников и волков (или собак)», которых он считал персонажами «скорее всего, хтонического происхождения». Композиционно схожая с Ушкийн-Увэром и Суюйкоу сцена

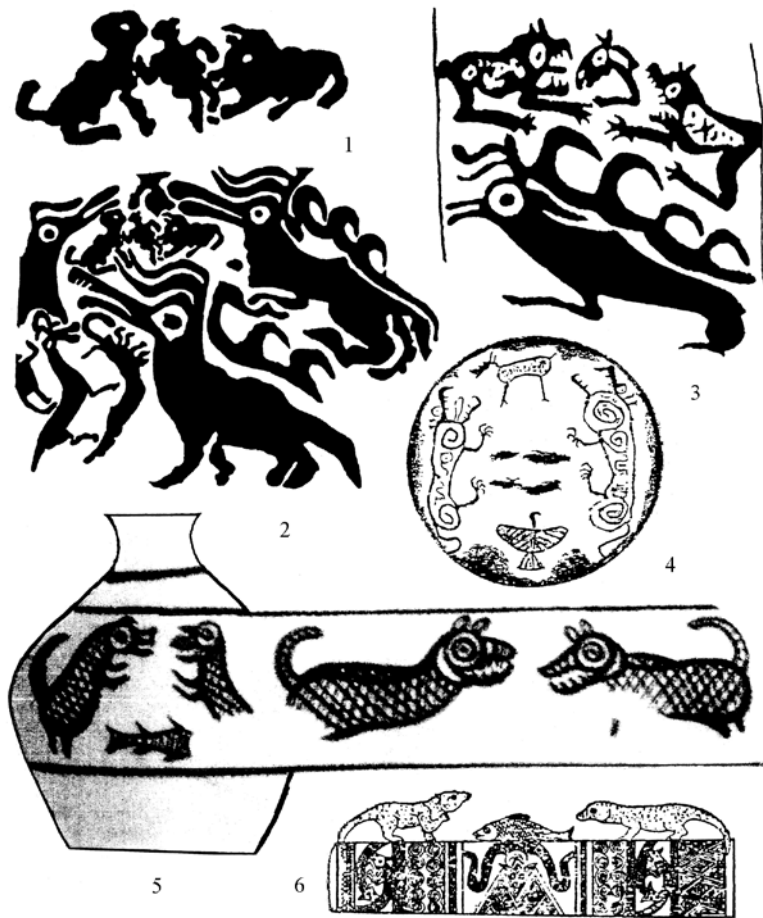

Рис. 2. Сцены с двумя хтоническими хищниками:

1, 2 – из Сууюкоу (уезд Хэлань); 3 – из Ушкойн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия);
4 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 5 – из Дадивань (уезд Циньнань, пров. Ганьсу);
6 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). Все – разных масштаб. Масштабирование
рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В. Вареновым по: [1, 2 – Гай Шаньлин,
Гай Чжихао, 2002, с. 408; 3 – Nowgorodowa, 1980, с. 178; 4 – Чжунго тунци цюаньци,
2005, с. 4; 5 – прорисовка по фотографии, сделанной А.В. Вареновым
в Музее пров. Ганьсу; 6 – Пилацзоли Мисеэр, 1990, с. 81]

отлита на тыльной стороне бронзового зеркала, обнаруженного в погребении M1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань, КНР (рис. 2.-4). Она изображает «двух зверей, похожих на тигров, но с учетом окраса шкуры, скорее, леопардов», готовых растерзать (или сцепиться из-за) травоядного [Го Можо, 1959, с. 14]. Зеркало из Шанцуньлина дает более точную дату для композиций из Ушкойн-Увэра и Сууюкоу. Шанцуньлин был кладбищем верхушки царства Го, в 655 г. до н.э. захваченного другим царством – Цзинь, так что никакая могила данного памятника не может быть позднее середины VII в. до н.э. [Шанцуньлин, 1959, с. 27]. Большинство из них датируется одним временем – 2-й половиной IX – 1-й половиной VIII в. до н.э. [Комиссаров, 1985, с. 9–10].

Но корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае гораздо глубже эпохи Чжоу. На неолитическом сосуде расписной керамики со стоянки Дадивань в уезде Циньань пров. Ганьсу нарисованы две собаки, готовые подрагаться из-за рыбы, лежащей между ними (рис. 2.-5). Считается, что орнаментальные пояса на неолитической керамике Китая обозначали различные уровни Вселенной. Пояс с собаками и рыбой на кувшине из Дадивань ограничен сверху двумя горизонтальными линиями, и может представлять Преисподнюю (нижний мир) [Кудинова, 2016, с. 36]. По данным В.В. Евсюкова [1988, с. 84–85, 89–90], изучавшего мифологию китайского неолита по материалам крашеной керамики, образ рыбы в этой изобразительной традиции символизирует человеческую душу. Так что сцена на кувшине из Дадивань, скорее всего, запечатлела ее посмертные испытания в Преисподней, возможно, как залог будущего возрождения. Наскальные композиции из Суюйкоу и Ушкийн-Увэра, как и сцена на зеркале из Шанцуньлина, могли иметь аналогичное значение, только человеческую душу в традициях этих культур представляли иначе. У создателей оленных камней души их соплеменников, скорее всего, воплощались в образе коней. Не зря комплексы с «оленными» камнями монголо-забайкальского стиля из центральной части Монголии сопровождаются многочисленными каменными колечки-жертвенники, внутри которых бываю захоронены черепа лошадей (возможно, вместе со шкурами). Для хозяев зеркала из Шанцуньлина их души воплощались в каком-то ином копытном животном, а в горах Хэланьшань душу представляли в виде человеческой фигурки. Древнекитайская иконографическая традиция, когда душа изображается в виде рыбы, доживает как минимум до IV–III вв. до н.э. На обушке трубчатой втулки боевого топора культуры Дянь из погребения 12 могильника Шичжайшань отлиты два ящера и лежащая между ними рыба (рис. 2.-6) [Пилаццоли, 1990, с. 81]. Впрочем, еще Д.Г. Савинов [1994, с. 132] отмечал шичжайшаньские и ордосские бронзы среди восточных аналогий изображениям фантастических хищников с оленных камней.

Что касается семантики монголо-забайкальских «оленных» камней и выбитых на них оленей, то нам уже приходилось высказывать мнение, что «каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворяет первопредка того или иного древнего коллектива (племени?), а отдельные фигуры оленей соответствуют входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам» [Варенов, 2016, с. 210]. Не случайно количество оленей на каждой отдельной стеле в том же Ушкийн-Увэре, как правило, четное, а часто и кратное четырем (12, 16, 20, 24 экз.), что хорошо соответствует фратриальной структуре общества, каждая фратрия в котором имела дуально-эксгамную родовую организацию. Тогда наскальное изображение отдельного стилизованного оленя свидетельствовало о желании члена древнего социума обозначить свой род, аналогично нанесению на скалы тамги в более поздний период. Две разнополых фигуры оленей на одной скальной плоскости отражали ситуацию, когда художник хотел отметить не только свой род, но и род жены, связанный с его собственным в рамках дуально-родовой организации. Естественно, что с точки зрения всего племени и его первопредка, воплощенного в «оленном» камне, все роды гендерно равны, поэтому на стелах и нет изображений важенок (оленей-самок). Небольшие фигуры коней на «оленных» камнях обозначали души покойных сородичей. Преследующие их (или нанесенные отдельно) фигуры хищников могли свидетельствовать о посмертных испытаниях душ умерших. Для предложенного понимания семантики всего «оленного» камня и отдельных фи-

гур оленей, коней и хищников, нанесенных на его поверхность, в принципе, не так уж и важно, как именно интерпретируются и именуется включающие «оленные» камни ритуальные комплексы: святилища [Новгородова, 1989, с. 222; Варенов, 2016, с. 210], жертвенники [Новгородова, 1989, с. 201–214; Волков, 2002, с. 16] или кенотафы [Ковалев, Рукавишникова, Эрдэнэбаатар, 2014; Ковалев, Эрдэнэбаатар Рукавишникова, 2016].

Библиографический список

Варенов А.В. О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. №2.

Варенов А.В. О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2018а. Т. 17. Вып. 4: Востоковедение. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-30-39

Варенов А.В. Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2018б. Т. 17. Вып. 10: Востоковедение. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // *Первобытная археология Сибири*. Л., 1975.

Евсюков В.В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск, 1988.

Ковалев А.А., Рукавишникова И.В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни – это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // *Древние и средневековые изваяния Центральной Азии*. Барнаул, 2014.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. Т. 44, №1.

Комиссаров С.А. Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // *Дальний Восток и Центральная Азия*. М., 1985.

Кудинова М.А. Образ собаки в неолитическом искусстве Китая // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2016. Т. 15. Вып. 4: Востоковедение.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. М., 1989.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

Черемисин Д.В. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // *Сибирь в панораме тысячелетий*. Т. 1. Новосибирск, 1998.

Черемисин Д.В. Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.

Nowgorodowa E. *Alte Kunst der Mongolei*. Leipzig, 1980. (на нем. яз.)

Гай Шаньлинь. Иньшань яньхуа [盖山林. 阴山岩画]. Петроглифы гор Иньшань. Пекин, 1986. (на кит. яз.)

Гай Шаньлинь, Гай Чжихао. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин, 2002. (на кит. яз.)

Го Можо. Саньмэнься чу ту тунци эр-сань ши [郭沫若. 三门峡出土铜器二三事]. Две-три заметки о бронзовых изделиях, найденных в Саньмэнься // *Вэнью*. 1959. №1. (на кит. яз.)

Пилаццоли Мисеэр (Pirazzoli Michele). Дянь вэньхуа дэ няндай вэньти [皮拉左里·米歇尔. 滇文化的年代问题]. Проблема хронологии культуры Дянь // *Каогу*. 1990. №1. (на кит. яз.)

Чжунго тунци цюаньцзи. [中国铜器全集. 第16卷. 铜镜]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 16. Бронзовые зеркала. Пекин, 2005. (на кит. яз.)

Шанцуньлинь Гого муди. [上村巖虢國墓地]. Могильник царства Го в Шанцуньлине. Пекин, 1959. (на кит. яз.)

ПЕТРОГЛИФЫ ПАМЯТНИКА УЦЗЯЧУАНЬ В КИТАЕ И ИХ СИБИРСКИЕ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ АНАЛОГИИ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

На памятнике наскального искусства Уцзячуань в уезде Цзинъюань пров. Ганьсу (КНР) шесть всадников и один стоящий человек показаны в головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Стоящую фигуру из Уцзячуань можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния. Такая трактовка находит соответствие в тюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. На валуне из могильника Кудыргэ выгравирована сидящая женщина в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которой склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Гравированные изображения женщин в трехрогих головных уборах также встречены на скалах и на костяных предметах в Киргизии, Казахстане и в Хакасии. П.П. Азбелев кудыргинскую «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов. Всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое, спешат на поклонение к находящемуся слева от них персонажу в трехрогом головном уборе. Этот персонаж, как и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников и даже их коней.

Ключевые слова: Северо-Западный Китай, тюркское время, петроглифы, «сцена коленопреклонения» из Кудыргэ, «трехрогие» персонажи Сибири и Центральной Азии, памятник наскального искусства Уцзячуань

В начале июля 2019 г. автор в составе группы новосибирских археологов в рамках работы по поддержанному РФФИ проекту по изучению наскальных изображений Китая совершил поездку в пров. Ганьсу и в Нинся-Хуэйский автономный район КНР [Варенов, Кудинова, 2019; 2020]. Ему удалось посетить памятник наскального искусства Уцзячуань (吴家川) в уезде Цзинъюань на востоке пров. Ганьсу [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019]. Издавший петроглифы Уцзячуань в 1983 г. Чжан Баоси [1983, с. 46] отмечал, что рисунки в технике выбивки выполнены металлическими инструментами. Но ближе к концу своей статьи он сопоставил наскальные изображения персонажей в трехрогих головных уборах из Уцзячуань и рельефные головы на керамике местной неолитической культуры Баньшань [Чжан Баоси, 1983, с. 47]. В данной работе предполагается для уточнения датировки персонажей в трехрогих головных уборах памятника Уцзячуань и раскрытия семантики китайских петроглифов рассмотреть аналогии им среди изобразительного искусства Южной Сибири и Центральной Азии. Необходимо будет также провести обзор интерпретаций трехрогих персонажей и выбрать ту из них, что лучше всего соответствует реалиям китайской писаницы. Кроме того, планируется осуществить поиск других «трехрогих» антропоморфных изображений среди петроглифов Северо-Западного Китая и оценить их значение для дальнейшего изучения наскального искусства региона.

Размер памятника Уцзячуань невелик: только две плоскости южной экспозиции. На восточной плоскости присутствуют фигурки оленей и козлов, а также современные иероглифические надписи. На западной плоскости, помимо оленей и козлов, выбиты восемь всадников (в силу чего памятник невозможно датировать эпохой бронзы и тем более неолитом) и несколько антропоморфных фигур (рис. 1.-/). Не менее шести

всадников и один стоящий (или сидящий) человек изображены в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Один всадник, расположенный в центральной части западной плоскости, «скачет» в левую сторону. Три других всадника выбиты правее него, в правом верхнем углу, и тоже «скачут» влево. Пятый всадник в трехрогом головном уборе, тоже едущий влево, находится в левой части западной плоскости, ниже антропоморфного персонажа с большой круглой головой. Изображение пятого всадника сохранилось плохо, особенно задняя часть фигуры

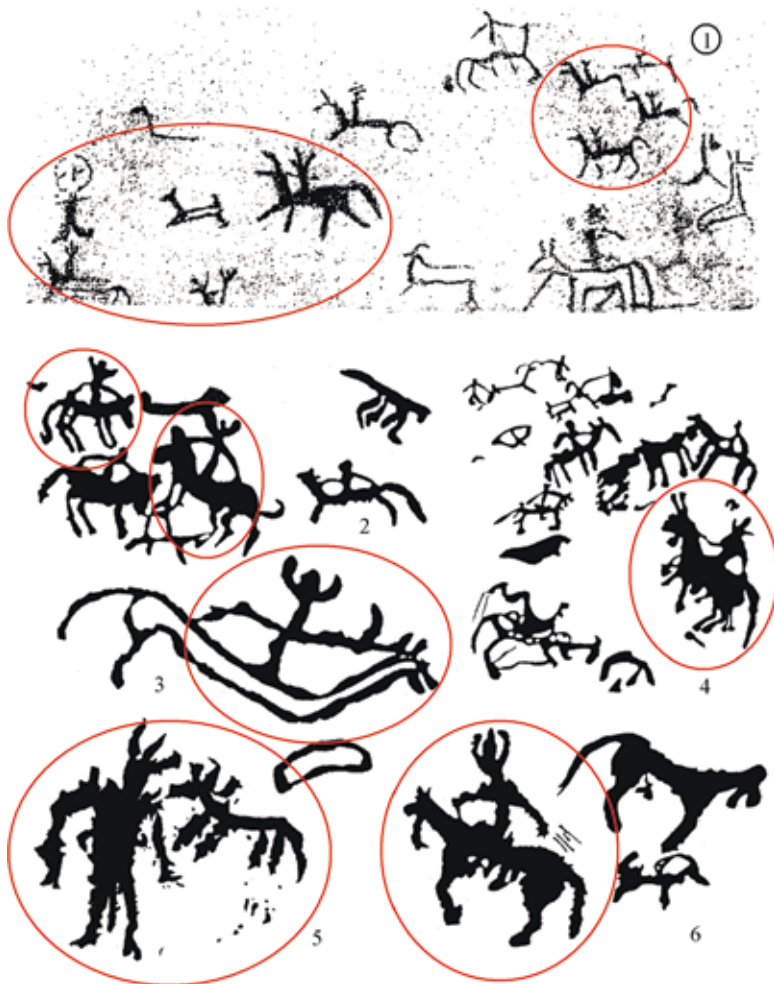

Рис. 1. Наскальные изображения «трехрогих» всадников в Китае:

1 – западная плоскость памятника наскального искусства Уцзячуань;
2–4, 6 – местонахождение Маньдэлашань из пустыни Бадын-Джаран (Внутренняя Монголия); 5 – местонахождение Шифанцзюань (уезд Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района). Разный масштаб. Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А.В. Вареновым по: [1 – Чжан Баоси, 1983, с. 47, рис. 4 (в обратных цветах); 2–4, 6 – Гай Шаньлинь, 1997, с. 248, 259, 289, 290, рис. 266, 343, 579, 587; 5 – Чжоу Синхуа, 1991, с. 309, рис. С–5].

его коня, но на старой фотографии 1983 г. он виден вполне отчетливо (см. рис. 1.-1). Шестой всадник в трехрогом головном уборе расположен правее пятого, ниже изображения козлика(?). Современная сохранность этой фигуры также оставляет желать лучшего, но на протирке 1983 г. шея и голова коня и верхняя часть туловища его седока четко различимы (см. рис. 1.-1). Фигура стоящего человека в трехрогом головном уборе находится в нижней части левой оконечности западной плоскости, левее и чуть ниже круглоголового персонажа, которого китайские археологи считают солярным божеством или шаманом с бубном. На протирке 1983 г. она осталась за границей кадра. Впрочем, эту фигуру можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния, а то, что передано выбивкой внутри него, – сложенными на груди или на животе «настоящими» руками и подогнутыми ногами [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019, рис. 3.-3].

Такая трактовка находит соответствие в тюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. В погребении 16 могильника Кудыргэ встречен валун-изваяние, на двух сторонах которого выгравирована так называемая «сцена коленапреклонения» (рис. 2.-1). Показана сидящая женщина в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которыми склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Центральный из них тоже в трехрогом головном уборе, а на гривах у всех трех коней выстрижено по три зубца [Руденко, Глухов, 1927, с. 51–52, рис. 18]. В течение почти сотни лет, прошедших с момента раскопок Кудыргэ в 1924–1925 гг., «сцена коленапреклонения» трактовалась либо как отражение раннесредневековой социальной и или этнокультурной ситуации (подчинение бедных богатым/знатным или одних племен другими), либо как поклонение людей неким тюркским божествам [Гаврилова, 1965, с. 19–21; Азбелев, 2010, с. 12–27]. В частности, Л.Р. Кызласов [1949, с. 51] пришел к выводу, что сидящая женщина в трехрогой тиаре – это богиня Умай, а склонившийся перед ней человек в таком же головном уборе – это шаман. Напротив, А.С. Суразаков [1994, с. 51] считал, что на валуне зафиксировано поклонение семье (вдове и ребенку) умершего вождя.

С середины 60-х гг. XX в. в качестве еще одного источника, отражающего бытование трехрогих головных уборов у кочевников в раннем Средневековье, начинают рассматриваться тюркские каменные изваяния, распространенные преимущественно в Семиречье и на Тянь-Шане. Я.А. Шер [1966, с. 44] датировал их VI–VIII вв. С.М. Ахинжанов [1978, с. 76, 79] считал их женскими изображениями шаманок кимако-кипчацкого политического объединения, типичными для IX–X вв. Л.Н. Ермоленко [1995, с. 55] в 1995 г. утверждала, что «большинство реалий изваяний в „трехрогих“ головных уборах имеют аналогии среди реалий древнетюркских изваяний среднеазиатско-казахстанского региона VII–VIII вв.». В том же 1995 г. при раскопках тюркского женского погребения в кургане №54 на могильнике Суттуу-Булак (Сюттю-Булак) в Центральном Тянь-Шане (Кыргызстан) были встречены костяные пластины с многофигурными гравированными композициями [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997]. На одной из них изображена внутренняя часть юрты, в которой сидят два человека – мужчина и женщина. На голове у женщины – трехрогий головной убор (рис. 2.-2). По мнению Ю.С. Худякова, многофигурные композиции из Суттуу-Булака «могли служить иллюстрациями к повествованию о деяниях эпических героев» [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 245].

Женщина в трехрогом головном уборе, сидящая на тахте рядом с мужчиной внутри юрты (шатра), выбита и на поверхности тюркского изваяния №2 из Когалы в Чу-

Илийском междуречье (рис. 2.-6). Аналогичный, только более схематичный рисунок есть и среди гравировок Сулекской писаницы на севере Хакасии (рис. 2.-4). А.Е. Рогожинский [2010, с. 341–342] сознательно оставил за пределами своей публикации вопросы семантической и исторической интерпретации изобразительных материалов со

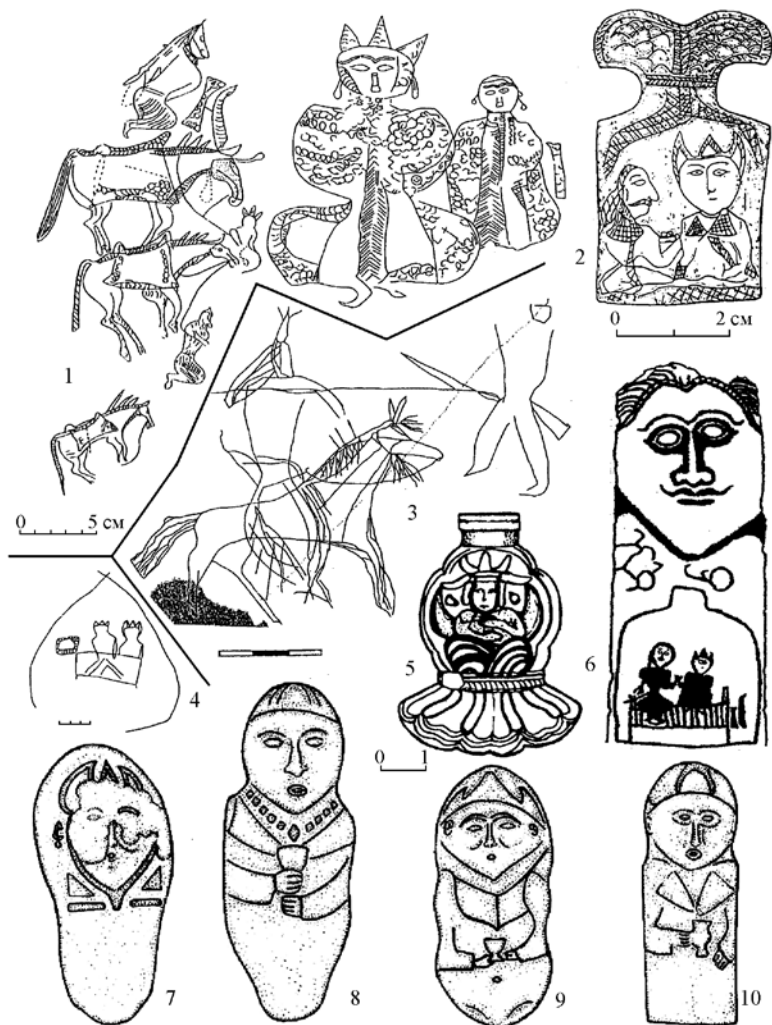

Рис. 2. Аналогии «трехрогим» персонажам с писаницы Уцзячуань:

1 – «сцена коленопреклонения» на валуне из погр. 16 могильника Кудыргэ; 2 – костяная пластинка из кургана №54 могильника Суттуу-Булак (Сюттю-Булак); 3 – наскальная гравировка из урочища Дялбак; 4 – гравировка с Сулекской писаницы; 5 – бронзовый игольник из фондов Минусинского музея; 6 – сцена, выбитая на изваянии из Когалы; 7–10 – каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах. Разный масштаб. Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А.В. Вареновым по: [1 – Гаврилова, 1965, табл. VI.-2; 2 – Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 243, рис. 2; 3 – Константинов, Урбушев, 2018, с. 271; 4 – Кызласов, 1998, с. 42, рис. 5; 5 – Скобелев, 1999, с. 164, рис. 3; 6 – Рогожинский, 2010, рис. 8.-2; 7–10 – Худяков, 2010, с. 103, рис. 1]

стелы №2 из Когалы. И.Л. Кызласов [1998, с. 47], издавший в 1998 г. гравированное изображение сидящей в шатре пары из Сулека, напротив, основное внимание уделил его семантике и предположил, что так изображались тюркские божества Тенгри и Умай, божественность которых «выражена лишь их трехрогими головными уборами», а также жрецы и «некие богоподобные персонажи (прежде всего, очевидно, катун)». С.Г. Скобелев [1999, с. 164–166], тогда же обратившийся к иконографии образа богини Умай в тюркское время, главными ее атрибутами считал крылья, а головной убор в виде трехрогой (трехлучевой) тиары или нимб – факультативными. Он приводит изображение женщины с крыльями и в трехрогом головном уборе на металлическом предмете в виде рыбки – случайной находке, хранящейся в Минусинском музее (рис. 2.-5).

В 2010 г., в ходе исследования вопроса о возможной иконографии божеств тюркского пантеона, обзор раннесредневековых изображений персонажей в трехрогих головных уборах на территории Южной Сибири и Центральной Азии предпринял Ю.С. Худяков, включивший в круг источников помимо валуна из Кудыргэ, пластинок из Сутуу-Булака и петроглифов также ряд тюркских каменных изваяний (рис. 2.-7–10). Рассмотрев выдвигавшиеся ранее версии, что так выглядели тюркские божества Тенгри, Умай и/или шаманы, он пришел к выводу, что никаких оснований считать, будто тюрки «представляли своих богов Тенгри и Умай в антропоморфном облике, не существует», а «трехрогие» изображения передавали «головные уборы с высоким коническим верхом и боковыми наушами», которые «определенно вошли в моду и приобрели престижный характер у древнетюркских женщин в период существования Первого Тюркского каганата» [Худяков, 2010, с. 99, 101].

Однако трехрогий головной убор может не обязательно оказаться парадным или ритуальным, о чем свидетельствуют открытые в 2017 г. в урочище Дялбак в Восточном Алтае раннесредневековые гравированные изображения [Константинов, Урбушев, 2018, с. 271–272]. Среди них есть фигура сидящего на коне воина с копьем в руках и в трехрогом головном уборе (возможно, коническом боевом шлеме с рогами) (рис. 2.-3). На гриве его коня выстрижены три зубца. Кони с выстриженными на гривах тремя зубцами встречаются не только на накладке на переднюю луку седла из погребения 9 того же могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 24, 33, 35–36, табл. XV.-12, XVI.-1], но и в раннесредневековых петроглифах Чаганки и Елангаша в Горном Алтае [Konstantinov, Soenov, Cheremisin, 2016, p. 11–12, fig. 4.-2, 5.-3, 6.-2]. П.П. Азбелев [2010, с. 7–9] выводит стрижку конской гривы в виде трех зубцов из стремления тюрков уподобить лошадь мифическому трехроговому «носорогу» древнего и раннесредневекового Китая. Но на гривах всех коней из Уцзячуань трех зубцов нет. На верху конских голов показан только один сильно выдающийся вперед выступ, соответствующий челке, настороженным ушам или султану (плюмажу). Так что три зубца, выстриженных на гриве коня, скорее всего – местная алтайская специфика тюркской эпохи.

П.П. Азбелев [2010, с. 48–49] «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов. Не вдаваясь в обсуждение предложенной петербургским исследователем трактовки сцены на валуне из Кудыргэ, можно предположить, что всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое в левой и в правой частях западной плоскости, спешат на поклонение к стоящему (или, скорее, сидящему) слева от них персонажу в таком же трехрогом головном уборе (см. рис. 1.-1). Этот персонаж, как

и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников, и даже их коней [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019, рис. 3.-4]. Исходя из ориентации по сторонам света самой скалы с рисунками, верховые паломники в трехрогих головных уборах едут, как и новозаветные волхвы, с востока на запад. Судя по степени их сохранности, правая группа «рогатых» всадников чуть моложе левой.

Для поиска аналогий всадникам в трехрогих головных уборах из Уцзячуань среди известных наскальных изображений Северо-Западного Китая автор сплошь просмотрел монографические публикации петроглифов из Ганьсу и соседних провинций Цинхай, Нинся и Внутренняя Монголия. За исключением памятника Уцзячуань, персонажей в трехрогих головных уборах среди изданных к настоящему моменту петроглифов Южной и Северной Ганьсу нет [Ду Чэнфэн, 2014; Хань Цзиган, 2015]. Нет их и в наскальных рисунках соседнего Цинхая, гор Иньшань и степи Уланьчаб в южной части Внутренней Монголии [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001; Гай Шаньлинь, 1986; 1989]. Всадники в трехрогих головных уборах встречены в четырех пунктах местонахождения петроглифов Маньдэлашань, что находится на юго-востоке пустыни Бадын-Джаран (*кит.* Баданьцзилинь 巴丹吉林) в западной части Внутренней Монголии [Гай Шаньлинь, 1997, с. 248, 259, 289, 290, рис. 266, 343, 579, 587]. В двух случаях их головные уборы напоминают ковбойскую шляпу с широкими полями или даже сомбреро (рис. 1.-2, 3), в двух других – похожи на высокую шапку с торчащими отворотами (рис. 1.-2, 4) и лишь в одном – на корону или рогатый шлем (рис. 1.-6). В двух пунктах кони «рогатых» всадников показаны с четырьмя ногами, еще в двух – только с двумя. Выстриженных на гриве трех зубцов нет ни у одного из них. Еще один рисунок персонажа в трехрогом головном уборе есть на памятнике Шифанцзюань, расположенном в городском районе (ранее – уезде) Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района, лежащего примерно на равном расстоянии от Уцзячуань и Маньдэлашань, на полпути между ними [Чжоу Синхуа, 1991, с. 309, рис. С-5]. Этот антропоморф с акцентированным признаком мужского пола и в трехрогой короне с высокими зубцами стоит рядом с конем, голова (но не грива!) которого увенчана похожим трезубцем. Однако он гораздо крупнее лошади, которая на его фоне смотрится как собака (рис. 1.-5). В других обобщающих изданиях, также описывающих наскальные изображения уезда Чжунвэй, данный петроглиф отсутствует [Ли Сянши, Чжу Цуньши, 1993, с. 140–219; Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993, с. 204–352].

В заключение хотелось бы остановиться на вопросе выделения наскальных изображений тюркского времени в Китае и в иных регионах. В Китае данная тема разработана очень слабо, а тюркские наскальные гравировки китайские исследователи петроглифов, видимо, пока попросту не замечают. Во всяком случае, рисунков, выполненных в технике резной линии, в опубликованных ими сводах практически совсем нет. При чтении же отечественной литературы порой складывается впечатление, что петроглифы тюркского времени представлены только гравировками [Серегин, Мухарева, 2015; Konstantinov, Soenov, Cheremisin, 2016]. Проблема заключается в трудности отделения тюркских выбивок, особенно простых (таких, например, как схематичные изображения горных козлов – *теке*) от более ранних или более поздних (этнографически современных) [Кубарев, 2011, с. 62–63]. Подходы к ее решению видятся в выделении хронологических маркеров в виде раннесредневековых реалий, присутствующих не только среди гравированных, но и среди выбитых наскальных изображений, к которым можно было бы при-

вязывать в силу совместного нахождения в одной композиции и/или стилистического сходства и иные рисунки. К числу уже задействованных исследователями хронологических индикаторов тюркского времени в массиве наскальных выбивок можно отнести не только уже упоминавшуюся стрижку конской гривы в виде трех зубцов [Güneri, 2018], но и всадников со знаменами [Рогожинский, 2019]. Еще одним признаком тюркского периода для выбитых наскальных рисунков, как мы пытались продемонстрировать, являются изображения персонажей в трехрогих головных уборах.

Библиографический список

- Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб., 2010.
- Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
- Варенов А.В., Кудинова М.А. Путешествие на Северо-Запад за петроглифами // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18, вып. 10: Востоковедение. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113
- Варенов А.В., Кудинова М.А. Путешествие на Северо-Запад за петроглифами. Часть 2. Продолжение в Нинся // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, вып. 4: Востоковедение. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158
- Варенов А.В., Кудинова М.А., Соловьев А.И. Полевое исследование писаницы Уцзячуань в уезде Цзиньюань провинции Ганьсу (КНР) летом 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. Т. XXV. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.345-352
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Ермоленко Л.Н. К проблеме каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. Кемерово, 1995.
- Константинов Н.А., Урбушев А.У. Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул, 2018.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск, 2011.
- Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. №4.
- Кызласов Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК АН СССР. 1949. Вып. XXIX.
- Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументально-го искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы, 2010.
- Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. Труды САИПИ. Вып. XII. М.; Кемерово, 2019.
- Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. Л., 1927.
- Серегин Н.Н., Мухарева А.Н. История изучения петроглифов раннего средневековья на территории Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. №1 (9). Сер.: Археология. Вып. 2.
- Скобелев С.Г. Иконография образа богини Умай в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
- Суразаков А.С. К семантике изображений на Кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994.
- Худяков Ю.С. Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). Горно-Алтайск, 2010.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996.

- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Российская археология. 1997. №3.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
- Güneri A.S. Altay Dağları Bölgesi Kaya Resimleri: Klasik Türk Dönemi-2 Evresi Türk Tasvir Sanatına Dair Yeni Kavramlar // Arkeoloji ve Sanat. 159: Eylül-Aralık 2018. (на тур. яз.)
- Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // Rock Art Research. 2016. Vol. 33. No 1.
- Гай Шаньлинь. Иньшань яньхуа [蓋山林。陰山岩画]. Петроглифы гор Иньшань. Пекин, 1986. 2, 20, 442 с. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь. Уланьчабу яньхуа [蓋山林。烏蘭察部岩画]. Петроглифы степи Уланьчаб. Пекин, 1989. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь. Баданьцзилинь шамо яньхуа [蓋山林。巴丹吉林沙漠岩画]. Петроглифы пустыни Баданьцзилинь. Пекин, 1997. (на кит. яз.)
- Ду Чэнфэн. Сунань яньхуа [杜成峰。肅南岩画]. Петроглифы Южной Ганьсу. Ланьчжоу, 2014. (на кит. яз.)
- Ли Сянши, Чжу Цуньши. Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石, 朱存世。賀蘭山與北山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань. Иньчуань, 1993. (на кит. яз.)
- Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠。贺兰山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань. Пекин, 1993. (на кит. яз.)
- Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа. Цинхай яньхуа – шицянй ишу чжун эрьюань дуйли сывэй цзи ци гуаньянь дэ яньцзю [汤惠生, 张文华。青海岩画一史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхая – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве. Пекин, 2001. (на кит. яз.)
- Хань Циган. Субэй яньхуа [韩积罡。肃北岩画]. Петроглифы Северной Ганьсу. Ланьчжоу, 2015. (на кит. яз.)
- Чжан Баоси. Ганьсу шэн Цзиньюань сянь Учзячуань фасянь яньхуа [张宝玺。甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Петроглифы, обнаруженные в Учзячуань, уезда Цзиньюань пров. Ганьсу // Вэнь. 1983. №2. (на кит. яз.)
- Чжоу Синхуа. Чжунвэй яньхуа. [周兴华。中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэя. Иньчуань, 1991. (на кит. яз.)

УДК 903.27

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.45

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

«ЗОДИАКАЛЬНАЯ» ТАТУИРОВКА ВОЖДЯ-ЖРЕЦА ИЗ ПАЗЫРЫКА-2

В 1948 г. во время раскопок большого 2-го Пазырыкского кургана на Алтае археологическая экспедиция С.И. Руденко обнаружила мумию мужчины с татуировками, а в 1949 г. была опубликована его первая статья об этой уникальной находке. Многие археологи неоднократно рассматривали связанные с этой татуировкой разные аспекты: стиль изображений, хронология, социальные и этнические проблемы. В статье впервые поставлен вопрос об общей семантике татуировки на теле вождя-жреца из кургана Пазырык-2. Изображения реальных и «сверхъестественных» образов на этой татуировке позволяют предполагать, что это была единая сакральная композиция, связанная с общей «моделью мира» «пазырыкцев» Алтая, с их зодиакальными и календарными представлениями. От созвездия Рыб на правой ноге вождя через созвездия Козерога (колени), Льва (сердце) к созвездию Барана/Овна (на левом плече), через переходные «сверхъестественные» образы, названные автором медиаторами, – таков зодиакальный круг на пазырыкской татуировке. Следует отметить, что на этой татуировке показана одна из ранних «композиций» сакрального «зодиакального человека», реально нанесенная на тело вождя-жреца, позднее нашедшая отражение в многочисленных рисунках из разных регионов мира.

Ключевые слова: Алтай, Пазырык, татуировка, зодиак, вождь, жрец, семантика

Предыдущие объяснения пазырыкских татуировок

По данным письменных источников и по археологическим находкам в скифское время (так же как ранее и позднее у многих народов Евразии и других стран мира) татуировки на теле человека обладали рядом важных социальных, культурных и сакральных качеств. Рассмотрим основные научные выводы разных исследователей, полученные при изучении татуировки из Пазырыка-2.

Социальный аспект (ранг/статус человека). При нанесении разных по степени сложности татуировок социальный ранг отражался в определенных образах-знаках, месте их нанесения на теле человека, а также в числе рисунков и качестве их исполнения. На тело мужчины монголоидного облика из Пазырыка-2, которому в момент погребения было около 60 лет, была нанесена татуировка в виде изображений реальных и «фантастических» животных, а также большой рыбы и точек (рис. 1). По мнению

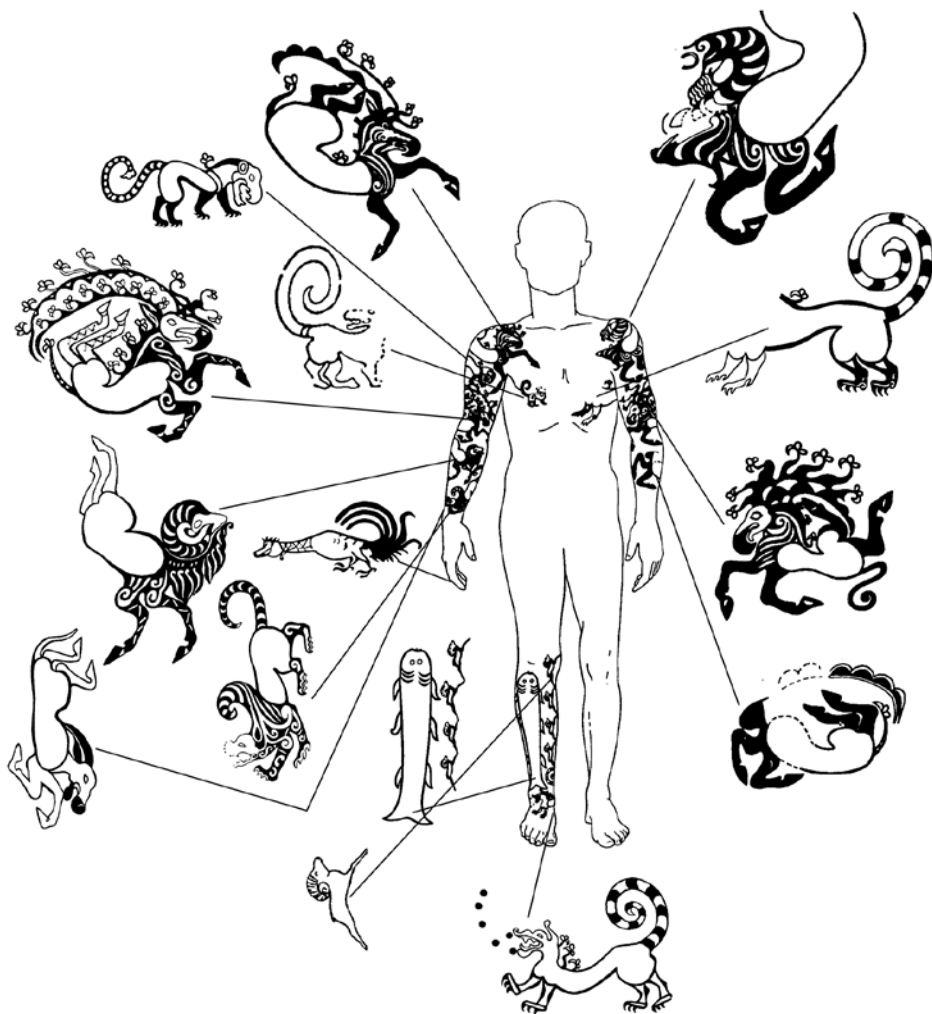

Рис. 1. Общий вид и отдельные образы на татуировке вождя-жреца из большого кургана Пазырык-2 на Алтае

С.И. Руденко, татуировка вождя из Второго Пазырыкского кургана, «вероятнее всего, отмечала его знатное происхождение или его мужество, может быть, и то и другое вместе». Он отметил, что по свидетельству Помпония Мелы скифы-агафирсы «разривали тела в зависимости от степени их благородства» [Руденко, 1953, с. 136–141]. В дальнейшем многие ученые поддержали эту точку зрения.

О высоком социальном статусе вождя из Пазырыка-2 свидетельствует его погребение в кургане самого высокого ранга – с огромной каменной насыпью, в двойном деревянном срубе, в большой колоде, с двумя приборами для курения конопли (с двумя шестиногами и двумя курильницами), с дорогими импортными предметами и с семью сопровождающими конями [Руденко, 1953; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Марсадолов, 2019; и др.].

Татуировка как раскраска воина. Крупные изображения оленей и других животных на центрально-азиатских «оленных» камнях археологи вначале считали рисунками бронзовых блях или аппликацией на одежде, но М.П. Грязнов [1984, с. 76] отметил, что образы на изваяниях передают «более правдоподобно, татуировку на теле воина, подобную татуировке пазырыкского вождя на Алтае». Эту точку зрения М.П. Грязнова поддержал К. Йеттмар, который также считал, что рисунки на «оленных» камнях, возможно, повторяли боевую раскраску на телах воинов [Jettmar, 1994, p. 5].

Семантический аспект. Ученые неоднократно анализировали семантические основы татуировок пазырыкской культуры. Особенно много противоречивых точек зрения было высказано по поводу трех самых сложных «сверхъестественных» образов на татуировке вождя из Пазырыка-2 (рис. 1), которые археологи называли по-разному: «фантастическим зверем» или «оленем с птичьим клювом» [Руденко, 1953, с. 311–314], «грифо-копытным» [Суразаков, 1984, с. 69], «коне-грифоном» [Полосьмак, 1994, с. 9; Ковалев, 1999, с. 82], фантастическим «коне-грифоном» [Баркова, Панкова, 2005, с. 57], «клювоголовым» оленем или грифоном с рогами и туловищем оленя [Черемисин, 2008, с. 104], «копытным грифоном» [Шульга, 2010, с. 68; Азбелев, 2017, с. 53–54] и др. Но эти краткие определения не совсем точно отражают сложную составную сущность и назначение этого сакрального образа, так как в нем совмещены не два, а минимум 6–7 образов: *четырёх копытных* (конь-олень-козел-сайга – рога и тулово), *хищной птицы* (орел или грифон – голова) и *хищника-зверя* (хвост).

Необходимость посредников-медиаторов

Как хорошо известно, на Саяно-Алтае в VIII–IV вв. до н.э., захоронения в основном совершали весной и осенью (курганы Аржан-1, Туэкта-1, Пазырыки-1–5 и др.), что находит подтверждение в письменных источниках, а в Китае целый исторический период с 722 по 481 гг. до н.э. назвали периодом «Весны и Осени». В VIII–VII вв. до н.э. на «оленном» камне из кургана Аржан-1 в Туве и на сакральном зеркале из Келермесса на Кубани отражено противостояние мирных и агрессивных животных, а также сцены борьбы и мира. На сакральных зеркалах с Бухтармы и Келермесса нашла отражение календарная идея, что образы-созвездия оленя и барана (Овна) противостояли образу-созвездию Козерога, как точки Весны и Зимы [Марсадолов, 1982; 2013]. Как в течение одного дня солнце в качестве света, тепла, жизни противопоставлено луне, темноте, прохладе, смерти; как копытные животные противопоставлены хищникам; так и в течение одного года разные небесные созвездия, по мере прохождения около них солнца и луны, противопоставлены между собой и находятся в определенной оппозиции и последо-

вательности друг к другу. Постепенно в VI–V вв. до н.э. жрецами было осознано, что для успешного функционирования календарных систем нужны образы-посредники, например, между природными сезонами, которых в современных терминах можно назвать «медиаторами».

Медиатор – это посредник между противостоящими объектами/сторонами или явлениями, который не поддерживает ничью сторону, но способствует успешному переходу от одного к другому (например, от весны к лету, между осенью и зимой, между зимой и весной), как на татуировке вождя из Пазырыка-2, что более подробно будет рассмотрено в отдельной статье. Каждый из трех медиаторов на пазырыкской татуировке отличается в деталях, особенно в оформлении рогов и длине хвоста. У медиатора, расположенного в средней части правой руки, преобладают рога оленя с наибольшим числом отростков в виде птичьих головок, у медиатора на правом плече доминирует рог горного козла, а у медиатора на левой руке – все три рога и наиболее длинный хвост хищника.

Жречество в Южной Сибири

Научно жречество пока мало исследовано [Жречество..., 1996]. Многочисленные обобщения знаний о более позднем сибирском шаманстве в какой-то степени могут помочь в понимании более ранних жреческих представлений «скифского времени». Согласно сибирским шаманским традициям насчитывается до 12 и более слоев небес, на которых есть свои обитатели и духи-покровители. В результате длительных этнографических наблюдений и научных обобщений было установлено, что существует много разных по сакральным уровням шаманов, которые в основном подразделяются на белых и черных, а также на малых, больших и великих, которым подчиняется разное число помощников и духов. Только великому шаману подчиняются духи всех уровней мироздания – подземные, земные и небесные, им покровительствуют различные божества. Наличие «духов-помощников у шаманов» в пазырыкской культуре Алтая в виде различных «фигур мифических существ» предполагал С.С. Сорокин [1978].

Как хорошо известно, чем выше был социальный ранг правителя, тем больше у него различных помощников. Так же было у жрецов и шаманов, чем выше был их сакральный уровень, тем больше у них было невидимых духовных покровителей и духов-помощников. У «пазырыкцев» прослеживается закономерность: *на татуировке человека высокого ранга изображали значительно больше фигур (особенно число медиаторов), чем у кочевников более низкого ранга, и соответственно погребали в курганах разных рангов.*

У вождя-жреца из Пазырыка-2 на татуировках было три медиатора и 14 дополнительных образов (далее – ДО), у женщины из Пазырыка-2 – образ-медиатор + два ДО, у женщины из Ак-Алахи-3 – медиатор + пять ДО, а у мужчины в Верх-Кальджине-2 только один медиатор (ряд татуировок сохранились не полностью). Чем больше была каменная насыпь кургана, два или один деревянных внутренних сруба, количество захороненных коней, тем больше было и число образов на татуировках погребенных. В зависимости от социального ранга уменьшается в 2 раза и диаметр каменной насыпи кургана: **36 м** – у вождя-жреца из Пазырыка-2, что составляет **20** прямых саженей по 1,8 м; **18 м = 10** саженей – у женщины-жрицы из Ак-Алахи-3 и **9 м = 5** саженей – у мужчины из Верх-Кальджина-2 [Руденко, 1953; Полосьмак, 1994; Молодин, 2000; Марсадилов, 2019].

Основными отличиями «жреца» от «шамана» являются нижеследующие признаки. Жрецы имели очень высокий социальный и сакральный статус в стратифицированном обществе и были значительно выше рангом, чем многие рядовые кочевники, а позднее у шамана социальный статус был примерно равен статусам других членов коллектива, а «дар» передавался индивидуально через особую «шаманскую болезнь». Жрецы не только сохраняли более ранние сакральные и научные знания, часто изначально полученные от божеств и предков, но и постоянно пополняли их новыми наблюдениями за звездным небом и окружающей действительностью, постоянно фиксировали их на сакральных предметах и объектах [Марсадолов, 2014], а знания шаманов более опирались на индивидуальное общение с различными духами. Погребение шамана часто находилось отдельно от других соплеменников и отличалось необычностью обряда – захоронением в гроте, пещере, подвешенным на дереве, спуском по реке и т.д.

В эпоху бронзы на Алтае производились постоянные астронаблюдения на святилищах в Самисарте, Тархате, Туру-Алты, Бийке и др. Астронаблюдения были продолжены в раннескифское время в Аржане-1, Улуг-Хоруме, Адыр-Кане, Бийке и др. [Марсадолов, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005]. В Большом Салбыкском кургане в Хакасии, относящемся к 1-й половине VII в. до н.э., центральную могилу вождя и членов его семьи сопровождали погребения, вероятно, двух служителей культа Неба (белых сил) и Земли (черных сил), находившихся в западном проходе-дромосе [Киселев, 2015, с. 11; Марсадолов, 2015, с. 136–137]. Несомненно, на Саяно-Алтае жреческие культы и знания I тыс. до н.э. позднее были частично переданы шаманам, но следует отметить, что с начала I тыс. до н.э. в этом регионе значительно уменьшилось число как крупных сакральных центров и мегалитических объектов, так и стационарных пунктов для астронаблюдений и фиксации астрознаний [Марсадолов, 2014]. Возможно, шаманизм на Алтае значительно укрепился именно в хуннское время [Потапов, 1991, с. 116]. К этому времени в Азии уже сложились сакральные представления о циклическом Времени, сформировался зодиакальный календарь, поэтому постоянные астронаблюдения стали не такими актуальными и зоокалендарь стал восприниматься как проверенный временем.

«Зодиакальный» человек

Древние жрецы, средневековые и современные исследователи Востока и Запада многократно пытались найти и обосновать связи земного человека с Небом и Землей, с небесными божествами, светилами, созвездиями, водным и подземным мирами. Сакральные знания в древности в большинстве случаев имели практическую подоснову, важную для жизнедеятельности человека во многих окружающих его сферах. Как окружающий человека Мир еще в древности был подразделен на три сферы – небесную, земную и подземную/водную, так и на теле вертикально стоящего земного человека также выделяли три основные части: голова, ассоциируемая с верхом и небесным миром; туловище – земной мир, а ноги и ступни – водный и подземный миры.

Следуя широко распространенному в древности принципу «Человек – земное воплощение небесного Бога или божеств», постепенно облик и тело земного человека, особенно правителей и жрецов (микрокосм), стали отождествлять с небесным миром (макрокосмом). Кроме хорошо видимого движения солнца и луны, попеременно восходящими и заходящими за линию горизонта в течение одного дня, в жизни каждого

человека всегда большое значение имели также сезонные и годовичные изменения, нашедшие отражение в календарных и зодиакальных представлениях.

В 1-й половине I тыс. до н.э. древние кочевники Евразии уже использовали зооморфный календарь в виде последовательности реальных и «нереальных (сверхъестественных)», мирных и агрессивных животных, зверей и птиц [Марсадолов, 2013], а также пытались найти небесные аналогии частям тела человека, что особо отразилось на одежде вождя кочевников – их «золотом уборе/костюме» [Литвинский, 1982; Акишев, 1984; Лелеков, 1984; и др.].

При сакрализации правителя не только его костюм (убранство в целом), но и тело вождя-жреца становились хранителями божественной Власти, полученной от Богов и Предков, в том числе через священные Знания о Времени и Пространстве. На правой ноге вождя-жреца из Пазырыка-2 показан нижний подземный мир в образе рогатого хищника, а также возможные пути перехода снизу вверх, в земной мир, и далее в небесный, через воду в образе крупной рыбы и бесстрашно бегущих вверх горных козлов, т.е. через зодиакальные созвездия Рыб и Козерога (рис. 1). Образ «сверхъестественного» хищника, с головой, повернутой на запад, с открытой пастью, с рогом, длинным туловищем, с сильно закрученным полосатым хвостом и тремя острыми когтями на каждой из лап, находился в самой нижней части ноги вождя. Известно, что собаки хорошо предчувствуют опасность и воем извещают о приближении смерти у близких. Следует отметить, что в Египте с головой собаки/шакала изображали бога Анубиса – стража запада, мира мертвых и погребальных культов, а в Греции трехголовый пес Цербер охранял вход в подземный мир.

Выше этого хищника контурно изображена огромная рыба с головой, обращенной вверх. В ряде алтайских мифов и в изображениях рыб на зодиакальных календарях нашли отражение представления о том, что на гигантской рыбе (одной или двух) держится земной мир или такая рыба может перекрывать вход в подземный мир. Немного выше, параллельно рыбе, на татуировке показана вереница из четырех козлов, непрерывно бегущих вверх. При этом самый крупный по размерам и верхний по расположению в «цепочке» козел изображен на уровне колена правой ноги человека.

На большом пальце кисти правой руки находился рисунок петуха, обращенного головой вниз [Баркова, Панкова, 2005; Баркова, 2015]. Сакральный образ петуха, исходя из общего анализа мировоззрения «пазырыкцев», являлся посредником между светом и тьмой, верхом и низом, жизнью и смертью, а также одним из образов в восточном зодиакальном круге/календаре. В области запястья изображена сцена нападения сверхъестественного крылатого хищника на реальную сайгу. Немного выше помещена небольшая по размерам фигура горного барана с поднятой вверх головой. Между двумя медиаторами, расположенными в области предплечья на правой и левой руке, находится крупное изображение хищника, вероятно, связанного с отражением в самой сакральной точке на теле человека, на уровне сердца, летнего небесного созвездия Льва (рис. 2). Два малых хищника на правой половине тела человека символизировали осеннее созвездие Весов. Через образ верхнего медиатора на правом плече осуществлялся переход к созвездию Барана/Овна на левой руке, а затем через нижерасположенного медиатора к образу Козла/Козерога, символизирующего Зиму, и далее к новому переходу вниз и новому подъему вверх – таков реконструируемый циклический зодиакальный путь на татуировке пазырыкского вождя.

Заключение

О высоком уровне сакрализации вождя из Пазырыка-2 свидетельствуют самая сложная по числу образов татуировка на его теле и самый сложный головной убор правителя. Вождь-жрец из большого кургана Пазырык-2, вероятно, выполнял социальные

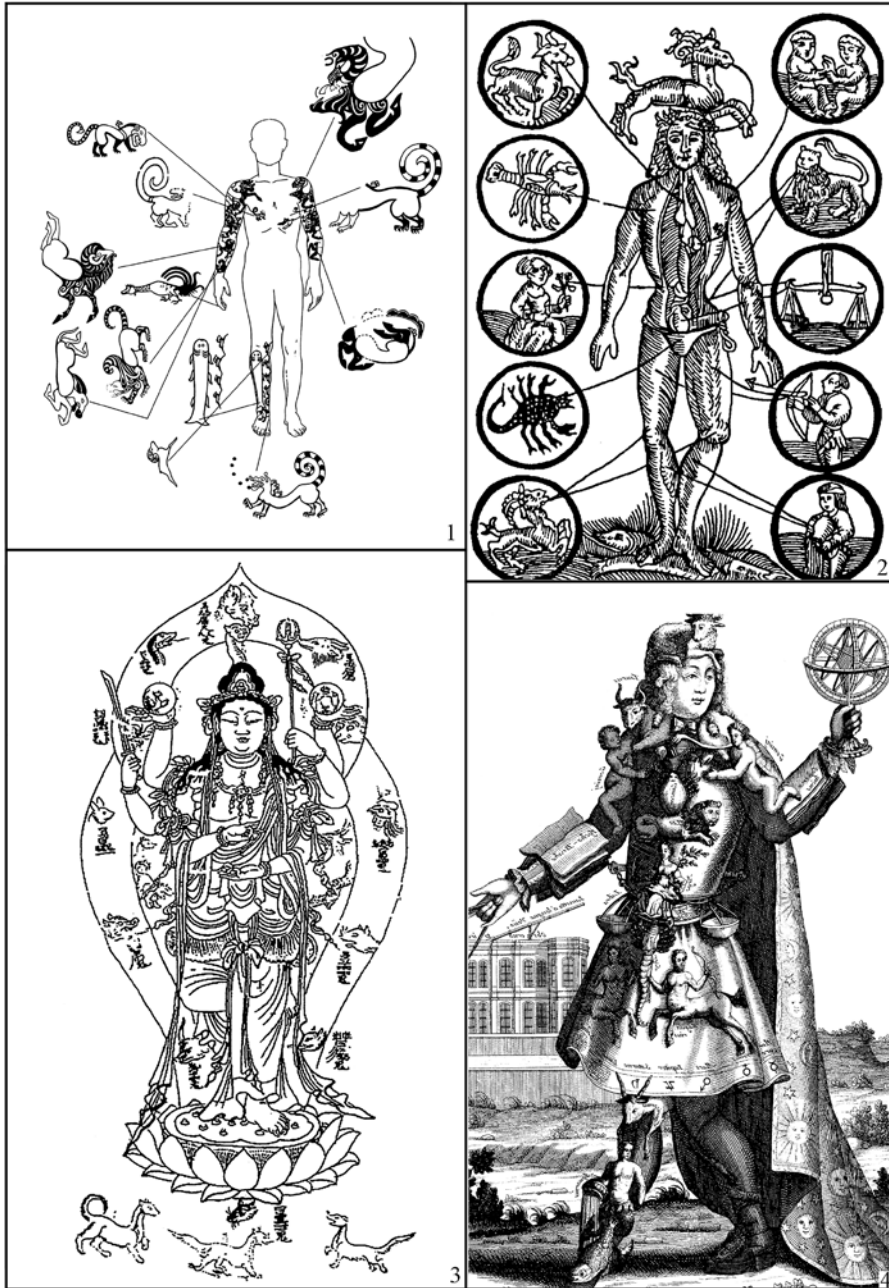

Рис. 2. Рисунки «зодиакального» человека из разных регионов Евразии: 1 – татуировка на теле вождя-жреца из Пазырыка-2; 2 и 4 – средневековые гравюры; 3 – буддийское изображение

и жреческие функции, о чем свидетельствуют размеры кургана, сопровождающие его предметы, число коней и сложная татуировка на его теле.

Расположение образов на татуировке из Пазырыка-2 имеет много аналогий среди изображений «зодиакального человека» из разных регионов мира (рис. 2). На более поздних *рисунках* «зодиакального человека», в основном появившихся в эпоху Средневековья и Нового времени, на изображении фигуры человека или рядом с ним рисовали 12 знаков западного или восточного зодиака. Близки и места расположения образов-созвездий: Рыбы (внизу), Козерог (колени), Лев/Хищник (сердце), Баран/Овен (верх). На *реальной татуировке* из Пазырыка-2 в основном отражены четыре времени года и переходы между ними, а также трехчленная вертикальная мировоззренческая структура (рис. 1 и 2). Образ нейтрального посредника-медиатора между противостоящими явлениями/образами способствовал в Пазырыке-2 успешному переходу от одного к другому, например, от зимы к весне. Медиатор осуществлял связи не только между разными сферами многослойного мира, но и соединял в единое целое вертикальное и горизонтальное Пространство и сезонное Время в годичный и многолетний жизненно необходимый сакральный круговорот/цикл.

Библиографический список

- Азбелев П.П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб., 2017.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Баркова Л.Л. Изображение петуха в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. Вып. 40. СПб., 2015.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2005. №2 (22).
- Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // АСГЭ. 1984. №25.
- Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Барнаул, 2003.
- Киселев С.В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 6. СПб., 2015.
- Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской культуры Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
- Лелеков Л.А. К символизму погребальных облачений скифо-сибирского мира («золотые люди») // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.
- Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории и религии) // Советская этнография. 1982. №4.
- Марсадолов Л.С. «Модель мира» и основы сакрально-научных знаний древних кочевников Центральной Азии // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014.
- Марсадолов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. Л., 1982.
- Марсадолов Л.С. Календарные символы на двух культовых предметах из Ольвии и Келермеса // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013.
- Марсадолов Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул, 2005.
- Марсадолов Л.С. Общая схематичная реконструкция процесса сооружения Большого Салбыкского кургана // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 6. СПб., 2015.
- Марсадолов Л.С. Социальная организация кочевников пазырыкской культуры Алтая (по курганным материалам) // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. В 2 кн. Кн. 2. Улан-Удэ, 2019.

- Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин-II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.
- Полосьямак Н.В. Стережущие золото грифы. Новосибирск, 1994.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Суразаков А.С. Космогонические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.
- Черемисин Д.В. К семантике образа клыкового оленя в пазырыкском искусстве // Тропою тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово, 2008.
- Шульга П.И. Изображения копытных грифонов из Дунхэйгоу (Синьцзян) // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). Горно-Алтайск, 2010.
- Jettmar K. Body-panting and Roots of the Scypho-Siberian Animal Style // The Archaeology of the steppes methods and strategies papers from the International Symposium field in Naples 9–12, November, 1992. Napoli, 1994.

УДК 902«637»(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.46

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ЭПОХАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКЕ КУЛЬТУР ДОАНДРОНОВСКОЙ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

К 75-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина

Работа выполнена по плану НИР, проект №0329-2019-0003

«Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»

Предлагаемая статья посвящается 75-летию видного российского ученого и организатора науки, профессора Юрия Федоровича Кирюшина, создателя барнаульской археологической школы, в 1997–2011 гг. ректора и президента Алтайского государственного университета. В статье представлен анализ имеющих место эпохальных черт в пластическом искусстве культур доандроновской бронзы Западной Сибири. Рассматриваются культуры лесостепной зоны от Прииртышья на западе до бассейна левобережного Енисея на востоке, включая центральную часть – Приобье. К числу предметов антропоморфной пластики относятся фигурки мужчин, жезлы-скипетры или песты, увенчанные головой мужчины, скульптуры возничих, бытовые предметы с изображением мужского персонажа. В восточной зоне представлена пластика, изображающая преимущественно женщин. В результате исследования выделены три зоны пластического антропоморфного искусства, для каждой из них определяются общие черты и различия, проявляющиеся в трактовке образа, которые можно считать эпохальными. Прослеживаются параллели отдельных черт антропоморфной пластики с наскальными изображениями эпохи бронзы Южной Сибири и изображениями на стенках погребальных камер.

Ключевые слова: Западная Сибирь, антропоморфная пластика, культуры ранней–развитой бронзы, головные уборы, прически

Введение

Юрий Федорович Кирюшин – хорошо известный в нашей стране археолог и организатор науки. Ему принадлежит честь открытия и изучения свиты культур от неолита до Средневековья на территории равнинного и Горного Алтая, предтаежной и южнотаежной зон Западной Сибири. Под его руководством были проведены многочисленные экспедиции в непростых сибирских условиях, разведки и раскопки, обогатившие отечественную науку блестящими открытиями. Крайне важно, что получаемая в поле научная информа-

ция оперативно вводится исследователем в научный оборот. Перу Юрия Федоровича принадлежит значительное количество монографий и научных статей, посвященных разнообразной проблематике сибирских древностей [Доктор исторических наук..., 2016].

В Алтайском государственном университете Юрием Федоровичем создана научная школа, благодаря которой десятки молодых людей посвятили свою жизнь археологии.

Вообще Алтайскому университету, его становлению и развитию посвящена, по сути, вся творческая жизнь ученого. В конечном итоге он стал его ректором, а затем – президентом. Эти годы (1997–2011) совпали с чрезвычайно трудным для страны временем, но, несмотря ни на что, университет смог добиться значительных результатов в организации в Алтайском крае передовой системы образования и науки. Неслучайно, что в 2002 г. Юрий Федорович Кирюшин становится лауреатом премии Президента Российской Федерации в области образования.

Юрию Федоровичу всегда были присущи упорство и настойчивость в достижении поставленных целей, и сегодня, несмотря на выпавшие на его плечи испытания, он продолжает заниматься научным творчеством.

В активе ученого немало знаковых открытий и несомненных творческих удач, к числу которых я бы отнес статью, написанную им в соавторстве с учеником, доктором исторических наук С.П. Грушиным: «Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья» [Кирюшин, Грушин, 2009]. Эта работа, несомненно, является настольной для всех, кто изучает проблемы, связанные с иррациональной деятельностью обитателей Сибири в эпоху бронзы. Подбирая тему статьи для юбилейного сборника, я подумал, что предлагаемая работа будет с интересом воспринята юбиляром и, может быть, повлечет за собой плодотворные дискуссии в обсуждении столь непростого объекта, коим является первобытное художественное творчество человека.

Своему старинному другу (еще со студенческих времен!) Юрию Федоровичу Кирюшину я от всей души желаю здоровья и новых творческих успехов, новых замечательных открытий в изучении сибирских древностей!

Результаты исследования и их обсуждение

Круглая скульптура, изображающая человека и животного, в том числе глиняные статуэтки женщин, палеолитических «венер», появляется в конце палеолитической эпохи [Окладников, 1975, с. 355]. Переход человечества от охоты к скотоводству и земледелию в ранний период бронзовой эпохи способствовал развитию новых тенденций в первобытном искусстве. В условиях Сибири практически не возникали сюжеты художественного творчества, обусловленные земледельческим хозяйственным укладом, зато ярко расцветают разнообразные формы творческой деятельности, стимулируемые скотоводческой системой хозяйства, повлекшей за собой серьезные изменения в надстроечных явлениях общества, где главенствующая роль принадлежит мужчине. В результате в культурах ранней–развитой бронзы западносибирских лесостепей зарождаются новые художественные символы, воплощенные в том числе в антропоморфных персонажах. Выработке и становлению эпохального художественного стиля носителей скотоводческих культур эпохи ранней–развитой бронзы способствовали процессы, связанные с ростом производительных сил и в конечном итоге – разложением первобытно-общинного строя, началом активного формирования вождества, а затем и классовых отношений.

Следует помнить, что в традиционном обществе первобытности художник работал в рамках устоявшихся канонов, и «в этом смысле каждое его изделие является выражением не частного, личного, но общего-коллективного взгляда на мир» [Мириманов, 2009, с. 45].

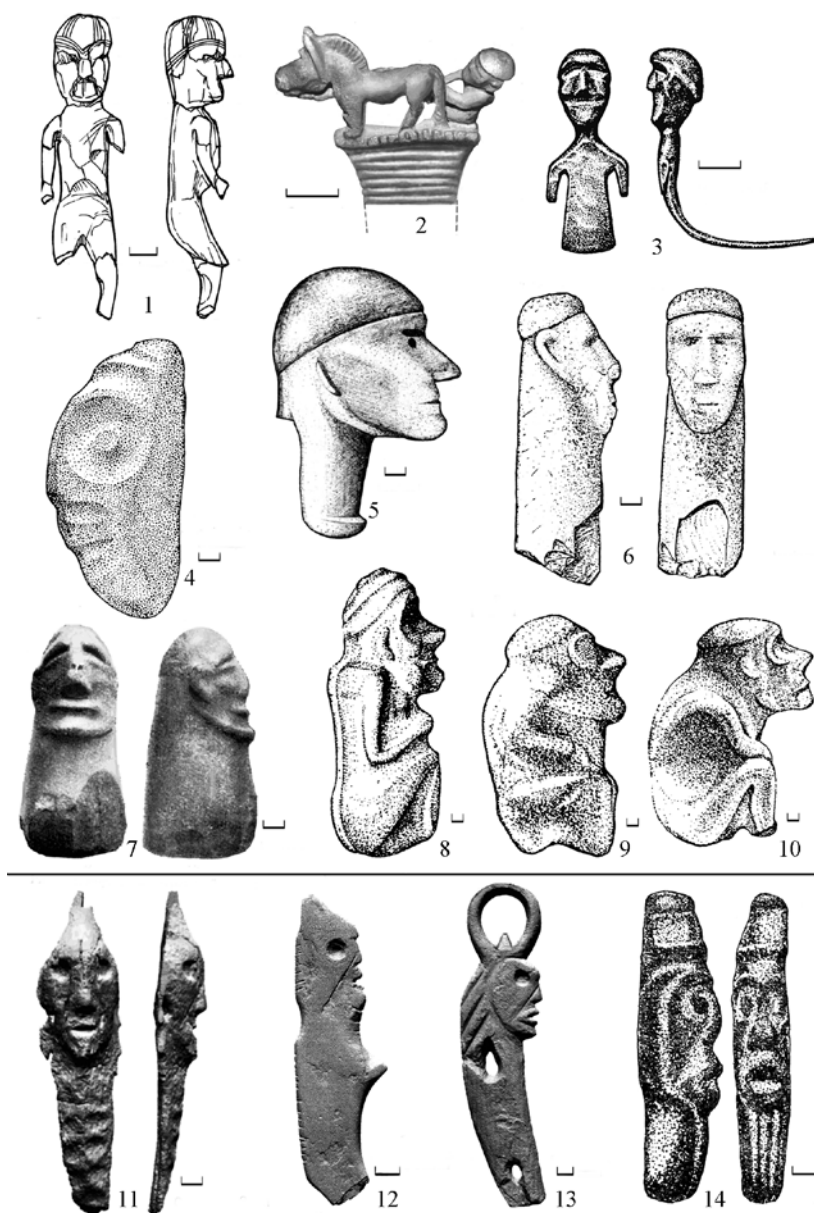
В настоящее время в лесостепной части Западной Сибири открыта и исследована свита ярких и самобытных культур эпохи ранней–развитой бронзы, среди которых принятые научным сообществом культуры, такие как (с запада на восток) петровская, ташковская, кротовская, позднекротовская (черноозерская), елунинская, каракольская, одиновская, крохалевская, самусьская, окуневская*. Практически каждая из вышеперечисленных культур содержит набор произведений пластического и декоративно-прикладного искусства, а такие культурные образования, как окуневская и каракольская, – еще и наскальные изображения.

Целью настоящего исследования является анализ антропоморфной пластики, имеющей место в данных образованиях, с задачей определения близких иконографических черт, которые можно квалифицировать как эпохальные, характерные для иконографии антропоморфной пластики культур эпохи ранней–развитой бронзы, существовавшей в Сибири в III тыс. до н.э. За этими своеобразными чертами кроется и близкое семантическое содержание.

Акцент в работе делается на анализ предметов, обнаруженных в надежно атрибутированных комплексах. Однако, по понятным причинам, к рассмотрению мы будем привлекать и отдельные предметы – случайные находки, обнаруженные вне комплексов. Их культурная идентификация может быть неоднородной, но в контексте реализуемой работы для нас имеет значение прежде всего их эпохальная принадлежность.

У предметов антропоморфной пластики, обнаруженной среди вышеперечисленных культур, наблюдается устойчивая традиция изображений антропоморфных фигур мужчин либо отдельных изображений мужских голов, венчающих скипетры или каменные песты, а также служащих в качестве составной части декора отдельных утилитарных предметов (например, поясные пряжки или нашивные украшения). Во всем этом многообразии предметов одним из главных аксессуаров является головной убор, который отличался своей спецификой у носителей различных культур отмеченного круга. Более того, как оказалось, специфика головных уборов для периода ранней–развитой бронзы проявляется и регионально. Так, на западе региона, в Прииртышье, с учетом хронологической дифференциации, наиболее ранними скульптурными изображениями следует, по-видимому, считать антропоморфную пластику одиновской культуры. Например, в могиле-6 погребального комплекса Усть-Гартас-2 обнаружена мужская скульптурка из рога (рис. -1), отличительными чертами которой является ярко выраженная европеоидность лица, поза на слегка согнутых в коленях ногах и наличие характерного головного убора, напоминающего современную шапочку «сванку», к тому же украшенную орнаментом [Молодин и др., 2017, рис. 1.-1]. Данный головной убор из войлока, сохранившийся до настоящего времени у пастушеского населения Сванетии (отсюда и название), был чрезвычайно удобен и прост в изготовлении. И в настоящее время, и в эпоху бронзы он был свойствен исключительно скотоводам,

* На самом деле культур ранней–развитой бронзы в регионе выделено больше, равно как и отдельных этапов некоторых из них, другое дело, что пока не все эти образования прошли проверку временем и могут активно использоваться.

Предметы антропоморфной пластики эпохи ранней–развитой бронзы Западной Сибири: 1 – памятник Усть-Таргас-2. Одиновская культура (по: [Молодин и др., 2017]); 2 – могильник у с. Ростовка. Кротовская культура (по: [Матющенко, 1970]); 3 – могильник Таргас-1. Позднекротовская (черноозерская) культура (по: [Молодин и др., 2011]); 4 – памятник Самусь-IV. Самусьская культура (по: [Студзицкая, 1987]); 5 – случайная находка (р. Туй) (по: [Мошинская, 1952]); 6 – случайная находка (с. Савушка) (по: [Кирюшин, 1991]); 7 – случайная находка (по: [Зданович, Мошинская, 1973]); 8–10 – случайные находки (по: [Новоженков, 2015]); 11–13 – могильник Турист-2. Крохалевская культура (по: [Басова и др., 2019]); 14 – памятник Самусь-IV. Самусьская культура (по: [Матющенко, 1973а])

поскольку изготавливался из тонкого войлока, получаемого, в свою очередь, из шерсти овец. Фасон такой шапочки напоминает еще и современную тибетейку, что позволило отдельным исследователям именно так квалифицировать фасон данного головного убора (см. напр.: [Самашев, 2012]).

Замечательно, что совершенно аналогичные головные уборы мы наблюдаем в пластическом искусстве носителей кротовской культуры. Например, конный лыжник из могильника Ростовка [Матющенко, 1970], в одежде которого особо подчеркнута все та же «сванка» (рис.-2).

В культурно-диагностированном комплексе, относящемся к позднекротовской (черноозерской) культуре (погребение №445) памятника Таргас-1, обнаружена оригинальная бронзовая скульптурка, где при схематично переданном туловище реалистично трактована голова человека, увенчанная головным убором все того же фасона (рис.-3) [Молодин и др., 2011].

К достаточно надежно культурно атрибутированным предметам можно, пожалуй, отнести каменные скульптурки с изображением рельефно переданного человеческого лица, обнаруженные В.И. Матющенко [1973а] на памятнике Самусь-IV. На одной из таких скульптур (С.В. Студзицкая [1987, с. 76] называет их пестами) отчетливо проработано человеческое лицо и как будто головной убор, напоминающий выше охарактеризованную шапочку-«сванку» (рис.-4).

Еще несколько произведений пластического искусства, квалифицируемые исследователями как каменные жезлы, обнаружены в Прииртышье в виде случайных находок. Их культурная принадлежность однозначно не определена, тем не менее об эпохальной позиции ярко свидетельствуют охарактеризованные выше головные уборы типа «сванок»-тибетеек. Прежде всего это великолепный массивный каменный жезл с реки Туй, демонстрирующий человеческую голову с реалистически переданными европеоидными чертами лица в охарактеризованном выше головном уборе (рис.-5) [Мошинская, 1952]. Второй предмет в литературе известен как каменный пест из окрестностей с. Савушка (рис.-6). Голова человека также увенчана головным убором все того же фасона [Кирюшин, 1991; Кирюшин, Грушин, 2009, рис. 3.-3]. Картину дополняет еще один каменный пест из Прииртышья, навершие которого венчает рельефно выполненная мужская голова, увенчанная все той же шапочкой с разрезом на затылке (рис.-7). Кстати сказать, авторы исследования, посвященного анализу этой находки, Г.Б. Зданович и В.И. Мошинская [1973, с. 201–202] подчеркивали сходство данного головного убора с шапочкой, венчающей голову лыжника, – навершия однолезвийного кинжала из Ростовки, о котором я упоминал выше.

Наконец, картину довершают три каменные скульптурки из Прииртышья, демонстрирующие возникших (рис.-8–10) [Новоженков, 2015, рис. 1.-1–3]. В контексте настоящей работы важно, что все три персонажа, переданные в характерной для возникшего позы, увенчаны головными уборами типа тибетеек-«сванок», сопоставляемыми исследователем опять-таки с шапочкой персонажа из Ростовки [Самашев, 2012, с. 24]. Кроме того, головки всех трех скульптурок сближает нарочитая демонстрация крупных черт лица персонажа явно европеоидного типа.

Иная картина была выявлена в лесостепном Приобье, где в недавно открытом могильнике крохалевской культуры обнаружена серия высокохудожественных предметов мобильного искусства крохалевской культуры [Басова и др., 2017], позволившая

ставить вопрос об особом «крохалевском стиле» художественного творчества его носителей [Басова и др., 2019]. В контексте рассматриваемой в данной статье проблемы обращает на себя внимание то обстоятельство, что у трех антропоморфных фигур, обнаруженных на памятнике Турист-2, отчетливо прослеживаются уже островерхие головные уборы [Колобова и др., 2019, с. 73–74, рис. 9]. Островерхие головные уборы не часто, но все же встречаются в гравировках окуневской культуры [Липский, Вадецкая, 2006], а в виде исключения и в пластике периода ранней бронзы Прибайкалья [Базалийский, 2007; Бобров, 2015].

Нечто промежуточное между островерхими головными уборами (Приобье) и уборами типа сванок-тюбетеек занимает одна из антропоморфных скульптурок самусьской культуры. Автор открытия В.И. Матющенко [1973б, с. 191–192] характеризует его как «убор в виде высокой шапки», украшенной рельефными валиками (рис.-14).

Наконец, для памятников окуневской культуры, занимающей лесостепи левобережного Енисея, в пластической скульптуре характерны не мужские, а женские образы, где головные уборы вообще не демонстрируются*.

Таким образом, на сегодняшний день в антропоморфной пластике культур доандроновской бронзы лесостепной части Западной Сибири отчетливо вырисовываются три зоны, в которых доминируют, как знаковая черта, варианты головных уборов (или их отсутствие).

Уместно, видимо, отметить, что и в наскальном искусстве культур Южной Сибири наличие грибовидных головных уборов у антропоморфных персонажей, переданных в характерной позе (на согнутых в коленях ногах), с выраженными хвостами и оружием (см. напр. [Кубарев, 1987]), имеет исключительное значение**. Эти изображения на скалах и стенках каменных ящиков-саркофагов, вероятно, исполняли иные обрядовые функции, чем круглая скульптура.

Вполне вероятно, что за разными видами головных уборов носителей прииртышского, с одной стороны, и приобского круга – с другой, стоит не только практический, но и семантический смысл, который еще предстоит объяснить.

В антропоморфной пластике Приобской зоны хотя и редко, но все-таки встречаются произведения, отмеченные, как их нередко называют, солнцевидным убором, в реальной жизни представленным головными уборами – украшениями из птичьих перьев, особенно известными по этнографическим материалам североамериканских индейцев. В комплексах предметы практической деятельности, украшенные «солнцеголовыми» антропоморфами, обнаружены в могильнике крохалевской культуры Турист-2 [Басова и др., 2019]. К числу ярких, к тому же уникальных пластических антропоморфных скульптур с головным убором в виде солнечных лучей относится довольно массивный костяной предмет из могильника Кораблик-1 (Равнинный Алтай) [Грушин, Кокшенов, 2004; Кирюшин, Грушин, 2009]. Исследователями уже не раз

* Уместно отметить, что помимо головных уборов, присущих явно мифологическим персонажам, характерным для изображений на скалах и стенках погребальных саркофагов окуневской и каракольской культур (см. [Савинов, 1997; Кубарев, 1988]), на одной из таких плит памятника Разлив-Х имеет место реалистически выполненное изображение женщины в головном уборе в виде современного берета [Пшеницына, Пяткин, 2006, рис. 4], однако это, скорее всего, исключение из правила.

** Проблема вариативности головных уборов у «хвостатых» персонажей южносибирского и центральноазиатского регионов нуждается в специальной разработке.

отмечалось, что изображения таких персонажей особенно популярны в наскальных рисунках окуневской и каракольской культур (см. напр.: [Суразаков, Ларин, 1994; Савинов, 2015; Кирюшин, Грушин, 2009]). Скульптура из могильника Кораблик-1 вполне может относиться к елунинской археологической культуре.

По-видимому, к этому же кругу можно отнести характерных антропоморфных персонажей на самусьской керамике [Косарев, 1964; Есин, 2008; 2009]. Отмеченные «солнцеголовые» персонажи также, несомненно, являются эпохально значимыми изображениями и наиболее характерны для мифотворчества восточного (Минусинская котловина [Есин, 2008], Южная Сибирь и Горный Алтай) и приобского регионов Западной Сибири. Для крохалевской культуры помимо островерхих и «солнцеподобных» головных уборов характерным является еще и особое подчеркивание длинных волос и татуировки на лице мужского персонажа [Колобова и др., 2019]. Это особое выделение длинных волос и прически характерно для плоской миниатюрной скульптуры окуневской культуры; так называемого стиля «абаканских пластинок» [Савинов, 2006, с. 175; Студзицкая, 2006] и гравированных изображений женщин в профиль и сзади с подчеркнутой прической из длинных распущенных волос [Пшеницына, Пяткин, 2006, рис. 3, 4]. Последние персонажи характерны исключительно для искусства окуневской культуры. Особое подчеркивание длинноволосой прически (в том числе и у «крохалевцев») может свидетельствовать о проявлении особых культов, связанных с магической ролью человеческих волос, у аборигенного населения Сибири (см. напр.: [Иванов, 1949, с. 170]).

Разумеется, отмеченные иконографические черты тоже являются эпохальными, характерными опять-таки для восточного (приенисейского) и центрального (приобского) ареалов распространения антропоморфной пластики культур ранней–развитой бронзы Западной Сибири.

Выводы

Проведенный анализ антропоморфной пластики культур эпохи бронзы лесостепной части Западной Сибири позволяет рассматривать этот вид иррациональной деятельности дифференцированно, выделяя три основных зоны его проявления: западная зона – Прииртышье, центральная зона – Приобье, и восточная зона – Приенисенье. Для каждой из зон в эпоху ранней–развитой бронзы были характерны специфические археологические культуры, где их носители, наряду с общеэпохальными принципами воплощения художественных образов, имели еще и свою специфику. Имеющиеся в нашем распоряжении источники (которые медленно, но все же пополняются) позволяют говорить о наличии обеих иконографических черт в восточной и центральной зонах. Западная зона выглядит локальной и более тяготеет к прилегающим районам Восточного Казахстана и, может быть, Синьцзяна [Molodin, 2015].

Несомненна значимость наскального искусства Южной Сибири, оказывающего влияние как на пластическое искусство Приенисенья и Приобья, так и, вероятно, в целом на мифотворчество носителей многочисленных культур западносибирских лесостепей.

Нельзя не отметить и западный импульс, который особенно наглядно проявляется в изображениях колесничих, имевших место в том числе у носителей самусьской и окуневской культур [Новожинов, 2012; 2015]. Это особенно поразительно при несомненной самобытности и яркости последней.

Библиографический список

- Базалийский В.И. Древнее искусство Байкальской Сибири // Земля Иркутская. 2007. №1 (32).
- Басова Н.В., Постнов А.В., Заика А.Л., Молодин В.И. Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, №4.
- Басова Н.В., Постнов А.В., Нестеркина А.Л., Ахметов В.В., Морозов А.А. Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в Новосибирске в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. XXIII.
- Бобров В.В. Мобильное искусство Сибири в переходное время от эпохи камня к палеометаллу // Искусство бронзового века. Новосибирск; Берлин, 2015.
- Грушин С.П., Кокшенов В.В. Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышь // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.
- Доктор исторических наук, профессор Юрий Федорович Кирюшин: биобиблиография. Барнаул, 2016.
- Есин Ю.Н. «Солнцеголовые» изображения в раннекуневском искусстве минусинской котловины // Тропою тысячелетий. Кемерово, 2008.
- Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск, 2009. Т. 2.
- Зданович Г.Б., Мошинская В.И. Об антропоморфном изображении из Прииртышья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Иванов С.В. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов // Сб. МАЭ. М., 1949. Т. XI.
- Кирюшин Ю.Ф. Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // Известия СО АН СССР. Сер.: История, филология и философия. Новосибирск, 1991. Вып. 2.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №4 (40).
- Колобова К.А., Федорченко А.Ю., Басова Н.В., Постнов А.В., Ковалев В.С., Чистяков П.В., Молодин В.И. Применение 3D-моделирования для реконструкции облика и функции предметов не-утилитарного назначения (на примере антропоморфной скульптуры и материалов могильника Турист-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, №4.
- Косарев М.Ф. К вопросу об антропоморфных и соляных рисунках на самусьской керамике // СА. 1964. №1.
- Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.
- Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2. Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск, 1973а. Вып. 10.
- Матющенко В.И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973б.
- Матющенко В.И. Нож из могильника у деревни Ростовка // КСИА. 1970. №123.
- Мириманов В.Б. Первобытное и традиционное искусство. М., 2009.
- Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. XXIII.
- Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. XVII.
- Мошинская В.И. О некоторых каменных скульптурах из Прииртышья // КСИИМК. 1952. Вып. 43.

Новоженев В.А. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины 3 тысячелетия до н.э. // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай; Алматы, 2015.

Новоженев В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М., 2012.

Окладников А.П. Первобытное искусство // БСЭ. М., 1975. Т. 19 (3-е изд.).

Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Курган Разлив-Х – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Савинов Д.Г. Стратиграфия окуневского искусства // Искусство бронзового века. Новосибирск; Берлин, 2015.

Самашев З. Изобразительная деятельность в бронзовом веке (к изучению проблемы в контексте культурогенеза) // Проблемы и достижения отечественной археологии и этнологии в XXI столетии. Алматы, 2012.

Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона (эпоха бронзы) // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск, 1987.

Студзицкая С.В. Специфические черты мелкой пластики окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Суразаков А.С., Ларин О.В. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994.

Molodin V.I. Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia // The Bronze Age Art. Novosibirsk; Berlin, 2015.

УДК 903.27(517)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.47

Ю.И. Ожередов

Институт исследования Монгольского Алтая, Томск, Россия

«ОЛЕННЫЙ» КАМЕНЬ С ЦИРКУЛЬНЫМ ОРНАМЕНТОМ» ИЗ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Целью настоящего сообщения является введение в научный оборот уникального статуарного памятника, изученного международной российско-монгольской археологической экспедицией в сомоне Ховд Ховдского аймака Западной Монголии. «Оленный» камень, установленный у херексура на вершине перевала Давдаг-Кутул, на сегодняшний день является единственным изваянием данного типа, широкие грани которого целиком «записаны» циркульным (кружковым) орнаментом. Многочисленные вещественные и литературные источники доказывают, что данный мотив имеет широчайшую популярность от эпохи камня до Нового времени. При этом географический диапазон бытования охватывает не только культуры и народы Евразии, но захватывает часть племен Африки, Северной и Южной Америки. В части семантического восприятия орнамента в разных культурах мнения специалистов разделились и пока не находят единства. Существует несколько несходных точек зрения, объединяющихся лишь убеждением в сакральном значении этого орнамента, его магических способностях и сверхъестественных свойствах. Насколько уникальное оформление может явиться причиной для выделения новой дефиниции в типологической линейке «оленных» камней, покажут время и новые находки.

Ключевые слова: оленный камень, циркульный орнамент, Западная Монголия

В 2009 г. международной экспедицией Томского и Ховдского университетов в северной зоне сомона Ховд Ховдского аймака был изучен комплекс разноплановых археологических объектов, расположившихся на вершине перевала Давдаг-Кутул, одного из пунктов перехода через локальный горный хребет, вытянувшийся в меридиональном

направлении параллельно главному хребту Монгольского Алтая [Ожередов, Мунхбаяр, 2010]. Высота перевала над уровнем мирового океана достигает, по показаниям GPS-приемника, 2746–2750 м. Высокогорные перевалы Монгольского Алтая уже в древности становились местами сакрального осмысления. Помимо сооружения на них обо, служивших местом обитания духа хозяина перевала, на их поверхности возводились объекты поминального назначения. Одним из таковых природных объектов является Давдаг-Кутул на котором памятники дислоцированы по сторонам от древнего караванного пути.

Археологический комплекс включает два типологически разных херексура (каменные насыпи с оградой и без таковой) и наскальный петроглифический памятник,

Рис. 1. «Олений» камень с циркульным орнаментом» на перевале Давдаг-Кутул. Левая плоскость

расположившийся на скальном выступе (скале) к юго-западу от насыпей. Херексур с оградой сопровождают четыре поминальные выкладки в форме кольца и 11 «оленных» камней, что по классификации Д.Г. Савинова относит данный памятник к разряду «крупных оленных комплексов», выделяемых по наличию «до 10 и более камней» [Савинов, 1994, с. 29]. На вершинах обеих насыпей возведены действующие сакральные сооружения, различающиеся по своему устройству и назначению.

Изваяние располагается в вертикальном положении в кольце ограды большого херексура, предположительно там, где его установили изначально (рис. 1, 2). Серо-каменная стела имеет легкий изгиб саблевидной формы и небольшое сужение кверху

Рис. 2. «Олений» камень с циркульным орнаментом» на перевале Давдаг-Кутул. Правая плоскость

(снизу вверх – 32–25–18 см). Высота фигуры над современной дневной поверхностью в разных точках колеблется в пределах 99–100 см. Толщина прямоугольного в поперечном сечении изваяния выдержана в рамках 20 см.

Обе широкие плоскости полностью заняты композициями из циркульного (кружкового) орнамента. На одной из сторон выстроено в два ряда 18 колец с крупной точкой в центре, на противоположной – примерно по такой же схеме выбито 14 четких колец и пара слабо различимых колец в нижней зоне. На первой из сторон, помимо названных, отмечено маленькое колечко без точки, выбивающееся из общего ряда графики. Другой необъяснимой пока особенностью начертания колец является неодинаковая толщина линий. На одной из плоскостей кольца выбиты с заметно более широким ободком, чем на противоположной стороне.

Под вершиной с обеих сторон имеются дефектные зоны, образованные крупными сколами. На одной из них нанесено три хорошо различимых кольца. На противоположной стороне ситуация в дефектной зоне не столь прозрачна: обрез камня захватывает фрагменты трех колец, дужки которых выглядят, возможно, как восстановленные по обломившейся поверхности. Кроме того, имеются как будто слабые следы от трех других колец, не пробитых в чистовой вариант. Для внесения полной ясности требуется изъятие стелы из грунта и дополнительное изучение поверхностей.

Размеры колец одной из плоскостей варьируются от 8 до 18 см, другой – от 6 до 13 см. При этом контуры колец первой из сторон почти в два раза шире, чем у колец противоположной плоскости. Между собой кольца не соприкасаются, но прослеживается некоторая закономерность в их расположении: кольца выбиты в два вертикальных ряда по долевым направлениям, при этом наиболее крупные образцы находятся преимущественно в центре и внизу, выше располагаются более миниатюрные. При наличии этих условных структур имеются случаи хаотичного заполнения пространства между крупными экземплярами более мелкими.

Вероятно, плотность заполнения поверхностей имела какое-то символическое значение, содержание которого теперь не ясно. Как уже было сказано, «оленный» камень, «записанный» по двум плоскостям циркульным орнаментом, – явление совершенно неординарное. В сложившейся научной практике кольца и диски, выбитые на подобных изваяниях, имеют вполне объяснимую унитарную или функциональную коннотацию. Считается, что они изображают серьги, а диски символизируют зеркала [Дэвлет, 2004, с. 23]. В данном случае семантика циркульного мотива явно выходит за пределы данного осмысления. Как выходит и за пределы отдельно взятого региона, будь то Монголия, Сибирь или другие примыкающие к ним территории.

О давности циркульного орнамента (кружкового) в Индии свидетельствуют находки с территории древнейших государств Махенджо-Даро и Хараппы. По сведениям ряда авторов костяные гребни и украшения для волос изобилуют здесь орнаментами, состоящими из разновеликих простых и концентрических кружков и кружочков. Примечательно, что датируемые в диапазоне от 2500 г. до н.э. до 1500 г. н.э. [Маккей, 1951, табл. XXIV.-1], они практически синхронны нижней дате бытования «оленных» камней на северных, степных территориях. Сходная в хронологическом и смысловом отношениях ситуация наблюдается в древностях Египта, где кольцами украшена статуя Рамзеса II, на памятниках Ассирии (рельефы Ниневийского дворца), Трои и Микен [Флоринский, 1896, с. 175–177], а также Ирана, Кавказа и Средней Азии. На иран-

ской территории обнаружена группа женских фигурок из кости, почти сплошь занятых мелкими кружками с точкой в центре. Ими обозначены волосы, глаза, рот, ожерелья, головные уборы и другие детали туалета [Иванов, 1963, с. 469].

Большое число изделий с циркульным орнаментом известно в археологии и этнографии Сибири. Под Иркутском находки такого рода располагались под насыпями вместе с орудиями каменного века, в захоронениях китойской культуры [Окладников, 1950, рис. 121; Голан, 1994, с.18]. Множество подобных артефактов обнаружено в карасукских памятниках Минусы, в могильнике Кудыргэ на Алтае, в Западной Сибири [Шнейдер, Грязнов, 1929, табл. I, IV и др.; Теплоухов, 1927, рис. 17.-3, 7; Флоринский, 1896, с. 176–177]. Многочисленные примеры использования кружкового и циркульного мотива обнаруживаются в средневековой Европе и на территории России [Иванов, 1963, с. 470–472]. Сибирская этнография хранит столь многочисленный пласт артефактов, украшенных кружковым орнаментом, что одно их перечисление займет здесь неоправданно много места. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в фундаментальное исследование С.В. Иванова [1963, с. 464–469], скрупулезно собравшего обширные сведения по данной теме.

Стремление раскрыть семантику циркульного мотива имеет уже довольно долгую историю. В ряду многочисленных авторов, в разной мере касавшихся данной темы, упомянем лишь некоторых, на наш взгляд, отразивших в своих работах основные тенденции осмысления этого вопроса. Яркое по форме и максимально насыщенное источниками исследование по данной теме проведено С.В. Ивановым [1963, с. 464–473], который, опираясь преимущественно на этнографические свидетельства и привлекая разнообразные археологические примеры, дает достаточно полное представление о хронологическом, географическом, этнокультурном и семантическом наполнении темы. Касаясь последнего, автор склоняется к лунно-солярной символике, с которой коннотируется антропоморфный символизм солнечного или лунного глаза (очи неба). В аргументацию данной позиции приводятся примеры из воззрений северных и южно-сибирских этносов, почитавших кружок с точкой в качестве символа солнца, иногда и луны. Данное отождествление коснулось бурят, хакасов, якутов, а на севере Западной Сибири к ним присоединились финно-угры ханты и манси, самодийцы ненцы, на Дальнем Востоке – нанайцы, а на северо-востоке Сибири – коряки [Иванов, 1963, с. 466].

В контексте культурно-хронологического сближения интерес представляют работы А.Д. Грача [1966, с. 28–32; 1980, с. 65–66], в которых для решения проблемы «культурных представлений» носителей саглынской культуры пристальное внимание уделено смысловой дешифровке циркульного орнамента. Автором был обобщен широкий круг аналогий и сделан вывод о том, что мотив круга с центральной точкой является древним солярным символом. Также, по его мнению, он стал знаком огня и идеи вращения, в том числе «огневого» прибора, находка которого инициировала исследования ученого в данном направлении [Грач, 1980, с. 66].

Несколько по-иному трактовали кружок с точкой или без таковой участницы индийской секты Сава, приверженцы культа бога плодovitости Махадео, воплощенного Шивы. Его именем они называли фигуру в виде концентрических кружков, почитавшуюся в качестве символа производительных сил природы. Такие кружки они рисуют мелом на камнях во время свадебной церемонии. Сходной позиции, но с другим акцентом придерживаются два европейских исследователя. По мнению А. Голана, приписы-

ваемая данному знаку солярная семантика не находит аргументированных оснований. Вместе с тем она, на его взгляд, имеет сближение с культом неба, манифестируя собой Великую богиню неба [Голан, 1994, с. 13, 18, 19 и др.]. Сходным образом, в качестве символов Богини, трактует кольца М. Гимбутас, соотносившая их с женским детородным органом. Акцентируя внимание на данной символике, автор указывает на знак, очень близкий обнаруженным на «оленном» камне, – «в виде семени, как точку в центре замкнутого пространства» [Гимбутас, 2006, с. 326, 244, рис. 7.-118, 119, 120].

Убедительным подтверждением верности сопоставления циркульного орнамента с женским образом стало изученное нами изображение на сланцевой пластинке из Горного Алтая, относящееся к этнографическому времени. Точно так же, как рисунок из неолитической гробницы Ле-Пьер-Плат, Локмарьякер, Бретань [Гимбутас, 2006, с. 326, рис. 7.-118], данная находка демонстрирует женскую фигуру в одеянии, украшенном 66 кружками [Ожередов, Ожередова, 2015, с. 243, рис. 1–3].

Что касается Монголии, то циркульный мотив вновь становится популярен в ней, далеко шагнув от эпохи бронзы и РЖВ с их «оленными» камнями в развитое и начало позднего Средневековья. Как выяснилось в ходе стационарных исследований, резные кружки украсили целый ряд костяных предметов, найденных при раскопках столицы Чингисхана г. Каракорум [Pohl, 2010, fig. 10b, e, f] и тыльную сторону монгольских по происхождению (подобных китайским) бронзовых зеркал велико-золотоордынского времени (кон. XIII – XIV в.). Зеркала наполнены конской символикой, в контексте которой кольца с точками ассоциируются с отпечатками копыт солнечного коня или подковами [Тишкин, Ожередов, 2010, с. 108, 111, рис. 1, 2; Ожередов, 2010, с. 144–147].

«Оленные» камни Монголии в настоящее время представляют достаточно большой и неплохо изученный пласт вещественных источников, обладающих собственной классификацией и типологией, основанной на вполне понятных и общепризнанных формальных признаках [Савинов, 1994, с. 6]. Однако образец, выявленный на перевале Давдаг-Кутул, определенно внес в этот порядок некоторое смятение и замешательство. Являясь по формальным показателям «оленным» камнем, он остается единичным, а потому типологически «бесхозным» образцом, который практически не вписывается в контекст существующей классификации памятников данного типа. Но с учетом современных взглядов у него еще есть шанс в нее попасть. В свое время Д.Г. Савинов заметил, что понятие «оленные» камни весьма условно и в формальном воплощении варьируется от изначального наименования стел с реальными изображениями оленей к историко-культурной дефиниции, объединяющей группу фигурально переменных памятников с единством внутреннего содержания [Савинов, 1994, с. 6].

Принимая данный тезис в контексте сложившейся ситуации, следует, видимо, признать, с определенной долей осторожности, тот факт, что на территории Монголии выявлен новый декоративный вариант стелы с условным наименованием – «оленный камень с циркульным орнаментом».

Насколько изученный образец способен стать определяющим для нового типа в ряду уже трех существующих, покажет время и новые находки с аналогичным оформлением. Когда это случится или не случится вовсе, загадывать сложно. Еще не так давно наука не знала Давдаг-Кутула и пребывала в спокойной уверенности, что про «оленные» камни ей известно уж если не все, то наверняка преимущественно много. Однако новые находки каждый раз предлагают расширить горизонт современных знаний.

Библиографический список

- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006.
- Голан А. Миф и символ. Иерусалим, М., 1994.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грач А.Д. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // КСИА. М., 1966. Вып. 107.
- Дэвлет М.А. Изображения серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963.
- Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
- Ожередов Ю.И. Семантика изображений на одном средневековом зеркале из Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010.
- Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч. Археологический комплекс на перевале Давдаг-Кутул в Западной Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IV. Барнаул, 2010.
- Ожередов Ю.И., Ожередова А.Ю. Гравированная «кукла» из Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., 1950 (МИА. №18).
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ. Т. III, вып. 2. 1927.
- Тишкин А.А., Ожередов Ю.И. Металлическое зеркало золотоордынского времени из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Научный Татарстан: Гуманитарные науки. 2010. №4.
- Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1896. Кн. IX, ч. II, вып. I.
- Шнейдер Е.Р., Грязнов М.П. Древние памятники Минусинских степей. МЭ. Т. IV, вып. 2. 1929.
- Pohl Ernst. KAR-2, Catalogue of Artefacts I: Processed Bones (with Faunal Analysis by Angela von den Driesch and Joris Peters // Mongolian – German – Karakorum expedition. Wiesbaden, 2010.

УДК 903.27(571.54/.55)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.48

А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия

СРЕДНЕВЕКОВАЯ «ЛАКУНА» В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЯ

В статье отмечается отсутствие в Западном Забайкалье памятников наскального искусства хуннского времени и крайняя редкость объектов средневековой эпохи. Обосновывается невозможность объяснения этого факта слабой изученностью региона в отношении наскального искусства. Причины такой необычной ситуации на фоне центральноазиатского и южносибирского регионов, где хорошо известны петроглифы указанных эпох, объясняются исходя из особенностей культурно-исторических и этнокультурных процессов в регионе западнозабайкальских степей на протяжении бронзового, раннего железного веков, хуннского и средневекового времени. Антропологическая преемственность хуннского населения региона от носителей культуры плиточных могил, а затем от хунну к населению средневековой раннемонгольской культуры может указывать на сохранение этнической основы на протяжении этих эпох. С продолжением этнической преемственности могла сохраняться преемственность от поколения к поколению в почитании родовых святынь, основанных в эпоху бронзы, составной частью которых являлись петроглифы селенгинского типа.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы селенгинского типа, эпоха Средневековья, преемственность, этнокультурные процессы

Южное Забайкалье является одним из регионов Северной и Центральной Азии, в котором с глубокой древности развивалось самобытное направление наскального искусства. Одной из его особенностей является техника нанесения рисунков на скаль-

ную поверхность с помощью природной минеральной краски охры, преимущественно красного цвета. За эту своеобразную манеру нанесения изображений забайкальские рисунки порой, особенно в дореволюционное время и в 1940–1950-е гг., нередко назывались писаницами. Иные приемы нанесения петроглифов: выбивка, шлифовка, прочерчивание – встречаются редко. Первые из них характерны для так называемой кяхтинской группы писаниц конца бронзового и начала раннего железного века. В прочерченной манере рисунки наносились уже в самое последнее время, когда происходило затухание этого древнего вида искусства.

Основополагающий вклад в изучение забайкальских петроглифов внес А.П. Окладников [Окладников, Запорожская, 1969; 1970]. Исследования этих памятников в регионе продолжили А.В. Тиваненко [1980, 1990], А.И. Мазин [1994], академик В.И. Молодин, А.К. Конопацкий [Окладников, Молодин, Конопацкий, 1980], В.А. Цыбиктаров [2011] и др. Их усилиями было установлено, что, появившись в самом конце палеолитической эпохи [Мазин, 1994, с. 77; Цыбиктаров В.А., 2006], «охровое» наскальное искусство Забайкалья получило дальнейшее развитие в периоды мезолита, неолита и эпохи раннего металла. Расцвет же его пришелся на время существования культуры плиточных могил (КПМ) эпохи бронзы и раннего железа. Для обозначения рисунков этого времени А.П. Окладников [1949, с. 10] ввел термин «петроглифы селенгинского типа» (ПСТ), семантика которых была тесно связана со скотоводческим хозяйством ее носителей.

На рубеже бронзового и раннего железного веков, когда произошло крупномасштабное вторжение в регион носителей культуры херексуров и «оленных» камней [Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 40–42], в Южной Бурятии появились наскальные рисунки кяхтинского типа, нанесенные в технике выбивки и шлифовки [Окладников, Запорожская, 1970, с. 133–159; Цыбиктаров В.А., 2003], но они так и не получили своего развития в регионе в последующий период скифского времени.

Наскальное искусство в Забайкалье после бурного всплеска во время существования в крае КПМ фактически, можно сказать, прерывает свое развитие в хуннскую и средневековую эпоху. Среди охровых рисунков Западного Забайкалья и сопредельных с ним районов Монголии отсутствуют какие-либо более или менее крупные петроглифические комплексы, которые можно связать с культурой хунну и средневековым периодом в истории региона. В Забайкалье отсутствуют и средневековые петроглифы, выполненные в технике выбивки или шлифовки, как в Монголии и Южной Сибири, датированные тюркским временем. Известно лишь несколько единичных рисунков, которые исследователи датировали средневековым временем: Сарбадуй (охрой) в долине р. Джиды и отдельные резные композиции из Бага-Зари, Табангутского обо и Хана-Шуллуна в районе с. Усть-Кяхта на р. Селенге [Окладников, Запорожская, 1970, с. 160, 164; Тиваненко, 1990, с. 82]. Однако материалов этих памятников крайне недостаточно, чтобы вести речь о том, что традиция наскального искусства в Забайкалье в средневековую эпоху не прервалась и продолжила свое развитие. Небольшое количество средневековых наскальных рисунков в Забайкалье в конце 1960-х гг. отмечал еще А.П. Окладников [1970, с. 169]. Положение не изменилось и в начале XXI в. [Цыбиктаров, 2011, с. 211–212]. Такая ситуация выглядит необычно на фоне петроглифов хуннского и раннесредневекового (тюркский период) времени других областей Центральной Азии и Южной Сибири.

Отмеченную выше особенность нельзя объяснить слабой изученностью Западного Забайкалья в отношении наскального искусства. На протяжении длительного

времени в крае работало несколько поколений исследователей, которые вели целенаправленные поиски памятников и добились крупных успехов. В первую очередь это многолетние работы академика А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской в 1940–1950-х гг., а позже, в 1980-х гг., и их последователей, академика В.И. Молодина и А.К. Конопацкого. Ими были открыты 54 памятника. В 1970–1980-х гг. в Западном Забайкалье на территории Бурятии в течение длительного времени успешными поисками и фиксацией наскальных рисунков занимался А.В. Тиваненко. Им было выявлено 34 местонахождения. Но почти все они также относились к ПСТ (см.: [Тиваненко, 1990; Цыбиктаров В.А., 2011, табл. 3]). В связи с общим обзором изучения забайкальских петроглифов необходимо отметить, что в те же 1970–1980-е гг. в Восточном Забайкалье такие же успешные полевые исследования осуществил А.И. Мазин, которому удалось обнаружить 26 памятников (см.: [Мазин, 1994; Цыбиктаров В.А., 2011, табл. 3]). Большая их часть относилась, как и в Западном Забайкалье, к эпохе раннего металла, бронзовому и раннему железному векам, когда в регионе развивались селенгинско-даурская культура и культура плиточных могил. Конечно, со временем будут открыты и другие памятники, но они вряд ли принципиальным образом изменят выявленную исследователями 1940–1980-х гг. ситуацию. Например, в конце 1990-х гг. нами было выявлено два новых памятника недалеко от границы с Монголией в местности Старая Капчеранка и Баин-Улан в Кяхтинском районе, но они также относятся к ПСТ.

Таким образом, можно считать установленным фактом, что в Забайкалье традиция охрового наскального искусства, зародившись в самом конце палеолитической эпохи, получила свое дальнейшее развитие в последующие периоды мезолита – неолита и бурно расцвела в эпоху бронзы и раннего железа, а вот затем, в хуннское время и средневековую эпоху, продолжения не получила. Закономерно встает вопрос о причинах такой своеобразной ситуации в крае на фоне обширных центральноазиатского и южносибирского регионов, где такой же процесс характеризовался иначе, поскольку там хорошо выделяются достаточно многочисленные памятники наскального искусства хуннского и раннесредневекового времени.

Ответ на поставленный вопрос во многом связан, на наш взгляд, с особенностями культурно-исторических и этнокультурных процессов, которые происходили в регионе Центральной Азии в целом и южнозабайкальских степей в частности на протяжении бронзового, раннего железного веков и средневекового времени.

А.И. Мазин [1988, с. 21; 1994, с. 81] по материалам Восточного Забайкалья и верховий Амура в пределах Забайкальского края отметил, что начиная с эпохи раннего металла в наскальном искусстве региона четко начинают прослеживаться две группы петроглифов, резко различающиеся между собой по стилистическим особенностям: «таежные» – лесной зоны и «степные» – лесостепной зоны. Происхождение ПСТ на материалах памятников наскального искусства с более широкой территории Прибайкалья и Забайкалья было рассмотрено В.А. Цыбиктаровым. Он пришел к выводу об их формировании в среде степного и лесостепного населения Южного Забайкалья и Северной Монголии по мере становления производящего хозяйства с неолитического времени. По его мнению, в своем окончательном облике они оформились с завершением сложения экономики производящего типа с преобладанием в ней скотоводческой направленности [Цыбиктаров В.А., 2002; 2006, с. 192–201]. В эпоху раннего металла в степных районах края развивалась селенгинско-даурская культура, в ареал которой

входили сопредельные районы Северной и Центральной Монголии. В наскальном искусстве этого культурного образования появились сюжеты и композиции [Цыбиктаров А.Д., 2006, с. 174–175, 149–158, рис. 13–16], которые наиболее ярко проявились в последующую историческую эпоху в ПСТ носителей КПМ.

Генезис КПМ происходил в середине II тыс. до н.э. на основе селенгинско-даурской культуры [Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 25–26]. Поэтому неудивительно, что наскальное искусство культурных образований времени раннего металла и бронзового – раннего железного веков демонстрирует преемственность и показывает естественное развитие одного направления в нем. Сюжетно-композиционное разнообразие ПСТ во многом было обусловлено изменениями, произошедшими в хозяйственном укладе и образе жизни степного населения при переходе от эпохи раннего металла к периоду развитой бронзы – переходом к кочевому скотоводству [Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 33–35]. ПСТ представляли собой культовые места и святилища, на которых совершались различные обряды и жертвоприношения, направленные на увеличение плодородия и численности скота, обеспечение благополучия их семей и коллективов (см. указ. соч. [Окладников, Запорожская, 1970; Тиваненко, 1990]).

С наступлением хуннского времени начался своеобразный период, образно говоря, «лакуны» в наскальном искусстве населения степей Забайкалья. В связи с этим можно привести высказанные исследователями мнения на этот счет. В конце 1980-х гг. А.И. Мазин констатировал сам факт исчезновения в Восточном Забайкалье писаниц, по его терминологии, степного стиля с рубежа эр, т.е. хуннского времени, и объяснял это предположительно перемещением их создателей на другие территории, где они вошли в состав народов, имевших отличительные черты в материальной и духовной культуре [Мазин, 1988, с. 33–34]. Однако это предположение ученый более никак не прокомментировал и не привел каких-либо фактов, доводов и аргументации для его обоснования и развернутого изложения. Позже, в 2000-х гг., объяснение этому факту дал В.А. Цыбиктаров, исходя из того, что состав хунну Забайкалья и Монголии по данным археологии и палеоантропологии был достаточно сложным и в качестве одного из компонентов в него вошло население КПМ Забайкалья и Северной Монголии. В результате население этой части хуннского государства, сформировавшееся на основе носителей указанной культуры, продолжало следовать верованиям своих предков. По этой причине хунну данного региона в качестве объектов сакрального характера продолжали почитать прежние святилища, созданные их пращурами [Цыбиктаров, 2011, с. 188–192].

Последующий период в истории Западного Забайкалья в пределах II–VI вв. н.э. до сих остается белым пятном на археологической карте региона. С VII по XIV–XVI вв. н.э. датируется раннемонгольская археологическая культура [Именохоев, 1992]. Во всех степных районах Западного Забайкалья обнаружены десятки могильников, несколько поселенческих памятников этой культуры. Но кроме рисунков средневекового времени в Сарбадуе в долине Джиды и в окрестностях с. Усть-Кяхта на Селенге других памятников так и не было обнаружено.

В Западном Забайкалье представлены археологические памятники всех эпох и хронологических периодов, от палеолита до средневекового времени, за исключением 1-й половины I тыс. н.э., а точнее между завершением хуннского времени (рубеж I–II вв. н.э.) и началом развития раннемонгольской культуры в VII в. н.э. Этот период в Центральной Азии приходится на время господства сяньби и начало возвышения

тюрков, когда в регионе возвысились государство Сяньби, а затем I и позже II Тюркские каганаты. Западное Забайкалье вошло в состав этих кочевнических государств. Но в этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в крае не известны погребения сяньби и тюрков, лишь в районе Еравнинских озер было раскопано несколько курганов с инвентарем тюркского облика [Кызласов, Ивашина, 1989], но не самих тюрков. Как бы то ни было, но Западное Забайкалье в периоды господства сяньби и тюрков являлось далекой северной окраиной их государств. Основные политические события развивались, безусловно, в глубинных районах Центральной Азии. В такой ситуации можно допустить, что в Западном Забайкалье в это время продолжали проживать, вероятно, потомки местного хуннского населения, сложившегося в свое время на основе носителей КПМ, но теперь находившиеся уже под властью сяньби. Таким же путем могло формироваться население региона и в последующий период средневековья с учетом инфильтрации в край каких-то новых этнических групп. Но ядро средневекового населения по-прежнему могли составлять местные племена – потомки западнозабайкальских хунну, проживавших в регионе в период господства сяньби в Центральной Азии.

Если исходить из высказанного предположения, то объекты сакрального характера – родовые культовые места, святилища – должны были оставаться прежними, сложившимися еще в эпоху бронзы, а затем продолжавшими функционировать в хуннское время. Передаваясь от поколения к поколению на протяжении длительного времени, они продолжали существовать и в эпоху Средневековья. Если согласиться с предложенной гипотезой, то она объясняет большое количество в регионе наскальных рисунков селенгинского типа бронзового и раннего железного веков и контрастное на их фоне практически полное отсутствие петроглифов хуннского и средневекового времени.

Для обоснования высказанной гипотезы можно привести лишь косвенные данные, которые могут указывать на возможность правильности высказанных предположений. Они касаются антропологических материалов, важность которых для установления этнической преемственности населения разных исторических периодов общеизвестна. В 1940–1960-х гг., когда появились первые обобщения по палеоантропологии региона, считалось, что хунну в Южном Забайкалье по отношению к носителям предшествующей КПМ являлось пришлым населением. Такую точку зрения высказал И.И. Гохман. Но с накоплением новых материалов он к 1980-м гг. изменил ее. Изучив их, ученый отметил, что в краниологическом материале эпох неолита и бронзы (КПМ) Забайкалья обнаружались те же краниологические варианты, которые известны в антропологическом составе хунну, чьи серии черепов происходят из могильников той же территории. В результате он пришел к заключению, что прежний категорический вывод о приходе хунну с другой территории теряет значение [Гохман, 1980, с. 29]. Его вывод получил подтверждение и последующими исследованиями в области антропологии. Так, А.И. Бураев [2006, с. 57] отметил, что потомки населения КПМ сохранили свое присутствие на территории Забайкалья в хуннское время. Впоследствии антропологический тип носителей культуры бронзового века и хунну принимал участие в формировании средневекового населения региона, что указывает на вероятную генетическую преемственность между ними [Бураев, с. 153–154, 161]. В таком же направлении антропологические процессы развивались на территории Северной, Восточной и частично Центральной Монголии [Тумэн, 1985, с. 16–20; 1992, с. 59–60]. Выводы антропологов означают, что насе-

ление КПМ Западного Забайкалья стало частью населения хуннского государства, которое позже вошло в состав средневекового населения.

Относительно рассматриваемой в статье темы, исходя из антропологической преемственности населения Западного Забайкалья с бронзового века до средневекового времени, можно предположить, что при сохранении этнической основы на протяжении этих эпох прежними оставались и их родовые святилища, составной частью которых являлись ПСТ бронзового и раннего железного веков, их почитание передавалось от поколения к поколению на протяжении длительного времени. Можно допустить, что по прошествии многих столетий семантика «селенгинских петроглифов» могла постепенно стираться из «народной памяти», но они по-прежнему могли оставаться объектами почитания, являясь наследием далеких предков.

Библиографический список

- Бураев А.И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье). Улан-Удэ, 2006.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ. Т. 36. Л., 1980.
- Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992.
- Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г. Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989.
- Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск, 1994.
- Мазин А.И. Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988.
- Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР // КСИИМК. 1949. Вып. 26.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. Л., 1969.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970.
- Окладников А.П., Молодин В.И., Конопацкий А.К. Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья. Новосибирск, 1980.
- Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. Новосибирск, 1990.
- Тиваненко А.В. О дешифровке петроглифов бронзового века Центральной Азии // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980.
- Тумэн Д. Антропология современного населения МНР : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 1992.
- Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Цыбиктаров А.Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003.
- Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н.э.). Улан-Удэ, 2006.
- Цыбиктаров В.А. Лесные элементы в петроглифах селенгинского типа и вопрос о генезисе селенгинских писаниц Южного Забайкалья и Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ-Чита, 2002.
- Цыбиктаров В.А. О возможности палеолитической датировки раннего пласта рисунков грота Шаман-горы на границе Восточного и Западного Забайкалья (бассейн р. Хилок) // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск, 2006.
- Цыбиктаров В.А. О культурной принадлежности и датировке писаниц «кяхтинской» группы Юго-Западного Забайкалья // Человек, среда, время. Чита, 2003.
- Цыбиктаров В.А. Петроглифы Забайкалья (формирование источниковой базы, историография и вопросы культурно-исторической интерпретации). Улан-Удэ, 2011.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ (АГУ) – Алтайский государственный университет.
АН – Академия наук.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БКНИИ – Бурятский комплексный научно-исследовательский институт.
БСЭ – Большая Советская энциклопедия.
ИА – Институт археологии.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИГУ – Иркутский государственный университет.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИС – Из истории Сибири.
ИЛДТ – Известия Лаборатории древних технологий.
ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КРС – крупный рогатый скот.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая.
МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского.
МГК – Малый Гоньбинский Кордон.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.
МРС – мелкий рогатый скот.
НАН – Национальная Академия наук.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НГКМ – Новосибирский государственный краеведческий музей.
ОИПКГЭ – Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
ОИИФФ – Объединенный институт истории, филологии и философии.
ОмГУ – Омский государственный университет.
ПАЭ ИЯЛИ – Приленская археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
РЖВ – ранний железный век.
РНФ – Российский научный фонд.
РФ – Российская Федерация.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.
СО – Сибирское отделение.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей имени М. Б. Шатилова.
УрФУ – Уральский федеральный университет.
ФИПС – Федеральный институт промышленной собственности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабина Ксения Александровна; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; кандидат химических наук; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; babkarchem@gmail.com

Батанина Ольга Владимировна; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; shipseuse@gmail.com

Бобров Владимир Васильевич; Отдел гуманитарных исследований Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Институт экологии человека СО РАН); кафедра археологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия; доктор исторических наук, профессор; 650043, Кемерово, ул. Красная, 6; 650000, Кемерово, Советский просп., 18; klae@kemsu.ru

Боброва Анна Ивановна; ОГАУК «Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова», Томск, Россия; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; 634050, Томск, пр. Ленина 75; a_bobrova@bk.ru

Борисенко Алиса Юльевна; Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; кандидат исторических наук, доцент; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; aborisenko2@mail.ru; ORCID 0000-0001-9558-5678

Вальков Иван Александрович; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; 656049, пр. Ленина, 61, каб. 321а; valkov.i@outlook.com

Варенов Андрей Васильевич; Гуманитарный Институт Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия; кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова 1; avvarenov@mail.ru

Васильев Евгений Алексеевич; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; 634034, Томск, ул. Белинского, д. 86, кв. 19; eavasilev@mail.ru

Головченко Николай Николаевич; Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук; 656015, Барнаул, ул. Молодежная 55, каб. 303; nikolai.golowchenko@yandex.ru

Горюнова Ольга Ивановна; Иркутский государственный университет, старший научный сотрудник, НИЦ «Байкальский регион», Иркутск, Россия; кандидат исторических наук; 664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1; as122@yandex.ru

Гришин Артем Евгеньевич; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; кандидат исторических наук; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; artem-grishin@mail.ru

Грушин Сергей Петрович; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; доктор исторических наук, доцент; 656049, Барнаул, пр. Ленина 61; gsp142@mail.ru

Дашковский Петр Константинович; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; доктор исторических наук, профессор; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; dashkovskiy@fpn.asu.ru

Иванов Григорий Леонидович; Государственное автономное учреждение культуры Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, Россия; 664002, Иркутск, ул. Крымская, д. 33, кв. 112; ivanov85@mail.ru

Идэрхангай Тумур-Очир; Уланбаторский университет, Улан-Батор, Монголия; кандидат исторических наук; 210351, Монголия, Улан-Батор, просп. Доржа, 5; iderkhangai2007@yahoo.com

Казаков Александр Альбертович; Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук, доцент; 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; kaa-2862@mail.ru

Кирюшин Кирилл Юрьевич; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; kirill-kirushin@mail.ru

Ковтун Игорь Вячеславович; Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия; доктор исторических наук, главный научный сотрудник; 650000, Кемерово, ул. Красная, 5-79; ivkovtun@mail.ru

Коников Борис Александрович; Омское производственное объединение «Радиозавод им. А.С. Попова» (Релеро), Омск, Россия; кандидат исторических наук, профессор; 644033, Омск, 2-я кольцевая, 3 корпус 1, кв. 64; bogis_konikov@mail.ru

Кунгуров Артур Леонидович; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук, доцент; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; artur.kungurov@mail.ru

Кунгурова Ольга Фридриховна; Финансовый университет при правительстве Российской Федерации» Барнаульский филиал, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором учебного отдела; 656038, Барнаул, пр. Ленина, 54; ofkungurova@fa.ru

Лихачева Ольга Сергеевна; «Алтайстройсервис», инженер производственно-технического отдела, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук; 656066, Барнаул, ул. Малахова, 118, пом. Н1; lihaolga@yandex.ru

Мандрыка Павел Владимирович; Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия; доктор исторических наук, профессор; Лаборатория археологии Енисейской Сибири, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79; pmandryka@yandex.ru

Марсадолов Леонид Сергеевич; Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Санкт-Петербург, Россия; доктор культурологии, ведущий научный сотрудник; 197000, Дворцовая наб, 34; marsadolov@hermitage.ru

Мартынов Анатолий Иванович; Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия; доктор исторических наук, профессор; 650000, Кемерово, пр-т Советский, 41, кв. 19; prof_martynov@mail.ru

Марченко Жанна Валерьевна; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; кандидат исторических наук; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; artem-grishin@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич; Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии; 656099, Барнаул, ул. Чкалова, 49; matrenins@mail.ru

Мерц Виктор Карлович; Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан; кандидат исторических наук, профессор; 14000,8 ул. Ломова, 64, каб. 102; v_merz@mail.ru

Мещерский Роман Денисович; Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия; аспирант направления «Исторические науки и археология»; romanmesherskiy@gmail.com

Молодин Вячеслав Иванович; Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия; доктор исторических наук, профессор, академик РАН; советник директора, заведующий Отделом археологии палеометалла, главный научный сотрудник; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; molodin@archaeology.nsc.ru

Монова Александра Павловна; ОГАУК «Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова», Томск, Россия; научный сотрудник; 634050, Томск, пр. Ленина, 75; sandrapavlovna@yandex.ru

Новиков Алексей Геннадьевич; Иркутский государственный университет, доцент кафедры мировой истории и международных отношений, научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион»; кандидат исторических наук; 664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1; as122@yandex.ru

Ожередов Юрий Иванович; Институт исследования Монгольского Алтая, Улаанбаатар, МНР; кандидат исторических наук; 634057, Томск, ул. Гворова 48, кв. 513; nohoister@gmail.com

Паршикова Татьяна Сергеевна; Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук, заместитель директора; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 211; taty-parshikova@yandex.ru

Поздняков Дмитрий Владимирович; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; кандидат исторических наук; 630090, Новосибирск, пр. академика Лаврентьева, 17; dimolka@gmail.com

Поляков Андрей Владимирович; Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Абакан, Россия; кандидат исторических наук; 655017, Республика Хакасия, Абакан, ул. Ленинского Комсомола, д. 16, пом. 83Н; poliakov@yandex.ru

Радовский Святослав Сергеевич; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; аспирант; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; radovskiy1996@mail.ru

Райнхольд Сабина; Германский археологический институт, Берлин, ФРГ; доктор наук, профессор; 14195, Берлин, Im Dol 2-6; sabine.reinhold@dainst.de

Сенотрусова Полина Олеговна; лаборатория археологии Енисейской Сибири Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79; Pollinal1987@rambler.ru

Серегин Николай Николаевич; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии; 656049, Барнаул, пр. Ленина-61; nikolay-seregin@mail.ru

Сотникова Светлана Владимировна; ООО «Центр археологических исследований», Надым, Россия; кандидат исторических наук, доцент; 629730, Надым, Тюменская область, ул. Зверева, 57/1; svetlanasotnik@mail.ru

Степанова Надежда Федоровна; Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН и Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; nstepanova10@mail.ru

Татаурова Лариса Вениаминовна; Институт археологии и этнографии СО РАН, омская лаборатория, Омск, Россия; кандидат исторических наук, доцент; 644024, Омск, пр. Маркса, 15; li-sa65@mail.ru

Тетенькин Алексей Владимирович; Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия; кандидат исторических наук, доцент; 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83; altet@list.ru

Тишин Владимир Владимирович; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия; кандидат исторических наук; 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6, каб. 325; tihij-511@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; tishkin210@mail.ru

Фрибус Алексей Викторович; Институт истории материальной культуры РАН, Кемерово, Россия; кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии; 650000, Кемерово, ул. Красная, 6; fribus@list.ru

Харинский Артур Викторович; Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия; доктор исторических наук, профессор; 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83; kharinsky@mail.ru

Худяков Юлий Сергеевич; Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия; доктор исторических наук, главный научный сотрудник; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; khudjakov@mail.ru; ORCID 0000-0002-4741-9971

Цыбиктаров Александр Дондопович; Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия; доктор исторических наук, доцент; 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; a.d.tsibiktarov@gmail.com

Чемякин Юрий Петрович; Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия; кандидат исторических наук, доцент; 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; yury-che@yandex.ru

Шмидт Александр Викторович; БУ «Музей Природы и Человека», Ханты-Мансийск, Россия; кандидат исторических наук; 628011, Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 11; tison172@mail.ru

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Дизайн обложки: Ю.В. Плетнева

*Для оформления первой страницы обложки использовались
фотоснимки, выполненные С.В. Семеновым и А.А. Тишкиным.
На последней странице: Юрий Федорович Кирюшин
и представители научной археологической школы, 2009 г.
(из архива кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ).*

Подписано в печать 11.01.2021. Печать офсетная.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 24,19.
Тираж 100 экз. Заказ 2.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Дата выхода 18.01.2021